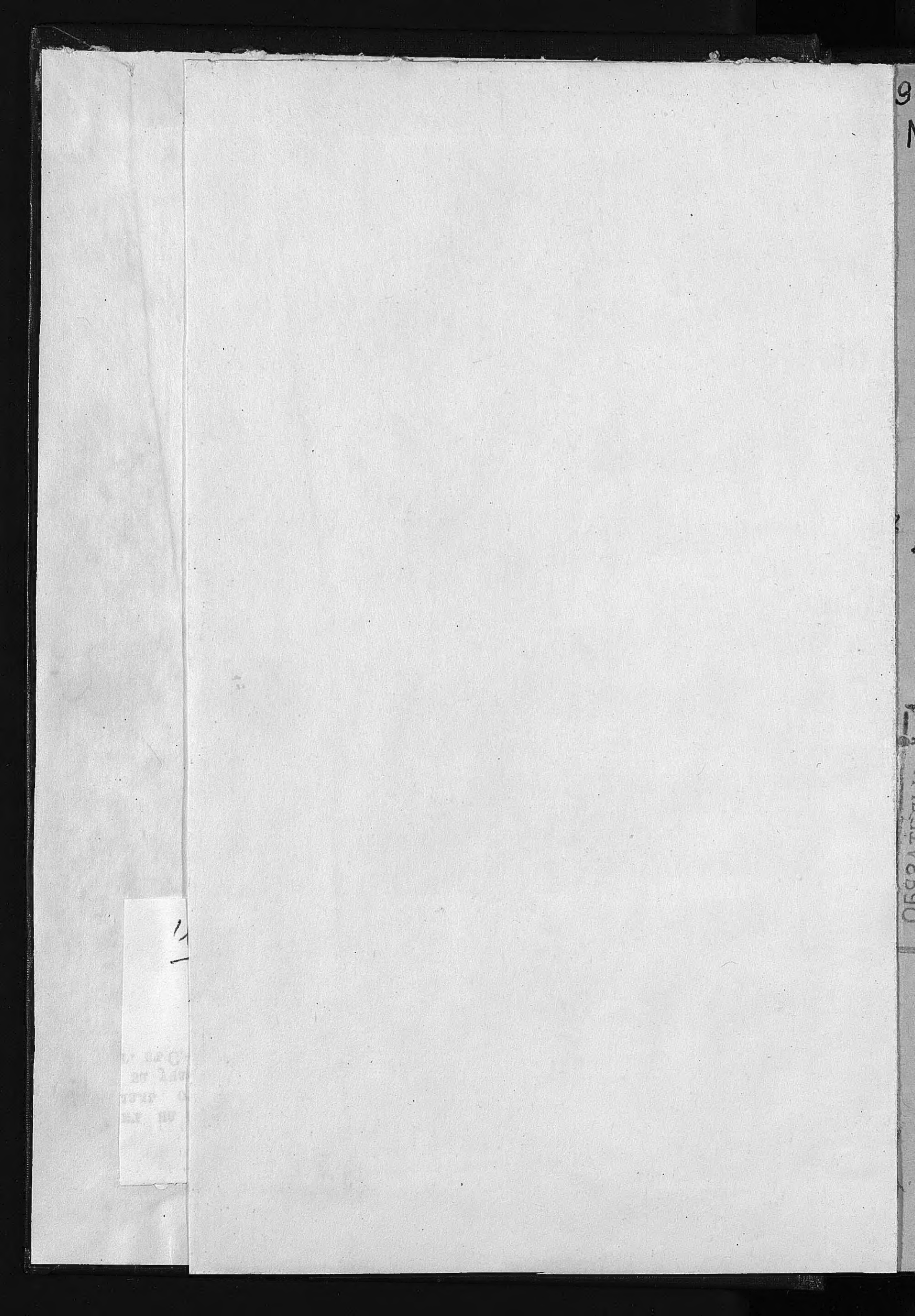
И. МИНЦ

АНГЛИЙСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И СЕВЕРНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

1931

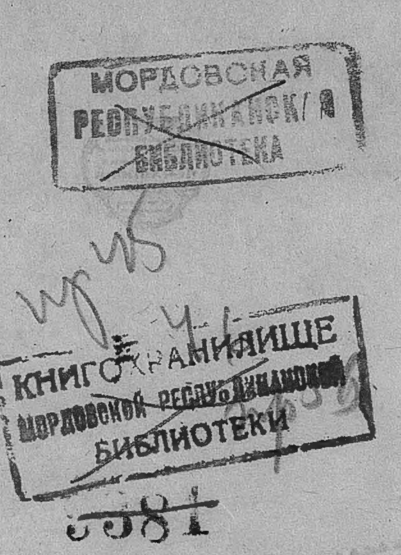
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

10
1.

И. МИНЦ

АНГЛИЙСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
И
СЕВЕРНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

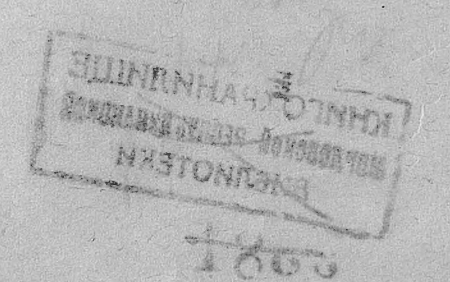

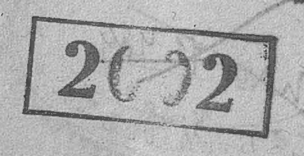

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Типография «Печатный Двор» Ленинград

С, 51. Гиз № 42736.
Ленинградский Областлит № 73026.
16 л. Тираж 5000. Зак. № 1384.

ОТ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Работа И. Минца была поручена ему еще Истпартом, издававшим серию по гражданской войне.

Она была просмотрена Сектором истории партии Института Ленина. Книга является обстоятельной работой, касающейся одного из интереснейших участков борьбы интервенционистов в период первой гражданской войны.

Институт Ленина.

Стойкому большевику, активному участнику гражданской войны и социалистического строительства, брату моему, товарищу ЯШЕ, посвящаю эту книгу, подписанную к печати как раз в день его трагической смерти.

ОТ АВТОРА.

Работа эта была подготовлена по заданию Истпарта и зачитана в семинаре М. Н. Покровского, откуда вышли и другие работы по гражданской войне (Д. Кин, Деникинщина, М. Кубанин, Махновщина, Е. Драбкина, Закавказская контрреволюция и др.). Уже тогда автор проработал все материалы, хранившиеся частью в АОРе, частью в Архангельском губархиве, Архангельском Истпарте, губисполкоме и... даже губсарае; по крайней мере, часть документов была извлечена из тресковой бочки, стоявшей в сарае.

Ряд вопросов однако оставался невыясненным для автора. Нужны были мемуары, чтобы пополнить те эпизоды, по поводу которых молчали документы. А, главное, нехватало материалов по интервенции.

За последнее время появились новые данные, — статьи, книги, документы, — большею частью в иностранной литературе, — это и позволило автору более или менее пополнить пробелы в работе и выпустить ее.

18/XII — 1930.

P.S. В некоторых частях работы русские меры не переведены в метрические, чтобы облегчить их сравнение с данными белых документов.

ГЛАВА I

ПОДГОТОВКА ИНТЕРВЕНЦИИ

1. Октябрь и Антанта

7 ноября (25 октября) 1917 г. под штурм Зимнего дворца радио Петрограда слало «всем воюющим народам и их правительствам» постановление II Всероссийского съезда Советов о мире:

«Такой мир (без аннексий и контрибуций. — *И. М.*) предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций».

К этому, словно с целью устранения всех сомнений в том, что новое правительство не остановится на революционных декларациях, но предпримет и немедленные практические шаги, декрет веско добавлял:

«...вместе с тем правительство заявляет... что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром обсуждении их какой бы то ни было воюющей страной...».

То, что угрозой висело над Антантой уже с 1915 г. — выход России из империалистской войны, — стало фактом.

Три года Россия блестяще исполняла свою задачу — служить огромным тысячекилометровым компрессом для оттяжки германских дивизий от союзных войск. Ни один удар Германии по западному фронту не был доведен до конца; ей всякий раз приходилось, используя свою великолепную сеть дорог, прекращать атаку на западе и обращаться против наседавших с востока русских армий.

Так было в августе 1914 г., когда немцы, в расчете на медленно развертывающуюся мобилизацию русской армии, стремительно двигались к Парижу, легко преодолевая сопротивление бельгийских крепостей.

«...Французские армии перейти в наступление в ближайшем уже едва ли смогут, — телеграфировал 25 (12) августа в ставку русский военный агент в Париже. — Я ожидаю в самом лучшем случае медленного отступления... Весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и от переброски на русский фронт германских корпусов...».[1]

И русская армия, — вопреки мнению командующего северо-западным фронтом ген. Жилинского, находившего, что «наступление на Восточную

---

[1] С. Лукирский, Авторитетные суждения. Сборник «Кто должник», М. 1926, стр. 102. — Неоговоренная разрядка всюду принадлежит мне. — *И. М.*

*

Пруссию осуждено на верную неудачу, ибо наши войска еще разъединены, и переброска их наталкивается на многие трудности»,—вступила в пределы Германии, угрожая Кенигсбергу.

Из опасения быть отброшенным за Вислу и тем открыть дорогу на Берлин немецкое командование вынуждено было не только сохранить все свои корпуса на восточном фронте, но и перебросить с западного фронта 2 корпуса и 1 кавалерийскую дивизию, что повело к ослаблению атаки на запад, а затем и к отказу от стремительного продвижения к Парижу. Русскую армию, как и предсказал Жилинский, постигла «верная неудача», определившая не только исход местного боя, но и всей кампании: в боях погибли перворазрядные полки, и вся дальнейшая тяжесть войны пала на плечи мобилизованных частей,— но Париж был спасен.

Так было в 1916 г., когда малоснабженные и плохо обученные русские корпуса атаковали немецкие позиции, чтобы ослабить штурм Вердена.

«Не было никакого сомнения, что атаки со стороны русских, — оценил эту операцию бывший военный министр Германии ген. Фалькенгайн, — были предприняты только под давлением их западных союзников и для их поддержки. Никакой ответственный начальник, не находящийся под внешним принуждением, не мог бы столь малоценные войска повести против столь прочно оборудованных позиций, какими располагали немцы...».

«Атаки велись с обычным у русских презрением к смерти отдельного бойца», — продолжал генерал, рассказывая о громадных потерях русской армии, приведших к ослаблению, а потом и прекращению осады Вердена.

Так было во время натиска на Италию, когда наступление ген. Брусилова в Галицию поставило под угрозу австро-венгерские войска и приковало к себе новые германские корпуса, взятые все с того же западного фронта.

В продолжение всей войны в любой решающей кампании последнее слово оставалось за русской армией; последнее — в том смысле, что именно русская армия не давала немцам довести до конца атаку западного фронта, позволяя в то же время союзникам постепенно накапливать силы для встречного решительного удара.

Английский генерал Нокс, военный атташе, проведший всю кампанию с русскими армиями, так определил те надежды, которые все еще возлагались союзниками на русскую армию, несмотря на ее чудовищные потери:

«Руководство улучшалось с каждым днем. Армия была бодрой. Солдаты за остаток зимы забыли бы все испытания прошлого и атаковали бы опять с энтузиазмом 1916 года. Не может быть сомнений, что если бы национальные фабрики в тылу держались вместе или если бы даже благодаря революции появился человек, предохранивший армию от пацифистской пропаганды, русская армия вплела бы новые лавровые венки в кампанию 1917 г. и, вполне вероятно, оказала бы такое давление, которое сделало бы возможной победу союзников уже к концу года». [1]

Кампанию можно было выиграть еще в 1917 г., т. е. на целый год раньше,— таковы были надежды союзников.

Потерять теперь 10 млн штыков, а с ними и победу над Германией, — одна эта мысль приводила в отчаяние союзное командование. Недаром, когда дела в России становились хуже, ослабляя ее военную позицию, французскому послу Палеологу так часто приходила в голову параллель с его коллегой Шетарди, главным участником в елизаветинском перевороте XVIII века; в

---

[1] Alfred Knox, With the Russian Army 1914 — 1917, London 1921, vol. II, p. 552.

зимнюю кампанию 1916 и 1917 гг., когда смена русского министра иностранных дел Сазонова, одного из наиболее ярых сторонников союзников, показала, что линия России может пойти не по пути беспрекословного исполнения воли союзников, у Палеолога вырывается и другая историческая параллель:

«Что делать? — говорила княгиня Мария Павловна за интимным завтраком Палеологу.— Вот уже 15 дней мы все силы тратим на то, чтобы попытаться доказать ему (Николаю II.— *И. М.*), что он губит династию, губит Россию, что его царствование... скоро закончится катастрофой. Он ничего слушать не хочет. Это трагедия... Мы однако сделаем попытку коллективного обращения, — выступления императорской фамилии...

— Ограничится ли дело платоническим обращением?..

Мы молча смотрим друг на друга. Она догадывается, что я имею в виду драму Павла I, потому что она отвечает с жестом ужаса:

— Боже мой! Что будет?..»[1].

Посол [2] не останавливался перед соучастием, даже перед инициативой в цареубийстве, когда казалось, что царь недостаточно решительно выполняет свои обязанности как союзник.

Тем не менее в о з м о ж н о с т ь выхода России из войны давно перестала быть тайной. Истощенная упорной и длительной кампанией, отсталая технически, она совершенно неспособна была тянуть войну, победа в которой достанется тому, по крылатому выражению Гинденбурга, у кого нервы окажутся крепче. Как раз русские нервы сдали раньше, чем определился решительный перевес на фронте. Уже во второй половине 1915 г. явственно почувствовалось, что Россия выдыхается,[3] что господствующий класс не в силах довести до конца войну, что господствующий класс тратит несравненно больше внимания на те процессы, которые медленно зреют в низах русского народа, чем на интересы союзного дела.

Английские дипломаты очень скоро заметили тот политический заколдованный круг, в котором вертелось самодержавие. Чем неудачнее шла война, чем больше поражений терпела русская армия и дальше разваливалось хозяйство, — тем быстрее зрело недовольство: в буржуазных кругах — из-за уплывающей победы над Германией, а в народных низах — под давлением

---

[1] М о р и с П а л е о л о г, Царская Россия, т. II, Гиз, 1923, стр. 297.

[2] Точнее послы, ибо у английского посла можно найти те же ноты. См. Б ь ю к е н е н, Мемуары дипломата, стр. 170—175.

[3] В этой связи любопытно отметить приезд в Россию Поля Думэра, министра без портфеля в кабинете Вивиани и Бриана. Посетив ставку 13 декабря (30 ноября) 1915 г., Думэр указал начальнику штаба Алексееву на колоссальные потери французов (в среднем 140 тыс. человек в месяц) и на опасение возможности прорыва французской линии из-за отсутствия резервов. Предотвратить катастрофу возможно только получением от России по 40 тыс. солдат в месяц, в обмен, как цинично выразился Думэр, на ружья, которые Франция будет посылать России. Думэр посетил также и Сазонова, но и от Алексеева и от Сазонова получил ответ, что в крайнем случае можно будет послать лишь одну-две небольшие части и то «в случае, если наша зависимость от французов такова, что мы должны в этом деле пойти на уступки», — конфиденциально сообщил свое мнение Сазонову ген. Алексеев. Как мало вся эта затея носила военно-технический характер, показывает тот факт, что до разговора с Думэром Сазонова посетил французский посол Палеолог, намекнувший последнему, что предложение Думэра не носит характера срочности и ультимативности. Посылка русских солдат на западный фронт, как можно понять из материалов, являлась не столько мерой борьбы с недостатком солдат у Франции, разрешившей к тому же проблему пушечного мяса мобилизацией колониальных рабов, сколько известной гарантией сохранения в своих руках живой силы на тот случай, если Россия даст себя побить или почему-либо выйдет из войны. См. «Красный архив» № 31, стр. 40; № 28, стр. 21; Сборник секретных документов из архива б. мин-ва иностранных дел № 4, стр. 107.

нарастающего социально экономического кризиса; чем выше поднималось недовольство у одних и революционное настроение у других, тем слабее вело войну самодержавие, все чаще и тревожнее оглядываясь на тыл.

Вывести самодержавие из заколдованного круга попытались сначала «дружескими» советами. Едва ли не бо́льшую часть воспоминаний лорда Бьюкенена составляют страницы, посвященные этой попытке. Хорошо натренированный дипломат буквально организовал облаву на русского царя, используя всякую возможность, чтобы указать на тяжелое положение страны и необходимость принять какие-нибудь меры против надвигающейся революции. Выведенный из себя настойчивой слежкой, Николай, до того запросто принимавший посла, вынужден был перейти к официальным аудиенциям и стал принимать лорда в полном парадном одеянии, тем самым намекая на необходимость держаться строго в рамках дипломатического этикета и избегать всего того, что напоминает вмешательство во внутренние дела.

Однако «дружеские» советы, характером своим напоминавшие «объятия по этапу» одной из героинь Успенского, просившей доставить ей сына на свидание хотя бы по этапу, мало двигали вперед разрешение задачи. Как из всякого заколдованного круга выход был один — прорыв в каком-нибудь месте. Как раз этот выход и был подсказан главой английского правительства.

5 августа 1915 г. Ллойд-Джордж произнес на уэльском литературном съезде речь на уэльском языке. Язык ли, мало известный даже английскому обществу, тяжесть ли положения на фронте, — но английский премьер с откровенностью, не свойственной политическим деятелям, выболтал подготовляемый план:

«На Востоке небо еще темно и пасмурно, звезды застилаются тучами, — витиевато описывал премьер положение в России. — Я с беспокойством смотрю на этот предвещающий бурю горизонт, но не страшусь его. Сегодня я вижу проблески новой надежды, озаряющей небо. Неприятель в своем победоносном шествии не ведает, что творит. Пусть он остережется, потому что он снимает оковы с русского народа. Своей чудовищной артиллерией германцы разбивают вдребезги ржавые оковы, в которые закован русский народ. Он расправляет свои могучие члены и сбрасывает с себя душившие его развалины старого здания и готовится к борьбе, преисполненный новой силы. Я повторяю, враг не сознает, что он делает для России. Австрия и Германия делают сейчас для России то же, что их предки когда-то так неразумно осуществили для Франции. Они куют меч, который сокрушит их самих, и освобождают великий народ: этот народ возьмет в свои руки меч и могучим взмахом нанесет самый сильный удар, который когда-либо наносил». [1]

Уэльского апостола слышали не только уэльские литераторы, но и те, которые умеют найти политический смысл в этой притче о развалинах старого здания. У нас до сих пор нет архивных данных об участии англичан в революции — читатель, вероятно, догадался, о каких оковах говорил Ллойд-Джордж, — но уже одно то богатство аргументов, которые Бьюкенен приводит в доказательство непричастности его к февральскому перевороту, заставляет думать противное. Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает: английскому послу так и не удалось скрыть, что его посещали

[1] Д. Ллойд-Джордж, Речи, произнесенные за время войны, изд. б. Попова, Петроград, 1916.

очень часто и аккуратно все будущие деятели Февраля, что он поддерживал самые тесные связи с будущими членами Временного правительства. Имя П. Н. Милюкова становится одним из наиболее популярных в Англии. Его речи в Думе против правительства, запрещенные в России, читаются в Англии, то и дело цитируются в парламенте; о нем почти еженедельно и устно и письменно осведомляются депутаты английского парламента.[1]

Впрочем и сам посол не скрыл, что призыв Ллойд-Джорджа был им принят к исполнению, и Бьюкенен остался не простым наблюдателем разворачивающихся событий.

«...Один мой русский друг, — рассказывает Бьюкенен, — который был впоследствии членом Временного правительства, известил меня... что перед Пасхой должна произойти революция, но что мне нечего беспокоиться, так как она продлится не больше 2 недель. Я имею основание думать, что это сообщение имело фактические основания и что тогда готовился военный переворот не с целью низложить императора, а с целью вынудить его даровать конституцию. Однако его деятелей, к несчастью, опередило народное восстание, вылившееся в мартовскую революцию. Я говорю: «к несчастью», потому что как для России, так и для династии было бы лучше, если бы долго ожидавшаяся революция пришла не снизу, а сверху».[2]

«Будущий член Временного правительства» не ставил бы в известность о предстоящем дворцовом перевороте человека, который так или иначе не заинтересован в нем. Что Бьюкенен под подготовляемой «революцией сверху» не почувствовал назревшей революции масс, в этом не его однако ошибка: не избежали этой же ошибки люди, не только чувствовавшие опасность замены, но и самым тщательным образом подготовлявшие переворот, чтобы опередить массы.

Так или иначе и для ожидавшейся и для случившейся революции ставилась одна задача: устранить с пути политические препятствия, мешающие развернуть борьбу с Германией. Лейтмотивом всех выступлений в английском парламенте 15 марта 1917 г., когда состоялось специальное заседание, посвященное русской революции, была уверенность, что участники революции укрепят союз с Антантой, что новая страна в Европе получила демократический образ правления, а это облегчит борьбу с милитаристской Германией.

«Вся наша информация, — говорил на заседании Бонар-Лоу, — заставляет нас верить, что движение ни в коем случае не направлено в сторону достижения мира; напротив, недовольство — это суть всех сведений — направлено против правительства не из за продолжения войны, а против того, что война велась не с той энергией и напряжением, которых ждет народ».

Ллойд-Джордж, который выступил позже — 19 марта — был несколько осторожнее. Подтвердив, что революция оказалась бескровной, что правительство получило поддержку всей страны и армии, Ллойд-Джордж однако подчеркнул, что опасность еще не миновала, — можно лишь с уверенностью констатировать, что «новое правительство было образовано для продолжения войны с увеличенной силой».[3]

Нужно почеркнуть, что тут уже разграничиваются страна и правительство, и только о последнем сказано с уверенностью, что оно будет

---

[1] См., напр., «Parliamentary Debates», vol. 90, p. 47 — 48, 1288 и др.
[2] Бьюкенен, цит. работа, стр. 187.
[3] «Parliamentary Debates», vol. 91, p. 1421, 1537.

продолжать войну. Английское правительство к этому времени имело уже достаточную информацию, чтобы не стать жертвой своего рода политической аберрации — признать желательное за существующее.

Ген. Нокс на второй же день после революции бросился в полки, чтобы узнать настроение армии. Увы! оно оказалось очень определенным — и как раз против войны. Нокс доносит правительству о полках, приступивших к выбору командного состава, об офицерах, сразу изолированных и оказавшихся фактически без власти. Уже 18 марта он телеграфирует в Лондон, предлагая прекратить доставку военных материалов в Россию, пока в Петрограде не будет восстановлен порядок.[1]

Февральская революция, которая, по признанию Нокса, должна была в интересах России и союзников представлять «спокойный переход к конституционному правительству», пошла дальше всех намеченных ей пределов: из средства, укрепляющего военную позицию России, она превратилась в начало фактического прекращения войны. Недаром уже 17 (4) апреля 1917 г. САСШ нарушили свой, ставший традицией, нейтралитет и объявили войну Германии: неминуемый выход России из войны нарушал равновесие воюющих стран, на котором собственно и держался «нейтралитет» Америки.

Но объявить войну не всегда значит начать ее: самая революция, особенно ее ход и намечавшиеся перспективы оказались настолько неожиданными, что к войне Америка оказалась не готовой. Нужен был большой промежуток времени — фактор, играющий, как известно, в войне едва ли не одну из самых решающих ролей, — пока формальное объявление войны не воплотится в реальное ведение войны с многомиллионной армией, колоссальными запасами боевого снаряжения и т. п.

Пока все это лихорадочно готовилось, а затем с такой же поспешностью перебрасывалось к фронту через тысячекилометровые пространства, притом лежавшие под ударом подводного флота Германии, максимальное количество немецких корпусов должно было быть прикованным к русскому фронту.

«Я боюсь, правительство мало сделает, чтобы увеличить давление на западном театре... Нашей задачей должно быть удержать всеми мерами хоть часть русских войск, чтобы не дать Германии перебросить все свои войска на запад»,[2] — по-военному прямо определил «союзническую» тактику ген. Нокс.

Вся дипломатическая деятельность союзных правительств подчиняется выполнению этой цели: тут и скорое, без проволочек, признание нового правительства, и обещание помощи техническими средствами, присылка крупных специалистов для борьбы с разрухой и, наконец, представление новых займов, по крайней мере со стороны Америки.

Исполнители, несмотря на долгую подготовку, к роли оказались мало пригодными. Проницательные англичане быстро разгадали, что Временное правительство бессильно. Когда английскому военному атташе понадобилось выяснить отношение правительства к войне, он обратился не к Временному правительству, а к Совету.

«Единственный человек, который может спасти страну, — это Керенский, ибо этот маленький полуеврей, адвокат, 31 года от роду, пользуется доверием петро-

---

[1] Knox, op. cit., p. 564, 572, 575.
[2] Там же, p. 617. Подчеркнуто у Нокса.

градской толпы, имеющей оружие, а потому и являющейся хозяином положения. Остальные члены правительства могут представлять народ России вне петроградской толпы, но русский народ — без оружия и потому не в счет». [1]

записал в своем дневнике ген. Нокс еще 19 (6) марта 1917 г. и сделал отсюда соответствующие политические выводы: в состав Временного правительства нужно ввести несколько представителей Совета.

За 6 недель до коалиции в английском посольстве уже созрел план введения в правительство мелкобуржуазных лидеров: у последних в руках несравненно больше реальных возможностей для продолжения войны, чтобы не считаться с векселями, выданными Гучкову и Милюкову накануне переворота, тем более, что на первых и влиять легче, да и требовательны они в меньшей степени. Оправдывая свой поворот от Милюкова к Керенскому, Бьюкенен привел следующий довод:

«Милюков, будучи преданным другом союзников, настаивал на строгом соблюдении договоров и соглашений, заключенных с ними императорским правительством. Он считал приобретение Константинополя вопросом жизненной важности для России. Керенский... защищал продолжение войны до конца, отвергая всякую мысль о завоеваниях, и когда Милюков говорил о приобретении Константинополя, как об одной из целей России в войне, он энергично отрекался от солидарности с ним». [2]

Керенский обеспечивал применение всех мер для сохранения России в войне и в то же время отказывался от главного приза войны — Константинополя, признанного, скрепя сердце, за Россией и «союзниками», — таков реальный результат, из-за которого стоило отказаться от поддержки старых исполнителей:

«Новое коалиционное правительство... представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте», —

доложил посол министру иностранных дел Англии о своих шагах.

Новому правительству оказали не только доверие, но и пришли на помощь рядом весьма конкретных предложений, далеко выходивших за пределы советов.

Какие средства были при этом пущены в ход, можно судить по одному предприятию. На ряду с предоставлением Временному правительству новых займов, огромных материальных средств, технической помощи крупнейшими специалистами, «союзники» решили взять в свои руки и пропаганду, из рук вон плохо поставленную правительством. Задуманное однако оказалось не таким легким в исполнении: «Союзники в глазах крестьянской России были не лучше царского самодержавия, — сознался один из инициаторов плана, член американской миссии Красного креста, полковник Робинс, — предприятие должно было быть русским, и притом революционным».

Любопытно здесь отметить для тех, кто потом в эпоху интервенции твердил о «приглашении» «союзников» русским народом, что задолго до интервенции «союзники», по их собственному признанию, в глазах широких масс были уже не лучше царского самодержавия!

Выход между тем нашли довольно быстро. В тогдашнем Петрограде

---

[1] Knox, op. cit., p. 576, 584.
[2] Бьюкенен, цит. работа, стр. 221.

был организован «Комитет гражданского воспитания свободной России», во главе которого поставили «бабушку русской революции» Брешковскую, а в качестве членов ввели Н. Чайковского, Лазарева, личного секретаря Керенского Д. Соскиса и др. Комитет, по «союзническому» плану, предполагал купить несколько газет, а также издавать мелкие агитационные брошюры, листовки и т. п., имеющие целью поднять массы на войну против немцев, под лозунгом: «Отнюдь не в целях поддержки союзников, а ради спасения революции». Центром работы должна была стать устная пропаганда, для чего набрали до 800 пропагандистов, полученных главным образом от генерального штаба. Деньги, в сумме 12 млн руб., получили от... Петроградского отделения американского банка, да кроме того от американского правительства затребовали 1 млн долл. единовременно да по 3 млн сверх того в продолжение первых трех месяцев.

Как ни грандиозен был размах всех этих мер, неумолимый ход действительности брал свое: армия все более уходила из рук правительства, явно не желая воевать. Оставить ее на фронте можно было совсем другими средствами.

17 (4) июля 1917 г., как раз в разгар июльского кризиса, когда Временное правительство лихорадочно искало какой бы то ни было поддержки, английское посольство предъявило требование, буквально имевшее характер ультиматума.

«Если правительство возьмет верх в настоящем кризисе и хочет действительно продолжать войну в согласии с союзниками, то оно должно предпринять такие меры».

Дальше генерал Нокс набросал следующую программу «успокоения» революции, которая и была передана через английского посла министру иностранных дел Терещенко:

«1. Восстановление смертной казни по всей России для всех, подведомственных военным и морским законам.

2. Потребовать от солдат, принимавших участие в незаконной демонстрации, выдачи агитаторов для наказания.

3. Разоружение всех рабочих в Петрограде.

4. Организация военной цензуры с правом конфисковать газеты, возбуждающие войска или население к нарушению порядка или военной дисциплины.

5. Организация в Петрограде и других больших городах «милиции», под командой раненых офицеров, из солдат, раненных на фронте, выбирая предпочтительно людей в возрасте 40 лет и больше.

6. Разоружение и превращение в рабочие батальоны всех полков в Петрограде и уезде, если они не признают всех вышеуказанных условий». [1]

Терещенко заявил, что он принимает всю программу за исключением первого пункта. Дальнейшая работа правительства показала, что его заявление отнюдь не было пустой декламацией: разгром революционных организаций быстро продвинулся вперед. Но и этого уже оказалось недостаточно. И тут «союзники» выступают с новым, еще более решительным планом. 30 (17) июля ген. Нокс обратился с письмом к английскому послу на тему: «Военное состояние России».

«Правительство, наконец приняло некоторые меры, — писал генерал, рассказывая о разложении русской армии и ослаблении фронта. — Мы прямо заинтересованы в восстановлении порядка в России и дисциплины в русской армии, вот почему наша обязанность

[1] Knox, op. cit., p. 662.

заявить, что принятые меры совсем недостаточны... Правительство имеет сейчас неограниченную власть, если бы оно только воспользовалось ею. Две предпринятые меры — восстановление смертной казни и закрытие «Правды» (!) — пришли слишком поздно, чтобы положить конец всему этому без дополнительных мер». [1]

Дело уже идет не только о разгроме большевиков — закрытие «Правды», как видим, в числе одной из основных мер,—нужна новая система мер, сводящих всю революцию на-нет. Вот эти меры:

1. Должна быть полностью восстановлена дисциплина в армии, как первый шаг к созданию порядка в стране.

2. Престиж офицеров должен быть восстановлен всеми возможными мерами.

3. Вернуть начальникам власть. Должно быть восстановлено отдание чести во всякое время и во всяком месте.

4. Упразднить все комитеты в армии за исключением ротных, которые будут иметь дело лишь с вопросами солдатского желудка.

5. Восстановление порядка в тылу.

Самое пикантное однако не в этих мерах. Очень интересно и ценно для историка найти документальное подтверждение тому, что до сих пор было лишь догадкой политиков: что «союзники» ни перед чем не останавливались в вопросе поднятия боеспособности русской армии.

Но этот документ, в правдивости которого можно не сомневаться, ибо он опубликован самим автором, важен в другом отношении.

29 (16) июля в ставке под председательством А. Ф. Керенского, в присутствии Терещенко, состоялась конференция всех командующих отдельными фронтами. На совещании ген. Деникин произнес речь с перечислением тех мер, которые нужно было немедленно ввести для спасения армии. Все присутствующие генералы, начиная с Брусилова, Алексеева, Рузского, Лукомского и др., кончая комиссаром юго-западного фронта Савинковым, полностью присоединились к проекту Деникина, и его, таким образом, можно рассматривать как программу контрреволюции.

План этот сохранился в делах управления генерал-квартирмейстера (ген. Романовского) при верховном главнокомандующем. [2]

Вот основные пункты программы:

1. Сознание своей ошибки и вины Временным правительством перед офицерством.
2. Петрограду прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь верховному главнокомандующему.
3. Изъять политику из армии.
4. Отменить «декларацию». Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.
5. Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.
6. Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла войск и гражданских лиц, совершающих одинаковые преступления.
7. Создать в резерве отборные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

Если из этой программы отбросить один-два пункта, то все остальное буквально совпадает с проектом английского ген. Нокса, иногда даже

---

[1] Knox, op. cit., p. 744.

[2] Часть этих документов была опубликована в «Красной летописи» № 6 за 1923 г. т. Бухбиндером, стр. 9 — 64.

буквально. Кто у кого при этом списал, пока выяснить не удалось. Добавим только, что примеры, приведенные в качестве иллюстрации, у обоих авторов одни и те же: например, и Нокс и Деникин подчеркнули, что многие офицеры были убиты без какого-либо протеста со стороны Керенского, который в то же время вскипел от негодования, когда узнал о пощечине, полученной на фронте Соколовым, одним из авторов знаменитого приказа № 1.

Программа русской контрреволюции была и программой «союзников». Последние если и не были инициаторами, то безусловно были наиболее активными пособниками корниловщины, — таков вывод из сравнения и сопоставления обеих программ.

Но тут собственно и догадки не нужны. У нас имеется прямое свидетельство одного из союзников.

6 марта 1919 г. член американского Красного креста полковник Робинс давал показания Овермэновской комиссии Американского сената. Создана была эта комиссия в разгар интервенции, чтобы показать американскому общественному мнению большевизм в самом отвратительном виде. С этой целью в комиссию были вызваны для дачи показаний все, кто мог рассказать о грабежах, национализации женщин (самая популярная тема в отчете состоящем на 1840 страницах), насилиях со стороны большевиков и т. п. Легко судить, насколько «объективен» такой материал, но это как раз наилучшее свидетельство тому, что себя-то зря оговаривать не станут.

Этой-то комиссии Робинс говорил:

«Союзные представители участвовали в этой авантюре (корниловской. — *И. М.*) из искренних и патриотических побуждений. Будучи тесно связаны со старым режимом, они не входили ни в какие устные соглашения с новым строем (после февраля 1917 г. — *И. М.*) и внимательно прислушивались ко всему тому, что говорили 7% населения (верхушка. — *И. М.*), сознавшие, что в случае укрепления революции им придется навсегда распроститься со своими старыми привилегиями».

На вопрос Овермэна, кого он имеет в виду под союзными представителями, Робинс ответил: «Я имею в виду представителей в России союзных правительств — Англии, Франции, Америки и Италии».

А дальше Робинс словоохотливо — мы позже узнаем причину этой откровенности — выбалтывает, что собственно делали «союзники» в корниловском лагере.

«Он продолжал, — передает свой разговор с ген. Ноксом полковник Робинс: — «Вам бы следовало быть с Корниловым». Я ответил: «Но вы, генерал, были с Корниловым». И он покраснел, вспомнив, что мне известно, что английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова...».[1]

Дело, оказывается, не только в идеологической подготовке, а в прямом участии в корниловщине.

Сам английский посол опять-таки не сумел скрыть своей руководящей роли

[1] Report and hearings of the subcommittee on the Iudiciary United States senate, v. 3, Washington 1919, p. 770, 780. Частью переведено с очень большими пропусками в книге «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», Гиз, 1927, стр. 134 и 143.

в авантюре. Еще 5 сентября (23 августа) к нему явился «русский друг, состоявший директором одного из крупнейших петроградских банков», рассказал о готовящемся 8 сентября (26 августа) перевороте и попросил подмоги британских броневиков и помощи в случае неудачи предприятия. Посол, по его словам, ответил, что его долг сообщить правительству о заговоре, однако он не хочет обмануть доверие «друзей», но ни помощи, ни поддержки оказывать не собирается, а советует им отказаться от предприятия. Дальше однако посол сам опрокидывает всю маскировку:

«Если бы генерал Корнилов был благоразумен, — сказал он своему собеседнику, — то он подождал бы, пока большевики не сделают первый шаг, а тогда он пришел бы и раздавил их».[1]

Дело, таким образом, не в принципиальном отрицании корниловщины, а в чисто техническом моменте — когда начать; вообще же «все мои симпатии были на стороне Корнилова», — сознался Бьюкенен двумя страницами дальше. Когда вспыхнула авантюра, — беседа с послом так и не прошла даром для русских контрреволюционеров: Корнилов поднял движение несколько позже намеченного им сначала срока, притом (в литературе вопроса это давно выяснено) первым шагом всего предприятия должно было быть выступление казаков атамана Дутова в Петрограде под видом большевиков, — Бьюкенен собрал у себя всех глав миссий, предложив им принять участие в посредничестве между Временным правительством и Корниловым.

Передавая декларацию, посол долго объяснял, что тут нет никакого вмешательства во внутренние дела России: самый факт так говорил за себя, что приходилось хоть чем-нибудь прикрыть его.

Посредничество результатов не дало.

«Вследствие медленности продвижения Корнилова, — объяснил Бьюкенен неудачу своей ставки на Корнилова, — правительство имело время организовать гарнизон, привести солдат и матросов из Кронштадта, вооружить тысячи рабочих и арестовать многих сторонников Корнилова».

Корниловщина резко изменила классовую расстановку сил. Угроза реставрации и полного возвращения помещиков в дворянские гнезда определила резкий поворот широких масс в сторону пролетариата, руководимого партией большевиков. Изменились формы крестьянской борьбы: разгром помещичьих экономий сменил все другие виды борьбы. Армейские организации, особенно в районах, близких к Петрограду и Москве, стали переходить в руки большевиков: стихийное антивоенное настроение превращалось в организованный протест против империалистской войны. «Союзные» представители, возглавляемые Бьюкененом, предпринимают новый нажим на Временное правительство, чтобы побудить его решительно противодействовать расползанию фронта и тыла. 9 октября (26 сентября) три посла — английский, французский и итальянский — посетили Керенского и от имени правительств потребовали принять все меры к восстановлению боеспособности армии.

Как ни привыкло правительство Керенского к понуканиям со стороны союзников, но последний акт, явно напоминавший полуколониальные отношения, вывел его из состояния колебания. Понимая, какую бурю возмущения вызовет опубликование происшедшего, Керенский потребовал сохране-

[1] Бьюкенен, цит. работа, стр. 262, 267.

ния инцидента в тайне, а министр иностранных дел Терещенко потребовал от русских представительств, чтобы они довели до сведения соответствующих правительств, что акт этот вызывает недоумение Временного правительства.

Соннино, итальянский министр иностранных дел, ответил, что «заявление трех послов вызвано исключительно желанием помочь Временному правительству дать ему в руки оружие или точку опоры на случай, если бы оно признало полезным воспользоваться им по отношению к внутренним элементам, причиняющим ему затруднения».

Короче, весь сыр-бор загорелся, чтобы побудить правительство выступить против большевиков.

Французский министр позже подчеркнул, что выступление трех послов имело в виду побудить русское правительство к более энергичной внутренней политике. По мнению французов, русское правительство «могло бы путем энергичных мер, опираясь на верные войска, утвердить свою власть, восстановить боеспособность армии и подавить максималистские проявления».

Само собой разумеется, все согласились, что об оглашении шага послов не может быть и речи. Английский министр Бальфур в добавление ко всему выразил сожаление, что передача коллективного сообщения выпала на долю великобританского посла, пытаясь тем самым свалить инициативу на других.[1] Что это была лишь слабая попытка смягчить неудачный шаг, показало дальнейшее развитие всей этой истории. Уже после Октября, в парламенте, на вопрос одного депутата, верны ли слухи о выступлении трех послов, лорд Р. Сесиль ответил:

> «Да. Бьюкенен получил инструкции добиваться от русского правительства восстановления порядка и реорганизации русской военной и экономической силы. Он должен был указать, что наше снабжение не безгранично и должно находиться в соответствии с характером и ценностью его применения».[2]

Инициатива вмешательства во внутренние дела России исходила, таким образом, от Англии.

Последняя попытка вмешаться с целью задержать катастрофу произошла уже перед самым Октябрем.

3 ноября (21 октября) 1917 г. в помещении американского Красного креста состоялось совещание «ради, — как говорит Робинс, — укрепления правительства Керенского и для того, чтобы... добиться содействия союзников». На совещании присутствовали: ген. Нокс, ген. Нейсель, начальник французской военной миссии и военный атташе французского посольства; ген. Вильям В. Джэдсон, глава американской военной миссии и военный атташе американского посольства; русский генерал Нейслаковский, личный секретарь Керенского Давид Соскис, глава американского Красного креста полковник Томпсон и его заместитель майор Робинс.

От целого ряда особых осведомителей, — а такие агенты имелись даже у американского Красного креста (!), — получено было сообщение, что дивизион броневиков, на который очень рассчитывали при создавшемся

---

[1] Сборник архивных документов из архива б. мин-ва иностранных дел № 3, 1917 г., стр. 107—113.

[2] «Parliamentary Debates», vol. 100, p. 27.

положении, раскололся надвое: часть высказалась за Временное правительство, вторая — за Советы. Совещанию предстояло выработать меры для реальной помощи Керенскому. Ген. Нокс в присутствии русских принялся бичевать Россию, Керенского за его некомпетентность, за боязнь перестрелять большевиков; русских генералов — за поражение на фронте, а русских солдат назвал «трусливыми, завистливыми собаками». Когда возмущенные русские члены совещания вышли из комнаты, между Ноксом и Робинсом произошел следующий диалог:

«Н о к с. В настоящее время единственно, что остается в России — это Савинков, Каледин и военная диктатура. Этот народ должен иметь над собой кнут.

Р о б и н с. Генерал, вы, может быть, получите диктатуру совершенно другого характера.

Н о к с. Вы подразумеваете этих прохвостов — Ленина, Троцкого и большевиков?

Р о б и н с. Да, я их именно имею в виду.

Н о к с. Полковник Робинс, вы не военный человек; вы ничего не смыслите в военных делах. Военные люди знают, как поступать с этими типами. Мы их просто ставим к стенке и расстреливаем». [1]

Никаких реальных результатов «совещание спасения» не дало, по крайней мере в смысле предотвращения катастрофы, если не считать того, что в последнюю минуту Керенскому помогли спастись на автомобиле американского посольства: через 4 дня разразилась Октябрьская революция, опрокинув все надежды на сохранение русской армии на фронте.

Одного факта выхода России из империалистской цепи, приковывавшей весь мир к войне, — а что русское звено выпадет из цепи, об этом твердил декрет о мире, — было достаточно, чтобы заставить «союзников» обратиться к последнему средству, остававшемуся в их распоряжении — вооруженному вмешательству.

«Здесь нет места людям, предубежденным против этой экспедиции, — объяснял парламенту мотивы интервенции Черчилль. — Всякий знает, зачем она была послана. Она была послана как часть нашей кампании против Германии. Жизненно было необходимо п р и н я т ь в с е м е р ы против России, чтобы заставить ее с д е р ж и в а т ь н а р у с с к о м ф р о н т е максимальное количество русских войск». [2]

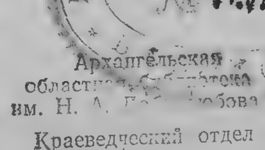
2. Долги и интервенция

Если первой н е п о с р е д с т в е н н о й причиной, толкавшей Англию, как гегемона в «союзническом» лагере, на интервенцию, было стремление сохранить русские армии на фронте, заставить Россию выполнить свои военные обязательства, то уже, конечно, не этот военный мотив диктовал Черчиллю посылку все новых отрядов после заключения мира с австро-немецким союзом. Существовали другие мотивы, действие которых не запиралось в узкие границы временной необходимости, не ограничивалось хронологическими рамками войны. Среди таких мотивов, и в популярной, и в исследовательской литературе, чаще всего фигурировало «безусловное и без всяких исключений аннулирование всех иностранных займов», провозглашенное § 3 декрета от 10 февраля (28 января) 1918 года.

[1] Reports and hearings of the subcommittee on the Indiciary United States senate, p. 781. В русском переводе: «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», стр. 143.

[2] «Parliamentary Debates». 3 March 1919.

Одно время довольно распространенной считалась точка зрения, по которой вопрос о долгах имеет лишь исторический характер. «В Октябре мы уплатили все долги», так крылато обобщил эти взгляды Л. Троцкий.

Но в литературе, особенно позднейшей, все чаще находит себе место другая крайняя точка зрения.

«Уже с конца 1917 г., — пишет современный исследователь вопроса о долгах, — против советского правительства подготовляются меры воздействия. И в этот период наравне с военно-политическими соображениями — выходом России из империалистской войны — главной движущей силой интервенции было стремление восстановить уничтоженные революцией царские обязательства — вернуть отнятые ею заводы, шахты и земли». [1]

Еще резче развит этот же взгляд на долги в интересной работе Л. Иванова:

«Французская интервенция имеет своей главной и единственной целью свержение советского правительства с целью добиться от реставрированной буржуазной власти возврата национализированных имуществ и признания долгов, а по возможности,— добавляет автор, сам чувствующий, что хватил через край, — и согласия на восстановление франко-русской Антанты...». [2]

Если представители первой точки зрения, в упоении Октябрьской победой, недооценили значение долгов в борьбе за революцию, то вторые, переоценив, допустили ряд ошибок как методологического, так и фактического характера.

У авторов второй теории прежде всего не трудно заметить элементы «экономического материализма»: все объяснить непосредственно экономическими причинами. Так З. Миркин, раз поддавшись такому искушению, пришел к выводу, что

«действия интервенционистских армий против Советских республик зависели не только от стратегических и политических соображений, но главным образом от экономической заинтересованности иностранного капитала в тех или иных районах. Бывшие фабриканты и заводчики, нефтяники и шахтовладельцы — вот кто диктовал направление интервенционистских войск». [3]

---

[1] З. Миркин, СССР, царские долги и наши контрпретензии, Гиз, 1928, стр. 11.

[2] Л. Иванов, Англо-французское соперничество 1919 — 1927 гг., Гиз, 1928, стр. 145. Вообще вокруг вопроса о долгах выросла уже сравнительно многочисленная литература. См., напр., кроме вышеуказанных: Harvey E. Fisk, Inter Ally Debts, New-York 1924 (русск. пер. в изд. НКФ, М. 1925: Гарвей Фиск, Междусоюзнические долги. Исследование о госфинансах за военные и послевоенные годы); L. Pasvolsky and H. Moulton, Russian Debts and Russian Reconstruction, New-York 1924 (перевод того же изд-ва, Л. Пазвольский и Г. Моультон, Русские долги и восстановление России. Исследование об отношении внешних долгов в России к ее экономическому возрождению); проф. Н. Н. Любимов, Баланс взаимных требований СССР и держав согласия, «Экономическая жизнь», 1924; проф. Н. Н. Любимов, СССР и Франция. Франко-русская финансовая проблема в связи с международной задолженностью, «Прибой», Ленинград 1926 (снабжена указателем литературы о долгах); С. А. Фалькнер, Ущерб России от гражданской войны и блокады, журн. «Внешняя торговля» № 13, 1923 г.; Л. Михельсон, Проблема русского долга во Франции. «Свободная Россия» № 7, 1925 г.; «La dette publique de la Russie», Paris 1922. Кроме того статьи в «Правде», «Известиях», «Международной летописи», в материалах, изданных НКИД: «Материалы Генуэзской конференции», М. 1922; «Гаагская конференция», М. 1922; затем «Социалистическое хозяйство» № 2 — 3, 1923 г.; «Economiste». 18 octobre 1924; «Россия в мировой войне 1914 — 1918 гг.», изд. ЦСУ, М. 1925 год.

[3] Миркин, цит. работа, стр. 12.

Как ни велика роль держателей русских ценностей, особенно владельцев национализированных предприятий, зачастую в качестве крупного банкира или промышленника, очень близкого к кругам, определяющим политику своего государства, однако эта роль сводилась к подготовке интервенции и нажиму на правительство, но не к выбору направления самой интервенции. Факты показали, что сплошь и рядом это направление совсем не совпадало с непосредственными интересами «бывших заводчиков, нефтяников и шахтовладельцев». Это сказалось, как увидим позже, и на выборе места для первой массовой вылазки иностранных войск.

Но та же постановка вопроса ведет и к другой ошибке, практически-политическое значение которой выходит далеко за пределы проблемы долгов. Она дезорганизует широкие массы, ибо вселяет в них сознание, что от интервенции, неминуемо подготовляемой, как это признают и вышеуказанные авторы, можно откупиться признанием долгов или возвращением национализированной собственности, — вывод несомненно политически неверный.

Наконец и фактически эта точка зрения не оправдывает себя. Долги, как мотив интервенции, впервые появляются весной 1918 г., и только 10 сентября 1918 г. французское правительство издало декрет с предложением всем держателям русских ценностей зарегистрировать свои бумаги. Именно к этому времени долговой мотив начинает звучать особенно сильно и часто в хоре интервенционных аргументов.

Не лишним будет добавить, что советское правительство, добиваясь мира с Антантой, соглашалось признать долги, например в ноте т. Чичерина в январе 1919 г., о чем и французский премьер Клемансо говорил вполне открыто на заседании премьеров Англии, Америки, Франции, Италии и Японии.

Мало этого, когда в Советскую Россию направлялся Буллит, официально посланный американской мирной делегацией в феврале 1919 г. выяснить, на каких условиях Советы согласны заключить мир, и спросил посылавших его, нужно ли в условия включать требование возвратить долги, ему было отвечено, что «в этом нет необходимости». [1]

Чтобы поставить проблему долгов на то место, которое она действительно занимала в интервенции, нам придется заняться ею несколько подробней.

Все долги следует разделить на следующие категории: собственно долги, претензии за национализированную собственность, и требования отдельных иностранцев, потерявших свое имущество во время революции и гражданской войны. Последняя категория, как мотив интервенции, никакой роли не играла и появилась лишь по окончании гражданской войны в современных сношениях СССР с капиталистическими странами. Из первых двух проанализируем сначала собственно долги.

Эта категория в свою очередь делится на две группы — довоенные долги и займы эпохи войны, между которыми однако существует разница не только во времени: вторые заключались непосредственно у правительств, притом главным образом в виде военного снаряжения, а первые в основном заключались на бирже, т. е. большей частью у частных собственников.

---

[1] См. об этом дальше, стр. 154—156.

Военный долг бывшей России составлял 3 969 млн. долл. (7 745,9 млн. руб.), из коих:

	Долл.	Руб.
Англии	2 766	5 393,7
Франции	762	1 485,9
САСШ	279	550,4
Японии	152	296,4
Италии	10 [1]	19,5

Довоенная задолженность б. России по всем видам кредитов — государственный долг, железнодорожные займы, гарантированные правительством, займы городских общественных учреждений, облигационные займы государственных земельных банков — достигала 4 066 млн. руб., из коих Франции 3 966 млн., Англии 640 миллионов.

Как велики абсолютные цифры русского долга, можно судить по тому, что русский долг составляет почти 47% общей задолженности Англии в 6 500 млн. долл. и 38% — Франции в 7 020 млн. доллара.

Один исследователь высчитал, что к 31 декабря 1923 г. платежи процентов по государственным долгам на душу населения составляли (в круглых цифрах) во Франции — 16 долл., в Англии — 22 доллара.

Можно судить, какой тяжестью падало аннулирование русских долгов на союзные страны, если бы... если бы они действительно производили платежи.

Но дело в том, что до сих пор к этим платежам никто почти не приступал. Только 28 февраля 1922 г. Англия заключила соглашение с САСШ (соглашение Меллон-Болдуин), своим главным кредитором, лишь о консолидации британского военного долга. Из других стран САСШ заключили соглашение с Венгрией, Литвой и Польшей к 1 марта 1925 г., а Франция заключила предварительный договор с Англией (соглашение Кайо-Черчилль) лишь 12 июля 1926 г., до сих пор, кстати, не ратифицированный еще парламентом. За добрый десяток лет, прошедших с окончания мировой войны, ни одна из стран не уплатила и части своего долга, и тем не менее ни одному дипломату не приходила в голову мысль, что долги надо выколачивать войной. Именно этот спорный вопрос разрешался между странами наиболее безболезненно с точки зрения международной дипломатии. В период же интервенции, буквально на второй день после Версаля, когда контрибуция в 132 млрд. золотых марок, потребованная от Германии, еще казалась очень реальной величиной, стремление вернуть аннулированные долги не могло быть «главной движущей силой интервенции».

---

[1] Цитирую по Г. Фиску (стр. 95). Некоторые расхождения между последним и проф. Любимовым («Баланс взаимных требований», стр. 25) — у первого 7 713 млн. руб., у второго 7 223 млн. руб. — объясняется тем, что проф. Любимов берет долг лишь Антанте. Насколько вообще неточны данные, показывает тот же Фиск, который в своей книге (стр. 162) считает, что до Октябрьского переворота чистая сумма кредитов, предоставленных Францией России, составляет не 762 млн. долл., а 1 053 587 тыс. долларов. Возможно однако, что разница определяется тем, что в одном случае Фиск пользуется русскими источниками, а в другом французскими. А. Сидоров («Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 65), проработавший вопрос о русской задолженности во время войны по архивным источникам, приходит в общем к тем же выводам, называя общую цифру в 7,3 млрд. зол. руб., но несколько перераспределяет цифры внутри общего долга: Англии — 5 082 млрд руб., Франции — 1 220 млрд зол. рублей.

Всюду взяты чистые кредиты без процентов.

Но тем не менее главным официальным мотивом интервенции и как раз после Версаля, только что разделившего между союзниками немецкие миллиарды, оказались аннулированные долги.

Разрешить это противоречие окажется нетрудным, когда мы от абсолютных цифр, гипнотизирующих своей величиной, перейдем к анализу самой проблемы долгов и той роли, какую играла борьба вокруг них.

Прежде всего из всей суммы русского долга надо исключить военные долги. В процессе переговоров, имевших место уже после интервенции, эта часть долга вызывала меньше всего споров между СССР и союзниками. Франция, например, в своем первом полуофициальном предложении восстановить сношения с СССР в декабре 1923 г. непрочь была аннулировать весь военный долг СССР Франции, при условии, если Советский Союз поддержит ее требования о пересмотре остальных междусоюзнических долгов. Главным основанием к исключению военных долгов, как объекта спора, нужно считать наш отказ от «благ» Версальского договора, § 116 которого оставлял за Россией все права на участие в военной добыче, а следовательно и в германских репарациях. По исключении военных долгов, молчаливо принятом всеми спорящими сторонами, остаются довоенные долги, т. е. займы, большей частью сделанные у частных лиц. Все соглашения СССР с «союзниками» и в Генуе, и в Гааге, и после этого периода срывались или заходили в тупик именно по претензиям частных лиц. При этом Англия все же пришла к известному соглашению с СССР 8 августа 1924 г., признав возможным частичное удовлетворение со стороны СССР претензий английских граждан, рассмотрение советских контрпретензий и принципиальное согласие на гарантирование займа СССР, хотя соглашение так и осталось на бумаге, — Франция до настоящего времени даже и в принципе не разрешила проблемы долгов.

Если вспомнить, что русские ценности находятся в руках главным образом мелких держателей, которых во Франции насчитывается более 2 млн.,[1] то ясной становится позиция английского и французского правительств в вопросе о долгах.

Долги, как не велико было их экономическое значение, о чем мы уже говорили, играли главным образом роль лозунга, с помощью которого можно было мобилизовать мелкобуржуазные массы на борьбу с СССР. Особенно резко проявляется эта их роль на фоне крутого перелома от войны к миру, — перелома, вызвавшего, несмотря на тщательную к нему подготовку, массовую безработицу, обесценение валюты, понижение уровня жизни широких масс. Обещание немедленно приступить к уплате процентов по займам для мелкобуржуазных держателей русских ценностей было несомненно крупнейшим стимулом, толкавшим мелкую буржуазию к одобрению всей интервенционистской политики, требовавшей с ее стороны новых материальных и человеческих жертв.

«Говорят, — так оценил проблему долгов т. Сталин на XVI съезде партии, — что камнем преткновения в деле улучшения экономических связей с буржуазными государствами является вопрос о долгах. Я думаю, что это не довод за платеж долгов, а предлог в руках агрессивных элементов для интервенционистской пропаганды».[2]

---

[1] Французские сведения называют цифру в 4 миллиона.

[2] «Правда», № 177, от 29 июня 1930 года.

Несколько иную роль играли претензии по национализированной промышленности. По вычислениям П. В. Оля,[1] из 2 242 974,6 тыс. руб. иностранных капиталов в акционерных и паевых предприятиях, обязанных публичною отчетностью к началу революции, в России было:

	В тыс. руб.	В %
Французских	731 746,6	32,6
Английских	507 479,8	22,6
Бельгийских	321 602,5	19,7
Американских	117 750,0	5,2
Итальянских	2 506,2	0,1

Короче, 55,2% всех иностранных капиталов, вложенных в русскую промышленность, принадлежало Англии совместно с Францией.

В противоположность довоенным займам акции национализированных предприятий находились в руках крупных банкиров и промышленников. Если мелкая буржуазия по своему экономическому, а значит и политическому, положению далека от истинных пружин иностранной политики, то монополисты финансового капитала фактически определяют эту политику. Нет поэтому никакого сомнения, что последняя группа советских кредиторов имела больше возможности производить давление на свой «исполнительный комитет» — правительство, вынуждая его к интервенции.

Но и тут однако надо подчеркнуть, что при определении роли наших кредиторов в подготовке интервенции не следует ограничиваться цифрами, приведенными у П. Оля. Они дают представление, более или менее близкое к действительности, об абсолютном вложении капиталов и совершенно не дают представления об относительном влиянии иностранных капиталов в б. России, — влиянии, выразившемся в контроле над русскими банками и промышленными предприятиями. Русский империализм, появившийся позднее всякого другого и развивавшийся притом на совсем иной питательной среде, несомненно уступал передовым странам финансового капитала. Исследователь финансового капитала в России[2] пришел к выводу что англо-французский финансовый капитал успел овладеть доброй половиной русской банковой системы и через нее распоряжался важнейшими отраслями русской тяжелой промышленности. Например, 57% всей русской добычи меди принадлежало англичанам, более 40% всей русской нефти контролировалось ими же, а 55% добычи железа находилось в распоряжении французов.

Один крупный акционер Русско-азиатского банка, хорошо изучивший русскую банковую систему — Agad (его, между прочим, цитирует как авторитет и Ленин в своем «Империализме»), считал, что к 1913 г. контроль банков, основная масса акций которых лежала в иностранных портфелях, простирался до суммы в 8 235 млн. руб., из каковой суммы на долю англо-французов приходилось 65% (10% + 55%). Национализация всей промышленности Советами била поэтому не только по одному с лишком миллиарду рублей, вложенных англо-французами в русское хозяйство, но по многим миллиардам, правда не принадлежащим непосредственно французам и англичанам, но тем не менее доставляющим дивиденды также и им.

[1] П. В. Оль, Иностранные капиталы в России, НКФ. Институт экономических исследований, Петроград, 1922, стр. 9.
[2] Н. Ванаг, Финансовый капитал в России, М. 1925, стр. 41.

Пусть эти цифры преувеличены, — последнее время ряд товарищей, в том числе и автор этих строк, оспаривают точность этих данных, и особенно вывод из этих данных, что в России, на русской почве, происходило сращивание иностранного промышленного с иностранным же банковым капиталом, что над Россией, таким образом, висел, как крышка, иностранный империализм, развитие же капитализма в самой России еще не достигало той стадии, которая называется империализмом, — но вывод, к которому ведет анализ этих данных, остается верным для обеих спорящих групп исследователей: Россия была крупнейшей ареной для финансового капитала Антанты, на которой эта последняя выступала не только как прямой экспортер капитала, но и как контролер ряда отраслей промышленности. В условиях послевоенного кризиса, обостривптего проблему рынков, выпадение русского рынка, и как объекта приложения капиталов и как источника сырья, было очень чувствительно для всей системы финансового капитала гегемонов империализма — Англии и Франции.

3. Октябрь и международная революция

Как ни велико было значение выхода России из войны и аннулирования долгов, как причин интервенции, — а мы говорим об основных мотивах, — но не они определяли характер интервенции. Была еще одна причина, которая только за последнее время получила признание исследователей, хотя сформулирована она была давно. Правда, имя автора этой идеи — Ленин.

Еще добрых полвека тому назад Маркс, резко высказываясь против бакунистов, требовавших перевода Генерального совета из Лондона, так аргументировал свой протест против перевода:

«Англичане обладают всеми необходимыми материальными предварительными условиями социальной революции. Чего им недостает, так это духа обобщения и революционной страсти».[1]

Мысль эта не потеряла своей остроты и для нашего времени, с друмя однако добавлениями: она верна сейчас по отношению ко всем передовым странам, «обладающим всеми необходимыми материальными условиями социальной революции», т. е. объективно вполне созревшим для социалистической революции; она, во-вторых, не составляет тайны для самой буржуазии.

Господствующие классы прекрасно понимали, что империалистская война принесла с собой все те условия, которые в совокупности составляют революционную ситуацию. Война создала колоссальный кризис, затронувший интересы самых широких слоев населения. Война поставила буржуазию в такие условия, в которых она не могла править по-старому, — достаточно вспомнить переход страны «классической демократии» — Англии к «китченерии», к режиму военной диктатуры, чтобы понять всю серьезность этой невозможности управлять по-старому. Война, наконец, причинила такие неисчислимые потери широким трудящимся массам, что последние не хотели жить по-старому. Короче, империалистская война принесла с собой как раз те три основных условия, которые Ленин считал характерными для революционной ситуации.

---

[1] К. Маркс, Письма к Л. Кугельману, изд. 1907 г., стр. 70.

«Эта война, — писал Ленин от имени Центрального комитета РСДРП 2-й социалистической конференции в апреле 1916 г., — создала революционную ситуацию в Европе, поставив на очередь *самые коренные* вопросы империализма...» [1]

Одного однако условия нехватало для перевода революционной ситуации в революцию — «духа обобщения и революционной страсти» у пролетариата.

Именно это не составляло тайны для империалистской буржуазии, самыми свирепыми мерами расправлявшейся со всем тем, что несло пролетариату недостающий ему дух и революционную страсть.

Мы не можем сказать, каково было непосредственное влияние Октября на революционное движение на Западе. Если не считать интересной попытки журнала «Историк-Марксист» (в № 5), то у нас нет не только исследовательского, но и популярного систематического изложения по вопросу: Октябрь и международный пролетариат. Но и те отрывочные сведения, которые проникли в печать, дают вполне достаточный материал для общего представления о прямом влиянии Октября.

Три года войны не прошли даром для широких пролетарских и трудящихся масс. Патриотический угар давно выдохся, и широкие массы только в силу колоссального давления всего аппарата насилия империализма продолжали тянуть изнурительную лямку войны. Уже Февральская революция вдохнула свежую струю в подавленное настроение широких масс. Резкий скачок вверх количества стачек, демонстраций в тылу и даже восстаний, пока еще разрозненных, на фронте в 1917 г. — объективное свидетельство влияния революции. Достаточно упомянуть, что в Англии в июле 1917 г. прокатилась волна требований создания рабочих и солдатских советов. Причем давление низов было настолько сильным, что к требованию присоединились и профсоюзные организации во главе с Макдональдом, Смайли, Сноуденом и т. п.

Еще более значительными были отзвуки во Франции.

Лорд Берти, наблюдавший французский пролетариат из окна английского посольства, записывает в своем дневнике (см. «За кулисами Антанты») день за днем нарастание стачечного настроения и постепенного революционизирования рабочих масс.

Атмосфера была насыщена революционным настроением. И только колоссальный террор, с которым буржуазия обрушилась на революционные элементы в рабочем классе, сдерживала переход революционной ситуации в революцию. Можно себе представить, какое впечатление произвела Октябрьская революция, впервые после 50 лет, прошедших со времени Парижской коммуны, поставившая у власти пролетариат и беднейшее крестьянство. Октябрь прорвал империалистский круг, Октябрь вырвал огромную страну из ужасной войны. Октябрь показал всему мировому пролетариату единственный выход из империалистских противоречий — превращение империалистской войны в гражданскую.

В тех условиях напряженной борьбы факт победоносной социалистической революции в любой стране являлся едва ли не самым крупным актом, который мог вдохнуть в пролетариат «революционную страсть».

Не случайно как раз после Октября во Франции пришел к власти новый

[1] «Правда», № 255, 6 — 7 ноября 1927 г. Подчеркнуто Лениным — *И. М.*

кабинет победы и террора: кабинет Клемансо несомненный ответ на Октябрьскую революцию.

«Большевистская опасность, — говорил французский премьер Клемансо на заседании премьеров, так называемом заседании Совета десяти,[1] — в настоящий момент очень велика. Большевизм расширяется. Он захватил балтийские области и Польшу, и как раз сегодня получены дурные известия об его успехах в Будапеште и Вене. Италия также в опасности. Там опасность, повидимому, больше, чем во Франции. Если большевизм, распространившись в Германии, перебросится через Австрию и Венгрию и достигнет Италии, то Европа окажется перед лицом огромной опасности. Поэтому против большевизма необходимо что-нибудь предпринять».

Клемансо чудится большевизм, уже заразивший пол-Европы и угрожающий самой Франции. И это в тот момент, когда Антанта только что раздавила Германию и, казалось бы, находилась в зените своей славы и мощи.

А его итальянский коллега Соннино прямо заявляет, что большевизм уже угрожает Италии:

«Для Италии, а может быть и для Франции, как утверждал Клемансо, — сознается Соннино, — это (т. е. борьба против большевиков. — *И. М.*) — поистине вопрос самозащиты. Он думает, что даже частичное признание большевиков усилило бы положение последних, и он лично полагает, что в его стране большевизм уже представляет серьезную опасность».

Едва ли нужны другие доказательства тому, что самый факт социалистической революции в России был самой крупной причиной интервенции. Борьба с Советской республикой — наша самозащита, заявила империалистская буржуазия устами своих лидеров. И когда соотечественник итальянского премьера Орландо набрасывает план этой самозащиты, куда входит на ряду с установлением особого кордона против распространения большевизма, помощь антибольшевикам, войсками или оружием, продовольствием и деньгами,—«например, Польша просит оружия и амуниции, Украина также просит оружия»,[2] — то это только конкретная мера сознания, что Октябрьская революция угрожает самому существованию империализма.

«Пример социалистической Советской республики в России, — так определил Ленин основную причину интервенции, — будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников. Там — мир и социалистическая республика Советов».[3]

Так писал Ленин в своих тезисах по вопросу о Брестском мире, т. е. задолго до самой интервенции, но не уставал повторять эту мысль во всех своих работах и позднейшего периода.

«Наша революция, — говорил Ленин агитаторам, посылаемым в провинцию, — порождена войной: не будь войны, мы наблюдали бы соединение капиталистов всего мира: сплочение на почве борьбы с нами. У них одна мысль: как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши».[4]

---

[1] Таких заседаний Совета десяти в самом начале 1919 г. состоялось всего шесть, причем протокол двух из них опубликован в книге «The Bullit Mission to Russia, New York, 1919. (Переведено частью в книге «Гражданская война в Сибири и Северной области». Мемуары. Сост. С. А. Алексеев, Гиз. 1927.)

[2] Bullit, op. cit.

[3] Ленин, Соч., т. XXII, изд. 2-е, стр. 198.

[4] Там же, стр. 249.

К этому вопросу мы еще вернемся, изучая конкретный ход интервенции, сейчас добавим следующее.

Систематизируя основные причины интервенции, можно было бы условно распределить их следующим образом.

Стратегическим лозунгом, вытекающим из всей социально-политической обстановки, — лозунгом, определяющим политику всей Антанты на весь период интервенции, был лозунг «самозащиты» от несущего угрозу мировой революции большевизма, путем разгрома Советской республики, разгрома большевизма вооруженной рукой.

«Все знают, — говорил Ленин об этом лозунге, — что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, причем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистической войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа миллионеры и миллиардеры знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас». [1]

Тактическими лозунгами, лозунгами, определяющими непосредственно предстоящую борьбу на тот или иной конкретный период, были лозунги, требующие возврата России в войну или требование долгов и т. д. При этом каждая отдельная страна, в зависимости от тех интересов, которые она преследовала в гражданской войне, в свою очередь выдвигала свои частные лозунги, с которыми мы встретимся при изучении конкретного хода гражданской войны.

В принципе вопрос о вооруженном вмешательстве во внутренние дела Советской России с целью свержения Советской власти был решен после первых же шагов советского правительства.

Оставались только вопросы — когда и где произвести это вмешательство.

4. План интервенции и борьба в «союзническом» лагере

Под непосредственным впечатлением Октября вся пресса союзников завопила о необходимости борьбы с новым правительством. Из-под пера Фрэнсиса, американского посла в России, на второй день революции — 8 ноября — вырывается буквально проклятие:

«Сообщают, что Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов назначил кабинет — с Лениным в качестве премьера, Троцким — министра иностранных дел и мадам или мадемуазель Коллонтай — министра просвещения. Отвратительно,— но я надеюсь, что будут приняты скорые меры, так как чем смешнее положение, тем быстрее исцеление». [2]

«Отвратительным» считала положение и вся буржуазия, представляемая Фрэнсисом, ибо дело шло в первую очередь о том, что, как заявил в английском парламенте генерал Крофт, [3] «миллион с лишком немецких солдат с востока хлынет против нас».

«Первое впечатление от большевистского экспримента в Вашингтоне, как и в западно-европейских столицах, — определяет общее настроение

[1] Ленин, Соч., т. XVI, изд. 1-е, стр. 69.
[2] Francis, Russia from American Embassy, p. 187.
[3] «Parliamentary Debates», v. 105, p. 351.

буржуазии один автор, — было таким же, как и впечатление консервативных политиков прежних дней от «Красной республики» во Франции в 1848 г. или от Парижской коммуны 1871 года. Можно было ожидать, что последующий потомок прежних попыток социальной революции разделит их судьбу — подавление силой руками своих врагов и внутри и извне».[1]

Но от впечатлений, хоть и «отвратительных», до непосредственных практических шагов — «дистанция огромного размера», как выражался грибоедовский герой Скалозуб.

Сцепившись в мертвой схватке с германским империализмом, Антанта не могла разжать свои кулаки, чтобы нанести удар Советам. Именно это обстоятельство — схватка двух империалистских блоков, прикрывшая нас на время от империализма, — и объясняло «триумфальное шествие Советской власти»: ни германский империализм, ни английский не могли оказать помощи русской контрреволюции, и она, оставшись с глазу на глаз с русским пролетариатом, поддержанным широкими трудящимися массами, оказалась битой.

Оставалось надеяться на помощь Америки, которая и в войну-то вступила с целью заменить Россию, но — увы! — Америка все еще только готовилась к войне, но не воевала.

«Все желания союзников, — говорили французские офицеры, прикомандированные к одному из русских корпусов — сводятся к тому, чтобы русский фронт продержался до мая месяца, а тогда они в 2 месяца справятся с немцами и кончат войну, так как к тому времени у них будет на фронте 800 тыс. американцев и 25 тыс. бомбоносных аэропланов».[2]

Примерно тот же срок для реализации американского обещания — не менее года — называли английские авторитеты. Генерал Крофт произнес полную нападок против правительства речь, в которой возмущенно говорил:

«Ничего не было сделано (чтобы встретить выход России из войны. — *И. М.*), и правительство, подобно своим предшественникам, решило ждать, пока придет Америка. А ведь каждый солдат знает, что Америка отымет по крайней мере год, пока будет в состоянии играть какую бы то ни было активную роль в войне».[3]

Октябрьская революция опередила Америку и тем спутала все карты союзников.

Можно ли после этого удивляться тому, что союзные военные агенты в ставке[4] после опубликования декрета о мире, даже не сносясь с послами, вопреки дипломатическому обычаю, направили резкий угрожающий протест Духонину, временно командовавшему русской армией, против нарушения союзного договора от 5 сентября 1914 года. Дело шло о существовании всего союза, не только договора, — где уж тут соблюдение дипломатического этикета!

Положение было настолько ясно, что об этом говорила вся пресса — и притом каким языком!

«Если в России произойдет контрреволюция (это пишется через 2 недели после переворота — 24 ноября — *И. М.*), то союзники должны быть готовы... оказать военную помощь Каледину...»[5]

---

[1] Shuman, American Policy towards Russia since 1917. 1928, p. 62.
[2] «Архив русской революции». Дневник барона А. Будберга, т. XII, стр. 243.
[3] «Parliamentary Debates», v. 105, p. 352.
[4] Правда, без американского генерала Джэдсона.
[5] «Evening Standart», 24 November 1917.

Это имя — имя казацкого генерала — знала тогда вся Европа.

Да и не только Европа. Одна из крупнейших буржуазных газет в САСШ писала уже 20 ноября:

«Каледин — вот человек момента». [1]

И дело отнюдь не ограничивалось разговорами и газетными призывами. Полковник Уорд, командовавший позже английским десантом в Сибири, сообщает в своих записках, что в ноябре 25 Мидлэссекский полк, расположенный в Гонконге, получил секретный приказ выступить... во Владивосток. [2]

В самом Владивостоке консульский корпус всячески мешал местному Совету захватить власть в городе и даже добивался от Китая закрытия манчжурской границы, чтобы помешать доставке продуктов и припасов в город.

National City Bank (это уже Америка!) сделал распоряжение перевести Каледину 500 тыс. долл., которые не достигли адресата «возможно благодаря скорому разгрому калединской армии и его собственной смерти», как поясняет автор, приведший это сообщение. [3]

Каледину пытались помочь не только деньгами, но и материалами. 21 декабря советскими властями был арестован полковник С. Калпашников, работавший в румынском отделении американского красного креста. Полковник Калпашников пытался перевезти из Петрограда в Ростов 70 американских автомобилей, пользуясь при этом документами американского посла Фрэнсиса.

Последний, припертый к стенке официальным требованием советских властей, выступивших в Петроградском совете, «прервать золотое молчание», изобрел какую-то романтическую историю: автомобили, мол, предназначались для вывоза через Северный Кавказ и далее в Персию к англичанам румынской королевы с двором, которым угрожало якобы немецкое пленение. [4] Бывший коммерсант Фрэнсис, выставивший себя в роли героя такого романтического приключения — это буквально страница из марк-твэновского «Янки при дворе короля Артура».

Курьезность этого факта не должна однако скрывать серьезности подготовки к известным действиям.

Как далеко уже в то время зашла подготовка к замене слов действием, может дать представление один документ, который мы дадим в изложении одного из его если не авторов, то несомненно активных участников.

«23 декабря 1917 г., — так пишет Черчилль в своих воспоминаниях, [5] — в Париже состоялось англо-французское соглашение между Клемансо, Пишоном, Фошем, с одной стороны, лордом Мильнером, лордом Р. Сесилем и британским военным представителем — с другой, — соглашение, регулирующее будущие действия Франции и Британии в Южной России. Это соглашение имело в виду поддержку ген. Алексеева, находившегося тогда в Новочеркасске, и разделило географически сферу действия двух государств так, чтобы они могли действовать свободно. Французские

[1] «New-York Times», 20 November 1917.

[2] Col. John Ward, With the «Die-Hards» in Siberia, N. Y. 1920, p. 17—18. Переведено на русский язык с незначительными сокращениями: «Союзная интервенция в Сибири», 1923.

[3] Fr. Shuman, American Policy towards Russia since 1917. 1928, p. 81.

[4] William Hard. Raymond Robins own story, N. Y. 1920, p. 114—119. Любопытно, что Фрэнсис пытался по выходе книги в свет опровергнуть всю историю, но Робинс разоблачил его попытку в прессе. См. Shuman, p. 62.

[5] Churchill, The World Crisis, Aftermath. p. 166.

действия распространялись бы к северу от Черного моря «против врагов», т. е. против Германии и враждебных русских; английские — к востоку от Черного моря — против турок. Отсюда следовало, как сказано в § 3, что французская зона состояла бы из Бессарабии, Украины и Крыма, а английская — из казачьих территорий, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана».

Впервые сведения об этом соглашении были опубликованы ген. Деникиным в его воспоминаниях и оттуда уже проникли в советскую печать, встретившую эти сведения очень осторожно. Сейчас, конечно, все сомнения в достоверности соглашения рассеиваются таким авторитетным свидетелем, как Черчилль.

Самое важное состоит в том, что в этом документе о разделе сферы влияния прямо указывается и цель соглашения: помощь ген. Алексееву и борьба с «враждебными русскими», как расшифровывает сам Черчилль это место документа, направленное против большевиков.

Пока, однако, империалистская пресса рвала и метала по поводу Октября, а Антанта в тиши готовила иные меры, события в России шли своим чередом: советская делегация выехала в Брест для заключения перемирия. Первые же речи, прозвучавшие в Бресте, заставили насторожиться слушающих по обе стороны фронта: немцы, разгадав маневр большевистских делегатов — говорить через голову Гофмана и Кюльмана с солдатской массой, — резко и быстро переменили тон разговора, до того несколько выжидательный. В воздухе запахло разрывом между большевиками и немцами, а значит и вооруженным столкновением. Появилась надежда на продолжение войны большевиками, и пресса не преминула откликнуться. Сдал в своей травле Советов «Times», а «Da ly News» 4 января пишет:

«Неужели мы должны быть молчаливыми и пассивными свидетелями брестского конфликта? Неужели союзники должны стоять в стороне и не принимать в нем участия? Неужели мы оставим Россию одну бороться с нашим врагом без нашего руководства, поддержки или симпатии?» [1].

Дело не ограничивается прессой. Английское правительство выпускает из плена тт. Чичерина и Петрова и направляет их в Россию. В самой России, очевидно не без согласия своих правительств, [2] английский военный атташе Локкарт, французский Садуль, американский представитель Красного креста Робинс пытаются завязать сношения с Советской властью, не останавливаясь перед предложением помощи в грядущей борьбе против немцев.

По-новому начинает оценивать положение и парламент Англии. До этого члены парламента довольствовались лишь тревожными вопросами о положении дел в России, причем министры чаще отнекивались или сухо заявляли, что не имеют авторитетных сведений о происходящем. Один только раз чопорное спокойствие министра прорвалось, и он официально в открытом заседании парламента — вне парламента, в самом министерстве это было и

---

[1] Цит. по Левидову, К истории союзной интервенции в России, стр. 31.

[2] Вот что записывает по этому поводу Бьюкенен в своих мемуарах: «...в согласии с решением, принятым Парижской конференцией, чтобы союзные правительства, отнюдь не прощая измены России, вступили в неофициальные сношения с петроградским правительством, Локкарт... будет сноситься с этим правительством в качестве нашего неофициального агента», стр. 290. Это, как увидим дальше, подтвердил и помощник английского министра иностранных дел.

так очевидным — открыл, в каком, по существу, трудном положении оказалось правительство.

«Я считаю себя в праве, — заявил в ответ одному депутату лорд Р. Сесиль, исполнявший обязанности помощника министра иностранных дел, — обратить внимание палаты на вопросы, которые повторяют массу других вопросов, уже заданных достопочтенным джентльменом из Норс-Сомерсета. Эти вопросы ставят только в затруднительное положение правительство его величества в момент величайшего беспокойства и трудностей.

С разрешения палаты я предпочту не отвечать на эти вопросы». [1]

По мере выяснения кризиса брестских переговоров меняется картина в парламенте. Депутаты, правда, большей частью из оппозиции, начинают произносить речи с требованием более внимательного отношения к России, [2] а 19 декабря оппозиция дружно открыла атаку против правительства, обвиняя его в замалчивании хода революции, в отказе объявить декларацию о целях войны, что укрепляет позиции большевизма и т. д., а один из депутатов, предавшись историческим аналогиям из эпохи Великой Французской революции, предложил заклинать русских большевиков именами Сен-Жюста и Дантона не предавать интересов союзнического дела. [3]

16 января 1918 г. в парламенте депутаты Макдональд и Кинг снова задали ряд вопросов по поводу связи с Россией — есть ли налицо какой-нибудь официальный представитель Англии в Петрограде, — на что последовал ответ министра иностранных дел Бальфура:

«Мы не признали ни de facto ни de jure русскую власть, как правительство русского народа, но неофициально через агента, действующего по инструкциям посольства, мы имеем связь с ним. Большевистские власти назначили Литвинова своим представителем в Лондоне, и мы скоро установим с ним такую же неофициальную связь.

Что касается Набокова, который был послом Временного правительства, то он очевидно останется здесь, пока не будет утвержден или смещен правительством, признанным как правительство русского народа». [4]

Как видим, министр иностранных дел в открытом заседании парламента признал, что «правительство его величества» накануне вступления в постоянные сношения с большевистским послом. А когда один из депутатов высказал предположение, что некоторые шаги правительства противоречат его официальным выступлениям и тем вызывают подозрения в недоброжелательном отношении к советским властям, Бальфур раздраженно ответил:

«Нет и не было никакого основания для каких бы то ни было подозрений, о существовании которых говорит делегат»... [5]

Бонар-Лоу произносит во время вотирования кредитов речь, в которой, между прочим, заявил:

«Абсурдно думать, что Германия сумеет использовать во-всю и эксплоатировать страну с 100 млн. населения и такой обширной территорией... По моим сведениям, в России нехватает продовольствия, и попытка немцев взять его только подымет против них народ... Мои надежды идут дальше... Я надеюсь, я думаю,— можно сказать, я верю, что жестокий образ действия, которым Германия попирает своего распростертого врага, неминуемо создаст огромный подъем враждебности к ней повсюду в России». [6]

---

[1] «Parliamentary Debates», v. 100, p. 574.
[2] Там же, стр. 1571.
[3] Там же, стр. 2275.
[4] **Там же, т.** 101, **стр.** 293.
[5] Там же, стр. 955.
[6] Там же, т. 103, стр. 2158.

Выступающий потом депутат Кинг[1] (и Макдональд) предложил парламенту войти в более тесную связь с большевиками. Большую речь произносит в тот же день Chapple, Major:

«...Англия находится под подозрением в России... Мы арестовали Троцкого в Галифаксе, мы интернировали нескольких из их друзей, мы отказались признать их правительство, мы не приняли их посла, наша пресса вела огромную кампанию с презрительными намеками против большевиков и русского правительства. ...Скверно это или хорошо, но это не помогает нам давать советы... русским властям»...[2]

Психологически вполне понятно настроение, выраженное в речи депутатов: незаконченные брестские переговоры давали еще надежду на возвращение России в империалистскую цепь, а там... на то цепь и является цепью, чтобы приковывать жертву. Надежды эти особенно сильно питались и официальными шагами правительства. Достаточно вспомнить телеграмму, посланную Вильсоном Всероссийскому съезду Советов, с выражением «искреннего сочувствия русскому народу, в особенности теперь, когда Германия двинула свои вооруженные силы в глубь страны, чтобы помешать борьбе за свободу...».

Каков истинный смысл этой телеграммы — станет ясно из последующего изложения, но надежды на крах брестских переговоров долго окрыляли так называемое «общественное мнение» союзников.

16 марта 1918 г. рассеяло все эти иллюзии: IV съезд Советов утвердил Брестский мир, а 18 — 22 марта он был одобрен германским рейхстагом.

Понадобилось ровно столько дней, сколько требуется на получение и проверку этих сведений, чтобы рассеянные надежды сменились решительной деятельностью. И тут сразу вскрылось, о каких «подозрениях» шла речь в выступлениях депутатов парламента: не надеясь на запаздывающую Америку и мало веря в свои собственные возможности, английское правительство пытается опереться на Японию. Еще в феврале слухи о подготовляющейся японской интервенции проникают в печать французскую, а оттуда и в английскую. А 4 марта в парламенте выступил Mr. Эусуэит с вопросом к Бальфуру: 1) привлекло ли его внимание сообщение французских газет, что если союзники не развяжут руки японцам для занятия части русской территории, то Япония перейдет на сторону своих противников, т. е. Германии? 2) Заметил ли он, что французские и английские спекулянты подталкивают Японию к захвату русской территории и мечтают об уничтожении революции японской армией? Примет ли правительство меры для решительного прекращения этой пропаганды? — закончил свои вопросы депутат, на что министр иностранных дел уклончиво ответил:

«Я боюсь, что в настоящее время сказать что-нибудь об Азиатской России не сумею, за исключением того, что дело это привлекает самое глубокое внимание правительства».[2]

На повторную попытку того же депутата заставить Бальфура покинуть спасительную позицию двусмысленности и загадочности и заявить свое прямое отношение к вопросу последовало красноречивое молчание министра иностранных дел: обстоятельства еще не позволяли говорить о подготовке Японии.

[1] «Parliamentary Debates», p. 2175.
[2] Там же, стр. 2256.
[3] Там же, т. 103, стр. 1691.

Но вот пришли первые сведения о согласии Советской власти принять германский ультиматум.

Лорд Р. Сесиль произносит речь вне парламента, — речь, носящую официальный характер и перепечатанную всей прессой.

«Как независимая страна, — сообщал своим слушателям Р. Сесиль, — Япония предпримет сама те шаги, которые она считает нужными. Я, естественно, не буду удивлен, если Япония сочтет желательным в своих собственных интересах, а также в интересах союзников послать войска в Сибирь, чтобы охранять ее от германизации. Лично я буду приветствовать решение Японии действовать по поручению [1] союзников. Я думаю, что нам следовало бы добиться помощи японского союзника в деле, в котором Япония — и только она одна — может добиться решительных результатов».

Р. Сесиль говорил лично от своего имени, притом в неофициальном институте, но одно то, что Р. Сесиль был «министром блокады» и одновременно помощником министра иностранных дел делало его выступление актом огромной политической важности. Стало ясно, что речь шла о новом решении правительства, о котором (решении) хотели довести до сведения широкой общественности.

Находясь еще целиком под впечатлением недавних мирных и успокоительных высказываний, группа делегатов решительно выступила против японской интервенции. Было созвано специальное заседание палаты (14 марта), на котором разгорелись бурные прения.

«Если мы намереваемся, — говорил, например, депутат Ли-Смис, — восстановить порядок и организованность в России японскими штыками, если мы стараемся принять участие в гражданской войне в этой стране, если мы собираемся вернуть обратно Керенского или кадетов, или Корнилова, или царя — с помощью японских штыков, тогда мы должны отбросить все демократические задачи, с которыми мы вступили в войну, и это будет обозначать моральное банкротство Антанты.

Я не думаю, что хоть одна из этих причин есть настоящая причина. Настоящая причина не военная. Настоящая причина — не рвение к организации России. Действительная причина вне этого. Дело просто в том, что Россия разбита и беспомощна, что она не в состоянии защищать себя, и я надеюсь, что Антанта во всяком случае не намерена воспользоваться этим положением». [2]

Однако на этом заседании парламента выступили уже и те делегаты, которые полностью поддерживали правительство, а сомнениям в вопросе о том, является ли речь Сесиля его частным делом, положил конец сам министр иностранных дел. В большой речи Бальфур доказывал парламенту, что Германия конечно сразу не завоюет всей России, но несомненно попытается протянуть свои щупальцы в Сибирь, где наряду с богатейшими естественными ресурсами она найдет и «огромные военные запасы, о которых один высокочтимый джентльмен говорил с некоторой легкостью во время дебатов и которые, я уверяю его, правительство его величества чрезвычайно неохотно увидит переданными в руки врагов».

Но такое продвижение Германии вызовет в массах противодействие, преодолеть которое Германия попытается с помощью восстановленного старого режима. Помочь русскому народу в этом случае сумеют только союзники. И дальше Бальфур выступает против предрассудков, связанных с выступлением Японии:

---

[1] Mandatory — собственно под мандатом.

[2] «Parliamentary Debates», v. 104, p. 513 — 514.

«Япония вела себя с поразительной лойяльностью. Если Япония пообещает России неприкосновенность . . . она выполнит это так же, как она сдержала свои обещания по отношению к нам... С этой точки зрения я не вижу никакой разницы между Японией и другими странами, воюющими на стороне Антанты». [1]

В речи Бальфура любопытна не столько поддержка своего соратника по министерству — с самого начала было очевидно, что выступление Р. Сесиля было выступлением официальным, открывающим давно принятое решение правительства, — сколько появление новых мотивов, которые позже будут фигурировать как конкретные причины интервенции: во-первых, германцы могут захватить союзнические военные припасы, во-вторых, немцы несут с собой восстановление самодержавия и уничтожение русской демократии, в защиту которой должна будет выступить союзническая демократия.

С этими конкретными лозунгами мы еще встретимся, а сейчас подчеркнем, что лозунг Бальфура об японском вмешательстве стал облачаться в конкретные формы.

«...На восточном фронте,— говорил полковник Арчер Ши — все еще находится больше 70 дивизий германцев, австрийцев и болгар... Единственная возможность приковать их — заставить выступить японцев. Мы уже потеряли 2 месяца. Японцы готовы выступить. У них прекрасная армия в 60 — 70 дивизий. Там имеется двухколейная железная дорога почти от Владивостока до Уральских гор, и эти дивизии легко могут быть доставлены на русский фронт, во всяком случае, к Уралу. Если бы мы имели большую японскую армию в этом направлении, немцы побоялись бы оттянуть свои дивизии с восточного фронта». [2]

План полковника стал реальностью еще до произнесения им речи: в ночь с 4 на 5 апреля Япония высадила первый десант во Владивостоке. В свете этих фактов можно понять истинную цену выступления Р. Сесиля, когда он 11 апреля объяснял в парламенте причину японской интервенции:

«Как результат убийства японских подданных бандой грабителей во Владивостоке высажены были отряды с японских и английских судов с целью защиты интересов японских и английских подданных.

Правительство его величества не сомневается, что Америка одобрит этот шаг, который имеет местное значение и предпринят с единственной целью защиты жизни и собственности». [3]

Что японцы так стремительно перешли от слов к делу, понятно. Противоречия между молодым, гигантски растущим капитализмом страны Восходящего солнца и старым капитализмом Англии, Америки, Германии и т. п. давно стали общеизвестны. Достаточно сослаться на несколько иллюстраций. Внешняя торговля Японии за десятилетие росла следующим бешеным темпом.

Годы	Экспорт	Импорт
	в млн. иен	
1910	458	464
1913	632	729
1916	1 127	1 668
1919	2 099	2 173
1920	1 945	2 336

[1] «Parliamentary Debates», v. 104, p. 593.
[2] Там же, стр. 1559.
[3] Там же, стр. 1 611.

По странам импорт распределялся:

Страны	1916 г.		1920 г.	
	Млн. иен	% к общему импорту	Млн. иен	% к общему импорту
Америка	782	36	890	38,1
Англия	576	26,5	783	33,5
Китай	484	22,2	415	17,7

При этом Америка ввозила: хлопка — 47% всего потребного количества, льна и пеньки — 40%, кожи — 70%, чугуна и стали — 65%, строительных материалов — 99%, нефти — 90%, бумаги — 50%, машин и инструментов — 66%.

Англия: каучука — 97%, хлопка — 50%, шерсти — 90%, железа и стали — 23%, свинца и олова — 52%, шерстяных фабрикатов — 100%, машин и инструментов — 26%. [1]

Таким образом основная масса промышленного сырья — уголь, нефть, шерсть, железо и сталь — без чего развитие капитализма натыкается на непреодолимое препятствие, привозится из Англии и Америки. Освободиться от их опеки можно, только найдя новые места получения сырья, а такое место лежит как раз под самым носом — Китай с его баснословными богатствами, особенно Манчжурия и Сахалин с нефтеносными пластами. Эти места уже послужили раз яблоком раздора между Японией и Россией, им суждено в будущем стать причиной японо-американской тяжбы.

«Некоторые лица,— писал видный идеолог японского империализма, называемый часто «японским Бернгарди» за свою блестящую публицистическую деятельность, — говорят, что все равно, как бы наши соотечественники ни прилагали своих усилий на укрепление своей решимости и ни подготовлялись серьезно к войне с Америкой, — мы сразу же почувствуем недостаток в сырых материалах, нужных для сооружения и изготовления линейных кораблей нового типа и оружия. Это будет тревожить нас. Но если бы государство наше обратилось за материалами к обширным землям Китая и Сибири, как к источникам снабжения... то эти задачи были бы разрешены без всякого труда».

Так открыто пропагандирует идеолог японского империализма захват Китая или Сибири, с целью разрешить противоречие между бурно растущим капитализмом и недостатком сырьевой базы, — противоречие, толкающее на войну со всеми теми, кто мешает захватить эти источники сырья и места приложения переливающего через край капитала.

«Дерево должно иметь корни, — еще резче подчеркивает свою мысль японский писатель, — и чем дальше простираются его корни, тем больше становится ствол. То же самое можно сказать о нации... Если Япония не прострет своих корней к континенту через море и если она останется на своей земле подобно растению в горшке, — ей не избежать участи зачахнуть и умереть. Препятствие ее экономическому развитию в Сибири и Китае является серьезным

[1] Журнал «Экономическое обозрение», февраль 1925, стр. 218.

вопросом, заключающим в себе участь Японии — ее жизнь или смерть».[1]

Империалистская война только усилила эти противоречия, так как позволила Японии занять рынки, освобожденные Европой и Америкой, промышленность которых была занята войной.

Со 155 млн. иен японский ввоз в Китай поднялся до 318 млн. иен в 1917 г. и 447 млн. иен в 1920 г.,[2] а импорт из Китая — с 61 млн. до 332 млн. иен.

Не меньшую приманку представляло и Приамурье, куда устремились японские капиталы.

В то же время, пользуясь империалистической войной, Япония значительно укрепила свои политические позиции. Приняв участие в войне на стороне Антанты, Япония усыпила на время подозрения Англии и России, но зато буквально одним коротким ударом расправилась с своим молодым соперником, Германией, захватив ее колонию Киао-Чао. Пообещав участвовать в войне, она однако не посылает в Европу ни одного солдата, все внимание сосредоточив на работе в Китае. Работа эта скоро завершится огромной важности результатом — предъявлением Китаю знаменитых 21 условия, отдающих Японии контроль над китайской армией и китайскими финансами и право строить железные дороги.

Вступление Америки в войну совсем развязало руки Японии. Америка, готовясь к войне, вынуждена была в особом секретном договоре, заключенном американским министром иностранных дел Лансингом с японским посланником Иши, признать особые преимущества Японии в Китае. Казалось, недостающие Японии уголь, железо и прочее промышленное сырье прочно попали в ее руки.

Такие же перспективы рисовались и в смысле экономического использования Сахалина и Приморья, стратегическое положение которых было гораздо выгоднее для Японии, чем Китая.

Но сохранить свое экономическое влияние над этими местами можно было только укрепив свое политическое господство над ними, а социальные потрясения в России как будто сулили очень выгодные перспективы Японии. Уже Февральская революция окрылила надеждой японскую дипломатию. Еще в марте 1917 г. японцы упорно оттягивали признание Временного правительства. Газета «Mandjurian Daily News» в номере от 30 марта, инспирируемая японцами, распространяла слухи об «анархии» в Харбине, требующей успокоения.

Япония нуждалась в усилении потрясений в России, что открывало ей дорогу к укреплению в Приморьи. 30 (17) июня 1917 г. комиссар Временного правительства по Дальнему Востоку сообщал в секретной телеграмме, что, по сведениям начальника контрразведки, во Владивосток из Кореи прибывают под видом рабочих японские жандармские чины и агенты тайной полиции, что японское правительство принимает спешные меры к увеличению своей армии в Северной Корее, что по стратегическим пограничным с Россией пунктам развозятся боевые припасы и т. п.

Через 3 месяца — 16 сентября — новая секретная телеграмма[3] сообщает

[1] Кайиро Сато, Япония и Америка в их взаимных отношениях, Гиз, 1923, перев. с японск., стр. 11.

[2] Журнал «Экономическое обозрение», февраль 1925 г., стр. 216.

[3] Помещена в «Правде», № 67 от 9 апреля 1918 г.

слухи, «подтверждаемые сведениями из вполне авторитетных источников», о намерении Японии ввести военный отряд во Владивосток, для чего готовится спровоцировать противояпонское террористическое выступление.

Октябрьская революция не только не прекратила этой подготовительной деятельности, но вселила в Японию уверенность, что возможность укрепления ее в Приамурьи близка. Конкретизировать эту возможность немедленно после большевистского переворота мешали Англия и Америка, не допускавшие мысли об укреплении Японии в этих местах и о выходе ее, таким образом, из-под англо-американской зависимости. Тем не менее, вопреки их противодействию, Япония пыталась в декабре 1917 г. прорепетировать свою попытку. Репетиция оказалась неудачной, повторить ее — но уже не в виде репетиции, а самой игры — удалось только после подписания большевиками Брестского мира.

Японский десант во Владивостоке шел навстречу тайным желаниям союзнической буржуазии, но он имел для нее и свои отрицательные стороны, ибо японские штыки, так охотно двинувшиеся в Россию, означали не только, или — вернее — не столько, восстановление фронта против Германии, [1] сколько закрепление японцами своей позиции на временно оставленных рынках. И особенно много горечи должен был причинить поспешный шаг Японии Америке. Не случайно Р. Сесиль, говоря о высадке японцев во Владивостоке, особо отметил, что у него есть надежды на одобрение этого шага со стороны САСШ.

Надежды министра не оправдались: Америка не только отказалась санкционировать шаг Японии, но резко выступила против японской интервенции.

Американская дипломатия прекрасно учитывала, что, имея в своих руках свободную возможность получать сырье из Китая и с Дальнего Востока, Япония станет неуязвимой. Даже соединенные флоты Англии и Америки не могли бы ничего сделать Японии. Удаленный от своих баз за много тысяч километров, находясь под постоянной угрозой японских подводных лодок и истребителей, соединенный флот, по общему признанию всех военных знатоков, [2] не мог бы даже отрезать Японию от материка: захватить проливы, охраняемые минными заграждениями, всем японским флотом и всей береговой артиллерией, можно было еще менее, чем форсировать Дарданеллы. Япония же, опираясь на тылы, получая техническое сырье и продовольствие из Китая и из Приморья в неограниченном количестве, годами могла бы отсиживаться от неполной англо-американской блокады и одновременно наносить удары далеко отстоящим от основных баз флотам своим противников.

Взять Японию можно было только полной блокадой, только отрезав ее от материка, т. е. в первую очередь со стороны России, через которую лежит путь и в Китай.

---

[1] У Японии вообще не было намерения всерьез втянуться в войну. Еще 16 (3) октября 1917 г. русский посол в Токио телеграфировал, что «Япония не согласна посылать войска на театр военных действий». Выгоднее выждать взаимное ослабление противников, — это определяло нежелание Японии воевать.

[2] См. например, N. Golovin, general, The problem of the Pacifik in the XX century. In Collaboration with adm. A. Bubnov, London 1923, p. 256. Частью перепечатана с пражского издания: Головин и Бубнов, Стратегия американо-японской войны, «Военный вестник», 1925 года.

«Как растение в горшке, — писал уже упоминаемый нами певец японского империализма, — Япония может расти до тех пор, пока ее корни имеют возможность распространяться по азиатскому континенту. Отрезанная от материка, она осуждена на смерть. И все же Америка жестоко старается подрезать японские корни и строит свою империалистскую политику на Востоке за счет Японии».[1]

Факт обостренного противоречия между Японией и Америкой отмечал и Ленин, приписывая ему огромное значение в деле укрепления Советской власти.

«При таком положении дела, — писал Ленин как раз в этот период (март — апрель 1918 г.) в знаменитой статье «Очередные задачи Советской власти», — реальной, не бумажной гарантией мира для нас является исключительно рознь между империалистскими державами, достигшая высших пределов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновлении империалистской бойни народов на Западе, а с другой стороны, в крайне обостренном империалистском соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем».[2]

Это же стремление Америки отрезать Японию от континента являлось, между прочим, ключом к пониманию ее позиции по отношению к Советской России, позиции, по существу такой же империалистской, как и Англии, но более «миролюбивой», как будто менее агрессивной: вмешательство в русские дела или слишком решительные шаги в России могут толкнуть последнюю в объятия Японии, а нейтралитет России в японо-американской схватке или, паче чаяния, русско-японский союз решит сразу спор в пользу Японии.

К этому следует прибавить еще одно соображение.

Вступление Америки в империалистскую войну, как будто развязавшее руки Японии, скоро показало и обратную сторону медали: Америка, по всей видимости, решила драться всерьез и тем дать победу «союзникам» над Германией. Расправившись с Германией, антанто-американский блок быстро прибрал бы к рукам Советскую Россию и опять сорвал бы весь японский план, подготовляемый с такой тщательностью. Если бы впрочем Германии удалось расправиться с Антантой до прихода Америки, то и тогда японские расчеты оказались бы под большим сомнением: Германия поставила бы в зависимость от себя будущую политику России. Япония быстро находит выход, годный на оба случая. Поздней весной 1918 г. она начинает договариваться с Германией о сепаратном мире, выходе из войны и совместной атаке Советской России.

Скороспелая высадка во Владивостоке если не была частью этого плана, то по крайней мере давала возможность Японии стать твердой ногой в Приморьи и быстро продвинуться к Байкалу, чтобы закрыть дефиле и закрепить за собой свои тылы в Китае и Приморьи.

Америка высказалась против японской интервенции, идущей гораздо дальше тех целей, которые ставили ей союзники, а позиция Америки в момент, когда на полях сражения решались судьбы Антанты, определила и поведение Антанты. Послы Англии, Франции и Америки заявляют наркоминделу т. Чичерину о полной непричастности своих правительств к японскому предприятию, хотя вслед за японским во Владивостоке высаживается

---

[1] Кайиро Сато, Япония и Америка в их взаимных отношениях, стр. 16.
[2] Ленин, Соч., т. XXII, изд. 2-е, стр. 439.

и небольшой английский отряд—для большого на месте людей нехватило.[1]

Но отказавшись от японской интервенции, они отнюдь не отказались от какой-либо иной интервенции.

«Япония согласилась помочь нам в Сибири, — писал с солдатской прямотой об этом генерал-майор Мейнард,—но в виду подозрительности Америки было невероятно, что она примет большое участие и проникнет достаточно глубоко на запад, чтобы оказать серьезное влияние на ход событий. Было очевидно поэтому, что нужно было в самой России найти боевые части».[2]

Ставку перенесли на внутренние силы России. В эту сторону и пошла подготовка общественного мнения к интервенции в России и в прессе и через парламент.

22 апреля в докладе о финансовом положении страны Бальфур останавливается на русских долгах:

«...Мы не можем игнорировать то, что случилось в России. Но я не могу допустить, я не верю в то, что мы должны считать русский долг безнадежными долгами, так как рано или поздно, независимо от того, что случилось теперь, будет или не будет Россия поделена, но будет устроенное правительство в этой стране. Естественные богатства России велики, и эксплоатировать их можно только с помощью капитала, и когда там будет правительство, потребуется иностранный капитал, и они поймут, что это недостижимо без признания старых долгов...».[3]

Тут нет еще прямого призыва к интервенции, но общество старательно уверяется в том, что в России собственно правительства сейчас нет. Можно ли считать то, что существует, правительством, раз оно не признает долгов, — что ordered government (добропорядочное правительство) только должно еще прийти, притом правительство, которое will realise («поймет»), что долги должны быть уплачены. В этой речи характерно вместе с тем, что помимо «предательства России в войне» — до сих пор официальный мотив интервенции — выдвигается и долг как один из основных вопросов, которые подлежат решению будущего правительства, а тем самым — как причина непризнания нынешнего правительства.

Несколькими днями позже подготовка мнения продвигается еще на шаг вперед. На вопрос одного из депутатов, обращенный к государственному секретарю по иностранным делам:

«Намеревается ли оно теперь (а во время Брестского мира были такие разговоры в парламенте. — *И. М.*) назначить своего посла в Россию», — последовал резкий ответ Бальфура: «Нет».[4]

---

[1] Интересно отметить, что уже на этом интервью вскрылись трения в самом «союзническом» лагере, — трения, которым суждено было превратиться в противоречие, резко выявившееся на наших глазах: в то время как английский посол заявил, что «иностранное вмешательство в Сибири противоречит намерениям английского правительства», а представитель Америки «категорически заявил, что его правительство против японского вступления в пределы Сибири», французский посол назвал выступление Японии «вполне естественной полицейской мерой» (см. «Правда» от 7 апреля 1918 г.). Для Америки японская интервенция «категорически» не нужна, для Англии — только «противоречит», а для Франции даже при официальном опровержении японская интервенция находит некоторое оправдание: непосредственной конкуренции Франции Япония не представляла, а убить двух зайцев — и большевиков сломить и «поддеть» своего «нынешнего» союзника, — от этого Франция не прочь.

[2] «The Murmansk Venture» by major-general C. Maynard, London, p. 12.

[3] «Parliamentary Debates», v. 105, p. 698.

[4] Там же, стр. 974.

Дальше — яснее: к тому же Бальфуру, министру иностранных дел, обращен вопрос:

«Было ли заключено какое-нибудь соглашение между союзниками и Америкой относительно невмешательства (non intervention) в русские дела?..».

Бальфур в ответ заявил:

«Нет правды в известии о том, что достигнуто какое-то соглашение о воздержании от интервенции в России (to abstain from intervention)».[1]

Сомнений нет: «воздержания» не будет, значит будет вмешательство, — подчеркнул парламент устами своего министра иностранных дел.

А лорд Р. Сесиль на вопрос, есть ли какие-нибудь переговоры между Англией и Америкой об интервенции, ответил:

«Сейчас идут длительные переговоры между английским правительством и Северо-Американскими Соединенными Штатами, как и с другими союзными правительствами, по этому вопросу».[2]

Переговоры однако не только шли, но и достигли определенных результатов.

В самом деле! Просачивание германских дивизий с востока на запад, шедшее сравнительно медленно, например к 8 мая 1917 г. было отправлено $6^1/_2$ дивизий — Февральская революция, как видим, не зря подняла тревогу союзников, — взамен которых к тому же ожидалось на восток, «для отдыха», с французского фронта $2^1/_2$ див.,[3] приняло ко времени окончания Брестского мира настолько быстрый характер, что только в продолжение 2 — 3 последних месяцев на западный фронт прибыло более 30 дивизий.[4]

Уже с середины января 1918 г., предугадывая результат Брестского мира, германский генеральный штаб предпринимает подготовку к грандиозному удару по соединенному англо-французскому фронту. С целью создания боевого настроения в армии и соответствующей боевой подготовки издается специальная инструкция: «Наступательное сражение в позиционной войне», хотя до сих пор действовала «оборонительная» инструкция, — а вместе с тем развивается и небывалая материальная подготовка. Удар намечается 50 — 60 дивизиями на фронте всего в 50 *км*, причем на каждый километр атакуемого фронта устанавливается от 20 до 30 батарей, т. е. около 100 орудий, что составляет до 5 тыс. орудий на всем участке, расположенных таким образом, что задние ряды стреляют через головы передних. Перебрасывается все, что можно, на западный фронт: даже с румынского фронта, еще не замиренного, уводится максимальное количество дивизий и оставляется неполных 4 немецких и 2 австрийских дивизии. Вся эта масса пехоты должна была немедленно продвигаться за огневой завесой из миллионов снарядов.

Наконец 21 марта, имея превосходство в 20 — 30 дивизий над союзниками, немцы двинулись к разрешению «величайшей задачи в истории»[5] —

---

[1] «Parliamentary Debates», v. 106, p. 2183.

[2] Там же, т. 107, стр. 1195.

[3] По данным Разведочного отдела штаба главнокомандующего юго-западного фронта.

[4] Из речи Бонар Лоу в парламенте 7 марта 1918 г., v. p. 103, 2162. Ген. Мейнард пишет по этому поводу: «Между сентябрем 1917 г. и маем 1918 г. не менее чем 75 вражеских дивизий (из коих 54 германских) да 9 кавдивизий были взяты с русского фронта». The «Murmansk Venture» by major-general C. Maynard, p. 2.

[5] Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914 — 1918 гг., стр. 144 — 161 — 235.

разгрому Антанты. Сокрушительный натиск между Аррасом и Уазой передал в руки Германии 90 тыс. нераненых пленных, большую укрепленную территорию на 60 *км* вглубь, причем была разгромлена одна английская армия полностью, а немецкая армия остановилась только в 17 *км* от Амьена, что угрожало разрывом сообщения между фронтами к северу и югу от реки Соммы. Сверх того на Украине 8 апреля был взят г. Харьков, и в руки Германии попал неисчерпаемый продовольственный район, а турки продвигались к Баку, разрешая тем самым проблему горючего.

Если прибавить ко всему, что из района г. Лана немцы стали обстреливать Париж из орудия дальнобойностью в 120 *км*, то станет понятна та паника, которая на время охватила верхи союзного штаба. Именно этой паникой и можно объяснить те предложения снова восстановить восточный фронт, с которым обращались решительно ко всем группам в России, причем в средствах не стеснялись и не разбирались. В списке получающих «пособие» на борьбу с большевиками для восстановления фронта, судя по процессу эсеров, фигурируют и эсеры и энесы, и кадеты, и Союз возрождения России, на беспартийной почве которого энесы и эсеры получали возможность заключать техническое соглашение с кадетами, и Савинков, и монархисты. Не останавливались даже... перед признанием Советской власти, именно — в Мурманском районе.

Мы уже отмечали, что если в парламенте «говорили» и сеяли надежды на возможно благополучный исход Бреста, то вне парламента, на месте, действовали, и не вина, а беда действовавших, что из действий ничего не вышло.

«Были предприняты шаги, — все с той же прямотой выбалтывает ген. Мейнард, — чтобы ободрить те русские элементы, которые были в оппозиции дальнейшему германскому проникновению, и в различных частях страны были поставлены на ноги многообещающие движения, особенно в Сибири и на Северном Кавказе».[1]

Читатель, надеюсь, уже догадался, что значит «ободрить» и «многообещающие движения»: ряд заговоров, террористических актов, восстаний, прокатившихся по стране, является кровавой иллюстрацией к этим мягким выражениям английского империалиста.

Каков однако был план англичан?

Не имея возможности ни использовать японцев, ни тем более оторвать свои силы, и без того еле сдерживающие натиск немцев, предполагали с помощью небольшого отряда, денег и организаторов поднять движение внутри России и создать таким образом новый фронт против немцев, оттягивающий на себя немецкие дивизии до прихода Америки.

«Но гораздо легче сделать расчет, — пессимистически оценил эти первые попытки Мейнард, — чем предпринять какие-либо шаги, особенно как в данном случае с союзными силами, каждая из которых имела свою собственную точку зрения и, со своими особыми взглядами на будущее очень подозрительно относилась к намерению других.

Франция предприняла короткий, но настойчивый удар на Украине, а наше морское ведомство приготовило сотни четыре подкреплений адмиралу Кэмпу, командовавшему северо-русской станцией. Но кроме этого и поддержки, оказанной казацкому движению при помощи субсидий их вождям, никакие решительные шаги не были приняты, когда разразилось ураганное наступление немцев в марте 1918 года».[2]

---

[1] Maynard, The Murmansk Venture, p. 12.
[2] Там же, стр. 3—4.

Но в России находились боевые силы, которые могли стать ядром будущего фронта — более 50 тыс. чехо-словаков. Взятые в плен во время войны, а большей частью добровольно перейдя из австро-венгерской армии на сторону России, чехо-словаки после долгой борьбы между союзниками [1] были организованы русским правительством в особые полки для борьбы с Германией. Ценой за эту борьбу являлось признание союзниками независимости Чехо-Словакии.

После Октябрьской революции чехо-словаки одно время сражались против немцев на Украине, а затем отступили в глубь России, чтобы, по предложению союзников, быть отправленными на западный фронт через Сибирь.

Против большевиков их пытались использовать на второй же день после Октября: 21 (8) ноября ген. Алексеев, развивая подробно свой план борьбы против большевиков, писал ген. Дидерихсу:

> «Прежде всего направить все, что можно, под благовидным предлогом с фронта, так, например, все чешско-словацкие полки, которые охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России». [2]

Не отрицали этого и сами чехи: командир 1 чехо-словацкого полка подтверждает предложение: «Выступить немедленно против немцев и большевиков непосредственно от Тамбова... на Москву».

В тот момент не добились единодушия в лагере союзников, и чехо-словаки продолжали продвигаться на восток.

Когда сорвалась японская интервенция, а атаки немцев стали особенно настойчивы, Высший военный совет союзников решил повернуть часть эшелонов на Архангельск и Мурманск, добавить к ним все другие небольшие союзнические силы, собрать вокруг них русские отряды, решившие выступить против Германии, и еще до прихода интервенционной армии заставить последнюю если не отвлечь войско с запада, то по крайней мере не дать беспрепятственно перебрасывать войска с востока.

> «Было решено, — сообщает об этом плане генерал, которому было поручено стать во главе предприятия — повернуть на Архангельск и Мурманск всех тех (чехо-словаков. — *И. М.)*, которые не проследовали слишком далеко на восток. Число их в общем определялось в 25 тысяч. Предполагалось, что вместе с сербским батальоном, который оперировал где-то к северу от Одессы, артиллерией небольшой французской миссии, принадлежавшей собственно Румынии, и нашими собственными морскими силами в Мурманске, они могли бы расстроить планы немцев достигнуть берега раньше прибытия союзных подкреплений». [4]

Распоряжение чехо-словакам повернуть на север было отдано, а послам предложили под всяким благовидным предлогом добиться от Советской власти пропуска чехов на север.

Советское правительство однако разгадало маневр союзников и отказалось менять свое распоряжение. Началась длинная переписка, нервировавшая союзных дипломатов, тем более, что немецкие атаки становились все настойчивее. Пришлось бросить игру и дать приказ о выступлении чехов там, где их застанет приказ.

---

[1] См. об этом «Красный архив» за 1930 г. №№ 33, 34.

[2] «Белое дело». Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном Врангелем, герцогом Лейхтенбергским и светлейшим князем Ливеном, под ред. фон-Лампе, т. I, Берлин, стр. 81.

[3] Там же, стр. 83.

[4] Maynard, op. cit., p. 7.

Как мало при этом надеялись на собственно чехов, свидетельствует тот факт, что раз принятого направления не изменили.

В Мурманске стояла эскадра, состоявшая из нескольких британских, американских и французских крейсеров и небольшого отряда в 2 500 человек из сербского батальона, французской артиллерийской группы, финского легиона, отступившего от немцев из Финляндии славяно-британского легиона из русских и поляков и моряков, высаженных на берег.

Уже одни эти цифры говорили, какой собственно авантюрой было все предприятие. Авантюрный характер предприятия станет еще яснее в свете новых данных, сообщенных ген. Мейнардом. Когда последний, отправляясь на север, попросил денег на предприятие, ему предложили использовать... селедки, раньше закупленные, но еще не вывезенные из Норвегии.

Эскадра, стоявшая в Мурманском порту, с согласия Советского правительства, имела задачей бороться против немецких попыток продвинуться к незамерзающему порту в Мурманске. Эту-то эскадру английское командование решило сделать своей базой. По приказанию главного английского командования в Мурманск был направлен ген. Мейнард, в распоряжение которого было решено передать особую военную миссию в 560 человек и небольшой экспедиционный отряд.

Миссия должна была состоять главным образом из офицеров-инструкторов, задачей которых являлось сорганизовать и обслужить армию в 30 тыс. человек, набранных на месте в Северной области.

В июне генерал Мейнард с отрядом отправился в Мурманск, где его ждал командующий всеми силами будущего фронта ген. Пуль.

Мурманск к этому времени играл довольно видную роль. По существу это было единственное окно в Европу, открытое круглый год. Именно это обстоятельство сделало его конечным пунктом железной дороги, специально построенной во время войны для связи с Петроградом. В Мурманском районе сконцентрировалось несколько тысяч пришлых рабочих, обслуживавших стройку, да соответствующее количество постоянных рабочих и технического персонала. Во главе края стоял Мурманский краевой совет, председателем которого был Юрьев, а военным руководителем, командовавшим войсками, ген. Звегинцев. Последний вместе с капитаном Веселаго вошли в тесную связь с союзной эскадрой, сообщая ей о всех планах, предпринимаемых Советской властью.

По признанию ген. Мейнарда и сам председатель Совета довольно часто вел переговоры с союзным командованием, большей частью по вопросам борьбы с немцами.

Состав населения города определил и характер совета. Большинство в нем принадлежало мелкобуржуазным элементам, полным всяких предрассудков, среди которых главную роль играли патриотические иллюзии. Ленин много раз подчеркивал, что мелкая буржуазия по своему экономическому положению гораздо более склонна к патриотизму, чем крупная буржуазия и тем более пролетариат: она далека от непосредственных пружин внешней политики, она к тому же чаще всех разоряется во время войны, удары которой особенно сказываются на неустойчивой экономике мелкой буржуазии. И у нас в России Брестский мир встретил особую оппозицию в патриотических предрассудках мелкой буржуазии.

«Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших, — можно сказать, исключительных — трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира... А мелкая буржуазия, по ее экономическому положению, более патриотична и по сравнению с буржуазией, и по сравнению с пролетариатом».[1]

Эксплоатируя эти патриотические настроения в среде депутатов, используя тяжелое продовольственное положение рабочих и их семей, Юрьев, апеллируя к интересам международной революции, повел за собой весь совет и добился согласия Краевого совета на заключение договора с союзным отрядом.

То, что имелось в резолюции Московского областного бюро и что вызвало такой резкий отпор Ленина в статье «Странное и чудовищное», — «в интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной», — стало фактом на севере: 8 июня Мурманский Краевой совет получил телеграмму от Ленина с предложением «союзникам» покинуть Мурманск и в тот же день сообщил эту телеграмму англичанам, а в Петербург ответил объявлением Ленина изменником революции за заключение Брестского мира, разрывом с Советской властью и объявлением войны Германии.

7 июля Мурманским Краевым советом было утверждено «временное, по особым обстоятельствам, соглашение представителей Великобритании, САСШ и Франции с президиумом Мурманского Краевого совета».[2]

Соглашение заключалось для совместных действий против держав германской коалиции, при этом: 1) главное командование союзными и русскими силами устанавливалось на тех же началах, что и на других союзных фронтах; 2) все русские войска подчинялись русскому командующему, назначенному Мурманским советом, но союзникам разрешалось формировать русские добровольческие части, разбавляя их иностранными ротами; 3) союзники брали на себя снаряжение, снабжение, передвижение и инструктирование русских войск.

Таким образом, по существу, вся вооруженная сила Мурманского края, — а край составлялся из Александровского и Кемского уездов Архангельской губ., — передавалась в полное распоряжение союзного командования, которое могло ее направлять по своему усмотрению, а значит и против Советской России.

Взамен этого «союзники» обязывались

«насколько это окажется возможным, доставить Мурманскому краевому совету продовольствие для всего населения края, включая сюда и пришлых рабочих с их семьями, по норме, соответствующей по питательности норме потребления воинских чинов союзных вооруженных сил в Мурманском крае» (§ 7), а также

«доставлять, поскольку это окажется возможным, мануфактуру и другие предметы первой необходимости» (§ 9).

К этому § 10 добавлял обязательство союзников дать материал и предметы технического снабжения и оборудования для строительных работ, но планы работ должны были составляться совместно союзниками с Советом, при этом

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 2-е, стр. 291.

[2] «Архив Октябрьской революции», фонд IV. Сборник распоряжений и постановлений Мурманского Краевого совета с 6 июля 1918 г. по 1 сентября 1918 года.

в первую очередь для военных надобностей, т. е. в интересах опять-таки союзников, для которых Совет фактически становился поставщиком живой рабочей силы.

Союзники «за белую булку и английское сукно», как зло язвили красногвардейцы, получили, таким образом, в свое полное распоряжение, плацдарм для дальнейшего развертывания.

Самое любопытное однако не в этом — колониальная практика Англии имеет и более яркие примеры грабежа и политического порабощения, — а в государственной организации этого нового образования. Статья 5-я соглашения гласила:

«Вся власть во внутреннем управлении краем принадлежит исключительно Мурманскому Краевому совету», —

т. е. англичане признали Советскую власть как форму государственной организации.

От обязательств, вытекающих из этого признания, как, скажем, обращаться к населению не непосредственно, а через соответствующие русские власти, англичане отделались примечанием:

«За исключением прифронтовой полосы, где приказы союзного военного командования, вызываемые условиями боевой обстановки, должны беспрекословно выполняться всеми», —

не так уже трудно объявить всю область на военном положении и тем разделаться с обязательствами.

Но зато перед общественным мнением своей страны можно было предстать с невинным лицом: никакой интервенции нет, есть лишь соглашение с самой Советской властью.

Как ни интересен этот опыт с признанием советской власти, все же он имел местное значение. Распространить его на большие районы не входило в расчеты «союзников». В нашем распоряжении имеются сейчас документы, которые позволяют ответить на вопрос, почему такое признание не шло в расчеты Антанты.

Выше уже отмечалось, что в Петербурге ряд представителей иностранных миссий вошел в неофициальные сношения с Советским правительством. Особенно тесную связь имел с Наркоминделом глава американского Красного креста полковник Робинс, информировавший через посла Фрэнсиса министерство иностранных дел Америки о каждом шаге Советского правительства во время брестских переговоров.

5 марта, т. е. на второй день после подписания мира, но *до* его ратификации съездом Советов, Робинс явился к Троцкому, с которым имел следующий диалог:

«Троцкий. Вы говорили относительно помощи Америки. Можете вы оказать ее? Можете ли вы добиться определенного обещания от вашего правительства? Если вы можете, мы можем даже сейчас покончить с миром. Я буду в Москве против ратификации и покончу с миром.

Робинс. Но вы всегда были против ратификации. Вопрос же в том — как Ленин? Ленин руководит правительством. А он как?

Троцкий. Ленин тоже согласен.

Робинс. Скажет ли он сам об этом?

Троцкий. Скажет».[1]

---

[1] William Hard, Raymond Robins' Own Story, p. 135.

Дальше Робинс рассказывает, что он пошел в сопровождении Троцкого и своего переводчика к Ленину в кабинет и получил там от Троцкого неподписанный документ. Документ этот уже был опубликован т. Покровским, [1] почему можно ограничиться только приведением нескольких параграфов. Если Брестский мир будет сорван — отказом ли Советов от его ратификации, продолжением ли германского наступления, —

«1. Может ли Советское правительство рассчитывать на поддержку со стороны Соединенных Штатов Северной Америки, Великобритании, Франции в его борьбе против Германии?

2. Какого рода и на каких условиях может быть оказана в ближайшем будущем поддержка — военным снаряжением, средствами сообщения, съестными припасами?

3. В частности и в особенности, какого рода поддержка может быть оказана Соединенными Штатами Северной Америки?».

Дальше документ спрашивал: какую помощь можно было бы получить от Америки, если бы Япония в силу тайного соглашения или на свой страх и риск захватила Владивосток и двинулась к Уралу? Какую бы позицию в этом вопросе заняла Великобритания? Документ кончался следующим параграфом, отсутствующим в русском переводе:

«Все эти вопросы носят условный характер при том само собой разумеющемся предположении, что вся внутренняя и внешняя политика Советского правительства будет попрежнему вестись в согласии с принципами интернационального социализма и что Советское правительство сохранит свою полную независимость от всех несоциалистических правительств». [2]

Мы не знаем, исходил ли этот документ от Ленина, да и трудно предположить, чтобы в момент, когда немцы находились в непосредственной близости к Петербургу, такой документ был официально подписан, — но что такой документ мог отражать тогдашнее настроение Ленина, об этом говорит факт голосования в ЦК 22 февраля 1918 г. по вопросу о том, брать ли поддержку от Антанты. Ленин, отсутствовавший на заседании ЦК, прислал следующую записку:

«Прошу присоединить мой голос за взятие [поддержки] и оружия у разбойников англо-французского империализма». [3]

Так или иначе, но документ этот попал в министерство иностранных дел САСШ. По крайней мере Фр. Шуман, работавший над архивными документами министерства иностранных дел, не отрицает этого факта, а напротив, приводит данные, подтверждающие факт его получения. Тот же Шуман подчеркивает, что телеграмма Вильсона IV съезду Советов вышла 11 марта, а документ прибыл в Вашингтон после 12 марта. Таким образом телеграмма Вильсона не является прямым ответом на предложение Советского правительства, хотя, по сообщению того же Шумана, министерство иностранных дел 19 марта на повторные требования Робинса и Фрэнсиса телеграфировало,

---

[1] М. Н. Покровский, Внешняя политика России в XIX и XX веках, изд. Коммунистического ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926.

[2] W. Hard, R. Robins' Own Story, p. 139. Документ перепечатан также в книге «Russian-American Relations, March 1917 — March 1920». Documents and Papers, compiled and edited by C. K. Cumming and Walter W. Petit. Однако в последней книге документ приведен не по Робинсу, а по Congressional Record, January 29, 1919, p. 2336.

[3] Ленин, Соч., т. XXII, изд. 2-е, стр. 607. В записке, собственно, написано «картошки», но это, возможно, описка.

что «считает обращение президента к народу (т. е. знаменитые 14 пунктов.— *И. М.*) и его приветствие съезду достаточным ответом».

Тот же документ был вручен Робинсом английскому дипломатическому представителю Локкарту, который немедленно переслал его Ллойд-Джорджу.

«Позвольте мне сообщить Ленину, — телеграфировал Локкарт, — что вопрос о японской интервенции урегулирован, что мы убедили китайцев снять запрещение на подвоз продуктов, что мы готовы поддерживать большевиков, поскольку они будут бороться с Германией и что мы изыскиваем сейчас путь, по которому эта помощь могла бы быть оказана. В возврат за это имеется много шансов на объявление войны (по существу война между большевиками и Германией во всяком случае неизбежна), и это вызовет известный энтузиазм. Дальше я думаю добиться уверения, что советское правительство, по крайней мере на настоящее время, воздержится от революционной пропаганды в Англии».[1]

Ни американское, ни тем более английское правительство на документ, центром которого, ясно, являлось признание Советского правительства, не ответили. Было много причин, почему на документ не ответили, пишет Шуман:

«Возможно, что de facto признание или даже формальное признание Советского правительства, которое должно было заключаться в ответе при согласии, было слишком высокой ценой за сомнительное возвращение в войну».[2]

Весь смысл отказа и состоял в том, что приходилось признать советскую власть. Вернуть Россию в войну и тем создать восточный фронт, это несомненно имело огромное значение, — но не Россию С о в е т с к у ю: Советская власть должна была той или иной ценой, — по Асквиту, мы сейчас это увидим, любой ценой, — уступить место другой.

«Взгляните на факты относительно поведения англо-французской буржуазии, — писал Ленин. — Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! Это «только» кредит!). Она хочет, чтобы мы теперь воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому, что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом».[3]

Между тем паника, вызванная стремительным продвижением немцев, постепенно стала проходить, хотя само положение попрежнему оставалось напряженным. На западе (правда, большим напряжением всех транспортных средств не только союзных, но и нейтральных стран) союзники за апрель, май и июнь перебросили до 20 новых дивизий, — а в июле довели число перевезенных солдат до 300 тыс. человек. Американский генерал Першинг рассказывает, что к 31 декабря 1917 г. во Франции было 176 665 американских солдат, но на фронте — лишь одна американская дивизия; к 21 же марта прибыло 300 тыс., а к концу мая — до 600 тыс. солдат.[4]

---

[1] «Russian-American Relations», p. 84.

[2] S h u m a n, op. cit., p. 79.

[3] Л е н и н, Соч., т. XV, изд. 1, стр. 108.

[4] Gen. P e r s h i n g, Annual Report of Secretary of War, 1918. The War with Germany. Людендорф в своих воспоминаниях сообщает, что американские солдаты грузились только в своей походной форме без всякого снаряжения — обоза, орудий, припасов, боевых и продовольственных. Снаряжение для такой колоссальной армии потребовало бы неизмеримо большего количества транспортных средств и отразилось бы на быстроте доставки людей. Предпочитали поставить сотни тысяч людей в катастрофическое положение, — ибо армия без снаряжения обречена на поражение, — лишь бы заполнить брешь на фронте.

Это дало возможность новую германскую атаку — 27 мая на Суассон, а особенно 9—15 июня — сдержать, не дать ей перейти в катастрофу и в свою очередь подготовиться к контр-удару.

Уже в начале июня, когда выяснилось истощение немецкой живой силы и все растущее число американских армий, Клемансо произнес речь в Париже: «Теперь мы отступаем, но мы никогда не сдадимся», а английское правительство стало решительнее продолжать прежнюю систематическую кампанию по вмешательству в русские дела, которую переживаемая паника только быстрее двинула вперед.

В Нижней палате М. Асквит снова возвращается к вопросу об интервенции:

«...Развал русского противодействия Германии — вот непосредственный источник и причина всех наших несчастий, от которых мы страдаем на западном фронте. Но мы все же не можем закрывать наших глаз на то, что происходит в России... и обращаться с ней как с несуществующей или quantité negligeable — это политика фатальной близорукости, и, по-моему, всеми средствами дипломатии и, если понадобится, с помощью военной и морской поддержки мы должны, пока не поздно... установить отношения дружбы и интимного союза с великим русским народом...

Я знаю очень хорошо деликатность плана, я знаю интернациональные и другие трудности, с которыми в этой четверти года встретится предложение об интервенции, и поэтому я не произвожу давления на правительство... но мы стремимся, больше чем когда-либо, иметь Россию на своей стороне...».[1]

Прямая, открытая интервенция, притом вооруженная — таково предложение Асквита. Тут нет даже попытки прикрыть его какими-либо оправдывающими мотивами вроде того, что «русский народ приглашает интервентов», — все карты открыты.

А м-р Мартин идет дальше и набрасывает подробный план всех мер по завязыванию «дружбы» с «русским народом», причем о «русском народе» говорили в противовес советскому правительству, как не представлявшему народа. План, по существу уже проведенный в жизнь — и тут практика опередила теорию, — состоял в том, что объединенная экспедиция, предводительствуемая англичанами (conducted by the British Government), в составе всех союзников, а особенно Америки и Японии, должна быть направлена в Сибирь. Должны быть использованы тысячи китайцев, работающих на западе Америки для постройки железных дорог для ускорения подвоза:

«Я верю, — закончил депутат свою речь, — ...если мы получим такую армию, посланную в Сибирь через Владивосток... на восточный фронт Германской империи, именно по этому направлению, мы войдем в Париж и положим конец ужасной войне».[2]

Если были какие-нибудь сомнения в необходимости интервенции, то они касались только формы, но не сути ее. Так полковник Веджвуд выступил против интервенции следующим характерным образом:

«...Интервенция, о которой говорят, как мел от сыра, отличается от той, которая навязывается народу против его воли... Она бросит русских большевиков, так же как и буржуазию, в руки германцев, чтобы защитить их от желтой опасности... она разрушит веру в союзников... она принесет бедствие нашему делу...».

Смело можно подумать, что после этого должен последовать один только вывод: отказ от интервенции. Но такой вывод следует по законам простой логики, но не логики парламентариев:

---

[1] «Parliamentary Debates», v. 107, p. 237.
[2] Там же, стр. 309.

«По-моему, — продолжает оратор, — 25 тыс. американцев, направленных в Сибирь по просьбе русских, сделают больше, чем 500 тыс. во Франции. Они не только оттянут часть германских войск с западного фронта... но и будут там зерном, вокруг которого соберутся... силы славян для будущего спасения демократии от империализма...».[1]

А премьер-министра смущают даже не «интернациональные трудности», как Асквита, — сама интервенция для него вне сомнения, — но другой вопрос из той же области: труден доступ в Россию.[2]

Но вопрос формы — чисто технический вопрос, и решать его будет соответствующий орган. На запрос Кинга: обычное ли это явление, что союзники открывают новый фронт и новую кампанию, очевидно с новыми намерениями, без какой-либо информации или извещения, последовал ответ Р. Сесиля: «Это дело должно быть разрешено военными соображениями».[3]

Интервенция перешла в руки военного штаба, которому предстояло решить и все технические вопросы, вплоть до того, где произвести вооруженное вмешательство, — вопрос тем менее трудный, что последнее немецкое наступление 15 июля кончилось неудачей, а 18 июля французы перешли в успешное наступление, превратившееся с 8 августа в разгром Германии: силы, нужные для вооруженного вмешательства, наконец нашлись.

2 июля 1918 г. Высший военный совет обратился из Версаля к Вильсону «с призывом помочь чешским войскам», 5 июля получил согласие. 17 июля правительство САСШ обратилось к Японии с предложением высадить совместный отряд, и

«2 дивизии японцев, 7 тыс. американцев, 2 британских батальона под командой полковника Джонсона и полковника Уорда, рабочего члена правительства, 3 тыс. французов и итальянцев, подчиненных японцам, были двинуты, высажены с возможной быстротой во Владивостоке и двинулись по железной дороге на запад».[4]

3 августа было опубликовано официальное заявление Вильсона с объяснением принятого шага. В заявлении Вильсон попрежнему высказался против интервенции, как меры, которая только повредит делу. Что касается восстановления восточного фронта, то

«мы решили направить всю нашу энергию на то, чтобы выиграть на западном фронте и, по мнению правительства Соединенных штатов, было бы неразумно разделить и рассеять наши силы».

Дальше заявление гласит:

«Поскольку правительство Соединенных штатов ознакомилось с общей обстановкой, военные действия допустимы в России только с целью оказания помощи чехо-словакам против вооруженных австрийских и немецких пленных, которые атакуют их, и поддержать всякое стремление к самоуправлению или самозащите, если сами русские захотят принять помощь. Во Владивостоке, Архангельске или Мурманске единственная задача, которая будет поставлена перед американскими войсками, — защищать военные запасы, которые понадобятся... русским силам, и оказать ту помощь, которая окажется приемлемой для русских в организации их самозащиты.

Ставя перед собой такие задачи, правительство Соединенных штатов поэтому предложило правительству Японии, чтобы каждое из них послало по нескольку тысяч человек с целью совместной работы, для занятия Владивостока и охраны, насколько можно, страны в тылу движущихся на запад чехо-словаков. Правительство Японии согласилось».[5]

---

[1] «Parliamentary Debates», v. 107, p. 756.
[2] Там же, стр. 784.
[3] Там же, т. 108, стр. 1202.
[4] Churchill, op. cit., p. 5, 161.
[5] Заявление приложено к цит. книге Шумана.

Что определило перелом в отношении Америки, выходит за рамки нашего исследования. Надо полагать, что перелом на фронте сделал Антанту более настойчивой и позицию ее более независимой от американской помощи. Приходилось следовать за Японией, которая уже давно бесповоротно решилась на выступление.

Что касается документа, то сам по себе он не нуждается в пояснении, но самое пикантное состоит в том, что помогали атакуемым австро-немецкими пленными чехо-словакам, двигавшимся на запад: атакуемые, — вынужден был признать Вильсон — оказывается, сами атаковали.

5. Выбор места

Были только два района, удобных для вмешательства: Дальний Восток и Север. Эта трудность доступа в России, так тревожившая Ллойд-Джорджа, была одной из причин удачи «передышки» Советской власти после Бреста, ибо отсутствовала непосредственная связь с союзниками: все западные пути были заняты австро-германской коалицией. О Владивостоке мы уже говорили, но Север требует нескольких дополнительных штрихов.

Посмотрим прежде всего, действительно ли «бывшие фабриканты, нефтяники и шахтовладельцы — вот кто диктовал направление интервенционных войск» — как выразил один автор довольно широко распространенные предрассудки. [1]

Что представлял собой Архангельск? Ведь только о нем и можно говорить, как о крупном экономическом центре, экспортирующем сырье: лес, хлеб, лен, продукты деревообделочной промышленности и пр.

О росте Архангельска, как экспортирующего порта, дают представление следующие цифры: [2]

Приход судов заграничного плавания

Годы	Иностранных		Русских		Всего	Увеличение
	Парусных	Паровых	Парусных	Паровых		
1914	14	729	337	59	1 139	—
1913	11	815	351	75	1 252	+112

За 3 года увеличение составляет около 10% — цифры, говорящие о сравнительно быстром росте.

Общий грузооборот Архангельского порта, оборудованного мощными кранами, громадными складами, холодильниками и пр., увеличившего свой навигационный период благодаря приобретению ледоколов, что для крайнего севера является колоссальным достижением, развивался следующим темпом:

[1] З. Миркин, СССР, царские долги и наши контрпретензии, стр. 12.
[2] Обзор Архангельской губ. за 1910 и 1913 годы.

1908 г.	1909 г.	1910 г.	1913 г.
в тоннах			
2 541 000	3 147 500	3 705 000	4 250 000

Основную массу архангельского экспорта составляет лес, причем лесопильное производство вообще одно из немногих достигло в Архангельской губ. размеров крупного производства, требующего солидных капиталов и большого числа рабочих.

Годы	Число заводов	Сумма произв. в рублях	Число рабочих
1904	34	13 139 223	—
1907	32	15 086 922	—
1910	35	21 499 488	14 829
1913	44	28 002 006	19 748

До 80% всего этого производства вывозилось за границу, главным образом в Англию.

Так за период 1909 — 1913 гг. вывоз пиленого леса из Архангельска распределялся по странам следующим образом. [1]

Страны	Стандарты				
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Англия	119 108	133 778	121 801	130 309	177 235
Голландия . . .	39 096	44 838	46 434	58 092	61 931
Бельгия	21 803	19 845	11 804	17 620	22 792
Франция	556	729	981	4 773	3 144

Участие России в общем привозе лесных товаров в Великобританию непрерывно росло, вытесняя другие страны: [2]

Страны	1904 г.	1907 г.	1910 г.	1913 г.
	в процентах			
Россия	32	37	47	51
Скандинавские страны . .	33	32	26	25
Америка и Канада	31	28	25	22

[1] «Народное хозяйство России» за 1914 год.

[2] Там же за 1915 год.

Война 1914 г., прекратившая внешнюю торговлю во всех других портах, на Архангельске отразилась гораздо меньше, так как Архангельск оставался единственным окном во внешний мир; притом роль Англии в архангельской торговле росла и во время войны:[1]

Импорт

Годы	Привезено грузов в млн. тонн	Увеличение по сравнению с прошлым годом в тоннах
1913	131 360	—
1914	618 805	487 445
1915	1 246 460	627 655

Это увеличение падает почти исключительно на Англию, так как в 1914 г. она перевезла на 329 тыс. *т* больше, чем в 1913 г., а в 1915 г. на 274 600 *т* больше, чем в 1914 году.

Экспорт за время войны из Архангельска пал, что объясняется прекращением вывоза в воюющие страны — Германию например, запрещением вывоза целого ряда товаров по обстоятельствам военного времени, но Англии это сокращение не коснулось: вывоз, как и ввоз, на английских судах увеличился и за время войны:

Экспорт

Годы	Число тонн в тысячах	Уменьшение по сравнению с прошлым годом	Выполнено английскими судами	Увеличение по сравнению с прошлым годом в тыс. тонн
1913	1 495	—	—	—
1914	1 278	217	156	+ 60
1915	1 116	162	219	+220

Сами цифры, как видим, говорят очень мало в пользу упростителей, они совсем потеряют свою ценность, если вспомнить, что главную массу груза составляли с каждым годом все более военные припасы. Достаточно прибавить, что за одну навигацию 1917 г. в Архангельске выгрузили 650 тыс. *т* одного каменного угля.[2]

Интересы английских кругов, с революцией потерявших своего потребителя или поставщика, несомненно не могли не остаться без влияния на отношение к интервенции. Это влияние могло оказаться тем сильнее, что английские капиталы играли огромную роль в лесной промышленности Севера: так «Маймакское лесное т-во» и «Компания Онежского лесного торга» целиком

[1] Цифры взяты из «Народного хозяйства России» за 1915 г., изд. НКФ. Цифры немного округлены.

[2] М. Кедров, За советский Север, «Прибой», 1927.

принадлежали англичанам, а в ряде других предприятий их участие выражалось в 60%.[1] Недаром позже, в 1919 г., когда вопрос об уходе англичан с севера уже был решен, в Англии была поднята большая кампания об отправке в Архангельск «добровольческих» частей, и в то же время распространялись брошюры какого-то «частного» общества, очень подробно перечислявшие все те мероприятия, какие необходимы для укрепления английского влияния на севере. Среди ряда советов на первом месте стоит захват в свои руки финансов, а на втором — мест заключения. Один из членов северного правительства, В. И. Игнатьев, рассказывает, что эти советы не остались без последствий: «союзный» представитель настойчиво пытался захватить контроль над тюрьмами.[2]

Но оказать влияние на выбор места интервенции, определить направление интервенции интересы английских лесопромышленников не могли: слишком мала их роль в общем балансе страны. Они могли облегчить работу интервентов после уже взятого направления: старые связи, знакомство с рынками и т. п. могли быть и были широко использованы.

Но выбор направления объяснялся совсем другими причинами. Для этого совсем не нужно становиться на точку зрения экономического материализма, все объясняющего непосредственно экономическими мотивами. Политика ведь есть концентрированная экономика — гласит одно из положений марксизма.

В Мурманском порту уже стоял флот; в продолжение всей войны англичане использовали этот незамерзающий порт для снабжения русской армии, от Мурманска была построена железная дорога, связывавшая этот порт с остальной Россией.

Этот район, так же как и Архангельский, довольно близок к Петербургу, захвата которого немцами опасались союзники. Отсюда легче было ударить по обеим столицам, удобнее связаться с любым движением на востоке в Сибири, — вот что определило направление интервенции. Все это вместе взятое предрешило выбор, и местом «дружеского вмешательства» (friendly intervention) наряду с Владивостоком стал Север: 2 августа 1918 г. английская эскадра, снеся предварительно Мудьюгские батареи, заграждавшие вход, вошла в Архангельский порт.

---

[1] П. Оль, Иностранные капиталы в России, 1922, стр. 67.

[2] В. И. Игнатьев, Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917—1921 гг.), Гиз, 1922.

ГЛАВА II

АНТИСОВЕТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

После этой картины было бы большой ошибкой искать причины северной контрреволюции только в классовых отношениях Северной области. Но несомненно, что процессы, происходившие в социальных отношениях Севера, облегчили работу интервентам: вооруженному вмешательству извне шел навстречу процесс изнутри. Не случайно выступление противосоветских элементов в Архангельске только на 6 часов опередило союзный десант: не только вдохновители, но и исполнители того и другого спелись задолго до решительного дня.

Дедусенко, член северного правительства, показал на процессе эсеров, что Чайковский, будущий председатель правительства, в конце июля виделся в Архангельске с «союзниками», которые уверили его в близости десанта. [1] Американский же посол Фрэнсис в свою очередь подтверждает факт согласованности обоих моментов, записав в своем дневнике сообщение Линдлея, поверенного Англии, оставленного в России вместо Бьюкенена, что генерал Пуль, командующий английским десантом, будет в Архангельске в первую неделю августа. [2] При этом под 27 июля в том же дневнике записано, что через ряд секретных путей посол получил известие о готовящемся антибольшевистском перевороте в Архангельске, почему и счел удобным покинуть на это время город. [3]

Таким образом даже американский дипломат, которого, как мы увидим позже, английское командование не всегда держало в курсе событий, все же знал, что шла подготовка по увязке обоих моментов выступления.

Посмотрим, какова была классовая расстановка на севере перед взрывом.

Центр внимания при этом придется перенести на деревню, так как в настроении буржуазии города сомневаться не приходилось: оно всегда было против пролетарской революции.

Весь северный район не земледельческий.

Из всей области своим хлебом круглый год жил только Шенкурский уезд, в других же местах его хватает только на 4—9 месяцев, что заставляет ввозить хлеб из других частей России.

Поэтому прослеживать процессы классового расслоения крестьянства удобнее всего по материалам Шенкурского и отчасти Холмогорского уездов, где процессы эти наиболее выпукло проходят, если вообще можно говорить о яркости процесса в этой нетипично-земледельческой полосе.

Отсутствие земства в Северной области сказалось, в частности, на состоянии статистических сведений: их так мало, а существующие настолько

---

[1] Дело эсеров, т. VI, стр. 115.
[2] Francis, Russia from the American Embassy, p. 251.
[3] Там же, стр. 263.

неудовлетворительны, что очень трудно уловить в них динамику развития хозяйства. Тем не менее комбинация различных сведений позволит составить себе все же достаточно убедительную картину.

По всей губернии (данные 1905 г.) было:[1]

Число дворов	Надельной земли в десятинах	Земля в частной собственности в десятинах	На 1 двор
55 149	334 848	64 121	6,1

Из коих земля, находящаяся в частной собственности, по категориям владельцев распределялась так:

У дворян	У мещан	У купцов и почетных граждан	У крестьян	У крестьянских общин	У торгово-промышленных и фабричных предприятий	У прочих
140	27	1 674	61 462	422	180	216

Таким образом основная масса земли — надельная и притом находящаяся в общинном владении: из 55 149 дворов на подворном праве владели лишь 1 408 дворов с площадью в 12 710 десятин. Что же касается частновладельческой земли, то почти вся она состоит из расчисток на землях казны, каковыми крестьяне владеют на правах 40-летнего пользования. О расчистках и их роли в сельском хозяйстве Севера мы еще будем говорить в главе об аграрных законах буржуазной реакции, но уже самый факт владения расчистками говорит об известном неравенстве под покровом общины, так как расчистить почву из-под леса составляет значительную трудность, требуя и лишней рабочей силы и материальных средств. Расчистками владеют почти исключительно более богатые слои деревни, которым под силу предпринять расчистку поля из-под леса. Расслоение этим однако не ограничивалось, достаточно посмотреть на следующие цифры по наиболее земледельческому уезду:

Распределение надельной земли

Уезды	На 1 двор в среднем десятин	В % общего числа дворов имеют					
		До 5 десятин		От 5 до 10 десятин		Свыше 10 десятин	
Холмогорский . .	4,5	I группа	71,1	II группа	28,9	III группа	—
Шенкурский . .	8,1		12,7		57,1		30,2

[1] Цифры взяты и скомбинированы из следующих источников: 1. Статистический ежегодник «Россия»; 2. Статистика землевладения в 1905 г., Сб., 1906 г.; 3. Всеросс. сел.-хоз. и поземельная перепись 1917 г. по Архангельской губ. Архангельск. 19 9 г. 4. Переписи 1905 и 1916 гг. 5. Памятные книжки Арх. губ. на 1907 и 1914 гг. 6. А. А. Жилинский, Крайний север Европейской России, П. 1919 год.

Дальше, надельная земля в I группе распределяется так:

Всего земли в группе до 5 десятин	В среднем на двор в группе до 5 десятин	Число дворов до 5 десятин				Всего дворов	До 5 дес. нехватает десятин
		1—2 дес.	2—3 дес.	3—4 дес.	4—5 дес.		
Холмогорск. 18 384	3,8	—	572	1 708	2 447	4 776	5 496
Шенкурский 5 413	3,2	—	128	1 537	19	1 684	3 007

т. е. по одному Шенкурскому уезду у 1 684 дворов нехватает 3 007 дес., чтобы иметь на хозяйство 5 десятин. Но так как по тому же уезду средний размер на двор 8,1 дес., то в действительности этой группе недоставало еще 5220 дес., а всего 3 007 + 5 220 = 8 227 десятин.

Если прибавить сюда половину или даже треть дворов из II группы, владеющих от 5 до 10 дес., в которой не все конечно владеют нормой в 8,1 дес., примерно 2 500 дворов, то и для нее общая нехватка выразится в 8 тыс. десятин.

Более $^1/_3$ дворов $(12,7 + \frac{57.1}{2} = 41,3\%)$ под кровлей общины не владело средней нормой уже в 1905 году.

Процессы, начавшиеся в 1905 г., понятно, не прекратились к революции 1917 г., а приняли еще более резко выраженный характер. К сожалению, проследить этот процесс еще труднее, ибо перепись 1917 г. произведена еще хуже, чем предыдущая: составители совершенно не разбивали хозяйства на разряды, оперируя средними цифрами, в которых тонет всякое неравенство. Но и эти средние цифры, распределенные соответствующим образом, подчеркивают, что тенденции расслоения крестьянства, наметившиеся к 1905 г., получили еще более резкий характер.

Присмотримся к следующим данным по тем же уездам:

Уезды	Число хозяйств	Без посева	Без всякого скота	Без рабочего скота	Всего голов крупного рогатого скота	Всего голов скота	Всего пашни
Холмогорски .	8 532	312	826	2 236	19 744	34 771	12 952
Шенкурский . .	1 17	384	1 174	3 738	44 718	99 283	36 290

Из 16 717 хозяйств Шенкурского уезда только 384 не сеют совсем, а из остальных сеющих 1 174 находятся в полной кабале, так как совсем не имеют скота, а 3 738, не имея рабочего скота, находятся в частичной, а иногда даже полной кабале у буржуазных верхушек деревни, — короче 30% — 4 912 из 16 333 — всех хозяйств, не имея никакого скота, всецело находятся в экономической зависимости от кулацкой верхушки крестьянства, причем надо подчеркнуть, что остальные хозяйства в то же время в среднем имеют до 3 голов крупного рогатого скота на хозяйство.

Именно это среднее наличие скота на хозяйство проливает в частности свет на вопрос, почему в этих уездах сохранилась в такой неприкосновенности

община (а она сохранилась и к 1917 г.): многоскотные владельцы могли пользоваться общими выгонами, а при выделении на хутора эта возможность отпадала, — отсюда противодействие переделам со стороны «богатеев» села.

Будь в нашем распоряжении цифры скота по числу голов на двор, а не средние цифры, можно было бы узнать, какая именно группа эксплоатирует эти 30% хозяйств; но этих цифр нет: приходится обращаться поэтому к другой комбинации материалов, например к состоянию инвентаря в уезде.

По данным переписи 1917 г. было:

Уезды	Число хозяйств	Число хозяйств без усовершенствованного сельскохоз. инвентаря	Распределение сельскохозяйственного инвентаря по хозяйствам					
			Плуги железные		Веялки		Молотилки	
			Свои	Наемные	Свои	Наемные	Свои	Наемные
Холмогорский	8 532	7 184	718	35	115	2	15	1
Шенкурский	16 717	13 846	1 855	63	114	6	56	2

Цифры сами по себе не поражающие, но если вспомнить, что единственными орудиями почти 90% местного крестьянства до революции оставались соха и деревянная борона-волокуша, а серп и коса-горбуша — орудиями обработки, [1] то наличие 120 веялок и 58 молотилок в уезде указывает нам ту группу, которая, владея инвентарем и рабочим скотом, эксплоатирует бо́льшую часть вышеуказанных 30% всех хозяйств.

Чтобы не быть голословным в своих выводах по отношению ко всей губернии, приведем еще несколько данных по другим районам, например Архангельскому уезду.

Один исследователь, разрабатывая перепись 1917 г., разбил все хозяйства уезда на следующие 6 типов: 1) хозяйства, нанимающие сроковых работников, с промыслами и торговопромышленными заведениями; 2) хозяйства, нанимающие сроковых работников, с промыслами, но без торговопромышленных заведений; 3) хозяйства, нанимающие сроковых работников, без промыслов и торговопромышленных заведений; 4) хозяйства, не нанимающие сроковых работников, с промыслами и торговопромышленными заведениями; 5) хозяйства, не нанимающие сроковых работников, с промыслами, но без торговопромышленных заведений; 6) хозяйства, не нанимающие сроковых работников, без промыслов и торговопромышленных заведений.

Уже сама разбивка на типы вскрывает народническое лицо исследователя, ибо промысловость хозяйств определяется наличием членов семьи, занимающихся отхожими промыслами, — капитаны, штурмана, матросы, кочегары, столяры, слесаря, чернорабочие и т. п. В одну кучу свалены хозяйства, работники которых продают свою рабочую силу, и хозяйства, в которых имеются капитаны и т. п. Но и эти сведения помогут нам разыскать различные классовые группировки.

---

[1] А. Дьячков, К вопросу о состоянии сельского хозяйства и землевладения в Архангельском уезде, журнал «Отдела земледелия Временного правительства Северной области» за 1919 г., № 3.

Типы	I	II	III	IV	V	VI
Число хозяйств	33	281	703	57	1 345	5 404
Средняя площадь земли в десятинах	6,9	2,4	2,9	4,0	2,9	2
Средняя площадь расчисток в дес.	3,9	2,4	2,7	3,3	2,3	2,5
Средняя площадь надельной земли в десятинах	4,2	1,5	1,4	2,2	1,8	1,7
% хозяйств без инвентаря	60,6	82,6	86,1	61,4	86,3	87,2
% хозяйств с сенокосилками	15,2	1,4	2,0	12,3	0,8	0,9
% хозяйств с плугами	27,3	12,5	8,6	22,9	6,7	8,7

Все эти данные, сведенные нами в одну таблицу, показывают даже и в народническом освещении, как инвентарь, расчистки, большее количество надельной земли концентрируются у определенных групп крестьянства — больше всего у групп с промыслами и торговопромышленными заведениями, как нанимающими, так и не нанимающими сроковых рабочих.

Картина станет совсем ясной, когда мы займемся анализом 5 476 хозяйств IV группы:

Число десятин земли на двор	0,1—2	2,1—4	4,1—6	6,1—8	8,1—10	10,1—12	12,1—14	14,1—16	16,1—20
Число хозяйств	2 864	1 661	607	230	69	34	4	4	8
В процентах	51,9	30,1	11,1	4,2	1,3	0,6	0,3	—	—

5/6 всего числа хозяйств имеют только до 4 десятин земли на хозяйство; цифра вместе с вышеприведенными данными об инвентаре сама говорит за себя.

Эксплоатируемая часть деревни, не будучи в состоянии свести концы с концами в своем хозяйстве, принуждена была уходить из деревни на отхожие промыслы вне или внутри губернии. Так, по данным 1910 г.,[1] из Шенкурского уезда на отхожий промысел ушло 11 291 человек, а в 1913 г. — уже 20 544 человека.[2] Распределяется это число по паспортам следующим образом:

По 5-летнему паспорту		По годовому паспорту			По мелким билетам		
Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Детей	Мужчин	Женщин	Детей
5:5	248	10 795	5 059	1 442	1 393	800	302

То есть большинство выбранных паспортов годичных и 5-летних, что говорит о регулярных отходах, а не случайных, в результате временных стихийных бедствий. К этому следует прибавить тех, которые совсем не получают

[1] А. Н. Попов, Архангельский край, стр. 8, Архангельск 1922.
[2] Обзор Архангельской губ. за 1910 г., Архангельск 1912.

билетов, продавая свою рабочую силу тут же на месте; например 2 722 рабочих на смолокурнях Шенкурского уезда, расположенных в той же деревне, где и разоренный крестьянин, и т. п.

Таково положение в сельском хозяйстве непосредственно. Но такой же процесс выделения буржуазной верхушки деревни происходил и в других областях хозяйства. Так в Холмогорском уезде из 8 532 обследованных хозяйств насчитывалось 1750 хозяйств с промыслами, а в Шенкурском уезде из 16 298 — 3 445 хозяйств с промыслами. Из этих промыслов, носящих большей частью характер кустарного производства, можно указать, например, на смолокурни, маслодельные или замшевые заводы. Ход их развития за последние годы имел такой вид:[1]

Годы	Число смолокурен	Рабочих в них	Сумма производства	Число маслобоен	Рабочих в них	Сумма производства
1910	1 294	2 558	35 872 руб.	90	96	97 512 руб.
	По Шенкурскому уезду:			По Холм. и Арх. уездам:		
1913	1 269	2 722	224 033 руб.	136	150	110 600 руб.

За короткий период в 3 года производство смолы в одном уезде в 6 раз превзошло то же производство по всей губернии в 1910 году.

Несомненно, статистики в это число внесли всех кустарей-одиночек, но немало здесь и предпринимательских хозяйств, эксплоатирующих наемную рабочую силу, так как даже в среднем на каждое хозяйство приходится более чем по двое рабочих. Не менее характерно также положение в лесных промыслах, получивших в северных областях особенно широкое распространение.

«Экономическое значение этого промысла, — пишет статистик,[2] — настолько существенно, что в многих уездах губернии падение его пошатнуло бы и общее благосостояние местного населения». В 1910 г. в губернии им было занято 31 318 человек, а в 1913 г. — 36 488 человек, из коих 15 193 рабочих — на лесопильных заводах Архангельска, остальные же работают на местах. Из них только немногие идут на места производства сами от себя, большинство же

«бывают заранее уже законтрактованы так называемыми десятниками, которые летом и осенью объезжают селения и нанимают работников. Эти лица бывают большею частью из местных богатых крестьян...».[3]

Не избегала такого же процесса захвата отдельными богатеями и вторая по значению отрасль промышленности, кстати лишний раз подчеркивающая, как община мало-по-малу превращалась в общину богатеев. Так, например, все население Пустозерской области владело рыбными тонями на строго общинных началах. Тем не менее бо́льшая часть населения являлась лишь простыми работниками на своих тонях. Из 492 хозяйств, имеющих право

[1] Обзор Архангельской губ. за 1913 г., Архангельск 1914.
[2] То же за 1910 г., Архангельск 1912.
[3] То же за 1910 г., стр. 85—88.

«в сёмужьих тонях, осуществляет его только 258 хозяйств, но и эти хозяйства пользуются тонями неравномерно: 134 хозяйства, т. е. $1/_4$ всех хозяев, захватили в свои руки все богатые семгой тони...».[1]

Как ни мал этот беглый набросок, главным образом вследствие отсутствия более или менее разработанных данных, все же он достаточно поясняет положение в области.

В Северной области нет того быстрого и резкого процесса расслоения крестьянства, который так характерен для других районов бывшей России. Кладем ли мы в основу расслоения пашню, или с.-х. инвентарь, или скот, наконец наличие промысла в хозяйстве, — мы не найдем здесь большого числа отдельных хозяйств, отличающихся огромным накоплением в одних руках каких-либо из перечисленных элементов.

Тем не менее мы наблюдали в Северной области выделение определенного слоя, довольно значительного по числу, который прибирал к рукам и живой и мертвый инвентарь, который все более втягивался в промышленную деятельность, а тем самым экономически командовал другими слоями деревни. Это выделение происходило не путем стремительного разорения более слабых и такого же роста крупных отдельных хозяйств, а систематическим выделением целой группы деревенских богатеев, меньше отличающихся величиной своего сельского хозяйства, но все больше превращающихся в сельскую буржуазию по другим признакам своей роли в производстве: по участию в промыслах, в торговле, по наличию небольших маслодельных или кожевенных заводов и т. п.

Этот слой крепких, на промышленную ногу поставленных хозяйств, поставлял в армию грамотных, тронутых городской культурой, крепких солдат, заполнявших ряды гвардии и учебных команд стрелковых полков. За время войны с ее колоссальной потребностью в командном составе, как более грамотные и развитые, они нередко пробивались в младшие офицеры, наличие которых позже сыграло такую крупную роль в контрреволюционном движении Северной области.

Но если отсутствие этого быстрого расслоения и не ставило лицом к лицу батрака и сельского буржуа, если оно сохранило под прикрытием патриархальных отношений руководство богатеями всей деревни, все же оно вовсе не устраняло классовой борьбы в деревне. Наличие помещика с его конкурирующим крупным хозяйством в других районах коренной России несколько умеряло остроту борьбы или, вернее, отвлекало от внутренней борьбы, заставляя сельскую буржуазию переносить центр борьбы против помещика.

Ленин много раз подчеркивал, что в крестьянстве рядом шли две социальных войны: одна — борьба всего крестьянства против помещиков, антикрепостническая борьба крестьянства, а вторая — борьба внутри самого крестьянства, между сельским пролетариатом и беднотой, с одной стороны, и кулачеством — с другой.

Из этих двух социальных войн первая определяла собой крестьянское движение в эпоху буржуазно-демократической революции, а вторая находилась в зачаточном состоянии, выдвигаясь мало-по-малу вперед на первый план по мере развития противоречия внутри крестьянства, по мере

---

[1] Обзор Архангельской губ. за 1910 г. стр. 58.

классового расслоения в деревне. К революции 1917 г. антикрепостническая война крестьянства попрежнему оставалась основной, но и вторая война значительно обострилась, углубилась и придвинулась к первой, переплетаясь с ней и постепенно выдвигаясь на первый план. На севере помещика не было. Отвлекающее его влияние на классовую борьбу внутри деревни не имело места, и поэтому внутридеревенская классовая борьба могла проявиться в более открытой форме.

Но это же обстоятельство имело и другое следствие.

В районах помещичьего хозяйства контрреволюция неизбежно вырастала в помещичью контрреволюцию, а это определяло в конечном счете и поведение крестьянства. Угроза отобрания земли, угроза появления помещика в старых дворянских гнездах отталкивала основную массу крестьянства в сторону от помещичьей контрреволюции. Это и затрудняло или совсем устраняло для буржуазии возможность длительно опираться на сельскую буржуазию.

Отсутствие же помещика в Северной области облегчало смычку сельской буржуазии и городской, облегчало доступ в деревню влияния буржуазно-демократических и мелкобуржуазных партий. Сельская контрреволюция легче связывалась с городской контрреволюцией, с реакцией чисто буржуазной, ибо за спиной буржуазной реакции не так явственно чувствовалось восстановление помещичьего самодержавия. С другой стороны, необходимость буржуазии опираться на помещичью политическую власть, объясняемая, между прочим, чисто русскими историческими условиями — бурным развитием капитализма в России, колоссальным ростом пролетариата, наличием близких колоний, постоянно отодвигающих разрешение капиталистических противоречий в коренной России, конечно довлела над буржуазией, как классом в целом, определяя поведение русской буржуазии во всем ходе антисоветской борьбы, но непосредственно в Северной области давала себя менее чувствовать. Поэтому «демократическая» идеология, во всех других областях гражданской войны являвшаяся быстро меняющимся, временным ярлыком в начале борьбы, на Севере имела более глубокие корни. Тут больше чем где бы то ни было удержалось политическое влияние эсеров в деревне, здесь больше времени ушло на изжитие этой идеологии. Это обстоятельство облегчило связь не только городской буржуазии и кулака в деревне, — связь, которая укрепилась по всей России на второй день после Октября, хотя наметилась конечно раньше, но и с известной частью середняцких слоев деревни.

Возврат помещика, который мог явиться с требованием вернуть землю, скот и инвентарь, непосредственно не угрожал крестьянству Севера, в том числе и середняцким слоям. Поэтому отрицательные стороны революции и гражданской войны не умерялись еще более отрицательным фактом — возвращением помещика.

Кулацким верхам деревни на севере Октябрьская революция представлялась в виде грозной налоговой таблицы, утвержденной IV Шенкурским съездом Советов, клавшей решительный конец их дальнейшему росту.

К этому нужно прибавить еще одно соображение, имевшее большое значение для определения роли середняка. Советская власть в первый период не явилась для середняков в роли «дающей», скорее наоборот — в роли «отбирающей», если иметь в виду нашу продовольственную политику.

Что дал декрет о земле крестьянам Северной области? В наиболее земледельческом районе — в Шенкурском уезде — конфискованной земли оказалось:[1]

Земли	Пашни	Сенокоса	Выгона	Леса
	В десятинах			
Церковные и монастырские	726	1 154	42	326
Удельные	2 590	14 209	423	1 054
Оброчных статей	—	704	—	—

Таким образом в руки крестьян перешло 3 316 дес. пашни, менее 0,6 дес. пашни на хозяйство, считая, что разверстка пойдет только среди 30% малоземельных крестьян. Сенокосов, правда, оказалось бы больше, но ведь скота-то у 30% крестьян меньше всего, а помещичьих экономий, откуда можно бы получить и скот и инвентарь попутно, не было.

Такой результат получился бы, если бы конфискованная земля пошла в раздел исключительно между 30% всех хозяйств, но, судя по протоколам того же съезда, землю предполагали поделить между деревенскими общинами, а внутри — по дворам. При таком способе дележки результаты оказались бы еще меньше. Таковым было положение в наиболее земледельческом районе, а в других положение еще хуже, ибо там декрет вообще находил слабое применение: почти не было земли.

Октябрьская революция сверх того принесла полное прекращение вывоза за границу, на котором держалась значительная часть хозяйства северного крестьянства; приостановку промыслов, для многих являвшихся не просто подспорьем, а единственной возможностью существования; прекращение подвоза хлеба из производящих районов страны в обмен на местный лес и пушнину. Этим и объясняется то, что к лету 1918 г. мы имели на севере враждебное настроение сельской буржуазии, неустойчивое со знаком плюс в сторону кулака середнячество и более или менее колеблющуюся бедноту, в некоторых местах переходившую, под влиянием кулака, против «берущей» советской власти.

Если к этому прибавить, что пролетариат Севера был слаб и численно и политически, притом распылен, полон мелкобуржуазных предрассудков, вынесенных из деревни, с которой он еще сохранил полностью связь, то станет ясным, что работа контрреволюции нашла на Севере благоприятное соотношение классов.[2]

Подготовка переворота началась еще ранней весной, а один из активных участников северной контрреволюции, С. Н. Городецкий, рассказывает, что мысль о создании северного фронта возникла сейчас же после Октября, когда обратились к союзникам, охотно пообещавшим свою помощь. Тот же автор рассказывает, что «конно-горский беломорский отряд», сыгравший такую

[1] Протоколы IV Шенкурского съезда.
[2] М. С. Кедров, За советский Север, «Прибой», 1927, где собраны интересные данные о состоянии пролетариата и крестьянства перед переворотом на Севере.

роль во время переворота, был прислан в Архангельск не без участия французов.[1]

Помимо группы Городецкого в контрреволюционной подготовке принимал участие кадетский «Национальный центр», создавший организацию на севере во главе с Н. А. Старцевым.

Совершенно самостоятельно от этих групп работал капитан I ранга Г. Е. Чаплин, находившийся в связи с английским военно-морским агентом Кроми, убитым позже во время ликвидации дела Локкарта.[2]

Все эти группы получали субсидии и советы от союзников.

После Бреста, сообщает Паскаль,[3] сотрудник французского посольства, занимавшийся шифровкой секретных телеграмм, — военные миссии занялись созданием на окраинах России базы для ожидаемого вмешательства в дела России: посылались между прочим малыми партиями в Мурманск и Архангельск контрреволюционные офицеры, чехи, эльзасцы, поляки, рассылались консулы для ведения переговоров с недовольными элементами, раздавались деньги всевозможным организациям. Из них особенно большую работу развернул Союз возрождения России.

Союз возрождения России был создан с целью объединения всех антибольшевистских сил, после того как не удалась такая же попытка объединения вокруг членов междуфракционного совета Учредительного собрания.

«С этой целью, — пишет со слов Чайковского С. П. Мельгунов, — в феврале-марте 1918 г. в чьей-то докторской квартире[4] на Девичьем поле созывался длинный ряд совещаний его членов от центральных партий и национальных (еврейских и мусульманских) групп, но из них ровно ничего не вышло, пока люди не устали говорить и спорить, и один по одному не перестали посещать их».

В состав Союза возрождения входили энесы, эсеры (обе группы: и воленародовцы и авксентьевская группа), кадеты, плехановская группа «Единство» и правые меньшевики, группировавшиеся вокруг А. Н. Потресова.[5]

По сообщению В. А. Мякотина, первого председателя союза,[6]

«Союз ставит своей задачей воссоздание русской государственной власти, воссоединение с Россией насильственно отторгнутых от нее областей и защиту ее от внешних врагов.

---

[1] С. Н. Городецкий, Образование Северной области, «Белое дело», т. II, стр. 5, 8.

[2] Г. Е. Чаплин, Два переворота на Севере, там же, т. IV, стр. 13.

[3] Дело эсеров, т. III, показания Паскаля.

[4] С. П. Мельгунов, Н. В. Чайковский в годы гражданской войны, Париж 1929 стр. 49. Совещания происходили на квартире доктора И. Н. Коварского, так расшифровывает Мельгунов.

[5] Мельгунов передает, что потресовцы создали «Группу борьбы за независимость и демократический строй России», выпустившую в мае 1918 г. прокламацию о своих разногласиях с меньшевиками и своей программе:

«Политика центральных учреждений партии после большевистского переворота, — гласила прокламация, — их попытка выступить в качестве посредника между Советской властью и боровшейся с нею демократией, их «нейтральные позиции в вопросах международной ориентации, их преклонение перед изжившей себя формой — советской организацией рабочего класса, их зачисления огульно всей русской буржуазии в лагерь контрреволюции при первоначально снисходительном отношении к контрреволюционности большевиков, их пассивность в моменты, требующие максимальной активности, их призывы к рабочим массам воздерживаться от активной борьбы с большевистской властью, начинаемой другим классом и группами, — все это мешало образованию внутри партии достаточно активных, политически сознательных и организованных сил для руководства движением пролетариата в борьбе, развертывающейся в общенациональном масштабе» (стр. 50).

[6] В. А. Мякотин, Из недалекого прошлого, сборник «На чужой стороне», № 2.

Защиту воссоединения России союз рассчитывает осуществить в полном согласии с союзниками России... Задачу разложенной ныне государственности союз будет стремиться выполнить в согласии с народной волей, выраженной путем всеобщего и равного голосования...».

Союз возрождения предполагал концентрировать свою борьбу путем создания единого политического центра. Из недр союза после долгих дискуссий вышла идея создания директории, в составе которой был выдвинут и Н. В. Чайковский.

Чайковский однако не попал в Сибирь, туда направилась директория, чтобы возглавить движение, а был перехвачен своими единомышленниками в Вологде и направлен в Архангельск, где высадка «союзников» казалась реальнее, чем где бы то ни было. В Вологде находились уже дипломатические миссии, с которыми вошли в связь все группы, подготовлявшие переворот на севере.

Миссии уехали из Вологды в Архангельск, когда получили сообщение английского командования о близости десанта, но связей не прекратили, оставив своего представителя, некоего Гелеспи, на месте. [1]

От этого Гелеспи Союз возрождения России продолжал получать деньги, специально оставленные зарытыми во дворе посольства. Эсеры, не довольствуясь вхождением в Союз возрождения или, вернее, скрывая от масс свой фактический союз с кадетами, вели свою работу самостоятельно. В Вологде при губкоме был создан военный комитет, членам которого не запрещалось входить в сношения с любыми лицами и организациями. Единственное ограничение состояло в том, что члены губернского комитета партии эсеров, чтобы оградить партию от обвинения в союзе с буржуазными группами, [2] механически выбывали из губкома, если входили в состав военного комитета, причем губком денег от военной организации не брал, но знал, откуда они идут, [3] стараясь таким образом и невинность соблюсти и деньгу нажить. Центр противосоветской подготовки состоял в вербовке и организации военных сил. Через одну только вологодскую организацию за короткий период в один месяц, прошло больше сотни офицеров. Большинство из них, по показаниям свидетеля, были очень «тонны» по манерам и зачастую с французским романом в кармане, что не оставляло сомнения в их социальном происхождении. Для этих черносотенных Савлов превращение в эсеровских Павлов было своеобразной политической мимикрией: под сенью расплывчатых эсеровских лозунгов о народоправстве могли найти приют на этот период противосоветской атаки различные группы — от городской мелкой буржуазии, особенно падкой на сладость «демократических» лозунгов, до зубров старого порядка. Непосредственное самостоятельное выступление буржуазных элементов против Советской власти со своими неприкрытыми буржуазными лозунгами не могло состояться, ибо вызвало бы протест не только рабочих масс, но и крестьянства, и мелкой городской буржуазии, и интеллигенции, так живы были впечатления недавнего порядка. Выступить же без масс и остаться лицом к лицу с пролетариатом означало безусловный разгром. Отсюда старание скрыть свои настоящие намерения под лозунгами эсеров,

[1] Дело эсеров, т. XVIII, показания Игнатьева, члена архангельского пр-ва.
[2] Там же, т. IV, показания Бессонова, день 22.
[3] Там же, стр. 16, 17.

мало к чему обязывавшими своей туманностью и неопределенностью. Но под шумок разговоров эсеров, заполнивших всю авансцену противосоветской борьбы, не прекращалась своя организационная подготовка, зрели силы буржуазии, выжидавшей более удобных времен для заявления своих требований.

Кроме того для офицеров с французским прононсом притягательной силой являлись технические навыки конспирации у эсеров, сохранявшиеся от старого времени, к чему, понятно, не привыкли недавние представители господствующего класса.

Но сами эсеры следующим образом «боролись» с проникновением этих элементов в формируемые ими ячейки и группы.

«Так как мы офицерам не доверяли, — рассказывал Лихач на суде, — то мы их использовали исключительно... как командный состав, т. е. как военных руководителей для всех прочих частей». [1]

От враждебных элементов спасались, отдавая им командные посты без какого-либо ограничения. Эсеровские политики очевидно не знали, что слуги, наделенные большой властью, рано или поздно становятся господами, как оно и случилось несколько позже.

Одновременно с этим велась работа и в деревне по вовлечению кулаков в боевые организации. В Шенкурском уезде у эсеров был крестьянский отряд, сыгравший во время переворота большую подсобную роль. Но интересно отметить, что и этот отряд был по составу офицерский. В уезде было, как потом оказалось после мобилизации, 500 — 600 офицеров, по социальному составу выходцев из крестьян, некоторые из сельских учителей. Именно эти выходцы из богатых крестьянских семейств, вернувшиеся к своей обычной деятельности в деревне, вдвойне ненавидевшие Советскую власть, как власть, мешавшую развертыванию их хозяйств, и как власть, уничтожившую их радужные перспективы на будущее, составляли основную массу отряда. Они же становились во главе партизанских отрядов, действовавших против советской власти, осуществляя тем самым руководство кулака в деревне, поскольку сами они являлись выходцами из кулацкой среды. Организационная работа эсеров в городе и деревне в атмосфере массового недовольства дала результаты еще до переворота 2 августа, отдавшего власть на Севере восставшим. В губернии имел место ряд восстаний: в г. Шенкурске был осажден исполком, в г. Пинеге было совершено нападение на местного комиссара, с целью раздобыть оружие; такие же попытки восстания имели место в Елецке, Онеге и т. д. Особенно участились восстания после объявления советской властью мобилизации для борьбы с предполагаемым союзным десантом. Под прикрытием мобилизации, объявленной в крайне неудачный момент всеобщего недовольства, все противосоветские организации получили возможность сконцентрировать свои отряды в ожидании удобного случая для взрыва. Этот случай представился в начале августа, когда стало известно об эвакуации советских учреждений из г. Архангельска, уезжавших из опасения попасть в руки англичан, подошедших утром 1 августа к острову Мудьюгу.

Кто собственно взял власть в Архангельске в эту минуту — не так уже важно, ибо взять власть в городе после ухода из него вооруженных частей при наличии десанта, вот-вот готового войти в покинутый город — нетрудно:

[1] Дело эсеров, т. VI, стр. 116.

тут «кто палку взял, тот и капрал». Но эсеры придали этому вопросу большое принципиальное значение. Они пытались и на суде и в своих газетах выступить в роли... защитников от союзной интервенции. Задним числом, после того как не осталось в Советском Союзе людей, сомневающихся в грабительской роли интервентов, ЦК эсеров, стремясь хоть на этом нажить политический капитал, скрывает свои переговоры с союзниками, свою связь с ними, а на первый план выдвигает свое желание «защитить народ» от ими же приглашенных интервентов.

«Лично я о том, что... союзнический десант последует в Архангельске, — показывал член ЦК партии эсеров Лихач, — говорил на армейских съездах, как раз тогда, когда обсуждалось перемирие, в ноябре 1917 г... Наша задача состояла в том, чтобы по возможности до высадки этого десанта попытаться создать сильную государственную власть на Севере... Для того чтобы этот десант не превратился в военную оккупацию, мы и хотели создать государственную власть, для того чтобы тех, которые против нашей воли высадятся в Архангельске, заставить считаться с этой властью и не превратиться в обыкновенную военную оккупацию».[1]

Не говоря уже о том, что союзники якобы могли высадиться «против воли» эсеров, сосед Лихача по скамье подсудимых А. Р. Гоц подтвердил свое вхождение в центральный штаб Союза возрождения России, наравне с кадетами и энесами, а среди основных посылок союза было и признание интервенции,[2] но и самый «народолюбческий» жест — взять на себя тяжелый крест создания власти из желания не допустить военной оккупации — область фантазии. Дело обстояло несравненно проще: союзники, выполняя директиву английского парламента, как мы помним, очень заботившегося о «форме» интервенции, ставили условием приглашение их населением. За месяц до десанта ген. Кузьмин, тоже член Союза возрождения, вернулся из Архангельска, где виделся с С. Масловым, будущим военным министром северного правительства, и сообщил, «что союзники вопрос как-то затягивают, требуют выступления в Архангельске до высадки десанта и не согласны выслать десант до образования правительства» и что Маслов дал на это согласие.[3]

Не политической заслугой, а выполнением деловой сделки явилось стремление эсеров захватить власть до высадки десанта. Политические маклера выполнили сделку честно: 2 августа в 12 час. дня было сконструировано Верховное управление Северной области, в составе членов Учредительного собрания и представителей земств и города, а в 6 часов вечера союзники вступили в город.

---

[1] Дело эсеров, день 23, показания Лихача.
[2] См. брошюру Игнатьева, стр. 11 и показание Гоца на процессе эсеров.
[3] Дело эсеров, т. VI, день 22, показания Игнатьева.

ГЛАВА III.

«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ» КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ.

1. Рабочая политика эсеров.

Эсеры вторично пришли к власти, если считать и керенщину. Но второй раз они вернулись с несравненно более богатым опытом. За 10 месяцев Советской власти успев побывать в роли крайней оппозиции в рамках советов, они боролись затем и в роли противосоветской партии в подпольи. В период самой обостренной классовой борьбы эсеры видели все классы в действии, имели полную возможность проверить свои программные требования и «посмотреть да посравнить век нынешний и век минувший». От политической партии, прошедшей такой бурный путь, в праве было бы ожидать и политических выводов. Однако если, по Гегелю, все исторические события имеют обыкновение повторяться два раза, причем, как добавил Маркс, первый раз как трагедия, а второй — как фарс, то практика эсеров вносит новое дополнение в это положение: уже первый опыт «демократии» у власти — керенщина — был сплошным фарсом, а второй — лишь скучным повторением знакомых пошлостей.

Верховное управление Северной области было образовано в следующем составе:

Председатель Верховного управления — Н. В. Чайковский, член Учредительного собрания от Вятской губ.;

Секретарь П. Ю. Зубов, товарищ городского головы г. Вологды;

Управляющие отделами:

иностранных дел — Н. В. Чайковский,

военных дел — С. С. Маслов, член Учредительного собрания от Вологодской губ.;

юстиции — А. И. Гуковский, член Учредительного собрания от Новгородской губ.;

внутренних дел, почт и телеграфов — П. Ю. Зубов;

финансов — Г. А. Мартюшин, член Учредительного собрания от Казанской губ.;

продовольствия, промышленности и торговли Я. Т. Дедусенко, член Учредительного собрания от Самарской губ.;

труда — М. А. Лихач, член Учредительного собрания б. северного фронта;

без портфеля — Н. А. Старцев, заместитель председателя Архангельской городской думы;

без портфеля — А. А. Иванов, член Учредительного собрания от Архангельской губ.

В основу организации Верховного управления был, таким образом, положен принцип выборности в Учредительное собрание или, по крайней мере, в земство и городское самоуправление: из 9 членов Верховного управления 7 были членами Учредительного собрания.

В самый день своего сформирования Верховное управление обратилось с воззванием к гражданам Архангельской губ. и по радио «всем, всем, всем», в котором сообщало о своем составе и излагало программу своих действий.

По поводу состава было подчеркнуто, что, являясь носителем верховной государственной власти в Северном крае, Верховное управление немедленно сложит свои полномочия, как только в России образуется общегосударственная верховная власть; программу же Верховное управление изложило в следующих 8 пунктах:

1. Воссоздание единой всероссийской государственной власти.
2. Оборона Северной области и всей страны от посягательств на ее территорию со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран.
3. Воссоединение с Россией отторгнутых от нее областей.
4. Восстановление всех попранных свобод и органов истинного народовластия; Учредительного собрания, земств и городских дум.
5. Установление прочного правопорядка, обеспечивающего беспрепятственное удовлетворение хозяйственных, общественных и духовных нужд граждан.
6. Действительное обеспечение прав трудящихся на землю.
7. Охрана интересов труда в согласии с экономическими и политическими интересами как Северного края, так и всей России.
8. Устранение голода среди населения.

Добиться выполнения программы Верховное управление полагало, опираясь на все слои населения и в частности «при дружественной помощи со стороны союзных с Россией правительств и народов: Англии, Америки, Франции и др.». Особо в декларации оговорена союзническая помощь: «Верховному управлению известно», что союзники пришли не для вмешательства во внутреннюю жизнь и не против воли населения. Видимо, кого-то все-таки понадобилось уверять в том, что «союзники» пришли по приглашению и притом не будут вмешиваться во внутреннюю деятельность области.

Нельзя сказать, чтобы конкретная программа Верховного управления отличалась особой членораздельностью. Под ее туманной и расплывчатой формой могло бы подписаться любое правительство всех времен и народов. К счастью, кроме программ остались и дела, они-то и помогут выяснить классовую суть и природу эсеровского правительства.

Начнем с рабочей политики.

Первым актом нового правительства из этой области была отмена декрета о рабочем контроле, «одностороннем классовом контроле», как охарактеризовал его управляющий Отделом труда Верховного управления — М. А. Лихач.

«Декрет, — гласит один из параграфов постановления, — о так называемом рабочем контроле, дезорганизовавший русскую промышленность и принесший неисчислимые бедствия рабочему классу, отменяется немедленно».[1]

Отмена была не только немедленной, но и безусловной, ибо, отменяя декрет, правительство не нашло нужным его заменить чем-нибудь другим.

---

[1] «Вестник Верховного управления Северной области», № 5, 1918 г. Постановление Верховного управления от 13 августа 1918 г.

Правда, на процессе эсеров Лихач пытался уверить, что у правительства было намерение заменить рабочий контроль государственным, но заявление было лишь попыткой сгладить впечатление от слишком рьяной «рабочей» политики правительства, факты же говорят совсем о другом.

На другой же день после появления в печати постановления — 14 августа — союз архангельских лесопромышленников в развитие правительственного постановления об отмене рабочего контроля единогласно постановил считать, что

«управление заводами является целиком и полностью делом и правом предпринимателей со всеми вытекающими из этого последствиями».

Пока Лихач обдумывал замену советского рабочего контроля государственным, хозяева заявили тоном, не оставлявшим сомнений в твердости, свое понимание вытекающих из этого закона последствий. Что дело было не столько в твердом тоне, сколько в твердом решении, показало дальнейшее развитие событий.

То же совещание хозяев предложило прекратить всякие материальные поборы, прямые или косвенные, введенные с предпринимателей в пользу рабочих, как, например, оплату председателей заводских комитетов, их секретарей и т. д., и «одинаково сборы в пользу профессионального союза с рабочих, производимые через контору». [1]

Предприниматели не только отчетливо определили свое отношение к приказу об отмене рабочего контроля, но и сделали не менее отчетливые практические выводы, определяя тем самым характер будущего «государственного регулирования».

Те, на кого рассчитывало постановление Верховного управления, поняли безусловность отмены советского декрета буквально. Никто их в этом и не разуверял. Напротив, через несколько дней на резолюцию предпринимателей, посланную в Отдел труда, последовал ответ Лихача, в котором было подчеркнуто, что Отдел труда «вполне разделяет выраженные в этой резолюции общие положения». [2]

Ни одного слова о государственном контроле в этом официальном ответе за всеми надлежащими подписями не найти, хотя для этого вовсе не нужно было быть социалистом. В Западной Европе чисто буржуазные правительства, не прикрывавшиеся никакими вывесками социализма, с целью прекращения безобразной спекуляции, становились на путь государственного контроля. «Социалистический» министр не только не нашел возможным поступить, как его обычный буржуазный коллега, но пошел дальше и подчеркнул, что в кассовую книгу Китычей никто не имеет права заглянуть, по крайней мере без их разрешения. Единственный протест со стороны Лихача вызвал пункт резолюции лесопромышленников о прекращении оплаты председателей и секретарей фабзавкомов. Однако «протест» этот так характерен, что его следует отметить.

«Оплата эта... явилась не в результате распоряжения какой-либо из существующих властей, — оправдывает Лихач свой «протест», — а в результате добровольного (подчеркнуто Лихачом. — *И. М.*) соглашения между представителями союза лесопильных

---

[1] «Вестник ВУСО» № 10 от 23 августа 1918 г.

[2] «Рабочий Севера» № 2. Сообщение от Отдела труда Совету союза архангельских лесопромышленников, стр. 12.

рабочих и союза лесопромышленников. В виду этого, — продолжает Лихач, — полагаю справедливым и целесообразным, чтобы отмена настоящего порядка (т. е. отмена оплаты фабзавкомов заводоуправлением. — *И. М.*) была произведена тем же путем». [1]

Это был именно тот, по определению Щедрина, «очень яркий и сильный протест, в основании которого лежала благоразумная мысль: авось не повесят». Лихач протестовал не против самого безобразного факта прекращения оплаты жалованья работникам фабзавкомов, а против того, что прекращение не было сделано по добровольному соглашению с лесопромышленниками — и только! Таким сдержанным языком, поощрявшим зубодробильную политику лесопромышленников, никогда в России власть не говорила с предпринимателем. Нравы, изображенные Гоголем, уступили место новым: потомки гоголевских «аршинников» увидели наконец, что современный городничий покинул свой прежний тон в разговоре с ними. Правда, в данном случае городничий числил себя и свои идеи по ведомству «социалистов-революционеров», но предпринимателей интересовал не образ мыслей, а образ действия указанного ведомства, действие же как раз подтверждало предпринимательское понимание рабочей политики.

Лихач не был одинок в этой политике. Его коллега по правительству — управляющий Отделом торговли и промышленности Я. Т. Дедусенко — 24 августа опубликовал приказ, [2] в котором, ссылаясь все на то же злополучное постановление, предложил на всех судах и пароходах восстановить

«единоличную власть и ответственность начальников, заведующих, капитанов и прочих должностных лиц в области распорядительной, производственной и хозяйственной».

А правительственный комиссар Старцев пошел еще дальше: он приказал ликвидировать в с е «образовавшиеся в казенных и общественных учреждениях так называемые комитеты служащих», [3] вопреки постановлению Верховного управления о сохранении всех учреждений по охране труда впредь до издания по этому поводу новых постановлений.

Опираясь же на приказ правительственного комиссара, начальники всевозможных учреждений стали издавать свои постановления, ликвидирующие не только декреты советской власти, но и законы Временного правительства: меньшевистская газета «Северный Луч» (№ 36) сообщает, что в одном ведомстве было издано официальное сообщение об уничтожении закона о 8-часовом рабочем дне.

Союз лесопромышленников, оказывается, недаром проявил столько решительности: правительственные распоряжения даже формулировались по данной им схеме.

Такова судьба первой попытки вести «самостоятельную» рабочую политику. Перейдем однако к другим.

Буржуазия после переворота так стремительно перешла в атаку против рабочих — выбрасывая рабочих, занимавших какие-либо выборные должности, против рабочих организаций — выселяя профсоюзы из занимаемых ими помещений и т. п., что даже правительство принуждено было ее одернуть. Верховное управление посвятило специальное заседание этому вопросу.

---

[1] «Рабочий Севера» № 2, Сообщение от отдела труда Совету союза архангельских лесопромышленников, стр. 12.

[2] «Вестник ВУСО», № 14 от 27 августа, 1918 г., приказ № 29.

[3] Т а м ж е, № 17 от 31 августа.

В прениях, возникших по докладу об этих событиях, создавших тревожное настроение в рабочих кругах, был выдвинут ряд предложений, направленных к устранению «нежелательных фактов». Первое предложение состояло в «выпуске воззваний... к рабочим с разъяснением программы широких мероприятий по охране труда»...[1]

Произвольные аресты рабочих производились буржуазией, атака на рабочих велась со стороны буржуазных кругов, нападающей стороной являлись предприниматели, тем не менее эсеровские мудрые Соломоны решили обратиться с увещеванием к жертвам произвола, а не к виновникам его. Мотивировка этого более чем странного предложения только выпуклее оттеняет поведение «народного» правительства в деле охраны труда рабочих. Лихач так его аргументировал в передаче секретарской записи:

«Констатировав нежелательность и вред подобных настроений (среди рабочих. — *И. М.*) для новой власти, (докладчик) предложил... выпустить воззвание»...

Рабочие, оказывается, кругом виноваты: их настроение — тревожное вследствие выпадов хозяев, а не самое поведение хозяев, — мешает новой власти творить законы по «охране труда». Своеобразное признание того положения, что жизнь развивается диалектически, делая «разумным нелепое и благое злым»: что для рабочих — следствие, для правительства — причина.

Заседание на этом не закончилось.

«В... прениях, — гласит дальше протокол, — Н. В. Чайковский и Я. Т. Дедусенко, касаясь фактической части доклада о расчете членов фабрично-заводских комитетов, заявили о намерении вести по сему поводу переговоры с предпринимателями, а П. Ю. Зубов по поводу закрытия примирительной камеры и о принятии мер к ее восстановлению»...

Таким образом правительство не реагирует на безобразия фабрикантов какими-нибудь решительными мерами, какие нашлись в его арсенале, скажем, против большевиков, а высказало лишь «пожелание вести с ними переговоры», словно можно «уговорить» буржуа, вступающего во владение своей законной собственностью. Тут кстати интересно отметить то своеобразное разделение труда, которое установилось в правительстве. С предпринимателями должны были разговаривать Чайковский — народный социалист, полукадет, член «Союза возрождения России», и Зубов — кадет, а к рабочим выпустить воззвание — Лихач, эсер, «социалист».

Этот пример любопытен, как показатель той роли агентов буржуазии, которую под видом «представительства» рабочих интересов берут на себя эсеры: там, где защита буржуазных интересов не может быть выполнена министром-буржуа, туда посылают «социалистического» министра. В течение года, прошедшего со времени освобождения эсеров от роли господствующей партии в 1917 г., эсеры — применяя к ним известное выражение из эпохи Французской революции — «ничему не научились», но и «ничего не забыли»: они повторяли опыт меньшевика Церетели, которого буржуазия посылала «успокаивать» революционный Кронштадт, боясь показаться перед революционными массами, или опыт эсера Чернова, уговаривавшего крестьян подождать с землей до созыва Учредительного собрания, чего требовали его

[1] АОР, ф. IV, инв. 23, арх. № 1 — 3, журнал № 9 от 6 августа, 1918 г.

кадетские коллеги по правительству. «Добросовестное» служение буржуазии было не случайным шагом, а социальной сущностью мелкобуржуазной партии, — сущностью, проявлявшейся всякий раз, когда складывались одинаковым образом объективные условия.

На том же заседании дальше эсеры показали, что они понимают под представительством интересов рабочих масс. По докладу Лихача правительство приняло решение об учреждении особого смешанного комитета из представителей Отдела труда, предпринимателей и рабочих «для разрешения спорных взаимоотношений работодателей и рабочих».

Постановление это в разработанном виде было опубликовано в официальном органе правительства, но тут на долю Особого комитета выпало уже не только решение спорных вопросов между работодателями и рабочими, как об этом говорилось на заседании правительства, но и такие несравненно более широкие права, как пересмотр существующих постановлений об охране труда и составление новых норм в той же области. [1] В состав Особого комитета входило по 6 представителей от рабочих и предпринимателей, затем по 1 представителю от отделов Верховного управления: торговли и промышленности, финансов и труда. Таким образом большинство в этом комитете приходилось на долю буржуазии, так как в спорных вопросах при равенстве голосов рабочих и предпринимателей решающее значение получали голоса представителей отделов правительства. Состав чиновников, для которых пример самого начальника М. А. Лихача не остался бы без подражаний, был вполне подходящим для этой работы: например, помощниками управляющего Отделом торговли были назначены Вячеславов — меньшевик, бывший председатель Совнархоза, настолько «лойяльно» служивший советской власти, что новое правительство оказало ему большое доверие, поручив ему же ликвидировать этот самый Совнархоз, и инженер Минейко, уже успевший зарекомендовать себя закрытием рабочего театра «Антонополь» и выселением на улицу 14 рабочих, хотя даже «союзники» запретили реквизировать этот театр, выдав официальный документ от имени военно-жилищной комиссии. [2]

Представители буржуазии оказывались, следовательно, судьями в своем собственном деле, в котором сумеют рассудить, разумеется, не хуже, чем крыловская лисица, назначенная судьей в курятник.

Какие именно «нормы» выработал буржуазный Особый комитет, трудно сказать, ибо материалов после него не осталось, но выбрасывание рабочих и расчет нежелательных элементов продолжался и дальше. Об этом принуждена была писать даже газета меньшевиков, несмотря на свое одобрение «государственности и демократичности первых шагов» правительства в области труда. [3]

Единственной мерой правительства, шедшей целиком навстречу интересам рабочих, было широкое страхование рабочих, но и эта мера была введена советской властью, а Лихач только оставил ее в силе. Каких однако усилий это стоило Лихачу, — усилий, ушедших на преодоление не чужого противодействия, а своего мировоззрения, пусть лучше расскажет сам Лихач:

---

[1] «Вестник ВУСО» № 16.
[2] «Рабочий Севера» № 2.
[3] «Северный Луч» от 23 августа 1918 г.

«Для власти, которая не желает проводить социалистический строй, провести в жизнь советское страхование было очень тяжело... Я думаю, что ни в одной стране не было и не существует такого закона, который накладывал бы такой тяжелый налог на промышленность, но тем не менее, поскольку эту норму в тот момент декретным порядком изменить нельзя было и не было возможности уничтожить, — страховые организации рабочего класса г. Архангельска были оставлены». [1]

Таким образом советское страхование, по отзывам Лихача, единственное в своем роде по полноте защиты интересов рабочих, было оставлено не в силу своих достоинств, а из-за невозможности в тот момент его отменить. Оставление закона было вынужденной необходимостью, терпимой только до поры до времени, чтобы удержать за собой рабочие массы. Совершенно напрасно Лихач пытался кокетничать тем, что в противосоветском Архангельске действовала советская норма.

Буржуазия на оставление советского страхования ответила саботажем, категорически отказавшись платить 10% налога в пользу рабочих. Лихачу пришлось обратиться к помощи губернского комиссара для изъятия этих взносов в порядке приказа. Но и после этого, — признавался Лихач, — взносы поступили только в двух случаях. Остальные промышленники продолжали дружно саботировать, нимало не смущаясь приказами Отдела труда. В результате сам же Лихач, скрепя сердце оставивший советское страхование, принужден был перед своим уходом отменить советский декрет и вернуться к нормам Временного правительства.

Был один плюс, который эсеры могли записать в свой актив, да и тот оказался попыткой, предпринятой с негодными средствами. Как средство для «внутреннего употребления» закон провалился — рабочие не пошли на эту приманку, — оставалось использовать его в качестве средства для «внешнего употребления»: на процессе эсеры тщательно выдвигали закон о страховании как положительное свидетельство своей рабочей политики.

Отметим здесь только еще одну деталь. Оставляя советское страхование, Отдел труда предложил взимать взносы от предпринимателей через общебольничную кассу, заявив, что «общегородская больничная касса, впредь до пересмотра законов о страховании рабочих, продолжает действовать на прежних основаниях».

Между тем больничная касса через неделю после переворота перестала существовать. Старания вновь возобновить ее деятельность через правительство, основываясь на его постановлении, постоянно натыкались на ряд препятствий в самом же правительстве. В результате правление кассы постановило ее ликвидировать. Среди мотивов, которыми руководилось правление, — прекращение платежей, катастрофическое положение больших групп рабочих, не получающих заработной платы или мало получающих — был один, прямо указывавший на официальных виновников ликвидации кассы. Пункт 4-й гласил:

«В виду неопределенности общеполитического положения края и отсутствия нужных административных органов, обеспечивающих проведение социальных мероприятий в жизнь и соблюдения законов о социальном страховании»... [2]

---

[1] Дело эсеров, показания Лихача.

[2] «Рабочий Севера» № 5. Общеделегатское собрание общегородской больничной кассы, стр. 13.

Такая политика, само собой разумеется, не могла остаться без ответа со стороны рабочих. В городе начались забастовки, кончавшиеся, однако, не в пользу рабочих, так как буржуазия охотно расставалась с бастующими, надеясь путем понижения заработной платы наверстать потерянные за время советской власти барыши.

Каково было настроение рабочих, можно судить по тому, что совет профессиональных союзов, находившийся в руках меньшевиков, вообще довольно доброжелательно относившийся к новой власти, не выдержал натиска рабочих и угрожающе решил

«запросить от Верховного управления официальный ответ на пять пунктов требования (об аресте сотрудника, о расчетах и пр.) и сообщить о том, что гр. Дерибизо (на второй день после переворота избивший представителя профсоюза за красный флаг, вывешенный им над помещением союза. — *И. М.*) находится на свободе, между тем как многие тт. рабочие находятся в тюрьме, без предъявления к ним каких-либо обвинений».[1]

Ответило ли что-нибудь правительство, — неизвестно, но устроивший мордобой инженер так и остался на свободе, а к сидевшим рабочим прибавилось еще немало товарищей.

Настроение рабочих полностью выявилось в резолюции союза металлистов:

«...Союз металлистов считает необходимым создать совет рабочих и солдатских депутатов как выявителя роли пролетариата и его политической платформы, а потому предлагается всем союзам составить комиссии для воссоздания такового в самый ближайший срок».

Эту резолюцию вынес тот самый союз, который после переворота стоял на платформе созыва Учредительного собрания и, кажется, единственный оказал полное доверие новому правительству.

Совет профессиональных союзов в уже упомянутом заседании под напором масс принужден был «не возражать» против созыва совета, правда, постаравшись обкорнать этот лозунг, говоря не о совете рабочих депутатов, а о совете рабочих уполномоченных.[2] Но дело было не в названии, дело шло о созыве именно политической организации, и остальные союзы так его и поняли. Сам совет профессиональных союзов, урезав революционное значение требования, скрыв бьющее в глаза название «совета рабочих депутатов» под скромной вывеской «совета уполномоченных», все же принужден был сохранить суть требования. Его постановление, тщательно смешанное с вермишельной мелочью текущих дел, гласило: «Не возражать против организации совета уполномоченных, как организации политической».

Требования созыва совета так и не прекращались, ибо в нем одном рабочие видели «выявителя воли пролетариата и его политической платформы».

Верховному управлению предстояло дать ответ на требования рабочих и открыто определить свою позицию. На второе — открыто выявить свою позицию, — у эсеров смелости нехватило, по крайней мере в прессе об этом нет никаких сведений, но в закрытом заседании вопрос подвергся длительному обсуждению. Все тот же «защитник» интересов рабочих эсер М. А. Лихач

---

[1] Протокол заседания Исполнительной комиссии Совпрофа от 14 августа. «Рабочий Севера» № 2.

[2] Тот же протокол, стр. 14. См. также «Вестник ВУСО» № 13 от 25 августа 1918 г.

«поставил на разрешение Верховного управления вопрос о возможности существования тех или иных подобных советам классовых политических организаций, мотивируя необходимость разрешения этого вопроса возможностью попыток рабочих создать таковые».[1]

Так как, — продолжал дальше Лихач, — он не может ручаться, что рабочие не откажутся от самостоятельных попыток введения советов, то он настаивает на немедленном решении вопроса.

Но правительство перед решением вопроса попадало в очень двойственное положение, очень напоминавшее положение буриданова осла. В самом деле, в день переворота правительство издало закон, согласно которому

«члены губернских и уездных исполкомов советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и их комиссары арестовываются, а также арестовываются и те члены волостных комитетов и комиссары, арест коих будет признан необходимым местными властями. Арест названных лиц производится впредь до выяснения степени виновности их».[2]

Этот массовый террор, ибо здесь речь идет о поголовном аресте всех советских работников, не только коммунистов, но и беспартийных, имеющих какое бы то ни было отношение к советам, террор, направленный против класса, был самым убедительным свидетельством готовности эсеров выполнить свои обязательства перед буржуазией, а сейчас приходилось снова восстанавливать эти же, так решительно упраздненные советы.

Понимая всю двойственность своего положения, члены Верховного управления пытаются выйти из него, найдя утешение в том обстоятельстве, «что самый факт военного положения влечет неизбежно и многие тяготы — «ограничение свободы рабочих в частности».[3]

Но моральное утешение для эсеров не ответ рабочим на резко поставленный вопрос: приходилось принять какое-нибудь решение. Правда, налицо имелся уже прецедент: Мурманский областной совет рабочих депутатов был оставлен как высшая политическая организация в крае и после антисоветского переворота, но сделано это было «союзниками», к которым присоединилось Верховное управление. В данном же случае предстояло принять самостоятельное решение.

«Вопрос о возможности существования в данный момент классовых политических организаций, — гласит постановление правительства, — оставить до прибытия союзных послов и разрешения основного вопроса о соотношении и взаимодействии Верховного управления и союзного командования».[4]

Таким образом создание политических органов рабочего класса целиком ставилось в зависимость от воли «союзников», от того, как отнесутся к ним интервенты. Но интервенты несли с собой угрозу военной оккупации, как сознавались позже на процессе члены ЦК партии эсеров, — следовательно, создание классовых организаций рабочих передавалось на усмотрение оккупантов, идущих в край отнюдь не с мирной целью.

Передача вопроса о созыве советов союзникам означала не отсрочку решения, а отрицательное его решение.

Решительное поведение не входило в число достоинств эсеровской политики: не осмеливаясь отказать в созыве рабочих советов, правительство под-

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 — 3, журнал заседаний ВУСО, № 9.
[2] Дело эсеров, т. VI.
[3] АОР, ф. IV, оп. 1, то же дело.
[4] Там же.

благовидным предлогом сбывает вопрос союзникам, в ответе которых сомневаться мог лишь человек, совершенно неопытный в политике.

Итак, никакой рабочей политики у эсеров не было, вся их политика по охране труда была антирабочей политикой, направленной против интересов рабочего класса. За $1^1/_2$ месяца своего пребывания у власти эсеры не приняли никаких мер к улучшению их положения. А положение рабочих было далеко не завидным.

Прожиточный минимум рабочего по ценам на 1 сентября составлял:

	По таксе	По вольным ценам
Хлеб — $1^1/_2$ кило	2 руб. 40 коп.	20 — 24 руб.
Треска — 1,4 кило	4 » 50 »	—
Мясо — 400 г (если есть)	4 » 50 »	7 — 8 »
Молоко — только по вольной цене	— —	12 »
Картофель — 2 кило	10 » —	—
Сахар — 400 г	1 » 50 »	20 — 25 »
Соль — 1,4 кило	— 60 »	—
Итого	35 руб. 50 коп.	—

т. е., простояв часами в различных хвостах, покупая только молоко по вольным ценам, а все остальное по таксе, рабочий все же должен был затратить до 33 руб. в сутки, а получал он в то же время в день 10 — 15 руб., чего даже при отказе от такой «роскоши», как молоко, на день нехватало. (По данным журнала «Рабочий Севера» № 2.) Совет профессиональных союзов настаивал на прожиточном минимуме для холостых в 370 руб., да и то по июльским ценам, а ведь к сентябрю они резко прыгнули вверх.

Все эсеровские мероприятия носили чисто декларативный характер, рассчитанный на создание «демократического» настроения, равноправности всех классов перед правительством и т. д., — а в своей практической части они неизменно вели к укреплению позиции буржуазии. Это понял рабочий класс Северной области, это поняли и те рабочие, которые в первый период прихода новой власти растерявшись отдали руководство собой меньшевикам. Характерно, что именно эти группы первые подняли требование о восстановлении советов.

Активная часть рабочих ушла из города с красногвардейскими отрядами, с различными учреждениями советской власти, с партийными организациями. Среди рабочих остались только меньшевики, получившие признание от новой власти за дезорганизаторскую работу при советах.

Тем не менее, даже оставшись всецело под руководством меньшевистских вождей, рабочая масса далеко не радостно реагировала на переворот. Для настроений рабочих характерно, например, собрание печатников 5 августа.[1] По докладу о текущем моменте все ораторы сходятся на том, что выносить доверие или недоверие новой власти авансом не следует. Так недоверчиво — можно ли иначе охарактеризовать их постановление, вынесенное в момент, когда каждое слово поддержки могло сыграть колоссальную роль в деле укрепления власти — отнеслись печатники к перевороту, а ведь среди печатников, больше чем среди других рабочих, было сильно влияние меньшевиков.

[1] «Вестник ВУСО» № 1 за 1918 г.

На следующий день собрание электромонтеров вынесло резолюцию с предложением оказывать поддержку власти только в том случае, если она будет действительно стоять на защите трудящихся масс, [2] т. е. опять-таки доверие выносится условное.

На общем собрании служащих и рабочих «Каравана и Плавслед», на котором выступал уже упомянутый г. Вячеславов, принятая резолюция «призывала рабочих к сплочению вокруг своих классовых организаций, в целях отстаивания направления политики власти в интересах рабочего класса», а вовсе не выносила доверия правительству, как того хотелось новоиспеченному товарищу министра.

Так сдержанны те резолюции, которые помещены в официальном эсеровском органе. Надо полагать, что не помещенные резолюции еще более резко выявляли свое отношение к эсеровской власти. Конечно, такие факты, как запрещение собранию транспортных рабочих 11 августа касаться вопросов текущего момента [2] — в то время как Общество изучения русского Севера имело возможность не только касаться политических вопросов, но и разрешило выступать на собрании совершенно посторонним лицам с политическими речами, — не находили себе места в официальном эсеровском «Вестнике», точно так же как не нашел в нем отражения и факт издевательства над Советом профессиональных союзов. 3 августа, на другой день после переворота, в Совет профессиональных союзов, на котором висел красный флаг, вошел инженер Дерибизо, избил председателя совета и приказал снять флаг, пригрозив арестовать председателя. В тот же день состоялось экстренное собрание представителей правлений 17 профессиональных организаций г. Архангельска. Среди 54 делегатов находился и член Верховного управления Лихач. После доклада председателя собрания Наволочного, дополненного присутствовавшими при инциденте, выступил Лихач с заявлением, что инцидент является недоразумением и «недопустимой выходкой неизвестного правительству лица», которое будет немедленно арестовано, что в дальнейшем все аресты будут производиться лишь по ордерам правительства. Собрание после его выступления приняло следующую резолюцию:

«Совет профессиональных союзов, заслушав объяснения представителя Верховного управления Северной области по поводу ареста и оскорбления словами и действием председателя Совета профессиональных союзов и срыва красного знамени, находит объяснения удовлетворительными, но вместе с тем настаивает на немедленном аресте лица, произвоодившего арест, и предании суду».

Но и через три недели после этого инженер продолжал гулять на свободе, как живой символ новой власти.

«В рабочих кварталах царила мертвая тишина, — так характеризует настроение рабочих даже и меньшевистский орган, приводя одновременно сообщение «о громадных толпах народа, вышедших с цветами встречать дорогих гостей — союзников». [3]

«Отношение рабочего класса к происшедшему», — пишет официальный орган РСДРП оценивая положение через месяц после переворота, [4] — выжидательно-неопределенное, настроение же... растерянное»,

[1] «Вестник ВУСО» № 4 за 1918 г.
[2] «Рабочий Севера» № 1.
[3] Там же.
[4] «Северный Луч» № 34 от 30 августа.

и на вполне законный вопрос: почему? — газета меланхолически добавляет:

«Мы думаем, это объясняется тем, — и мы должны это откровенно сказать, — что благодаря особым условиям здесь на севере, не в пример Петрограду, Москве и Центральной России, — большевизм не был рабочей массой изжит».

«Всенародная власть» должна была вычеркнуть рабочих из числа своих сторонников: в массе рабочий класс Архангельска к новой власти отнесся отрицательно, для него не нужно было проходить и дерибизовской выучки. К концу же эсеровского царствования уже весь северный пролетариат относился к новому правительству не только отрицательно, но и враждебно.

2. Эсеры и крестьянство.

Рабочий класс однако составлял только одну, и притом меньшую, часть трудящихся, на которых пытались опереться эсеры. К тому же опыт классовой борьбы давно показал, что какой бы то ни было успех у рабочих эсеры могут иметь только в том — довольно редком — случае, когда рабочая масса настроена по-меньшевистски: левая буржуазная демократия очень часто побеждала правую социал-демократию, но всегда отступала перед революционной социал-демократией. Но и это относилось ко времени неизжитой буржуазной революции, когда, играя на «тяге к земле» рабочих не порвавших еще связи с деревней, им удавалось использовать их недостаточную политическую подготовку и слабо развитое классовое сознание. Если мы остановились на рабочей политике эсеров раньше, чем на других моментах их деятельности, то также с целью подчеркнуть, что в период Октябрьской революции отдельные группы рабочих колебались, особенно под влиянием тяжелого продовольственного положения, своим колебанием часто давали победу антисоветским выступлениям, — но политически своей партии не покидали; первые же шаги новой власти отрезвляли и колеблющихся.

Несколько иначе сложились отношения эсеров с крестьянством.

К сожалению, вопреки ожиданиям, в этой области мы найдем меньше материала, чем в какой-либо иной.

Эсеровское правительство, перечисляя взятые на себя обязательства, в пункте 6 своей декларации обещало «действительное обеспечение прав трудящихся на землю», причем подчеркивало, что «не замедлит опубликовать постановления, вытекающие из вышеизложенной программы». [1]

В чем могло состоять «действительное» обеспечение прав на землю как не в утверждении большевистского декрета о земле, хорошо поняли эсеры, заседавшие один день в Учредительном собрании: большевистский декрет, правда разбавленный всякой фразеологией, — в основном был принят эсеровским большинством Учредительного собрания.

Однако дальнейшее поведение эсеров после захвата ими власти целиком подтвердило, что признание эсерами закона о земле было только тактическим шагом, нужным для привлечения крестьянства: не подталкиваемые никем, не вынужденные временными соображениями, они будут продолжать свою

---

[1] «Вестник ВУСО» № 1 от 10 августа 1918.

прежнюю линию. Как и их предшественники в памятные дни керенщины, оттягивавшие решение земельного вопроса на неопределенное время, эсеровское правительство в Архангельске, в прямое противоречие со своей декларацией, не издало ни одного акта, ни одного постановления, так или иначе закреплявшего землю за крестьянами. По существу оно положило под сукно резолюцию Учредительного собрания, вытащив ее только на процессе эсеров в 1922 г., да и то только для того, чтобы похвастать ею перед европейскими «демократами».

Новое правительство представляло себе, какую роль может сыграть крестьянство в данный момент борьбы с советской властью, если суметь его соответствующим образом сорганизовать, по крайней мере уже через 3 дня после переворота правительство постановило командировать своего военного министра С. С. Маслова по районам Северной области, снабдив его самыми широкими полномочиями для организации всего местного управления, для широкой работы среди крестьянства, но ни одного конкретного указания по поводу «действительного» обеспечения прав на землю этому комиссару дано не было, за исключением разве того, что всех ожидающих отсылали к будущему Учредительному собранию.

Для Архангельской губ. самый вопрос о земле при отсутствии помещичьего землевладения не носил такого острого характера как в других районах б. России, но северное правительство отнюдь не думало ограничиться географическими границами Архангельской губ. В постановлении о командировке С. С. Маслова указаны и «Вологодская, и С.-Двинская, и Вятская губ., а также пределы всей Северной области»,[1] т. е. такие районы, как Вятская губ., где появляется помещик, где имеется многоземельный крестьянин. Даже Колчак, перевалившй через Урал в Вятскую губ., счел нужным издать указ о земле.

Между тем создавшееся положение после контрреволюционного переворота требовало ясности в земельном вопросе. Для кулаков самый факт переворота означал ликвидацию большевистского декрета о земле и возврат излишков прежним владельцам. Так же оценили положение и местные крупные владельцы земли — монастыри, церкви и т. п.

Ссылаться при этом воздержании от конкретных шагов по закреплению земли на ряд крестьянских резолюций, выражающих доверие правительству, значило не разбираться в данных условиях момента и за деревьями отдельных резолюций не видеть леса социальных интересов широких масс крестьянства.

К тому же крестьянские резолюции в своей массе вовсе не носили характера безусловного доверия новому правительству. Так, например, Михайловская волость, Пинежкого уезда, приветствуя новое правительство, «выражала ему полное доверие и поддержку», но на определенных условиях: «для достижения им тех программ, кои намечены в его воззвании 16 августа». А центральным пунктом этого воззвания как раз и являлось обещание действительного закрепления земли за трудящимися.

В том, что эсеры в Архангельске ограничились только туманным заявлением общего характера по такому принципиальному вопросу, как земельный, был конечно свой политический расчет. Практика большевиков лишь

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 — 3, журнал заседания ВУСО № 8.

подтвердила то общее положение, что голые, абстрактные лозунги не увлекают классы на борьбу. Осмысливают их участие в гражданской войне только лозунги, за которыми чувствуется непосредственный интерес класса. Крестьянство не составляет исключения из этого положения: за воплощение в жизнь отвлеченных идей его не поднять на борьбу. Оно готово было пойти и за лозунгом Учредительного собрания, но с тем, чтобы в это политическое понятие был вложен нужный ему интерес. Для партии, претендующей на руководство большинством крестьянства, это означало необходимость закрепить за крестьянином землю в первую очередь.

Но этого мало. За время, прошедшее с первой революции, а главным образом за время империалистской войны, хозяйство огромной массы крестьянства было настолько подорвано и разорено, что восстановить его старыми методами, не покидая пути капиталистического развития, было уже невозможно. Передача земли в руки крестьянства в лучшем случае означала бы удовлетворение интересов буржуазной верхушки деревни, сохранившей свою экономическую самостоятельность: широкие массы крестьянства и на большой полосе, без инвентаря, без скота, почти без рабочей силы, сидели бы на том же голодном пайке, что и на малой полоске. Передача земли в руки крестьянства означала бы «действительное обеспечение прав трудящихся на землю» только в том случае, если бы влекла за собой и самую решительную поддержку крестьянской бедноты путем наделения ее живым и мертвым инвентарем.

Не случайно В. И. Ленин в 1917 г. так тщательно разграничивал эти два понятия — «земля крестьянству» и «земля трудящимся». На первое в известных случаях могла бы пойти и буржуазия, если бы революционные события так накалили почву под ее ногами, что требовали бы пожертвовать частью собственности — землей; на второе мог пойти лишь класс, совсем лишенный уз частной собственности. Ни на первое, ни на второе архангельские эсеры не пошли: для первого нехватало решительности хозяина, — в капиталистическом обществе хозяином остается во всяком случае буржуа, второму — мешала их мелкобуржуазная сущность.

Такая решительная программа к тому же отбросила бы в лагерь оппозиции всю буржуазную верхушку деревни, ее кулацкие элементы, составлявшие основное ядро эсеровской добровольческой армии, основной резервуар, из которого эсеры черпали себе поддержку в период подготовки восстания.

Как партия политических импрессионистов, живущая от случая к случаю, а не намечением, на основе глубокого анализа социально-экономических условий, направления будущего развития, эсеры не заглядывали вперед, отказывались от конкретизации своих лозунгов. Перед ними стояла задача сохранить за собою те элементы, которые уже шли за ними, а этого можно было достигнуть только отказом от резко выраженной программы по земельному вопросу и ограничиться общими фразами. Партия, которая разработала до тонкости, скажем, вопрос о денационализации, поскольку этот вопрос не ссорил, а, наоборот, укреплял союз с буржуазией, от разработки земельного закона, определяющего ее позицию по отношению к большинству крестьянства, воздержалась. Как определенный маневр, как расчет на короткое время такое увиливание от решения вопроса могло до поры до времени сыграть известную роль, но как длительное тактическое поведение партии

оно обречено было на неудачу, обрекая на полный провал и политических дипломатов: по деятельности руководящей партии крестьянство в конце концов разберется в этой нехитрой механике. Обманутое крестьянство поэтому не поднялось на борьбу, когда эсеров освободили от тяжелой ответственности писать вообще законы: массы крестьянства, его бедняцкая и середняцкая часть, сохраняли спокойствие во время этой смены, отплатив тем партии за политический обман.

Если эсеры могли опираться на доверие крестьянства, то, оказывается, только в первое время, да и то лишь небольших слоев крестьянства, его буржуазной верхушки. Но и тут декларации оказывались недостаточной гарантией поддержки,—требовались более реальные уступки. Земельные комитеты, учрежденные Временным правительством еще 21 апреля 1917 г., проявившие явно большевистские наклонности к решительным действиям в земельном вопросе, были эсерами упразднены. [1] Вместо них были восстановлены волостные земства. Несколько раньше, немедленно после переворота, губернская продовольственная управа, сохранив временно прежний порядок нормирования продуктов, яйца, молоко, сметану и т. д., картофель и другие овощи, а также свежую рыбу, т. е. главным образом продукты сельского хозяйства, допустила к свободному ввозу и продаже по вольным ценам. [2] Результаты не замедлили сказаться: цены быстро пошли в гору. Мелкую городскую буржуазию в ее восторженном отношении к перевороту эта мера заставила насторожиться, зато она встретила полное сочувствие зажиточной части крестьянства. Из ряда, волостей, по которым предпринял поездку военный министр С. С. Маслов, прибыл ряд резолюций доверия правительству.

Важно однако отметить, что, обещая правительству поддержку, почти все резолюции кончали одним:

> «Для охраны свободного строя и для восстановления растерзанной Брестским миром страны должна быть создана добровольческая армия». [3]

В с. Березкине, например, был устроен митинг для записи в армию, но большинство выступавших подчеркнуло, что воевать с кем бы то ни было они не желают, после чего записалось только два человека. [4] Подписаться под платонической резолюцией доверия, написанной каким-нибудь местным грамотеем из зажиточных, крестьяне были не прочь, но от оказания действенной помощи воздерживались.

Кулацкой верхушке так и не удалось увлечь массы на большее. Отнесшись пассивно к призывам советской власти бороться против интервентов, крестьяне однако не собирались оказывать поголовной поддержки и эсерам: им нужны были непосредственные практические меры, а получили они лишь организацию волостных земств.

Уже через месяц работы эсеров в этих самых волостных земствах крестьяне оценили ее по достоинству. Лучше всего их настроение выразилось на одном волостном собрании для выборов земских гласных.

---

[1] АОР, Собрание узаконений и распоряжений ВУ, постановление от 14 сентября 1918.
[2] «Вестник ВУСО» № 1.
[3] «Вестник ВУСО» № 11.
[4] «Возрождение Севера» № 7.

«Не нужно нам дворянского земства,—говорили крестьяне,—пожалуй еще какого-нибудь земского начальника пришлют да в придачу 10 стражников. А вот лучше бы хлебушка привезли, тогда другое дело! А без хлеба-то и красные советы хороши».[1]

Тут чрезвычайно ярко сказалось отношение широкой массы крестьянства к советской власти. Оно ждало от советов непосредственной помощи, ждало ряда практических мероприятий по улучшению хозяйства. Но в тот период развития борьбы советы не только не могли дать всего требуемого, но принуждены были брать материальную поддержку от крестьянства для войны с контрреволюцией. Это и послужило основной причиной того, что в борьбе за середняка победа временно осталась за кулаком, сулившим голодным союзнический «хлеб». Понятно, что чем быстрее таяли эти обещания «хлеба», тем чаще вспоминал крестьянин старые советы.

Характерно, что буржуазия в примитивной и извращенной форме тоже отмечала это обстоятельство: классовое чутье приводило к правильной оценке классовой позиции.

«Крестьянское население, — читаем в одном из буржуазных органов, — относилось к большевикам враждебно в тех случаях, когда те их грабили и разоряли. Там же, где большевики не грабили и расплачивались за все забираемые продукты, там крестьяне относились к большевикам сочувственно, как к своим людям».[2]

Дело здесь, конечно, не в той характеристике, которую буржуазный орган дает нашей продовольственной политике, а в оценке классовой расстановки.

Только сельская буржуазия при воспоминании о красных советах пока все еще готова была на какую угодно поддержку любому антисоветскому правительству. Толкнуть ее в оппозицию могло лишь дальнейшее развитие классовой борьбы.

3. «Демократия» эсеров.

В одном из документов, составляющих эпоху в истории развития партии,[3] эсеры, суммируя опыт борьбы с диктатурой пролетариата, выразили его в краткой формуле: «социализм и демократия — таков наш лозунг».

Как выглядел «социализм», дальше покажут факты живой действительности, а сейчас обратимся к практическому проведению эсерами «демократии».

Опыт демократической политики за время с февраля по октябрь 1917 г., несмотря на всю свою ценность, имел однако тот небольшой минус, что, имея большинство в стране, «демократы» были связаны буржуазным Временным правительством, формально находившимся у власти. Недостатки своей политики всегда можно было свалить на буржуазное большинство. На Севере и формально руки были развязаны: в своей деятельности эсеровское правительство имело возможность руководиться только своими политическими взглядами. Охраняемое штыками интервентов, окруженное «всеобщей поддержкой» всех кругов населения, как много раз хвастливо заявляли эсеры, в условиях, казалось бы, вполне благоприятных для демократической деятельности, правительство приступило к развертыванию всех свобод, свернутых большевиками. «Восстановление конкретных свобод и органов истинного

---

[1] «Возрождение Севера» № 27.
[2] «Известия Архангельского о-ва изучения русского Севера» № 1 — 2, 1919, стр. 35.
[3] Письмо ЦК ПСР к X совету партии. 12 смертников. Берлин 1922.

народовластия: Учредительного собрания, земств и городских дум», — так формулировала задачу правительственная декларация в первом же номере «Вестника Верховного управления». А рядом помещены уже и конкретные меры по восстановлению попранных свобод.

В первом же номере официального органа правительства опубликован приказ о формировании следственных комиссий в губернских и уездных городах «для предварительного рассмотрения дел об арестованных». Члены этих комиссий, — сказано в приказе, —

«уполномачиваются в случаях, не терпящих отлагательства, единолично подписывать ордера о заключении под стражу. Все граждане, имеющие сведения о совершившемся или готовящемся преступлении, обязаны довести о том до сведения надлежащих властей. Виновные в самовольных арестах подлежат сами немедленному аресту с преданием суду. Верховное управление стремится восстановить свободу и право», —

так кончается приказ, принятый на заседании правительства 3 августа, т. е. почти в самый день переворота.

Как видно из содержания приказа, в нем имелись в виду преступления политического характера, — последнее признал на суде один из авторов его, Дедусенко.

«Речь идет, — показал Дедусенко, — я думаю, не об уголовных преступлениях, а преимущественно о политических или уголовно-политических».[1]

Таким образом, партия эсеров, сконцентрировавшая всю свою агитацию на борьбе с чрезвычайными комиссиями, как олицетворением большевистской диктатуры, поднявшая положительно всю буржуазную и мелкобуржуазную Европу против зверств «большевистских застенков», начала свою деятельность с учреждения такого же чрезвычайного — ибо члены комиссии наделялись чрезвычайными полномочиями: ареста, задержания и т. п. — органа, направленного против своих политических противников. Есть, правда, и различия. В то время как большевики перешли к чрезвычайным мерам после ряда контрреволюционных выступлений, и притом в принципе не отрицая необходимости этих мер в эпоху диктатуры, в эпоху вооруженного подавления сопротивления, эсеры организацию чрезвычайных мер борьбы начали в первый же день своей правительственной деятельности и вопреки провозглашенному в этот же день принципу «восстановления всех свобод».

Акт этот характерен не только как показатель «готтентотской морали», но и как авторитетное подтверждение того факта, что не вся масса народа поддержала эсеровское восстание против «кучки захватчиков». Для борьбы с небольшой группой, с «кучкой захватчиков», вовсе не нужны такие массовые средства, как организация во всех губерниях и уездах комиссий, наделенных бесконтрольной полнотой власти. Тут достаточно единовременной меры. Новое правительство боялось не отдельных большевиков, а массовых выступлений недовольных переворотом, — именно для борьбы с ними создавались следственные комиссии. Цифры арестованных и посаженных в тюрьму говорят, что эсеры были правы, боясь массовых выступлений. В одном только г. Архангельске к 10 августа оказалось арестованных по официальным сведениям 388 человек, среди коих было 73, обвиняемых в уголовных преступлениях,[2] а остальные — очевидно в политических.

[1] Дело эсеров, т. VI, показания Дедусенко.
[2] «Возрождение Севера» и «Вестник ВУСО» № 3.

В эти сведения не вошли арестованные союзной контрразведкой и военным штабом: военные предпочитали направлять «подозрительных» или к себе в штаб или в союзную контрразведку, где работали, между прочим, все те же русские офицеры. Если арестованные числятся сотнями по официальным, конечно сокращенным данным, то говорить о мерах, направленных только против «кучки захватчиков», не приходится, тем более, что «кучка-то», по тем же сведениям, покинула город вместе со всеми своими красноармейскими отрядами и организациями и в данный момент непосредственной опасности не представляла.

Что дело шло о борьбе с массовым проявлением недоверия, находит себе подтверждение в факте издания военными властями приказа о запрещении агитации в пользу большевиков на публичных и частных собраниях. Раз понадобился специальный приказ о запрещении массовой агитации, то очевидно были факты, вызвавшие его.

К этому следует прибавить, что в развитие приказа Верховного управления стали издаваться всевозможные разъяснения, дополнения, вернувшиеся фактически к периоду «временных правил» самодержавных чиновников. Так одно из постановлений военного губернатора требовало, чтобы следственные комиссии задерживали всякого «по указанию». Достаточно было какому-нибудь чиновнику «указать» на прохожего — «слово и дело» эпохи приказа тайных дел, — чтобы для последнего начались все мытарства полицейского «оказательства».

Так восстановили эсеры свободу политических взглядов. С остальными «свободами» дело обстояло не лучше.

5 августа Верховным управлением было утверждено «временное постановление о собраниях», основные пункты которого сводились к следующему: 1) о каждом предполагающемся собрании доводится не менее как за 24 часа до сведения надлежащих властей; 2) соответствующим властям предоставляется право не разрешать собрания в случае признания ими, что допущение такого собрания угрожало бы общественной безопасности; 3) правительственный комиссар в случае нарушения какого-либо из настоящих постановлений или придаче собранию характера, угрожающего общественной безопасности, отдает распоряжение о немедленном роспуске собрания. Наконец в примечании ко всему приказу добавлено:

«В местностях, объявленных на военном положении, действуют постановления, издаваемые соответствующим военным командованием». [1]

Все постановление, и так мало похожее на объявленное в декларации правительства «восстановление свободы собраний», заключительным примечанием сводилось на-нет. Первым же приказом главкома, с утверждения Верховного управления, была объявлена на военном положении вся территория, захваченная у большевиков. Разрешение собраний, таким образом, целиком зависело от воли монархического офицерства.

Постановление опубликовано не было, — отнюдь, однако, не потому, что эсеры сознали его политическое значение и убоялись протеста со стороны широких масс. Причина оказалась иной.

6 августа на заседании Верховного управления Чайковский доложил о взаимоотношениях с «союзниками». Последние пытались рассматривать пра-

[1] АОР, дело № 1 — 3, постановление от 5 августа 1918.

вительство исключительно как власть муниципальную, хозяйственную, отказываясь признать за ним власть политическую. «Необходима опора области», — закончил свою информацию Чайковский, предложив послать в глубь области полномочного члена правительства для агитации и формирования военных сил. Но опубликование приказа о собраниях лишало опоры в самом Архангельске: любое собрание, по точному смыслу примечания к приказу, могло быть распущенным военными властями. Верховное управление решило поэтому отказаться от опубликования приказа.

«При создавшемся общем политическом положении было бы целесообразнее приостановить опубликование принятых 5 августа Верховным управлением временных постановлений о собраниях», [1] —

так прямо мотивировал решение правительства управляющий Отделом юстиции А. И. Гуковский. От опубликования воздержались для того, чтобы иметь возможность маневрировать массами как опорой власти. Когда политическое положение прояснилось, а массы вовсе не показали широкой готовности стать опорой правительства, 22 августа постановление увидело свет, причем злополучное примечание было средактировано все же иначе:

«В местностях, объявленных на военном положении, о всех не запрещенных комиссаром собраниях доводится им до сведения военного командования». [2]

Пока же до издания приказа действовали авторитетные разъяснения коменданта города, требовавшего, чтобы собрания касались только вопросов профессиональных и собирались лишь с разрешения коменданта, к которому надлежало обращаться за двое суток до собрания. Как относился к этим разрешениям комендант, может служить следующий инцидент, особенно интересный по составу своих участников.

Общее собрание архангельской организации партии эсеров не могло состояться, так как оказалось запрещенным комендантом, написавшим на заявлении эсеров: «Предлагаю не допускать и не разрешать». [3] На повестке стоял кстати доклад члена правительства М. А. Лихача о рабочей политике. Таким образом комендант города, полковник Чарковский, назначенный эсеровским правительством на эту должность в самый момент переворота, т. е. в такой момент, когда назначение производится особенно осторожно, когда выбираются наиболее доверенные лица, — запретил собрание господствующей партии, т. е. почти правительственное собрание: в порядке дня ведь стоял доклад члена правительства. Этот инцидент — хорошее свидетельство тому, что слуги, наделенные слишком большой полнотой власти, становятся хозяевами. Именно хозяевами, потому что собрание все же не состоялось, по крайней мере в ближайшие дни, хотя впоследствии разрешение на собрание было дано самим Верховным управлением. [4]

Если комендант обращался так вольно с собранием правительственной партии, то не трудно догадаться, каковы были результаты других просьб на разрешение собрания.

Можно привести наудачу один пример. Архангельское отделение Всероссийского союза строительных рабочих наметило созыв общего собрания

[1] АОР, дело № 1 — 3, журнал заседания Верховного управления от 6 августа.
[2] Там же, журнал заседаний Верховного управления от 22 августа.
[3] Там же протокол заседания ВУ от 10 августа 1918 г.
[4] «Вестник ВУСО», № 2.

своих членов на 16 августа. 13 августа правление обратилось за разрешением к коменданту, который отослал просьбу к губернатору, последний же снова вернул ее коменданту. Комендант выдал наконец разрешение 17-го, т. е. на другой день после намеченного срока. Пришлось собрание отложить, но на публикацию объявления нужно новое разрешение. Обратились к военному контролю. Контроль отказался выдать разрешение без визы коменданта, а по получении комендантской резолюции послал прошение к майору Юньяк, без ведома которого нельзя публиковать объявления. Майор в самый день созыва собрания заявил, что не ведает выдачей разрешений. Собрание было отложено вторично, причем правлению удалось получить новое разрешение на созыв собрания у политического комиссара г. Архангельска, но редакции газет отказались по этому разрешению публиковать объявление без разрешения на это военного контроля. [1] И так далее, опять с начала.

Это только один из наиболее безобидных примеров. Принцип «тащить и не пущать» получил в стране «демократического» правительства всеобщее преобладание. Нечего и добавлять, что попытки рабочих более решительными мерами бороться с обнаглевшей буржуазией, например стачки, находили самый резкий отпор со стороны «демократов» в правительстве. 16 человек печатников были посажены в тюрьму только за объявление забастовки, притом с исключительными экономическими требованиями: повышение заработной платы.

Испугавшись после этого резкого протеста рабочих, правительственный комиссар издал сообщение, отрицавшее арест печатников за забастовку, но не отрицавшее самого ареста и отправки направления в тюрьму именно после забастовки.

Нигде однако так не чувствуется определенность классовой политики, как в вопросах организации, в вопросах подбора людей. Назначение комендантом города человека, который через 24 часа начинает командовать своими хозяевами, не говорит конечно о выдержанности политической линии эсеров, но может быть объяснено случайностью. Повторение же таких назначений заставляет говорить о целой системе, а не о случайности. В самом деле: вот постановление от 6 августа: [2]

«Пункт 5. Начальником архангельской губернской тюрьмы назначается с 4 августа В. П. Гумберт с сохранением за ним права на содержание за все время насильственного отстранения от должности большевистской властью.
Правительственный комиссар Старцев.
Член Правительственного комитета Постников».

На работу начальника тюрьмы возвращается старый чин полиции, «насильственно отстраненный» большевиками.

Следующее постановление от 10 августа, за подписью того же Старцева:

«Помощником начальника архангельской городской милиции назначается Н. Е. Паршенский» [3].

Вновь назначенный Н. Е. Паршенский оказался бывшим помощником полицеймейстера г. Архангельска.

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 12.
[2] «Вестник ВУСО» № 2.
[3] Там же, № 21.

Далее начальником участка милиции назначается бывший полицейский пристав из Вологодской губ. и т. д. [1]

На старые места возвращаются представители старой царской службы, причем характерно, что царская администрация возвращается в первую очередь в наиболее привычную для нее область: в полицию. Восстановление царских методов «охраны труда» — аресты за стачки, разгон собраний и пр. — требовало и возвращения царских исполнителей, особенно набивших себе руку по этой специальности. С правительственного благословения эсеров, основной своей задачей считавших восстановление попранных большевиками свобод, на защиту «демократии» стали возвращаться царские жандармы: в число «попранных свобод», восстановленных эсерами, попала, следовательно, и свобода царской полиции расправляться с рабочими.

Как бы в дополнение к возвращению полиции последовал не менее «революционный» указ о восстановлении общих и местных судебных установлений». [2] Всем мировым судьям, членам окружных судов, судебным следователям, лицам прокурорского надзора было предложено без какого-либо отбора немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Был восстановлен весь старый царский судебный аппарат.

В своем восстановительном рвении правительство решило итти даже до организации сената. Вопрос был отложен только до расширения сферы действия Верховного управления на более широкую область: пока же было признано

«ограничиться созданием из наличных юридических сил органов, которые были бы суррогатами нормальных судебной палаты и сената, но с их функциями».

Возвращение всех чинов и званий военнослужащим [3] — главная боевая сила эсеров, офицерство, не могло остаться без награды — только один момент, и притом не случайный, в этой системе.

Остается познакомиться с одним из китов эсеровских лозунгов в борьбе с большевиками—с восстановлением всеобщего избирательного права, чтобы подвести итог эсеровской «демократии».

Эсеры не представляли себе выборов во все демократические органы (Учредительное собрание, земства и думы) не по четыреххвостке, т. е. всеобщими, прямыми, равными и тайными. Едва ли какой-либо из законов большевистской власти вызывал более резкие нападки, чем советская конституция, главным образом в той ее части, которая лишала избирательных прав имущие классы. Для эсеров, не умеющих диалектически подходить к явлениям общественной жизни, казалось беспринципным отношение пролетарской власти к всеобщности выборов. Им всеобщее избирательное право важно было само по себе как некоторая политическая идея, воплощение которой в жизнь составляет цель человеческой истории. Казалось бы, признание незыблемости этого закона должно было бы явиться первым актом эсеровского правительства.

Действительность показала обратное.

Одновременно с приказом о восстановлении суда Верховное управление предложило восстановить и земские и городские самоуправления в их преж-

---

[1] «Рабочий Севера» № 3, стр. 13.
[2] АОР, Собрание узаконений и распоряжений ВУ, постановление от 2 августа № 7.
[3] Там же ф. IV, оп. 1, дело 1 — 3, приказ главкома № 3.

нем доктябрьском составе. Но уже 9 августа управляющий Отделом внутренних дел П. Ю. Зубов сообщил, что городскую думу созвать нельзя, а следует объявить новые выборы в думу. Мотивировал свое предложение Зубов тем, что многие члены городской думы увезены большевиками, притом полномочия думы все равно скоро истекают.

Этот мотив своей аргументацией напоминает знакомые картины.

По вопросу о том, собрать ли старое Учредительное собрание или созвать новое,— контрреволюция давно поделилась на два лагеря: Учредительное собрание, выбранное по спискам до пролетарского переворота, имело эсеровское большинство и только 14 кадетских депутатов: собрать его значило отдать судьбу будущей России в руки эсеров. Соглашаясь поэтому созвать Учредительное собрание, контрреволюция, Колчак например, настаивала только на созыве его по новым спискам после «умиротворения» страны; это обеспечивало новое соотношение сил. Архангельская городская дума по своему составу очень напоминала Учредительное собрание, т. е. помимо эсеровского большинства, расколовшегося на правый и левый лагерь, имела мало кадетов, но не малый процент большевиков. Созыв старой городской думы был уравнением с несколькими неизвестными: самый состав неопределен, большевистскую часть пришлось бы изъять из думы вопреки свободе выборов и т. п. Верховное управление почти без прений решило объявить новые выборы: под неизвестные легче вставить конкретные величины.

Выборы были назначены по положению буржуазного Временного правительства 1917 г., но... с рядом ограничений. Во-первых, было решено установить дополнительный оседлый ценз в 6 месяцев.[1] Не трудно понять, против кого было направлено острие этого решения: против большевиков, приезжающих из центра — 6 месяцев тому назад местных большевиков почти не было, кроме того против возвращающихся из Петербурга и Москвы с работы, наконец против идущих из Германии военнопленных, в значительной степени зараженных большевизмом. Позже, учитывая общественное настроение, от этого ограничения отказались,[2] но ввели много других.

По избирательному закону нового правительства от выборов устранялась значительная часть населения. Права выборов прежде всего лишались находящиеся под судом и следствием, а мы помним, что под следствием находились все советские работники, от губисполкома до волостных советов, т. е. главным образом большевики. Выборы теряли характер всеобщности, поскольку к ним не допускалась целая политическая партия. Учредительное собрание, созванное по старым спискам еще Временного правительства, дало одну треть мест большевикам. Эта треть, в общем и целом, отстранялась теперь по закону о «всеобщих выборах» от участия в них.

Затем по новому закону лишались права выбора все военнослужащие и чины милиции. В этом пункте эсеры пошли назад даже по сравнению с Временным правительством, чисто буржуазным по составу, все же допустившим к выбору солдат.

Северная область для борьбы с Советской Россией, даже с помощью союзников, должна была бы напрячь все свои живые силы. При мало-

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело 1 — 3, протокол заседания ВУ № 12 от 9 августа.
[2] Там же, постановление от 12 августа.

численности населения эта борьба требовала мобилизации почти всего взрослого населения. Уже по первой мобилизации было призвано сразу пять призывных возрастов, а дальнейшая перспектива ухода союзников увеличила бы число призванных до пределов всего взрослого населения. Поэтому лишение военнослужащих права выбора означало недопущение к ним большинства взрослого деревенского населения. Эсеры, кроме большевиков, побоялись пустить на выборы рабочих и крестьян, ибо большинство армии конечно состояло из рабоче-крестьянских масс, наиболее молодых, восприимчивых к политической агитации. «Демократическое» правительство боялось тех, именем которых оно управляло.

На этом еще не кончилось значение «демократической» реформы. Устраненный от участия в политической жизни страны, солдат попадал всецело под руководство своего командного состава, поставлявшего таких представителей, как упоминаемый уже комендант города. Солдат воспитывался контрреволюционными офицерами, которым сами эсеры доверяли мало, воспитывался в духе старой муштры, превращавшей его в слепое орудие своих командиров.

Этому способствовал и характер армии.

Вопрос об организации армии вдвойне интересен: во-первых, сам по себе, а во-вторых, как показатель отношения населения к эсерам.

Тот принцип, который лежал в основе строительства Красной армии — мобилизации, вызывал не меньше нареканий, чем факт участия солдат в общей системе выборов: ликвидировав советскую систему выборов, эсеры попробовали изменить и самый принцип создания армии: армия была объявлена добровольческой.

Но уже в августе, одновременно с опубликованием постановления Верховного управления о призыве добровольцев в армию и флот, управляющий Военным отделом С. С. Маслов признался, что «воссоздание армии возможно единственно путем мобилизации», но в данный момент приходится «временно остановиться на принципе добровольческого набора на договорных началах». [1]

Правительство в этом вопросе проявило мало свойственную ему чуткость в учете настроения населения: вряд ли все же окажется много охотников-добровольцев защищать правительство. Рвать же со своей идеей о добровольности армии после недавней шумихи против большевистского набора не соответствовало принципиальной постановке вопроса. Было решено оставить добровольческий принцип создания армии, но вместе с тем, попутно, развернуть «энергичную работу по восстановлению мобилизационного аппарата». [2]

Предполагалось предварительно собрать офицерский состав, несколько подучить его, а затем уже вокруг офицерских ячеек развертывать армейские части. Назначенный командующим войсками капитан 2 ранга Чаплин отдал распоряжение всем офицерам явиться на регистрацию, так как добровольцев-офицеров тоже явилось немного. При этом, чтобы сразу вызвать доверие и успокоить офицеров насчет характера будущей армии, в тот же день был опубликован новый приказ, которым «по соглашению с Верхов-

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 —3, журнал заседаний ВУ от 6 августа 1918.
[2] Там же.

ным управлением всем военнослужащим возвращались чины и звания». [1]

Успокоение этим не ограничилось: 8 августа последовал новый приказ, в котором, приглашая добровольцев в формируемый 1-й Архангелогородский пехотный полк, Беломорский конный полк и 1-ю полевую батарею, командующий войсками объявил о «введении военной дисциплины и отдании чести», а также «об отмене полковых и ротных комитетов». [2] С Февральской революции впервые офицеры услышали знакомые слова старых приказов. Имея в качестве командного состава «успокоенное» офицерство, можно было рискнуть и на мобилизацию. 16 августа ген. Н. И. Звегинцев, помощник управляющего Военным отделом, доложил о недостаточно успешном ходе добровольческого призыва,— 20 августа Верховным управлением было приказано «восстановить прерванное советской властью действие всеобщей личной военной повинности» и призвать на действительную военную службу родившихся в 1897, 1896, 1895, 1894 и 1893 гг., а также всех офицеров, врачей и чиновников до 35-летнего возраста включительно. [3] Неявившиеся подвергались взысканию по соответствующим статьям царского Уложения о наказаниях.

Наконец в самой армии, чтобы поддержать введение военной дисциплины, были учреждены особые военные суды «в тех случаях, когда учинение преступления настолько очевидно, что нет надобности в его расследовании». [4]

На закулисной истории постановления придется еще остановиться, а сейчас для характеристики этих судов обратимся к самим субъектам суда. Через несколько месяцев по уходе из правительства эсеров помощник генерал-губернатора Северной области в Мурманском крае Ермолов обратился в правительство с просьбой ввести «особые временные суды столыпинского типа» в случаях очевидной виновности преступника. Мотивировал свою просьбу Ермолов тем, что в настоящих условиях развития преступности, неналаженности судебных органов следствие не успевает справиться с расследованием, суд откладывается, и «создается атмосфера частью безнаказанности, частью произвольных административных арестов». Отдел юстиции Временного правительства ответил на просьбу, что

«нет никакой необходимости в учреждении особых временных судов столыпинского типа... так как постановление Верховного управления Северной области от 30 августа... такого типа суды уже существуют для всей Северной области». [5]

Те, кто будет сидеть в судах, введенных эсерами, должны были прекрасно понимать, что по своему характеру эсеровский суд — обычный скорострельный суд, без суда и следствия, суд столыпинского типа.

Не нужно к тому же забывать, что, восстановив старые порядки в армии, эсеры ничего не противопоставили им, даже декларация прав солдата, изданная при Керенском, восстановлена не была: руками эсеров строилась

---

[1] «Вестник ВУСО» № 1, приказы командующего вооруженными силами № 2 и 3.

[2] «Вестник ВУСО», № 2, приказ командующего войсками от 8 августа.

[3] АОР, Собрание узаконений и распоряжений Верховного управления и временного правительства Северной области, постановление от 20 августа.

[4] Там же, постановление от 30 августа.

[5] Архангельский губархив, Управление генерал-губернатора Северной области по гражданской части. О введении особых судов.

старая, царская армия, строилась притом для защиты старого порядка, а не «демократии», поскольку солдат отдавался в полное распоряжение офицерства.

Итти в своей политике дальше буржуазного Временного правительства — единственный урок, который вынесли эсеры из революции.

Прежде чем перейти к промышленной политике эсеров и познакомиться с их строительством «социализма», остановимся еще на некоторых моментах, в частности на вопросах народного образования Верховного управления. В период обостренной гражданской войны было бы, возможно, ошибочным ожидать какой-либо последовательной программы в области народного образования. Такой программы у эсеров и не было, но то немногое, что сделано по народному образованию, может дать несколько дополнительных черт для выяснения классовой политики эсеров.

В протоколах заседаний Верховного управления и его сборнике приказов нет постановлений, касающихся народного образования, но в прессе того периода имеются материалы, по которым можно судить о характере эсеровской политики и в этой области. Так в конце августа, примерно через месяц после начала правительственной карьеры эсеров, в Архангельске состоялось расширенное совещание работников просвещения под председательством М. А. Лихача, управляющего по совместительству также и Отделом народного образования.

Совещание приняло ряд решений, из коих отметим постановление о преподавании закона божьего и новом правописании.

«Исходя из закона Временного правительства от 14 июля 1917 г., — читаем мы в их постановлении, — необходимо признать, что преподавание закона божьего в школе не может носить обязательного характера для учащихся, но в то же время впредь до разрешения вопроса об отношении церкви к государству в Учредительном собрании он должен быть оставлен обязательным предметом для школы»... [1]

В принципе совещание признает отделение церкви от государства и вытекающую отсюда необязательность преподавания закона божьего, но... конкретное разрешение вопроса откладывает до времен далеких, пока же предлагается считать закон божий обязательным предметом в школе и вознаграждение за преподавание его производить на общем основании с другими предметами.

На требование рабочих о восстановлении советов, мы помним, эсеры ответили категорическим отказом, но тут на совещании была совсем другая публика. В ответ на их постановление эсеры решили:

«Не касаясь общего вопроса об отделении церкви от государства, поручить М. А. Лихачу выработать проект циркуляра о необязательности для учащихся обучения закону божьему, но с обязательством для школ организации преподавания сего предмета». [2]

Даже формулировка примерно та же, что в резолюции совещания; так чутко эсеры отзывались на всякое желание нерабочих и нетрудящихся.

Не надо быть не только социалистом, но и революционером, чтобы провести мероприятие по отделению церкви от государства: в любой буржуаз-

[1] «Вестник ВУСО», № 20.
[2] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 3, л. № 63.

ной стране это вызвало протест только со стороны наиболее реакционной части церковников. Но эсерам, не имеющим за собой масс, приходится вести мракобесную политику, лишь бы привлечь на свою сторону какую бы то ни было часть населения, будь то даже черносотенное духовенство. Только этим можно объяснить факт сохранения присяги для солдат. Вот текст присяги полностью, как он напечатан в № 2 «Вестника Верховного управления Северной области»:

«К сведению добровольцев в армию и флот.

Клятвенное обещание.

Обещаюсь и клянусь всемогущим богом, перед святым его евангелием и животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбой, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими-либо выгодами, я по совести покажу в сем деле сущую правду и не утаю ничего мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ перед законом и перед богом на страшном суде его. В удостоверение же моей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь.

К сему клятвенному обещанию присягали:»

Хотя на этом документе и нет подписей эсеровских министров, но помещен он в официальном правительственном органе, редактировавшемся по постановлению Верховного управления управляющим Отделом внутренних дел. Чтобы не оставалось, однако, сомнений в том, что мы не имеем здесь дела с случайно просмотренной ошибкой, можно сослаться и на собственное постановление Верховного управления, подчеркивающего, что присяга не случайно попала в официальный орган правительства.

16 августа Лихач на заседании правительства [1] сообщил, что на воскресенье 18 августа в храме назначено торжественное молебствие по поводу избавления от большевиков и дарования побед молодой российской армии и «союзным» войскам, и предложил выяснить причины принятия инициативы сего молебствия временной городской управой.

Верховное управление, заслушав это сообщение, постановило:

«поручить губернскому комиссару выяснить причины принятия инициативы назначения молебствия временной городской управой»...

Даже у пристрастного читателя это постановление не вызовет никаких сомнений: «социалистическое» правительство собирается выяснить, на каком основании один из его органов вздумал заняться молебствием, совершенно не вяжущимся с «социалистическим» мировоззрением большинства правительства. Но постановление имеет и второй пункт, который гласит:

«...Поручить генералу Звегинцеву снестись с духовными властями о желательности возглашения на молебствии многолетия Верховному управлению» (!)

Оказывается, что расследование о деятельности временной управы было предпринято не вследствие ее расхождения с воззрением правительства, а только потому, что дума опередила намерения правительства.

Присяга все-таки не случайно попала на страницы «Вестника».

Какую конкретную помощь оказала эсерам присяга,— не беремся судить, но духовенство быстро отозвалось на политику эсеров. С церковных амвонов, со страниц духовной прессы, наконец в специальных листовках полилась широкая агитация за добровольное вступление в армию. В особо выпущенном обращении «союз духовенства и мирян приглашает причт и

---

[1] АОР, дело № 1 — 3, л. 55, журнал заседаний ВУ.

приходы г. Архангельска и архангельской епархии, равно и другие церковные организации» оказать полную поддержку «займу доверия». Обращение не останавливается на призыве к чувствам своей паствы, а указывает и ресурсы, откуда черпать реальную поддержку:

«... Подпиской за счет церковных сумм, пожертвованием золотых и серебряных излишних вещей...»[1]

Местное духовенство само без всякого принуждения пошло на изъятие церковных ценностей. Святотатством оказывается не самый акт изъятия церковных ценностей, а лишь субъект изъятия — большевики. Поддержать же церковным золотом эсеровское правительство, на котором лежит печать божьих избранников, верующих «в слово и крест спасителя»,— напротив, дело богоугодное...

Так логика гражданской войны заставила «революционную», какой продолжали считать себя эсеры, партию, оставшуюся без масс, опереться на черносотенное духовенство.

4. «Социализм» эсеров.

Партия эсеров уже в момент своего создания не была социалистической. Иллюзии, связанные с признанием социализма, имели место только в среде самой партии, вся же ее практическая деятельность была непрерывным доказательством того факта, что объективный ход действительности не поддерживает субъективных рассуждений эсеров. Это считалось общепризнанным в среде марксистов. Но Октябрьский переворот, поставивший по разные стороны баррикады революционных марксистов и буржуазных соглашателей, заставил и это общепризнанное мнение стать источником водораздела между ними.

Бывший марксист Каутский, одним из первых некогда разоблачивший «социалистические заблуждения» эсеров, ныне стал твердить, что эсеры «ведут борьбу за социализм так же, как и мы, марксисты, хотя не всегда теми же путями»...[2]

Вся разница между марксистами и эсерами, по Каутскому, сводится только к различию в методах борьбы за социализм. Самое же представление о социализме, как социально-экономической системе, у тех и других одинаково. Само собой разумеется, что Каутский прав, ибо под марксистами он имеет в виду современную социал-демократию, а в таком случае эсеровская практика дает великолепный материал и для изучения современных «марксистов».

С многими элементами «социалистического» строительства эсеров мы уже познакомились, осталась только экономическая политика.

В состав нового правительства входили только лица, облеченные всеобщей выборностью, избранные в Учредительное собрание или по крайней мере в члены городских дум. Список таких лиц был намечен еще до переворота, причем все кроме Чайковского оказались принадлежащими к партии эсеров, т. е. составляли однородное социалистическое правительство. В целях по-

[1] «Вестник ВУСО», № 16.
[2] «12 смертников», ст. Каутского «Московский суд и большевизм», Берлин 1922.

полнения своего состава представителями местного населения Верховное управление ввело в правительство: П. Ю. Зубова — товарища городского головы г. Вологды, и Н. А. Старцева—заместителя председателя архангельской городской думы. Приглашение местных людей, хорошо знающих условия работы в области, вообще говоря, значительно облегчало управление областью и поднимало авторитет самого правительства в глазах населения. Но оба приглашенные думцы оказались кадетами, несмотря на то, что и архангельская и вологодская дума — обе имели социалистическое большинство. Таким образом, имея социалистическое большинство, эсеры с самого начала вступили в коалицию с буржуазией, которая с момента Октября образовала тесный контрреволюционный блок с монархическими помещиками. Но коалиция с буржуазией к чему-то обязывала. Одним из первых решений этого пополненного представителями буржуазии правительства было решение о «восстановлении нарушенных прав законных владельцев», а в специальном постановлении разъяснялось, что дело идет о возвращении буржуазии ее «законной» собственности: § 12 протокола заседания Верховного управления от 10 августа предоставлял управляющему Отделом торговли и промышленности денационализацию торговых и промышленных предприятий г. Архангельска.[1]

Основной мотив возвращения законным владельцам их собственности заключался в том, что национализация, произведенная большевиками, разрушила производительные силы страны, подорвала торговлю и промышленность и тем самым поставила рабочих в ужасное положение. Последний довод выдвигался М. А. Лихачом на первый план, но он оказался такой же, не соответствующей фактам отпиской, как и сделанное напоказ заявление Лихача на процессе эсеров о денационализации только отдельных отраслей промышленности, а не всех предприятий.

«Архангельск был завален пиленым лесом, — сообщал суду Лихач, — который никто не хотел покупать, потому что в Швеции, несмотря на высоту шведской валюты и низкую русскую валюту, лес ценился дешевле, чем заработная плата за выделку стандарта леса в России. Так что о том, чтобы восстановить национализированные лесопильные предприятия, не могло быть решительно никакой речи...»[2]

т. е. основной причиной денационализации явилась как будто невозможность восстановления лесопильного хозяйства из-за высокой заработной платы рабочих в России: взять на себя понижение заработной платы эсеры постеснялись, более удобным оказалось вернуть предприятия хозяевам, которые сумеют это проделать легче.

Как использовала буржуазия эту возможность, мы уже помним по ряду забастовок, охвативших предприятия г. Архангельска. Вместе с распоряжением о денационализации следственная комиссия, согласно постановлению Верховного управления, приступила к арестам всех так или иначе замешанных в национализации, произведенной советской властью, вплоть до технических работников. Любопытно отметить, что Верховное управление только в одном случае вмешалось в деятельность следственных властей, и этот единственный протест касался... барона Штейгера, бывшего управляющего национализированным флотом, тоже арестованного «по обви-

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 — 3, протокол заседания ВУ от 10 августа, журнал № 12.
[2] Дело эсеров, показание Лихача.

нению в причинении убытков пароходным предприятиям национализацией флота». [1]

На денационализации однако эсеры не остановились. Не только была возвращена буржуазии ее собственность, но и распоряжение этой собственностью предоставлялось ей без каких-либо ограничений: выше уже было отмечено, что Верховное управление отменило декрет о фабричном контроле без замены чем-либо другим.

Одновременно с денационализацией, учитывая, что в Северной области разовьется большая внешняя торговля, Верховное управление организовало особый Комитет по внешней торговле, задачею которого было всемерное облегчение торговой деятельности, затрудненной, например, отсутствием твердой валюты и пр. В состав этого комитета вошло 7 представителей отделов Верховного управления, а затем представители торгово-промышленной буржуазии: от Московского народного банка, производительных и потребительских кооперативов, Биржевого комитета, Торгово-промышленного союза, «Лесосевера», всех частных банков и торговых палат. Большинство опять-таки оказалось в руках буржуазии, которая, понятно, постаралась использовать его не в пользу эсеров.

Ведению Комитета внешней торговли подлежало: общее направление политики внешней торговли, планы валютного и товарного расчета, принципы тоннажной политики, порядок и план распределения экспорта и импорта, разрешение текущих счетов, — короче, нити всей внешней торговли. [2]

В своем стремлении к восстановлению «законных прав владельцев» Верховное управление не забыло, что буржуазия осталась без денег, по крайней мере в той их части, которая осталась в национализированных банках. Прямого приказа о выдаче денег издано не было, да в нем и нужды не чувствовалось: банки сами сделали вывод из решения об общей денационализации. Однако производилась выдача не без ведома Верховного управления, пытавшегося даже руководить ею. В одном из постановлений правительство

«признало необходимым установить ограничение по операциям частных банков и отделения Госбанка к выдаче... не свыше 300 руб. в неделю до того времени, пока кредитный аппарат и денежное обращение не будут восстановлены в такой степени, чтобы все требования вкладчиков могли быть удовлетворяемы полностью». [3]

Лишь временное затруднение — недостаток средств — помешало готовности эсеров послужить полностью интересам буржуазии. Но уже тот факт, что пришлось ввести ограничение в выдаче, показывает, как широко банки пошли навстречу промышленникам и предпринимателям.

До каких пределов доходила эта готовность, — покажет финансовая политика Верховного управления. Предоставляя буржуазии возможность не только получить собственность, но и оборотные средства для ее восстановления — конечно 300-рублевая выдача была общей нормой, с разрешения же отдела финансов можно было получать несравненно более крупные суммы, — правительство само однако нуждалось в средствах на продолжение борьбы с большевиками, на развертывание аппаратов управления и т. п. Нужные средства добывались с таким расчетом, чтобы поменьше затрагивать инте-

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 — 3, журнал заседания № 12, § 8.

[2] Там же журнал заседания от 13 августа.

[3] Там же Книгохранилище, Сборник узаконений и распоряжений, постановление № 21

ресы буржуазии. Сначала попытались восстановить старые государственные налоги: подоходный, основной и дополнительный промысловый, с городских недвижимых имуществ, квартирный, военный и т. п. Не лишним будет отметить, что восстановили не только самую налоговую систему, но и предложили погасить все недоимки и за 1917 и даже за 1916 г. (!)

Мера эта меньше всего касалась буржуазии, мало участвовавшей в налоговых тяготах; в лучшем случае дело могло итти о мелкой буржуазии. Но и последняя вяло реагировала на приказ: казначейства продолжали пустовать.

Пришлось искать другой возможности. Через неделю после переворота было решено выпустить краткосрочные 5%-ные обязательства под наименованием «займа доверия» Верховного управления сроком на 6 месяцев, на сумму 10 млн. руб. [1] «Заем доверия» не вызывал к себе доверия: среди торгово-промышленной буржуазии расписали лишь $3^1/_2$ млн. руб., несмотря на широкую агитационную кампанию.

Оставалось итти по линии наименьшего сопротивления, тем более, что дорога была уже знакома. Обратились к «союзникам», у которых одолжались еще до переворота. У последних был очевидно давно заготовлен свой план, иным не объяснить чрезвычайно быстрый ответ на запрос Верховного управления. Самое содержание переписки притом подтверждает предположение: везде у «союзников» имеется в виду Россия, а не специально Северный район.

Союзники предлагали учредить для России междусоюзный банк с капиталом в 40 млн. руб. «междусоюзных рублей», считая по довоенному курсу рубля. [2] Каждая из четырех держав — Англия, Франция, САСШ и Япония — подписывается на четвертую часть капитала. Главное правление банка будет находиться в одной из «союзных» столиц с правлением и учетным советом отдельно в России и Сибири до фактического соединения этих двух областей. Образованный таким образом банк «один будет допущен державными участницами к производству эмиссии билетов в пределах прежней русской империи», причем привилегии его кончатся по издании соответствующего закона будущим представительным учреждением восстановленной России.

Циническая откровенность, с которой «союзный» план превращал Россию в зависимую страну, бросался в глаза даже мало разборчивым в средствах эсерам. Начались долгие переговоры об улучшении условий кредитования. Переговоры усложнялись затрудненностью сношений послов с «союзными» правительствами, причем послы специально использовывали это затруднение для оттягивания окончательного заключения договора. К концу августа наметили наконец предварительный проект финансового соглашения. В первую очередь «союзные» послы обещали гарантировать внутренний краткосрочный заем в 15 млн. руб. Во вторую очередь был обсужден и одобрен послами выпуск кредитных билетов на сумму 200 млн. руб. Новые деньги должны были быть выпущены Государственным банком, который обязан, не позднее года по заключении мира, обменять их на общегосударственные — по расчету рубль за рубль. В случае невозможности для Госбанка производ-

---

[1] АОР, Книгохранилище, Собрание узаконений и распоряжений, постановление от 8 августа.

[2] Архангельский губистпарт, ВУСО, отдел иностранных дел, дело № 29 «О реформе денежного обращения».

ства этой операции или отказа общероссийского правительства произвести обмен союзные правительства обязуются обменять выпущенные деньги на общегосударственные, при условии, что расходы по этой операции не превысят 20 млн. долл. На ту же сумму в 20 млн. долл. «союзники» гарантируют выпуск новых денег.

По сравнению с тем планом, который навязывали послы Верховному управлению, это соглашение являлось большим достижением: как-никак выпуск денег оставался в руках у правительства. Но большое достижение куплено было не менее большой ценой. Вот что гласит один из пунктов соглашения:

«В качестве обеспечения гарантий союзников Верховное управление Северной области предоставляет союзным правительствам, выдавшим гарантию, преимущественное право на эксплоатацию лесных богатств Северной области»...[1]

Видимая самостоятельность — в выпуске денег — превращалась в явную зависимость при использовании своих ресурсов.

Так или иначе деньги можно было добыть без особого нажима на буржуазию.

Не следует при этом думать, что все перечисленные меры явились стихийным последствием переворота или использованием буржуазией удачного момента первой слабости власти. Отнюдь нет, здесь была продуманная система, изложенная кстати самим управляющим Отделом торговли и промышленности, Я. Т. Дедусенко.

14 августа состоялось совещание торгово-промышленного союза в присутствии Дедусенко. Открывая собрание, председатель его г. И. Н. Даниловский[2] стал жаловаться на ненормальное положение, создавшееся за последние годы для представителей торговли и промышленности, когда «всякие преимущества предоставляются кооперативам, а частный капитал, частная инициатива находятся в загоне». Выступивший после этого Дедусенко в своей программной речи заявил, что он лично является сторонником полной свободы торговли,

«ничем не ограниченной свободы конкуренции, но полностью этого достигнуть можно только в дни мира — сейчас, в дни войны, принцип свободы торговли должен подвергнуться некоторым ограничениям».

«В области экспортной торговли, — говорил Дедусенко, — мы всецело зависим от союзников и стеснены недостаточностью тоннажа, так что принцип свободы торговли здесь существенно ограничивается»...

Можно подумать, что ограничение свободы торговли последует с целью защитить интересы массового потребителя, от имени которого выступило эсеровское правительство. Оказывается, что с ограничением приходится считаться, к сожалению, как с объективной необходимостью: нехватит тоннажа для удовлетворения всего буржуазного аппетита. Но зато, что касается внутреннего товарооборота, — утешал Дедусенко опечаленную аудиторию, —

«здесь принцип свободы торговли будет ограничен меньше всего. Правительство берет на себя только учет продуктов, а все заготовительные операции будут прекращены. Предполагается предоставить это дело объединенному торговому капиталу, как кооперативному, так и частному, на одинаковых для всех основаниях»...

«Путем взаимных уступок власть и торгово-промышленный класс найдут общий язык», —

---

[1] «Вестник ВУСО» № 17 от 31 августа 1918 г.
[2] Там же, № 7.

закончил свою программу под аплодисменты представителей буржуазии Дедусенко.

Общий язык был найден и без уступок, по крайней мере со стороны буржуазии. Через несколько дней после собрания было зарегистрировано новое акционерное общество «Лесосевер» для эксплоатации и экспорта леса, а потом начали открываться новые отделения банков, новые конторы, новые торговые общества. Правительство же продолжало свою линию, намеченную в программе, — не мешать. Ни одно финансово-экономическое совещание не проходило без представителей торгово-промышленного класса. На любом совещании, особенно по внешней торговле, можно было встретить не только уполномоченных Государственного банка, но и представителей частных банков, даже ряд агентов всяких посреднических торговых контор.

В материалах Верховного управления сохранилось авторитетное свидетельство, подтверждающее вольготную жизнь буржуазии. На одном из заседании правительства Дедусенко [1] просил принять решение о предоставлении Северо-двинскому лесопильному заводу права кредитоваться в Государственном банке на одинаковых с частными предприятиями основаниях.

Государственное предприятие, оказывается, вело свою работу в худших условиях, чем любое частное.

Положение поразительно напоминало реакционную эпоху III Думы, когда правительство «управляло», а буржуазия укреплялась во всевозможных экономических комитетах и совещаниях, помирившись на время с мыслью о недопущении к политической власти. Эсеровское правительство выносило на себе всю тяжесть власти в переходный момент, всю огромную организационную работу по восстановлению аппарата, а буржуазия все внимание отдала вопросам укрепления своего экономического благосостояния, хорошо понимая, что экономика рано или поздно возьмет свое и устранит несоответствие экономического могущества и политической власти.

5. Эсеры и интервенты.

Если во внутренней своей политике эсеры стали откровенными агентами местной буржуазии, то во внешней своей политике они попали в такое же положение по отношению к буржуазии иностранной.

В области внешней политики основная задача эсеров состояла, по их собственным словам, в стремлении

> «охранить край от военной оккупации союзниками и сделать попытку к восстановлению восточного фронта». [2]

Что охранять приходилось от своих же «друзей», недавно приглашенных,— об этом ни слова. Но и признание, что «приглашенные» идут как оккупанты, очень ценно: совсем в другом свете выступают те «дружеские» отношения, которые налаживали эсеры с «союзниками».

Генерал-майор Пуль, командовавший войсками интервентов, высадившихся в день эсеровского переворота, обратился к населению с воззванием,

[1] Архангельский губархив, канцелярия ВУСО, дело № 1, журнал заседаний ВУ от 14 сентября 1918 г.

[2] Дело эсеров, показание Лихача.

объясняющим цель прихода «союзников». В воззвании подробно перечислены все бедствия, разразившиеся над Россией после захвата власти большевиками; особенно много в нем уделено места немцам, как вдохновителям большевиков, но совершенно не упоминается о Верховном управлении. Для ген. Пуля не существует правительства, хоть образование его, и притом до десанта, было обусловлено «союзниками». Верховное управление проглотило эту пилюлю, даже не подсахарив ее: воззвание так и осталось висеть, несмотря на попытку урегулировать вопрос. Тем не менее призванных приходилось встречать. Правительство отдало распоряжение вывесить флаги на каждом здании в виде приветствия союзным войскам. При этом приказано было иметь по два флага рядом — русский национальный и красный, —

«в своем сочетании знаменующих, — как сказано в постановлении, — верность родине и добытым революцией народным вольностям и правам».

Едва ли можно представить себе лучший пример для характеристики поведения мелкого буржуа, пытающегося усесться между двумя стульями, чем это постановление.

Но ген. Пуль, как истый представитель господствующих классов Англии, хорошо знающих природу мелких буржуа, вечно колеблющихся между пролетариатом и буржуазией, знал и средство, как вывести мелкого буржуа из этого положения неустойчивого равновесия. В первом же приказе по высадке ген. Пуль твердо заявил: никаких флагов, кроме национального, т. е. старого, царского и морского Андреевского [1], потому что, пояснил позже Пуль свой приказ «красный флаг... недавно был связан с бывшим большевистским правительством». [2]

Средство оказалось верным. Верховное управление согласилось с мнением ген. Пуля «об опасности, с точки зрения военной безопасности, поднятия красного флага» [3] и отказалось от своего постановления.

Дальше — больше. Ген. Пуль назначил французского офицера Донопа военным губернатором г. Архангельска, предложив Верховному управлению сделать

«соответствующее распоряжение для того, чтобы обеспечить полное сотрудничество между гражданскими властями и военным губернатором». [4]

По русской терминологии военный губернатор означает то же, что генерал-губернатор, наличие которого в условиях военного положения по русским законам знаменует подчинение всех властей военному командованию. Когда Верховное управление именно это разъяснило и самому генералу и председателю дипломатического корпуса американскому послу Фрэнсису, последний ответил, что полномочия русского генерал-губернатора ему неизвестны, но что права ген. Пуля ему точно известны, поэтому он предложил сохранить полномочия полковника Донопа.

Правительство без особого протеста согласилось и на назначение военного губернатора.

Создавалось щекотливое положение, требовавшее урегулирования. Насколько мало однако эсеры были уверены в том, что им удастся сговориться

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 40, отдел юстиции ВУСО.
[2] Архангельский губархив отдел вн. дел, дело № 18. Переписка председателя ВУ.
[3] Там же, дело № 2. Переписка с союзным командным составом.
[4] Там же, дело № 18.

с «союзниками», показывают прения на заседании Верховного управления. А. И. Гуковский заявил, что кроме состояния признания или непризнания со стороны «союзников» возможно и третье положение — выжидательное, обычное после всякого переворота, когда новая власть еще не показала своей жизнеспособности. Так как послы собственно и не уполномочены признавать Верховное управление без санкции союзных правительств, то и остается занять третье — выжидательное — положение, пытаясь попутно завязать какие-либо деловые сношения.

Я. Т. Дедусенко подчеркнул, что начать «работу по воссозданию единства и независимости России с подчинения сразу же внешней власти, хотя бы союзников», невозможно, а потому предложил занять более или менее твердую позицию в отстаивании независимости во внутренних делах и пойти на более или менее значительные уступки «в вопросах внутренней жизни, касающихся военных дел».

В. М. Брамсон предложил «ставить вопрос в мягкой форме, но твердо по существу, на Мурмане это удавалось».

Общее настроение растерянности выразил председатель Верховного управления. Чайковский заявил, что в случае продолжения игнорирования «союзниками» власти Верховного управления

«остается один исход: оставить Архангельск, объявить опыт создания государственной власти, хотя бы в областном масштабе, неудавшимся и сделать попытку опереться на население в другом месте, на Урале, в Сибири, и там попытаться создать общегосударственную власть». [1]

В результате было принято постановление:

«стремиться получить хотя бы словесно заверение послов, что сноситься с населением и предъявлять свои требования к нему они будут только через Верховное управление». [2]

Эсеры, пригласив союзников, знали, что объективно их приход заключает в себе тенденцию оккупировать край, превратить его в такой же объект эксплоатации и грабежа, как и ряд других колоний. Единственный выход из этого положения эсеры видели в том, чтобы принять на себя роль посредников между грабительски настроенными союзниками и остальным населением, т. е. фактически превратиться в агентов оккупации, своим именем прикрывающих все, что таит в себе оккупация.

Роль, взятую на себя, эсеры выполняли более чем похвально. В том конфликте, в котором тяжущимися сторонами явились правительственная партия и ею же назначенный комендант, лучшим судьей, по мнению эсеров, должен был быть «союзнический» генерал: разрешая запрещенное было собрание партии эсеров, Верховное управление вместе с тем постановило «о последующем разрешении поставить в известность ген. Пуля». [3]

Вот еще пример, который к тому же покажет, какие взаимоотношения существовали между союзниками и эсерами.

«Уже более недели тому назад, — писал английский генерал Пуль Верховному управлению, [4] — я просил вас издать указ об учреждении военного суда. Прошу вас означенный указ издать в срочном порядке и принять уверение в совершенном моем уважении и преданности»...

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 — 3, журнал заседания от 9 августа.
[2] Там же.
[3] Там же, протоколы заседания ВУСО.
[4] Там же, ф. IV, оп. 1, дело № 4.

Ген. Пуль говорил тоном, не допускающим возражений, каким обычно говорят господа со своими слугами.

В данном случае слуги тоже оказались весьма исполнительными. На приказ Пуля, — а характерная для англичан чопорная корректность, в виде уверений и преданности, которыми они вообще сопровождают свои распоряжения, отнюдь не изменяла смысл приказа,— Верховное управление ответило следующим постановлением. [1] Оно настолько характерно, что нельзя не привести его полностью.

ЖУРНАЛ № 25.

Заседания Верховного управления Северной области. 22 августа 1918 г. 8 часов вечера.

Председательствовал председатель Верховного управления Н. В. Чайковский. Присутствовали: члены Верховного управления — П. Ю. Зубов, А. И. Гуковский, А. А. Иванов, Н. И. Филимонов, Г. А. Мартюшин, М. А. Лихач, С. С. Маслов, Я. Т. Дедусенко.

Приглашенные: командующий вооруженными силами капитан 2 ранга Г. Е. Чаплин, начальник штаба командующего Маслов, В. М. Брамсон, ген. Звегинцев.

Постановили:

1. Ввести особые военные суды, с подчинением их ведению как воинских чинов, так и гражданского населения, но с различием для тех и других в отношении предметной подсудности.

2. В число наказаний, налагаемых названными судами, включить смертную казнь по точно определенным видам преступлений.

3. Передать проект для переработки в первоначальную комиссию и командировать для участия в ее работах М. А. Лихача».

Принятию решения предшествовала долгая дискуссия, из которой отметим только два выступления — Дедусенко и Лихача.

Дедусенко, признавая смертную казнь необходимой в условиях переживаемого момента, высказался за приемлемость проекта в целом, в виду того,

«что применение союзниками смертной казни в случаях особо тяжких преступлений неизбежно; таким образом исключение Верховным управлением смертной казни из числа наказаний еще более затруднит установление нормальных отношений с союзниками».

Смертная казнь, как цена за добрососедские отношения, — это слишком сильно даже для партии эсеров, а ведь ее деятельность эпохи гражданской войны и так полна предательством интересов трудящихся масс.

Лихач попал в иное положение. Он признал, что принятие закона произведет тягостное впечатление в демократических массах России, и предложил... точно и исчерпывающе переименовать особо тяжкие преступления, за совершение коих граждане могут быть преданы смертной казни.

Для него возможно было регламентировать применение смертной казни, обставить ее всякими процессуальными формальностями, но не отказаться от смертной казни.

Его коллега по правительству не преминул отметить, что все хитросплетения ни к чему. А. И. Гуковский заявил, что

«в случаях преступлений, караемых смертной казнью, все гарантии, предоставляемые по проекту подсудимому, являются решительно несущественными и цели не достигающими».

Из всех присутствующих членов правительства против смертной казни высказался А. И. Гуковский. Для него она казалась неприемлемой, в част-

[1] АОР, дело № 1 — 3, протоколы заседаний и постановлений ВУ.

ности потому, что все казненные будут объявлены мучениками в Советской России, где начнутся ответные массовые жертвы,—лишнее признание, что красный террор есть прежде всего ответная мера.

А. И. Гуковский подал заявление о сложении всех своих полномочий и от голосования отказался, все же остальные постановили принять проект постановления и ввести его в действие по телеграфу.

Кстати, на процессе эсеров Лихач хвастал, что северное правительство не признавало в принципе и не применяло на практике расстрелов, чем выгодно отличалось от власти большевиков. Данных, говорящих о расстрелах в эпоху эсеровского командования, действительно не имелось, и государственному обвинителю М. Н. Покровскому пришлось огласить документ, из которого все же видно, что северное правительство если само не выполняло, то санкционировало смертные приговоры, выполняемые англичанами. Но документ этот относился к периоду ухода Лихача из правительства и взят из того периода, когда эсеры уже не составляли большинства в правительстве. Сейчас, имея официальное постановление самого эсеровского правительства, включившего смертную казнь в число наказаний как для военных, так и для гражданских лиц, можно себе представить цену лихачевского заявления.

Пикантнее всего, что подробная разработка этого закона поручалась как раз Лихачу, упорно отрицавшему потом на суде расстрелы в царстве эсеров.

Лицемерие, как известно, одно из качеств, которым отличаются партии, не имеющие за собой масс. Узкий социальный базис принуждает такие партии к мелкому обману, к мелким интригам, позволяющим создать видимость массовой опоры для партии. Эсеры не избежали этой участи: чтобы скрыть свою роль исполнителей воли интервентов, приходилось итти на сплошной обман, в надежде на то, что документы, раскрывающие его, достать не удастся.

6. Конец «демократии».

Даже беглое знакомство с деятельностью эсеров во всех областях—в области рабочей политики, аграрной, экономической и т. п. — подтверждает, что она носила исключительно буржуазный характер.

Иной их политика и быть не могла.

Октябрьская революция, направленная против основ капитализма, отбросила в лагерь врагов революции все капиталистические классы. Грозный призрак пролетариата, разрушающего капиталистическое общество, уничтожающего навсегда возможность пробиться в буржуазные верхи общества, бросили в объятия крупной буржуазии и мелкобуржуазное мещанство и сельскую буржуазию и буржуазную интеллигенцию, по источникам своего дохода из одной и той же прибавочной стоимости связанную с буржуазией. Образовался на время противосоциалистический блок, политическим выразителем которого явилась партия эсеров. Партия эсеров пыталась взять на себя ту же роль, которую в великих национальных революциях выполняла мелкая буржуазия городов, — правда, в другой комбинации классов. В буржуазных революциях на Западе мелкая буржуазия, городская главным образом, была той группой, которая спаивала незрелый еще пролетариат с только что нарождавшейся промышленной бур-

жуазией в одну сплошную массу—третье сословие — для борьбы с феодальной реакцией. Но эту роль мелкая буржуазия могла выполнить только потому, что классовые противоречия еще не вырыли пропасти ни между пролетариатом и буржуазией, ни между мелкой и крупной буржуазией, хотя эти противоречия уже давно наметились, найдя свое выражение в классовой борьбе внутри третьего сословия.

В эпоху же гражданской войны в России классовые противоречия носили такой глубокий характер, так резко были выражены, что антисоветский блок, политически оформляемый партией эсеров, мог продержаться только короткое время подготовки восстания. На второй день после восстания блок распадался на свои составные части. Крупная буржуазия, промышленная и торговая, экономически более мощная, быстро вступала в свои права. Вместе с этим увеличивалась экономическая пропасть между ней и мелкой буржуазией: для последней опять выростала необходимость тяжелой, упорной повседневной борьбы с экономически неравным противником за свое существование, которое с каждым шагом практической деятельности капиталистов все ухудшалось. Уходила из блока в первую очередь и та часть мелкой буржуазии деревни, для которой противоречия с крупной буржуазией казались глубже, чем противоречия с пролетариатом, которая больше связана с трудом, чем с собственностью. У эсеров же этот кратковременный союз, выдвинувший их в руководители, создавал иллюзию больших масс, идущих за ними, — иллюзию, довлевшую над ними и после переворота, когда начинался распад блока. Эсеры приступали к организации своей «демократии» — такой политической организиции, которая должна была удовлетворить разнородные элементы классов, составлявших противосоветский блок. Но по мере роста влияния крупной буржуазии после переворота из блока уходил класс за классом, таяла социальная база «демократии», по мере увеличения однородности ее групп, и эсерам постепенно приходилось менять свою политику, ориентируясь на однородность базы. Политика становилась все более буржуазной, что еще быстрей подготовляло уход последних — не-буржуазных — групп. А уход из блока не-крупнобуржуазных элементов делал для буржуазии излишним сохранение эсеровской вывески: для своего чисто буржуазного управления она могла найти теперь лучших исполнителей. Эсеры получили расчет, так как отпадала необходимость в них, как в посредниках между буржуазией и массами, к которым буржуазия, в своем неприкрытом виде, не могла показаться, а без какой-либо массовой поддержки она не решалась производить антисоветский переворот. При этом свое место эсеры уступили представителям буржуазной реакции без какого-либо сожаления со стороны всех классов населения и тем более без какого-либо массового сопротивления, — именно по положению: «была без радости любовь, разлука будет без печали».

Как отнеслись рабочие и разные группы крестьянства к эсерам, мы уже видели.

Несколько иначе отозвалась на переворот буржуазия. Призванная к власти восстановлением «органов истинного народовластия» буржуазия, в лице временной городской управы, решила, что минувший период советской власти только скверный сон, после которого можно опять спокойно продолжать свою плодотворную работу, прерванную большевиками. 7 августа появилось распоряжение, которое очевидно залежалось с давнопрошедших

6 сентября Чаплин опубликовал воззвание, в котором изложил причины, заставившие его выступить против Верховного управления, и приказ об организации новой власти.

«Только мощная армия и организованная военная сила, — объяснил Чаплин, — смогут дать нам свободу от германского ига и надежду на светлое будущее России. Верховное управление Северной области не могло справиться с этой задачей. Никем не избранное, никому в Северной области не известное, оно взялось за восстановление страны, сохранив старые рамки партийности. Его усилия ни к чему не привели, и оно ушло от власти».[1]

Новая власть вместо Верховного управления сорганизовалась следующим образом. Главой области был объявлен командующий всеми вооруженными силами Чаплин, начальником по гражданской части — Н. А. Старцев, права которого определены старыми царскими указами, причем впредь до отмены военного положения все гражданские власти, за исключением органов суда, находятся в исключительном подчинении военных властей.[2]

Военная диктатура — вот единственная форма, которая может выполнить задачи, возлагаемые на нее буржуазией.

Новая власть чрезвычайно быстро открыла свою классовую физиономию. Вновь назначенный начальник гражданской части ретиво начал поход не только против Верховного управления. По его приказу были арестованы видные политические деятели: эсер М. Н. Мартынов и меньшевики С. С. Гальперн и А. Н. Вячеславов. Было разгромлено и опечатано бюро меньшевиков в Архангельске, а профессиональные организации были попросту объявлены большевистскими.

Восстановление военной диктатуры всколыхнуло весь город. Посыпались протесты и делегации к «союзникам» от различных групп населения. По составу их можно проследить те элементы, которые до сих пор шли за эсерами. Тут представители кооперативов, губернского и уездного земств, Отдела продовольствия, служащих в государственных учреждениях, в городском самоуправлении и т. п., т. е. почти исключительно служилая интеллигенция, мелкая городская буржуазия, не имеющая ни сил, ни средств твердо выступить на защиту правительства, ненавидящая диктатуру пролетариата и боящаяся диктатуры буржуазии. Вот одна из ее петиций, поданная Фрэнсису, американскому послу:

«Сегодня в ночь арестовано Верховное правительство Северной области. Мы, представители местных самоуправлений Архангельской губернии, видим в совершившемся прямую угрозу делу демократии, опасность восстановления монархии. Обсудив положение, мы пришли к следующим выводам: 1) наше общее дело с союзниками — это борьба с немцами. Правление Николая II ясно показало, насколько искренна монархия в борьбе с врагами демократии, с врагами народоправства. Не может самодержец разрушать самодержавия. Совершившийся переворот ставит нас перед угрозой новой измены общесоюзному делу, — измены на этот раз уже непоправимой: 2) среди населения монархия поддержки не встретит. Наоборот, восстановление монархии лишь усилит позицию большевиков и тем увеличит общую разруху и подорвет веру в союзников.

Сообщая вам вышеизложенное соображение, во имя спасения общего дела просим определенно указать нам ваше отношение к совершившемуся. Ваши сообщения мы, избранники населения Архангельской губернии, передадим своим избирателям».[3]

В этой резолюции — другие только повторяют ее наиболее типичные места — снова нашла себе яркое подтверждение роль мелкой буржуазии

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 9.

[2] Газеты «Вестник ВУСО» № 25, «Северное Утро», «Возрождение Севера».

[3] «Вестник ВУСО», № 25.

с одной стороны, боязнь военной диктатуры, а с другой стороны, боязнь решительной борьбы против нее. Остается надежда, что «барин нас рассудит»—«союзники» не выдадут на съедение крупной буржуазии, выступившей в союзе с реакционным офицерством.

Весь день 6, а затем и 7 сентября положение оставалось неопределенным, лишь резолюции продолжали течь к «союзникам». Число их стало быстро расти, когда выяснилось, что послы решили вернуть правительство обратно.

Характерно однако, что буржуазия, оценивая позже, по организации буржуазного правительства, все эти резолюции, подчеркивала,

«что от многих организаций выступало социалистическое меньшинство, говорившее от всей организации: так было с союзом чиновников и с союзом учителей, где резолюции против переворота были вынесены без созыва общих собраний».[1]

Что поднять общество, даже его мелкобуржуазную часть, против переворота стоило больших трудов, — сознались и сами эсеры. Из всего состава Верховного управления случайно избежали ареста Я. Т. Дедусенко и А. А. Иванов. Они успели отпечатать прокламацию о случившемся перевороте «всем, всем, всем», причем в качестве особо сильного средства для возбуждения настроения было сообщено, что переворотом

«руководили сановники старого режима во главе с тайно проживающим в Архангельске *бывшим великим князем Михаилом Александровичем*».[2]

На эту удочку еще ловилась мелкая буржуазия.

Кроме выпуска прокламаций из уезда успели вызвать крестьянский отряд в помощь Верховному управлению.

Мы помним, что представляли собой эсеровские отряды, имеется также довольно прямое указание на состав отряда. В Верховное управление после его возвращения поступило заявление от архангельского союза кооперативов с требованием уплатить 3 134 руб. за товар, отпущенный на довольствие крестьянского отряда. В буржуазном обществе все продается за деньги: за труды, потраченные на спасение правительства, от него требуют уплаты по счетам. Но интересно здесь другое: отряды были сформированы и содержались за счет кооперативов, т. е. организации, связанной с определенной группой в деревне.

На защиту эсеров поднялось только кулацкое население деревни да продемонстрировала свое нежелание возвращаться к старому порядку мелкая городская буржуазия, однако последняя активно не выступила. Буржуазия солидаризировалась с реакционным переворотом, который она сама ждала и готовила.

Пролетариат забастовал, но не с целью возвратить эсеров: рабочие бастовали, чтобы показать свое отрицательное отношение и к эсерам и к новым претендентам на власть. Среди многих резолюций, направленных союзникам, нет рабочих резолюций. 8 сентября стало известно, что Верховное управление возвращается союзниками обратно; 9-го оно вернулось обратно и приступило к работе, но пролетариат продолжал бастовать. Еще 10 сентября утром трамвай управлялся не рабочими, а «союзными» солдатами. Пролетариат области ждал своей власти, а пока принужден был прекратить забастовку под давлением иностранных штыков.

---

[1] «Известия Архангельского о-ва изучения русского Севера» № 1—2, 1919 г.
[2] Архангельский губистпарт, воззвание ВУСО. Подчеркнуто в подлиннике.

«В случае подстрекательства к забастовкам или беспорядкам я объявляю, что виновные будут немедленно арестовываться и предаваться военно-полевому суду, согласно правилам военного положения в городе», —

так гласил приказ генерал-майора Пуля, обращенный к рабочим и распубликованный по городу вечером 8 сентября. Немногочисленному пролетариату оставалось подчиниться.

Верховное управление, вернувшееся в полном своем составе к власти, обратилось к населению Северной области «с изъявлением признательности за оказанную нравственную поддержку, основанную на взаимном доверии», [1] и предложило вернуться к прежней деятельности, имеющий для всех нас одну цель: «восстановление единой, целой и свободной России».

Переворот казался ликвидированным. Главные деятели его были привлечены к ответственности специально созданной для этой цели Чрезвычайной следственной комиссией.

К ответственности были привлечены следующие лица: бывший командующий русскими вооруженными силами Северной области капитан 2 ранга Чаплин, начальник штаба командующего подполковник Маслов, губернский правительственный комиссар Н. А. Старцев, член губернского правительственного комитета А. П. Постников, полковник Бараев, подполковник Давыдов, капитан Крицкий, поручик Жилинский, прапорщик Петров, а другие мелкие участники были отправлены на фронт.

Наконец послы в свою очередь заверили население, что хоть им собственно и не полагается вмешиваться во внутренние дела, но они все же сочли себя обязанными принять меры к возвращению арестованных членов правительства и к облегчению нормального хода текущих дел.

Такова по крайней мере официальная картина.

Но совсем иной получается картина в изображении документов. Вместо обещанного продолжения работ Верховное управление приступило к... самоликвидации. Начиная с 11 сентября, когда область читала воззвание правительства, оно только и занималось вопросом о реорганизации всего аппарата. Было решено свернуть все отделы, а всю власть передать генерал-губернатору, дав ему особого помощника по гражданской части.

То, к чему вел реакционный переворот 5 — 6 сентября, было оформлено эсерами, несмотря на ликвидацию переворота: «революционеры» оказались душеприказчиками контрреволюционеров. Разница была только в лицах: там Чаплин, а помощник — Старцев, а у эсеров генерал-губернатор — полковник Дуров, а помощник по гражданской части — де-Боккар, но суть — подчинение гражданской власти военной — осталась и здесь.

«Генерал-губернатор есть высший представитель государственной власти» — говорит постановление Верховного управления, — «генерал-губернатору подчиняются в пределах Северной области все правительственные учреждения, за исключением судебного ведомства и государственного контроля»... [2]

Буквально то же самое гласил и приказ Чаплина, подчинявший все, за исключением суда, власти командующего. Мало того, эсеры не только назначили генерал-губернатора, причем в основу положения о генерал-губернаторе было положено положение о кавказском наместнике (!), но и под-

[1] «Вестник ВУСО», № 23, воззвание от 9 сентября.
[2] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 — 3, л. 85, постановление ВУ от 14 сентября.

готовили для него почву. Так постановлением от 17 сентября [1] Верховное управление ввело в действие правила об аресте и высылке лиц гражданского состояния во внесудебном порядке, восстановив тем самым старую губернаторскую практику эпохи самодержавия. Аресту или высылке во внесудебном порядке подлежали лица,

«деятельность которых является угрожающей государственному строю, существенным интересам армии и общественной безопасности».

Верховное управление ввело лишь одно ограничение в действие закона: он имел силу только в местностях, объявленных на военном положении. Но и это ограничение деятельности будущего генерал-губернатора само же Верховное управление свело на-нет, приняв 19 сентября решение объявить всю область на военном положении. [2]

Почва для военной диктатуры была расчищена, и формально-юридически военной диктатуре оставалось только «володеть и княжить».

Мотивы, которыми оправдывали свое поведение эсеры, не были опубликованы, но тоже сохранились в делах Верховного управления. Оказывается, что Верховное управление все время считало себя властью временной, существующей впредь до образования всероссийской демократической государственной власти. Ныне эта власть образовалась в Самаре. Правда, с Самарой прямой связи нет, и самое продвижение на юг происходит очень медленно, но

«именно эта медленность продвижения союзных войск и побуждает Верховное управление теперь же сложить свои полномочия...»

К такому странному логическому выводу правительство пришло потому, что на Севере фактически действует военная сила,

«места для действительного применения прав и полномочий верховной русской государственной власти при таких условиях не остается, она осуждена на бездействие...»

Поэтому Верховное управление складывает свои полномочия в пользу генерал-губернатора. [3]

«Мотивировка» эта света не увидела, как не увидели его и многие другие решения, но так «думали» эсеры, и этим она ценна. Думы и решения не расходились, не разошлись они и в последнем серьезном акте, принятом эсерами.

Речь идет о судьбе Мурманского края. Руководители Мурманского края очевидно были в курсе всей контрреволюционной подготовки интервенции. Не исключена возможность, что и прибыли они на английских кораблях, или по крайней мере одновременно с английской эскадрой, ибо уже 4 августа — через два дня после переворота — на заседании Верховного управления присутствовали представители Мурманского края: председатель Краевого совета А. М. Юрьев, бывший военный руководитель Н. И. Звегинцев и В. М. Брамсон, а 5 августа состоялся и их официальный доклад Верховному управлению.

Верховное управление, в развитие своей декларации, не прочь было без дальних разговоров подчинить себе край на правах части Северной области, но встретило резкий протест мурманцев. Так как к тому же политическое

---

[1] АОР, Книгохранилище, сборник постановлений и распоряжений, постановление от 17 сентября.

[2] Там же, постановление от 19 сентября.

[3] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 12, л. 66.

положение самой власти было еще недостаточно выясненным, а каждый новый конфликт создавал лишние доводы для отказа «союзников» от признания правительства, то Верховное управление приняло следующее компромиссное предложение:

1. Мурманский край, в составе Александровского и Кемского уездов бывшей Архангельской губ., включается в состав территории Северной области и подчиняется всем законам и распоряжениям Верховного управления.

2. Органом местной и государственной власти в крае остается Мурманский краевой совет, пользующийся правами прежних губернских правительственных установлений и губернских земств.

3. В качестве представителя Верховного управления назначается чрезвычайный комиссар Мурманского края.

4. Мурманский краевой совет имеет в Верховном управлении двух представителей на правах членов правительства.

Резолюция по телеграфу была отправлена в Мурманск для ратификации. Мурманцы согласились войти в состав области и ввести своих представителей в Верховное управление, но при следующих условиях:

1. Верховное управление заключает такое же соглашение с союзниками, как и Мурманский областной совет рабочих депутатов 6 июля 1918 г.;

2. Внутреннее управление краем всецело остается в руках Совета;

3. Верховное управление назначает в край не чрезвычайного комиссара, а лишь представителя для соглашения своей политики с действиями Краевого совета;

4. За Верховным управлением остается: а) ведение международной политики Северной области; б) установление взаимоотношений с прочими частями единой России; в) суд; г) военное управление и д) финансы, кроме местных.

Как видим, мурманцы представляли себе иначе свое вхождение в подчинение Северной области. Они ставили свое вступление в состав области в зависимость от соглашения с «союзниками», а кроме того свели компетенцию представителя Верховного управления к простому наблюдению. Короче, Мурманский край сохранял за собой полную самостоятельность и рассматривал себя полноправной единицей союза, главой которого явится Верховное управление.

Эти требования шли гораздо дальше всех предположений и намерений эсеровского правительства. После двухдневных прений и заседаний 8 августа Верховное управление разработало акт об инкорпорации Мурманского края и постановление о местном самоуправлении, в котором осталось на своих позициях от 5 августа: в Мурманске, совмещая в себе все функции как губернского земства, так и губернской административной власти, остается Областной совет рабочих депутатов, но работает он под контролем чрезвычайного комиссара, имеющего право приостанавливать все постановления местных властей и отменять все распоряжения, признаваемые им нецелесообразными или вредными для государственных интересов.

Интересно при этом подчеркнуть, чем руководились эсеры, оставляя в Мурманске совет. Статья 3-я акта об инкорпорации гласит:

«В виду обстоятельств военного времени, а также в виду отдаленности, редкой населенности и обширности своей территории, Мурманский край в устройстве своего местного

самоуправления (временно) сохраняет те особенности, которые установлены положением о местном самоуправлении Мурманского края, т. е. сохраняет советскую форму управления».

Нельзя упрекнуть эсеров в особой логичности. Если отдаленность и обширность территории служат основными факторами, позволяющими сохранить советы, то почему эта форма правления является временной? Надо полагать, что географические признаки обладают все же большим постоянством, чем хотелось бы эсерам, но тут важно другое.

Весь мурманский инцидент является прекрасной иллюстрацией к так называемой национальной «политике» эсеров. Они выступили резкими централизаторами, продолжателями буржуазной политики Временного правительства. Как последнее, упорно отказывавшееся итти на какие бы то ни было уступки национальным меньшинствам, — попытка некоторых членов Временного правительства наметить некоторые незначительные уступки Украине послужила кадетским членам правительства причиной для ухода из правительства в июле 1917 г., — так и Верховное управление стояло на старой руссификаторской позиции самодержавия.

Само собой разумеется, такая политика нашла и соответствующий отклик. Мурманский краевой совет все оттягивал свое согласие на включение в область. Еще 28 августа представитель Мурманского края выступал против издания акта, мотивируя, правда, отнюдь не соображениями правильной национальной политики: он все опасался, что союзники откажутся от своего соглашения 6 июля 1918 г.

Великодержавный шовинизм эсеров проявился перед окончательным уходом. Восстановление «единой, неделимой» России не могло мириться с существованием самостоятельной области: отдаленность и обширность Мурманского края оставались неизменными, а между тем 13 сентября Верховное управление постановило

«считать Мурманский край принадлежащим к составу Северной области, с подчинением его всем постановлениям Верховного управления»,

т. е. и постановлению об уничтожении советской формы управления. [1]

На следующий день на заседании Верховного управления разразилась буря. Представители Мурманского края выступили с резким протестом против этого государственного переворота, причем выболтали и истинную суть всей комедии сохранения советской формы управления. Дело отнюдь не в боязни потерять соглашение с «союзниками» от 6 июля, — горячился на заседании Г. М. Веселаго, совсем недавно выдвинувший именно этот довод против инкорпорации, —

«главное основание, по которому следует высказаться против инкорпорации, есть то, что этим актом будет разрушена та единственная власть, которая придает Мурману организованность и без которой все управление и хозяйство края придет в хаотическое состояние».

Или, попросту, широкие массы мало доверяют Верховному управлению и всей его политике; для них сохранение советской системы управления является лишь приманкой. Разрушить систему означало разрушить ту иллю-

[1] Во избежание недоразумений надо отметить, что Мурманский совет ввел фактически всеобщее избирательное право, пополнив свой состав представителями всех слоев населения, не только рабочих.

зию, при помощи которой можно было увлечь массы на подчинение их антисоветскому правительству.

«Разрушив ту организацию власти, которая сложилась на Мурмане, — признался Г. М. Веселаго на заседании, — мы не сможем при существующих политических условиях создать там порядка, так как новая власть не будет опираться на силу общего признания».

И дальше тот же протестант открыто заявил, что для рыбацкой массы Мурманского побережья, «доселе служившего объектом эксплоатации архангельских капиталистов-рыбопромышленников», ликвидация местного управления означала возврат к старой эксплоатации.

Насколько серьезен был этот мотив в целом, как в сущности мало было уверенности в массах, показывает тот факт, что второй представитель края В. М. Брамсон заявил, что решение об инкорпорации Мурмана может быть проведено в жизнь только силой, а Г. М. Веселаго просил, чтобы его арестовали.

Великодержавная точка зрения однако победила. М. А. Лихач выступил с программной речью, в которой, между прочим, сказал:

«Нельзя за отдельными фактическими затруднениями (финансовыми, торговыми, военными и т. п.), которые встречаются при решении вопроса о воссоединении Мурмана с Северной областью, упускать из вида основную общеполитическую точку зрения: Мурман сейчас в сущности самостоятельное государство. Насколько допустимо впредь такое положение и в какое отношение должен к Мурману стать генерал-губернатор Северной области как представитель всероссийской центральной власти?.. Политически невозможно для Верховного управления оставить Мурманский край отъединенным от всей России». [1]

Речь М. А. Лихача имеет ценность в двух отношениях. Она с поразительной откровенностью подчеркнула великодержавную централизаторски-националистическую политику эсеров. Но она же с неменьшей откровенностью вскрыла и позицию эсеров и в подготовке и расчистке пути для будущего генерал-губернатора: военная диктатура — прямое и последовательное дело рук «демократической» власти.

Остается только добавить одно. Эсеры выполняли роль простых агентов буржуазии, но такую роль они играли объективно, являясь орудием в руках истории, руководившейся для данной эпохи тем положением, что диктатура пролетариата может смениться только диктатурой буржуазии.

Но и субъективно, с точки зрения сознательного отношения к переживаемому моменту, эсеры являлись партией буржуазии, отлично сознавая свою задачу. Гражданская война выровняла противоречие между объективным ходом вещей и субъективным его восприятием.

После неудавшегося военного переворота на свободе остались, как уже упоминалось, только два члена Верховного управления: Иванов и Дедусенко. Последний случайно избежал ареста, но зато получил возможность обдумать на свободе свое положение и изложить свое мнение в письме к американскому послу Фрэнсису...

«Прошу принять во внимание, — писал Дедусенко, [2] — что Верховное управление состоит из элементов умеренных, каковые только и могут сейчас пред-

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 1 — 3, журналы заседаний от 4, 6 и 28 августа; Архангельский губархив, канцелярия ВУСО, дело № 1, журнал заседаний от 13 и 14 сентября.

[2] Письмо Дедусенко американскому послу от 6 сентября. Передано через архангельского мирового судью. Хранится в делах эсеров.

ставлять Россию. Теперь, в результате переворота, в силу необходимости к власти должны притти элементы реакционные...

Если для рабочих и крестьян Верховное управление представлялось властью слишком консервативной, но все же приемлемой, то какой должна представляться для них власть, поставленная кучкой русских реакционных офицеров...

...Этот акт отнимает у союзников их самых искренних и наиболее верных политических друзей в России, и немцы могут торжествовать».

Тут все характерно: и признание эсерами своей роли «самых верных» слуг «союзных» интервентов и сознание, что рабочие и крестьяне считают эсеровское правительство «консервативным», как мягко выразился Дедусенко и наконец ясное признание того факта, что они играли роль только подставных лиц, чтобы скрыть сущность переворота от широких масс, для которых все же власть эсеров, прикрытая «демократическими» фразами, кажется более приемлемой, чем непосредственный переход к монархической реакции.

И не только Дедусенко, но и все правительство в целом, в состав которого входили и члены ЦК партии эсеров, отдавало себе отчет в характере своей деятельности.

Заключительный аккорд эсеровского правительства, отказавшегося от власти в пользу генерал-губернатора, подтвердил это целиком. Да, это признал сам Лихач, вместе с Дедусенко и Масловым уехавший в Сибирь после подписания акта о передаче всей власти генерал-губернатору.

«Мы считали в конце сентября 1918 г., — мотивировал свой уход Лихач — что в Архангельске наступил момент военной оккупации. Мы считали, что мы покрывать факт этой оккупации больше не можем и не должны»... [1]

В продолжение пяти недель факт оккупации тщательно «покрывался» эсерами перед широкими массами, а когда оказалось, что факт больше «покрывать нельзя», да и не нужно, ибо буржуазия уже решила, что эсеры свое дело сделали, а массы достаточно приручены, — эсеры отказались от власти в пользу военной диктатуры, причем сдали власть военной диктатуре, имея возможность бороться с ней. У нас имеется свидетельство по этому поводу одного из членов правительства, д-ра Б. Соколова, заявившего, что демократия в Северной области

«обладала вполне реальной, даже весьма реальной поддержкой. И это отнюдь не шутка, не ирония, когда правая газета «Отечество» утверждала, что эсеры могут в любую минуту произвести переворот. Это была не ирония, а несомненный факт»...

К этой реальной поддержке эсеры не обратились, трудящиеся массы, «поддерживавшие» эсеров, не были призваны на помощь, ибо в их помощь эсеры и сами не верили.

И субъективно эсеры были партией буржуазии, выполняя свою добровольную роль вполне сознательно. То, что писал об эсерах Ленин, получило свою великолепную иллюстрацию в их роли и деятельности на Севере:

«В 1789 г. мелкие буржуа еще могли быть великими революционерами; в 1848 г. они были смешны и жалки; в 1917 — 1921 гг. они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи и по их действительной роли, — все равно, зовут ли их Черновыми или Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и т. д.».

Но реакционный переворот ставит нас перед другой силой, игравшей на Севере решающую роль — перед интервентами.

---

[1] Дело эсеров, показание Лихача.

7. Меньшевики и контрреволюция.

Прежде чем перейти к интервентам, несколько слов о том, как отнеслись к антисоветскому перевороту и к вызванной им «демократической контрреволюции» меньшевики?

С точки зрения исторической перспективы на этот вопрос лучше было бы ответить по совокупности — обрисовать роль и поведение меньшевиков на всем протяжении северной контрреволюции.

Но марксиста интересует не только и даже не столько политический результат, сколько тот метод, те пути и средства, которые ведут к нему. Социальная с у т ь меньшевиков оставалась неизменной, — все равно, подавлялось ли пролетарское движение руками давшего имя целому периоду в истории русской революции Чайковского или сапогом не знавшего даже, что такое земство, ген. Миллера. Социальная же о б с т а н о в к а, в которой действовали меньшевики, была различной, и по-разному выглядят их поступки на неодинаковом фоне. Это-то требует и от нас в ущерб стройности изложения охарактеризовать политическое поведение меньшевиков для этого периода отдельно.

Октябрьская революция внесла мало изменений в легальное существование северного меньшевизма: фактически их организации просуществовали вплоть до середины 1918 г. Только в июне месяце комиссия т. Кедрова, прибывшая с чрезвычайными полномочиями для ревизии и поднятия обороноспособности края, закрыла меньшевистские печатные органы и, разогнав городскую думу, лишила их финансовых источников существования. За несколько недель подполья меньшевики не растеряли ни своих связей, ни своих соратников, если не считать единиц, арестованных комиссией и другими советскими органами. Антисоветский переворот позволил им в силу этого восстановить быстро свои организации, свой печатный орган «Северный Луч» и приступить к продолжению систематической работы. Тут сразу сказалось, что недавние классовые сдвиги не только внесли мало изменений в самый факт их легального существования, но и во всю политическую оценку современного момента.

Уже в период своего окончательного перехода на службу либеральной буржуазии Плеханов, стремясь «марксистски» оправдать свое поведение, писал:

> «Еще Рикардо признал, что когда дело касается распределения стоимости, произведенной в течении известного времени, тогда интересы рабочего класса прямо противоположны интересам предпринимателей... Но прежде чем р а с п р е д е л и т ь данную стоимость надо ее п р о и з в е с т и... Иногда быстрый рост капитализма задерживается в данной стране конкуренцией других капиталистических стран. У с т р а н е н и е э т о й к о н к у р е н ц и и т о ж е м о ж е т б ы т ь в и н т е р е с а х н е т о л ь к о п р е д п р и н и м а т е л е й, н о и р а б о ч и х»...[1]

Так пытался обосновать и тем самым обелить свое оборончество Плеханов. Как мало было в этом личного, плехановского, можно судить по тому, что написанное в 1917 г. предисловие к новому изданию «Монистического взгляда» осталось в бумагах Плеханова и опубликовано было лишь в 1926 г.— о заимствовании доводов следовательно говорить не приходится, — а между тем идейные ученики его, движимые своим политическим бытием, пришли

[1] Группа «Освобождение труда». Сб. 5. Гиз, 1926 г. Предисловие к 5-му изданию книги: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Стр. 15 — 16.

к тому же сознанию. Лишнее доказательство тому, что и здесь практика опережает теорию.

«Одно должно быть для нас ясно, — писал какой-то «старый социал-демократ», рассказывавший о распаде России после Бреста и стремлении немцев и союзников продолжать распад, — нам необходимо оградить себя от всяких посягательств, а оградить себя мы можем, только объединившись в нацию. Нам нужно временно отбросить свои слишком классовые распри и сознать наконец свои надклассовые, столь же насущные, жизненные национальные интересы».[1]

У «старого социал-демократа» нет плехановского таланта изложения и его же владения марксистской терминологией, но логика рассуждения и ход мыслей тот же: в угоду высшей социальной категории — нации — следует отказаться от защиты интересов низшей категории — класса.

Но и с этой точки зрения «надклассие», если можно условно выразиться, не есть «бесклассие»: не надо быть «старым социал-демократом», чтобы признать, что нация состоит из различных классов, что притом буржуазия, как класс, более всего заинтересована в восстановлении национального государства. Последнее является для буржуазии лишь единственно возможной формой эксплоатации пролетариата и других трудящихся. Признание приоритета «надклассовых национальных интересов» над классовыми ведет поэтому к прямой поддержке любого класса, выступающего в защиту этой идеи. На этот путь становится северный меньшевизм, призывая к нему и рабочие массы.

«Брестский мир привел наше государство к распаду... В интересах рабочих воссоздать Россию, — писала передовица «Северного Луча», — воссоздать как целый государственный организм; во имя этого рабочий класс должен поддержать тех, кто стремится к этой задаче».[2]

Это отнюдь не было только словесным призывом. Напротив, официальный орган архангельской организации РСДРП всюду подчеркивал необходимость перехода от слов к делу.

«...Пролетариат должен всемерно поддержать Верховное управление Северной области, — призывает орган меньшевиков. — Поддержка же эта не должна вылиться лишь в резолюции, а должна быть действительной. Пролетариат должен итти в добровольческую народную армию, ибо армия — это та сила, на которую опирается всякое правительство».[3]

Для русского меньшевизма, который неоднократно подчеркивал свой отказ от активной политики против советской власти и в своих официальных документах осуждал призыв к «натравливанию одной части пролетариата против другой», — тактика архангельских меньшевиков вряд ли может служить подтверждающим свидетельством.

Армия на то и армия, чтобы воевать с кем-то. Призывая итти в армию, тем самым зовут к активной борьбе с ее противником. Архангельские меньшевики, таким образом, выступили вполне открыто и сознательно с призывом к вооруженной борьбе против большевиков.

Не следует при этом думать, что архангельские меньшевики были оторваны от руководящих центров и действовали на свой страх и риск. Между

[1] «Северный Луч» № 29 от 16 августа 1918. «Старый социал демократ». «Досужие мысли». Подчеркиваю: «союзники — наши друзья, пока замаскированно, также хотят вмешиваться в наши внутренние дела», — вынужден сознаться старый меньшевик.

[2] «Северный Луч» № 29 от 16 августа 1918 г., передовая.

[3] Там же № 36 от 4 сентября 1918 г., А. В. «Средостение».

Севером и центром существовала довольно регулярная связь, позволявшая обмениваться печатной и словесной информацией. «Северный Луч» весьма часто печатал известия на основе этой информации, а в материалах кое-где сохранились и остатки докладов членов организации, ездивших в центр. Надо к тому же отдать справедливость архангельским меньшевикам: слово и дело у них не расходились. Призывая рабочие массы не ограничиваться поддержкой контрреволюционного правительства резолюциями, меньшевики сами показали пример действительной поддержки. Вот один из многих примеров:

В состав Верховного управления входили лишь лица, облеченные «народным доверием» — члены Учредительного собрания. Среди архангельских меньшевиков не оказалось на месте ни одного «избранника», а руководящие центры в свое время не догадались (или не успели?) прислать подходящего. В силу этого в составе членов Верховного управления не найти меньшевика. Но местное бюро РСДРП обошло эту чистую случайность: А. Н. Вячеславов, один из наиболее видных местных меньшевиков, вошел в состав правительства, будучи назначен помощником управляющего Отделом торговли и промышленности.

Взятый сам по себе, факт участия меньшевика в таком, на первый взгляд политически безобидном, учреждении, как Отдел торговли, не является еще решающим фактором в оценке роли меньшевиков. Тот же Вячеславов был председателем Совета народного хозяйства при советской власти, и однако никто не думал упрекать его в поддержке им большевиков. Как раз резко отрицательное отношение к большевизму и служило гарантией назначения Вячеславова в Верховное управление: не случайно именно ему была поручена ликвидация Совета народного хозяйства. Но в свете агитации за вступление в антибольшевистскую армию, в свете поддержки Верховного управления и т. п. вхождение в состав Верховного управления было не отдельным эпизодом, а деталью во всей политической картине, причем деталью, которая делает самую картину.

Из опыта гражданской войны мы знаем, какая роль выпала на долю меньшевиков. Командир 1-го чехо-словацкого имени Яна Гуса полка А. П. Степанов выразил ее очень ярко.

«Представителей левых партий, — писал он в статье, — как отлично знакомых с подпольной работой и организацией и имевших к тому же положительно везде ячейки, либо связи, в виде отдельного представителя, я старался использовать для абсолютного очищения местности и города от большевистских элементов».[1]

Так охарактеризовал роль меньшевиков человек, хорошо знакомый с условиями их работы.

Там однако в своей непочетной роли меньшевики выступали чисто объективно. В Архангельске они успели проявить больше сознательности.

В органе Совета профессиональных союзов — «Рабочий Севера», — лишь номинально считавшимся беспартийным еженедельным журналом, на деле же по составу идейных руководителей и характеру политических статей близким меньшевикам, в первом же номере помещена статья «В союзе работников водного транспорта».[2]

[1] «Белое Дело» т. I, стр. 81.
[2] «Рабочий Севера» № 1 от 25 августа 1918, стр. 11.

Автор статьи, рассказывая недавнюю историю союза, обрушился на советскую власть за «превращение союза из классовой организации в орган власти». Автор имеет здесь в виду постановление областного съезда работников транспорта (а не советской власти — к сведению автора) о том, что членами коллегии при управлении флота, которая являлась административной единицей управления флотом, могут быть лишь члены Областного комитета. Отсюда пошли все напасти на союз: коллегия обрушилась на рабочих транспорта с рядом приказов и распоряжений, совершенно не считавшихся с интересами рабочих. Последним оставалось только подчиниться, ибо деятельность коллегии полностью поддерживалась Областным комитетом, при всех и всяких конфликтах выступавшим на стороне коллегии.

«И вот, — заканчивает свою статью автор, — когда началось паническое бегство советских учреждений, коллегия и наш Областной комитет... в числе прочих советских учреждений спешно стал укладывать свои монатки с тем, чтобы при первой возможности удрать во все лопатки, благо к его услугам и пассажирские пароходы и буксирные и другие пловучие средства. Но человек полагает, а бог располагает: часов около 8 вечера 1 августа в помещение Областного управления явились некие «товарищи», вооруженные с головы до ног, и отняли для своих надобностей все пароходы, а наши вожди очутились на мели. Таким образом благодаря лишь случаю мы и по сие время имеем счастье лицезреть наших «вождей».

В тот самый момент, когда специальным приказом военного губернатора милиции вменялось в обязанность задерживать всякого «по указанию» любого жителя, такая статья несомненно носит характер провокации: милиции открыто указывают на советских работников, которых она еще не добрала. К предательству политическому, выразившемуся в переходе на службу буржуазии, прибавилось и прямое шпионство — выслеживание и выдача пролетарских бойцов в руки классового врага.

При таком поведении совсем уже безобидным выглядит штрейкбрехерство меньшевиков. Под всяким благовидным предлогом, а чаще под старым изъезженным мотивом борьбы с правой опасностью меньшевики удерживали рабочие массы от экономической борьбы — о политической говорить не приходится, — а уже начавшуюся забастовку срывали. Забастовка грузчиков в порту, например, была объявлена результатом «провокации, которая работает теперь в среде пролетариата во-всю, с явной целью испортить отношения между рабочими и союзниками», и к ее прекращению были приняты самые энергичные меры. [1]

Архангельские меньшевики честно выполняли свое обязательство «отбросить свои слишком классовые распри» в угоду надклассовым интересам нации. Меньшевистскую добросовестность в выполнении своих обещаний признал и глава «демократической» контрреволюции Чайковский в телеграмме за границу

«Большевизм в глазах масс умирает, — писал он в Париж Рубановичу. — Социал-демократы понимают насущную необходимость национального единения и ведут пропаганду в этом направлении». [2]

Он забыл при этом прибавить, что стремление меньшевиков отбросить классовые интересы было чисто односторонним: те, в чью пользу отказывались, совершенно не собирались забывать о защите своих интересов. Тут

[1] «Рабочий Севера» № 4, «Забастовка», стр. 10.
[2] АОР, ф. IV, оп. № 1, дело № 4, л. 93, телеграмма.

*

и фактов приводить не придется. Они настолько били в глаза, что самим меньшевикам приходилось о них писать. В «Северном Луче» появился специальный раздел «Средостение», в котором собирались наиболее выдающиеся из тех фактов, о которых говорилось выше. Но и признав вопиющие факты распоясывания буржуазии и молчаливое потворство правительства, меньшевики не отказывались от обязательства, а тем более не собирались звать рабочих на борьбу.

«Нет сомнения, справедливо негодование рабочих во многих случаях нарушения их насущных прав, — сознается передовая меньшевистского органа [1] и продолжает дальше, — но настоящий момент требует величайшей осмотрительности со стороны пролетариата; если, обозленный, он отвернется от демократической власти... если он толкнет ее на падение, то он сыграет в руку только реакционным силам»...

А в другой статье та же мысль продолжает свое развитие в более конкретной форме:

«Мы знаем, что правительство борется с этими явлениями, но вместе с тем видим, что результаты этой борьбы не всегда налицо. Правительство должно вступить на путь самой решительной борьбы с этими «средостениями», — демократия и рабочий класс его в этом поддержат». [2]

Меньшевики, вынужденные признать постоянные «нарушения насущных прав» рабочих, все увеличивающиеся со дня на день, тем не менее зло видят не в самой с и с т е м е, а лишь в небольших недостатках системы. Подобно тому как в 1917 г. меньшевики звали рабочий класс бороться не с самой эксплоатацией, а лишь с отдельными безобразиями ее, так и архангельские меньшевики целиком выступали за сохранение всей существующей политической системы, отводя поднимающееся революционное настроение пролетариата в русло мелких компромиссных заплат, сохраняющих в неприкосновенности политический строй.

Полуправительственная партия меньшевиков полностью отвечает за политику правительственной партии «демократической» контрреволюции и вместе с эсерами разделяет и их историческую оценку.

Тому совещанию меньшевиков, которое в конце 1918 г. подводило итог политической деятельности меньшевизма за время с Октябрьской революции, следовало бы внести нелишнее добавление к резолюции: наряду с уральскими, крымскими, украинскими и поволжскими меньшевиками в роли «активистов», резко ведших вооруженную антисоветскую борьбу, выступила и архангельская группа меньшевиков.

Но тогда возникает вопрос, какая же группа меньшевиков не вела антисоветской борьбы? Не та ли, которая предусмотрительно была лишена всякой возможности борьбы, будучи посажена в концентрационные лагери? Все же остальные, как только им предоставлялась возможность развернуть политическую борьбу, неизменно оказывались в лагере вооруженной контрреволюции. И тут исторические факты полностью подтвердили положение Ленина, высказанное им еще в 1918 г., что, с точки зрения отношения к частной собственности и к Октябрьской революции, между меньшевиками и эсерами никакой существенной разницы нет. Недаром сами архангельские меньшевики в своих воззваниях всегда называли обе партии «братскими партиями». [3]

---

[1] «Северный Луч» № 29 от 16 августа 1918 г., передовая.
[2] Т а м ж е № 36 от 4 сентября 1918 г. А. В. «Средостение».
[3] См., например, «Рабочий Севера» № 4. К выборам в городскую думу, стр. 3.

ГЛАВА IV.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ «ДЕМОКРАТИЯ».

1. Интервенция в действии.

«Ваши союзники не забыли вас, — писали англичане, высадившись в Северной области, — мы пришли к вам на помощь как друзья — помочь вам спастись от развала и разрушения в руках Германии... Мы не имеем намерения навязать вам какое-либо политическое устройство. Судьбы России в руках русского народа: он определит свою форму правления и найдет решение социальных проблем русского государства»... [1]

так торжественно объясняли англичане свой приход в страну «великую и обильную, но порядка не знающую».

Что «союзники» «не забудут» нас, — это понимали все, без различия классовой принадлежности. Но не все одинаково относились к этому проявлению «дружеских чувств». Больше всего иллюзий с приходом «союзников» было связано у мелкобуржуазных кругов, воспитанных на глубоком преклонении перед «демократией» Запада.

Немало также надежд возлагалось на «союзников» и крупной буржуазией, не только в деле помощи в борьбе против большевиков, но и в организации нового порядка в стране, хотя крупная буржуазия несравненно больше какой-либо другой группы понимала и знала весь смысл происходившего.

Первые же шаги «союзников» рассеяли иллюзии и погасили надежды мелкой буржуазии.

Навстречу призванным «варягам», гарантировавшим невмешательство в политическое устройство области, Верховное управление отправило председателя правительства Чайковского, уже знакомого союзникам по переговорам до переворота. Чайковский пришел получать по векселям, выданным «союзниками» до переворота. Но «союзники», оказалось, хорошо разбираются в жизненной диалектике: одно дело разговоры до переворота и совсем другое дело настоящее положение. Они соглашались рассматривать Верховное управление исключительно как власть хозяйственную, муниципальную, но отнюдь не политическую. [2]

«Невмешательство» союзников началось с отказа признать политическую власть тех, которые «пригласили» союзников в страну.

Не ограничиваясь отказом от признания, английское командование назначило 8 августа в Архангельске своего генерал-губернатора, тем самым

---

[1] АОР, Обращение британского правительства к русскому народу. Воззвание 8 августа 1918 г. Опубликовано также в книге «Russian American Relations», p. 243.

[2] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 3, журнал № 8, доклад Чайковского Верховному управлению.

передав всю гражданскую власть в подчинение военной, т. е. тем же англичанам.

«Я назначаю сегодня полковника французской армии Донопа военным губернатором г. Архангельска, — писал ген. Пуль «председателю правительства Северной России», как он именовал Чайковского. — Ему подчиненным и связанным с ним будет работать русский офицер, назначенный вами комендантом города, и все союзные офицеры в Архангельске». [1]

Между Верховным управлением, не ожидавшим такого пассажа, и английским командованием начались торги, занявшие добрую половину всех заседаний правительства.

Чайковский в особом отношении сообщил ген. Пулю, что по русским законам военного времени в компетенцию «военного губернатора» при существовании военного положения входят также функции чисто гражданские, а не только вопросы охраны порядка в городе. В заключение Чайковский предложил отложить отдачу распоряжений до получения от Пуля всех дополнительных разъяснений.

Ген. Пуль продолжал, однако, настаивать на своем, несмотря на повторные попытки Верховного управления продолжать переговоры.

Наиболее экспансивные из членов правительства, мало надеясь на удачу переговоров, договорились до необходимости решительных мер. Министр юстиции Гуковский предложил в о з д е р ж а т ь с я о т о п у б л и к о в а н и я приказа с запрещением всяких сборищ и митингов: в конфликте с англичанами эсеры не побоялись апеллировать к рабочим массам, тем самым массам, против которых с момента переворота началось фабрикование всяких запретов. Но дальше этого «бунта на коленях», и притом вне взоров хозяина, эсеры не пошли. Ограничились тем, — забежим несколько вперед, — что послали жалобу американскому послу уже после его прибытия. Последний ответил, что ген. Пуль при назначении военного губернатора пользовался правами, присвоенными ему по должности начальника экспедиционного корпуса. Что же касается существа, то

«нам неизвестно точно, каковы полномочия русского губернатора, как их понимает правительство Северной области, — так писал Фрэнсис. — Мы только знаем, что полномочия полковника Донопа имеют единственной целью обеспечить в городе хороший порядок и общественную безопасность, которые пока еще плохо установлены, и что поэтому его полномочия не противоречат политическим и административным атрибутам гражданских властей». [2]

Фрэнсис, таким образом, очень язвительно дал понять, что правительство Северной области не справляется с установлением «хорошего порядка и общественной безопасности» в городе, для чего и понадобилось введение «военного» губернаторства.

Чтобы несколько скрасить язвительность ответа и успокоить юридическую совесть правительства, Фрэнсис пообещал установить позже особый межсоюзный орган «для согласования всех ведомств и для ограждения прерогативы каждого». Такой орган, в компетенцию которого, как видим, входило толкование русского законодательства, Фрэнсис предлагал составить из... секретарей различных миссий. Уже один этот факт — иностранные секре-

[1] АОР, ф. № XVI, оп. 1, дело № 4.

[2] Архангельский губархив, ВУСО, отдел иностранных дел, дело № 18, «переписка председателя ВУ».

тари в роли сенатских разъяснителей — говорил, как «высоко» ставили союзники Верховное управление.

Во время переговоров английское командование, продолжая публиковать свои декларации о «невмешательстве», настаивало на своем и всячески отказывалось признать Верховное управление. Верховное управление, решив, что с представителями дипломатии разговаривать легче, чем с представителями сабли, обратились к послам, вернувшимся в Архангельск через неделю. Послы оказались еще менее сговорчивыми. О категорическом признании не может быть никакой речи, в этом вопросе будет продолжаться линия английского командования, — ответили послы. А французы добавили, что

> «будут тщательно избегать официального признания Временного правительства, так как такое признание может неблагоприятно отразиться на самом правительстве, которое могло бы быть заподозрено в том, что оно является ставленником союзников». [1]

В этой дипломатической тонкости не разберется самый сведущий крючкотворец.

Чтобы снять всякое подозрение (перед кем?) с Верховного управления в связях с «союзниками», послы решили совсем его не признавать, но генерал-губернатором тем не менее оставили полковника Донопа.

Что преследовали они такой политикой, станет ясно из отношения «союзников» к армии.

Руководство в армии принадлежит тому, кто командует ею. Англичане сохранили за собой командование русскими отрядами, чтобы сохранить за собой руководство русской армией.

Прибывши в область с поразительно слабыми по численности отрядами, англичане, как это и предполагалось еще в плане ген. Мейнарда, немедленно приступили к организации армии из русских солдат. Первый такой опыт был проделан в Мурманске, причем в основу формирования были положены следующие принципы: армия создавалась на добровольческих началах и должна была составить часть союзных сил Северной области. Жалованье, оружие, обмундирование и продовольственный паек предоставлялся британским командованием, которое доставляло также и весь инструкторский аппарат.

Во главе каждой отдельной части должен был стоять русский офицер, но сама часть присоединялась «на первое время» к какой-либо боевой единице союзных войск.

Команда в таких частях должна будет подаваться на русском языке, а все чины подчиняются правилам военного устава, выработанного совместно с Краевым советом, но, — как добавлял приказ,

> «пока русские части присоединены к союзным единицам, будет настойчиво проводиться британская дисциплина». [2]

Фактически русская армия поступала целиком в английское распоряжение, за русскими офицерами оставалось только право возглавлять части и составлять требовательные ведомости на жалованье и пайки для солдат.

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 3, л. 58.

[2] Там же, ф. XXXII, оп. 5, дело 149, приказ командующего русскими вооруженными силами Мурманского края № 8 от 1 августа 1918 г.

Но, отдав приказ о формировании чисто русских частей, английское командование продолжало набирать добровольцев в свое полное распоряжение, в особый славяно-британский легион, где даже форма одежды — кроме герба — была английской, а кроме того объявило набор в польский легион, ядро которого было выведено из России, и финский легион, составленный из «красных» финнов, отступивших из Финляндии под натиском немцев и белой гвардии. «Красные» финны отказались признать Брестский мир и поступили в распоряжение английского командования для борьбы с немцами и с большевиками, заключившими мир с немцами. Наконец в том же приказе было объявлено о наборе в особый карельский полк, к чему мы еще вернемся позже.

Как только кончились первые тревожные минуты переворота, Верховное управление немедленно приступило к организации армии для продолжения борьбы с большевиками. С этим предложением правительство обратилось к английскому командованию, ожидая от него, по смыслу английских деклараций, серьезной помощи. Английским командующим эта поддержка была понята несколько своеобразно. Ген. Пуль заявил, что для создания армии есть только один путь,

«путь полного и безусловного предоставления русской живой силы в распоряжение союзного командования, которое снарядит эти части, обмундирует, вооружит, обучит при помощи своих инструкторов и только после прохождения сформированными отрядами известного служебного и боевого стажа в составе союзных частей предоставит их русскому командованию для образования самостоятельной русской армии». [1]

Ген. Пуль отступил даже от мурманского соглашения, по которому все же хоть номинальное командование и ведение хозяйства оставалось в руках русских офицеров, да и сама армия носила название «русской». Тут же и эта видимость самостоятельности полностью уничтожалась.

«Иного выхода, — продолжал ген. Пуль, — при необходимости иметь дело с наличным материалом — рядовым, зараженным большевизмом, и офицерским, с надломленной неудачей войны и революцией психикой, он не видит».

Отметим здесь мимоходом ценное признание, что рядовая масса солдат, т. е. рабочие и крестьяне, заражена большевизмом, — признание, которое отнюдь не являлось только аргументом против предложения Верховного управления создать самостоятельную армию.

Чайковский доложил исход своей миссии правительству. Последнее устами обоих командующих — Чаплина и Звегинцева — признало, в качестве военных специалистов, путь ген. Пуля неизбежным, но, зная торгашеский нрав англичан, предложило считать это запросом и попробовать добиться чего-нибудь среднего между желательной организацией армии на самостоятельных началах и требованием английского командующего. [2] Выработку среднего варианта поручили заведующему Военным отделом С. С. Маслову.

Маслов представил план, по которому окончательное соглашение о взаимоотношениях русского и союзного командования и создание русской армии устанавливается после заключения общего соглашения с представителями союзных держав; в предварительных же переговорах надо добиваться следующего: 1) главное командование организуется по принципу, принятому

---

[1] АОР, ф. XVII, оп. 3, дело № 17, л. 6 — 6а.
[2] Там же, оп. 4, дело № 17, л. 6-6а.

на других союзных фронтах; 2) все русские военные части (существующие и формируемые) подчиняются русскому командованию; 3) в прифронтовой полосе русские войска через русского командующего подчиняются союзному; 4) вне прифронтовой полосы приказания исходят от русского командования, но согласуются с союзным; 5) набор, вооружение, продовольствие, обмундирование и т. п. производятся русскими, но с помощью союзников, которые,

«не вмешиваясь во внутреннее управление области... по соглашению с Верховным управлением, принимают все меры для охраны войск и обеспечения успеха военных операций». [1]

Требования в свою очередь с запросом, но в основном повторявшие мурманское соглашение.

Хотя ген. Звегинцев и имел большой опыт «торговли» с ген. Пулем еще в Мурманске, но на сей раз он ошибся: Пуль, видимо боясь продешевить, совершенно отказался продолжать переговоры, по крайней мере до приезда послов.

Послы внесли известный элемент уступки в требования Пуля: видимость самостоятельности при помощи таких же невинных мер, как в мурманском соглашении, — создание русского штаба, сохранение русских начальников во главе, — но план Пуля в жизнь был проведен. Все снабжение и распределение целиком осталось в руках англичан, не подпускавших к этому делу русских настолько, что после ухода англичан русскому командованию пришлось заново налаживать весь аппарат снабжения. А у кого в руках снабжение, — у того, строго говоря, и армия.

Мало этого, Пуль добился того, что русские офицеры до отправки в часть проходили повторные курсы, созданные англичанами на Бакарице. Какие нравы существовали в этой школе, пусть расскажут сами участники событий.

«Дело создания национальной русской армии, — так говорил делегат офицеров из школы на заседании Верховного управления 13 сентября 1918 г., — терпит существенный ущерб, так как у офицеров создается впечатление, что союзное командование не вполне сочувствует делу организации самостоятельной русской армии». [2]

Дальше делегат передал, что школа находится в полном распоряжении англичан, не пускающих русскую власть и на порог школы, что в школе англичане создали неравенство между офицерами славяно-британского легиона и мобилизованными, предоставив ряд привилегий для первых и всячески заставляя вторых покидать самостоятельные русские части и итти в славяно-британский легион, что англичане отправляют офицеров в качестве рядовых солдат на фронт и т. д.

Ими были приняты все меры для полного подчинения себе армии.

Англичане вмешивались и в самое формирование армии, зачастую посылая свои экспедиции с припасами для организации отрядов. Так в Шенкурский уезд были посланы офицеры славяно-британского легиона с 250 винтовками и соответствующей амуницией, а русскому командующему было предложено

«телеграфировать всем гражданским властям в Шенкурском уезде, предписывая дать всякую возможную поддержку». [3]

[1] АОР, ф. XVII, оп. 3, дело № 17, л. 7—7а.
[2] Там же, ф. XVI, оп. 1, дело № 1, л. 91—94.
[3] Там же, ф. XX оп. 1, дело № 334, л. 73. Генеральная главная квартира, 26 августа 1918.

На самом фронте дело уже совсем было ясно. Тут не только командование находилось в руках англичан, но самые операции и приказы изменялись англичанами. Отменялись уже намеченные русскими сроки атаки, [1] а подготовляемые операции всячески тормозились.

Ген. Марушевский, исполнявший должность генерал-губернатора и командующего войсками Северной области, посвящает десятки страниц своих воспоминаний тому, как англичане зорко следили за тем, чтобы армия находилась целиком под управлением англичан. Дело доходило до курьезов, когда какой-то «полковник... из приказчиков какой-нибудь фирмы или из мелких служащих на фабрике», как аттестует его ген. Марушевский, обращался с самим Марушевским, как с рядовым солдатом.

«Как можно было, — зло спрашивает Марушевский, — отвечать на эти дерзкие выходки младшему офицеру, когда высшее в армии лицо не было избавлено от описанных выше встреч и отношений?» [2]

Дело не ограничилось курьезами. Когда командующий войсками ген. Марушевский обратился к англичанам с каким-то военным советом, он получил от английского командующего ответ, что

«он очень ценит мою компетенцию, но что командует всеми войсками он и что в сущности мои заключения для него не обязательны». [3]

Вскоре выяснилось, что свои секретные приказы англичане не доверяют даже и Марушевскому, по крайней мере последний сам это признает, рассказывая о своей попытке согласовать свои распоряжения по охране г. Архангельска с англичанами.

Пусть все эти сведения преувеличены, — несомненно, что ген. Марушевский, как впрочем и все белые мемуаристы, сваливает вину за неудачу интервенции на англичан, но в наши руки попал документ, в достоверности которого сомневаться не приходится. Это боевой дневник штаба командующего русскими войсками Онежского района, дневник, ведшийся ежедневно. Вот наудачу несколько выдержек:

«24.3.19. Все остается без перемен. Полковник Лаури попрежнему не ставит нас в известность о всем происходящем на фронте»...

«...Получена телеграмма командующего (ген. Марушевского. — *И. М.*) о назначении 10 надежных солдат (в том числе 2 унтер-офицера) для охраны важнейших преступников»...

«24.3.19. Подполковник Лаури отменил распоряжение ген. Марушевского об отправке людей в Архангельск и вернул их в роты»... [4]

Младший офицер отменил, таким образом, распоряжение командующего войсками, а последний проглотил это правонарушение: через два дня Марушевский предложил подчиниться подполковнику Лаури, приказание которого, «повидимому, вызывается чисто оперативными соображениями», как выразился генерал, спасая свой авторитет перед лицом младших.

«28.3.19. Вечером подпоручик Маркович был у подполковника Лаури... Удалось получить согласие на переезд штаба из Пиянтино в Чекуево. Канцелярия будет помещаться в штабе подполковника Лаури. Там же будут жить писаря. Для офицеров квартирой бу-

[1] АОР, ф. XX, оп. 1, дело № 334, л. 69.

[2] «Белое дело», т. II, стр. 148. Имеется советское издание: В. В. Марушевский, Белые в Архангельске, «Прибой», 1930.

[3] Там же, стр. 144.

[4] АОР, ф. XL, оп. 6, дело № 316, лл. 2 — 23.

дет комната на русской почте. Так как для пяти человек эта комната недостаточна, подполковник Лаури разрешил найти еще другую комнату... компату для проезжающих английских офицеров уступить отказался категорически»...

«29.5.19. Подполковник Михеев... решил войти в переговоры с подполковником Лаури и попытаться войти с ним в такое соглашение, чтобы подполковник Лаури, оставаясь командующим фронтом, предоставил ему возможность самостоятельно вести оперативную работу, не стесняя его инициативы»...

«30.5.19. ...Соглашение с подполковником Лаури достигнуто, хотя и с большим трудом, и за всю операцию ответственность берет исключительно на себя»...

и далее все в том же духе. На боевом фронте, где успех зависит от единства действия, с командующим приходилось вести такую же дипломатическую переписку, как и в столицах. Для истины следует добавить, что операция, так долго подготовляемая, в конце концов была англичанами отменена, и они предприняли новую операцию на свой страх и риск.

Самое любопытное, что все это делалось с изысканной вежливостью.

«28.3.19. «В общем разговор был чрезвычайно любезен и вежлив», —

так записывает автор дневника.

«31.3.19. Утром стало известно, что Клещево обстреливается орудиями красных.. Французский перевод этого ответа сообщен подполковнику Лаури. Подполковник Лаури чрезвычайно любезен», —

снова записывает автор дневника, в такой записи ища выхода для обуреваемого им бешенства.

Полноту картины дополняет обращение с русскими офицерами.

«Имею честь доложить вам, что вчера днем молодой русский офицер, по фамилии Лермонтов, прошел мимо штабного союзного офицера, не приветствовав его», —

так пишет генерал-губернатору и командующему русскими войсками подполковник английского штаба, требуя наказания провинившегося.[1]

Но что уже полностью, без всяких уступок, англичане оставили себе — это полицейскую службу в войсках. Они покрыли всю армию целой сетью особых организаций — союзный военный контроль, — где сосредоточена была вся полицейская и охранная служба. Ген. Марушевский рассказывает, что военный контроль раньше всех знал о любом происшествии и принимал самые суровые меры. Для исполнения постановлений всегда посылался иностранный офицер, а «любезный» Лаури, облачаясь в полную парадную форму, всегда являлся к расстрелу большевиков. Автор уже цитируемого дневника с горечью сообщает, что Лаури являлся, несмотря на уверения, что и сами белые справятся с этой задачей.

Вообще, в смысле доверия к русской армии, союзники придерживались той мысли, которую их главком Пуль высказал еще в начале формирования русской армии: «рядовой заражен большевизмом». А это и приводило к тому, что даже воевать заставляли полицейскими мерами.

«Но русские должны были также принять участие в атаке, — пишет, например, командующий мурманскими войсками, генерал Мейнард, — и в качестве средства обеспечения их участия небольшое количество сербов было добавлено к каждой роте, намеченной к атаке. Они были распределены в роте и играли роль «погонщиков», и я должен сказать, что этот метод убеждения оказался наиболее побудительным и успешным».[2]

---

[1] АОР, ф. XX, дело № 327, л. 4.
[2] Maynard, The Murmansk Venture, p. 274.

Нельзя сказать, чтобы недоверие относилось только к рядовым. Выше мы видели, как относились к офицерам. Добавим к этому еще один факт. Все офицеры и воинские чины союзных войск пользовались свободным проездом, имея на руках лишь предписание своих начальников. Согласно распоряжению союзного командования такой порядок должен был распространяться и на русских офицеров, на деле же ни один офицер, не говоря уже о рядовых, не мог передвигаться без особого разрешения союзного военно-контрольного бюро. Был случай, когда ротный командир в продолжение 17 дней не мог попасть к своей роте, а офицеры начальника службы связи Северного района не могли отправиться к своим командам без пропуска союзнической контрразведки. [1]

Армия твердо находилась в руках англичан.

Еще раньше и полнее прибрали они к рукам и флот. Уже 6 августа, т. е. через день после переворота, англичане потребовали предоставления им одного посыльного судна, двух ледоколов и 8 тральщиков, на условиях, что суда остаются русской собственностью, но под союзным командованием и в его распоряжении. В тот же день Верховное управление постановило передать требуемые суда союзному командованию, с тем однако, чтобы они плавали под русским флагом, на время военных действий или впредь до особого соглашения.

В результате англичане прибрали к рукам и основную массу русского флота северных морей. В их распоряжении находились: крейсер «Аскольд», ледоколы «Святогор» и «Микула Селянинович», посыльные суда: «Соколица» и «Горислава», миноносцы «Капитан Юрасовский», «Лейтенант Сергеев» и «Бесшумный» и 12 тральщиков. Вопреки условию большинство судов плавало не под русским флагом, а под английским, а если и сохранили руский флаг, как миноносцы, то команда на них была иностранная. [2] Попытки вернуть флот в русские руки кончились неудачей, а переговоры тянулись почти вплоть до эвакуации англичан, завезших ряд судов в Англию.

Вместо того чтобы немедленно приступить к организации русской армии, как об этом обещалось во всех воззваниях, и тормозя всячески создание самостоятельной русской армии, англичане организовали особый славяно-британский легион, куда немедленно кинулось все реакционное офицерство. В. И. Игнатьев, [3] пробывший в легионе двое суток, передает, что в казармах «стон стоял от политической ругани» легионеров, причем для них и эсеры, и меньшевики, и большевики составляли одну кучу, к которой причисляли и нового командующего войсками, полковника Дурова, только потому, что при отъезде из Англии он визировал свой паспорт у Литвинова, советского представителя в Лондоне.

Легион был подчинен английскому командованию, поставившему во главе его отъявленных монархистов. Набирался он отчасти за счет добровольцев, а частью путем принудительного набора, без объявления какой-либо мобилизации, а способом, характерным для эпохи Тридцатилетней войны: ловили на улице офицеров и насильно разбивали их по ротам и взводам. [4]

---

[1] АОР, ф. XXIX, оп. 5, дело № 23, л. 57, рапорт 1 ноября 1918 г.
[2] Там же, ф. XVII, дело № 21, лл. 40 — 41.
[3] В. И. Игнатьев, Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны, Гиз, 1922.
[4] Там же, стр. 25.

Вокруг самого английского командования вертелись такие фигуры, как «знаменитый» Филоненко, верховный комиссар в ставке при Корнилове, так и не определивший в корниловские дни, с кем итти — с Корниловым или с Керенским. Теперь, под покровительством англичан, Филоненко определил свою позицию, став во главе «гражданского отделения», составлявшего часть контрразведки при английском командующем Пуле, и с целью загладить свою странную позицию в августе 1917 г. распространял сведения, что он собственно уговорил Корнилова поднять мятеж. Запоздалые впрочем сведения: еще в августе 1917 г. никто не сомневался в том, что Филоненко корниловец.

Нетрудно представить, какие «советы» давал англичанам Филоненко, оказавшийся в почетной роли «представителя русского народа».

С такой же тщательностью старались союзники захватить суды и тюрьмы. Уже 12 августа 1918 г. ген. Пуль потребовал введения быстродействующих военнополевых судов, в виду «значительного количества лиц, арестованных в связи с переворотом».

Одновременно с этим, минуя Верховное управление, ген. Пуль направил приказание председателю Особой следственной комиссии, созданной Верховным управлением после переворота:

«Особая следственная комиссия при Верховном управлении Северной области прекращает свою деятельность впредь до особого распоряжения».[1]

Это уже было не только «недоразумением», как часто Пуль объяснял свое вмешательство во внутренние дела правительства, а отмена одного из наиболее важных институтов правительства. Насколько эта попытка была не случайной, явствует из того, что днем союзнический военный губернатор запретил освобождать кого бы то ни было из тюрьмы без его визы.[2] В тот же день (15 августа) Пуль потребовал от Верховного управления введения также и военно-морского суда.

Мы помним, почему эсеровское правительство медлило с ответом на эти требования, — в конце концов последовал утвердительный ответ, но требования Пуля нарастали по мере сдачи позиций правительством.

Верховное управление добилось оставления Особой следственной комиссии. Ген. Пуль, учитывая все значение этого органа, 28 августа потребовал введения в комиссию двух представителей от союзников.

Когда же Верховное управление заявило, что оно предоставит лишь одно место, сославшись при этом на соответствующую статью своего положения о комиссиях, ген. Пуль ответил:

«В виду того, что я придаю весьма существенное значение включению в состав комиссии двух членов по моему назначению, прошу вас, чтобы статья 3-я вышеуказанного положения, выработанного Верховным управлением, была изменена в данном направлении».[3]

Короче, главком приказал отменить неугодный ему закон и написать новый. Нечего и говорить, что чисто исполнительная задача судебной власти находилась под полным контролем англичан. В армии они присутствовали при

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, дело № 12, л. 3.
[2] Там же, ф. XVI, оп. 1, дело № 4, л. 28.
[3] Там же, л. 40.

казни большевиков, в тылу они сами брали на себя расстрел. Расстрел шести большевиков и среди них т. Ларионова и комиссара Шарыгина был произведен англичанами по приказанию ген. Айронсайда, сменившего Пуля на посту командующего экспедиционным корпусом.[1]

В то же время командованием англичан устанавливается на телеграфе военная цензура, без ведома которой не могли рассылаться даже правительственные телеграммы. Такая же цензура была установлена над печатью, в частности над правительственной газетой — «Вестником Верховного управления», которая как-то даже совсем не могла выйти: не было разрешения английского цензора. Правительству пришлось специально для снятия запрета послать своего председателя для переговоров с английским генералом. Из переговоров выяснилось, что над печатью установлена была приказом Пуля не только военная, но и политическая цензура, причем цензура эта носила весьма странный характер. Статьи, в которых правительство подвергалось резкой критике, пропускались цензором, а статьи, в которых правительство защищалось, тщательно вычеркивались.

«Союзные военные власти, — кончил свое письмо Чайковский на имя дипломатического корпуса,—оказались, таким образом, целиком и безусловно вовлеченными во внутреннюю борьбу русских политических партий».[2]

В компетенцию генерала входила не только цензура печати. Когда местный комендант запретил собрание эсеров, Верховное управление вынесло постановление от 10 августа:

«Конференцию эсеров разрешить. На разрешение уполномочить управляющего Отделом внутренних дел, прося его о последующем разрешении поставить в известность генерала Пуля».[3]

Разрешение правительства, чтобы получить силу, нуждалось в санкции английского командующего.

Разрешение требовалось не только на собрание. Член правительства С. С. Маслов объявил доклад для широкой аудитории на тему: цель вмешательства союзников в русские дела. Ген. Пуль немедленно прислал требование выслать ему названный доклад. Цензуре подвергался и «образ мышления» самих членов правительства.[4]

Получалось такое положение, что партия, стоя у государственного руля, однако не управляла им. Для управления им нужна была очевидно другая рука.

Союзники знали о всех подготовительных шагах к организации правительства, но состав его оказался для них неожиданным: по персональному своему составу оно очень напоминало Керенского, которого они считали не малым виновником всех бед и злоключений.

На процессе эсеров выяснилось, что англичане везли с собой совершенно другой состав: там ехал кн. Щербаков, ген. Гурко и т. д.[5]

Мы не знаем, насколько сообщение Керенского верно. Архивы данных не дают, мемуаристы молчат. Но что этот факт не противоречил намерениям

---

[1] АОР, ф. XVII, дело № 21, л. 31.
[2] Архангельский губархив, ВУСО, отдел иностранных дел, дело № 8, переписка с союзными посольствами.
[3] АОР, ф. IV, оп. 1, журнал заседаний ВУ от 10 августа 1918 г.
[4] Там же, ф. XVI, дело 126, л. 20—21.
[5] Дело эсеров, день 23, письмо Керенского от 17 сентября 1920 г.

интервентов, можно судить по нескольким дополнительным штрихам. Имена Филоненко и других реакционных офицеров, группировавшихся вокруг штаба ген. Пуля, сидевших в союзнической контрразведке либо в роли сенатских разъяснителей, либо в роли специалистов по русским делам, либо просто в качестве чиновников, отнюдь не противоречат сообщению Керенского.

Но англичане не только группировали реакционное офицерство, но и помогали самым реакционным группам среди гражданского населения. В г. Архангельске после переворота стала выходить газета чисто монархического направления — «Голос Отечества». Она нашла деятельную поддержку в Верховном управлении со стороны Старцева, — лишний штрих для позиции последнего. В Архангельске в этот момент резко сказывалось отсутствие бумаги. Газета, тем не менее, выходила регулярно, ибо снабжал ее бумагой Старцев.

Когда Верховное управление, само страдая от отсутствия газетной бумаги, попробовало взять из редакции немного бумаги, на защиту монархического органа поднялись и союзническая контрразведка и сам ген. Пуль.

Генерал, считая, что «выход газеты беспартийного (!) характера считается им крайне желательным», потребовал у Верховного управления объяснения, «на каком основании это было сделано». [1]

Какая рука нужна была англичанам, — стало довольно ясным.

Постановлением Верховного управления от 4 августа 1918 г. над всеми учреждениями было предложено вывесить два флага: русский национальный флаг и флаг красный.

«...До сведения командующего союзными войсками в России, — в тот же день сообщалось в Отдел иностранных дел, — дошло, что на одном из зданий города [2] был поднят красный флаг. По приказанию командующего предлагаю вам принять все меры, чтобы кроме военного Андреевского и национального (белый, синий, красный) других флагов не поднимать.

Адъютант Командующего
Макферсон»

Красный флаг, оставленный эсерами, в глазах англичан окончательно подорвал доверие к новому правительству.

Уверения в «невмешательстве» растаяли, как дым. Они нужны были для широкого употребления, только для масс, но не как действительные мотивы поведения. С неменьшим цинизмом отбросили англичане в сторону и второй из официальных мотивов интервенции — борьбу с Германией. Много месяцев подряд старательно накачивали в сознание общества, что вся кампания предпринята против немецкой опасности. Один крупный американский военный, скрывшийся под псевдонимом «Хроникер», написал книгу по поводу северной интервенции. [3] Он передает, что Черчилль, после высадки англичан на Севере, в речи своей в парламенте доложил о тысячах немцев, якобы взятых в плен несколькими союзными батальонами, состоявшими из больных и по нескольку раз раненых солдат. Тот же самый свидетель подчеркивает, что не только не было никаких «тысяч немцев» на фронте, но он не видел

[1] АОР, ф. XVI, оп. 1, дело № 4, л. 27.

[2] Здание Совета профессиональных союзов, где меньшевики пытались скрыть под красным флагом свою роль в контрреволюционном перевороте.

[3] Archangel, The American War with Russia. By a Chronicler. Chicago 1924.

решительно ни одного немца ни среди убитых, ни среди взятых в плен большевиков. Да и сами англичане проболтали правду о реальных мотивах своего вмешательства.

Ген. Айронсайд, сменивший позднее ген. Пуля на его посту командующего армией интервентов, разбросал следующее воззвание на нашем фронте после заключения перемирия на западе.

Генеральный штаб
8 ноября 1918 г.
г. Архангельск.

«Прокламация.

Всем немцам, находящимся в настоящее время на службе у большевиков.

Союзное командование готово принять всех немцев, чехов, латышей и всех жителей русских балтийских провинций, которые были бы согласны сдаться. Перемирие объявлено в Европе, и с теми, которые добровольно сдадутся, будет поступлено согласно условиям мирного договора, заключенного в Европе. Единственное желание союзников восстановить порядок, в России и долг каждого европейского патриота — содействовать этому делу.

Командующий союзными силами бригадный генерал Айронсайд».

Борьба с большевиками — вот действительный, реальный смысл высадки на севере и дальнейшего оставления интервенционной армии на Севере почти на целый год.

Справятся ли с этой ролью эсеры, — у англичан было много оснований сомневаться, как сомневались они и по отношению к их старому предшественнику Керенскому.

Атака против большевиков, мы это помним, датируется задолго до Октября. Союзники не могли забыть, что Керенский не довел этой атаки до конца. Доведет ли ее нынешний эсеровский состав правительства, при всем его желании и готовности, хватит ли у него сил и решимости, — эти вопросы требовали сейчас решения.

Решение могло быть только одно: передача руководства атакой в другие руки.

Буржуазия быстро уловила эти намеки. При всяком столкновении — а эсеры только и мечтали об их уничтожении, а вовсе не искали их, — она находила поддержку в английском командовании. Англичане тем самым заставляли крепнуть настроение среди буржуазии и реакционных элементов. Уже на второй день после захвата власти эсерами реакционное офицерство пыталось захватить в свои руки город, [1] но... английский десант был настолько малочислен, что не сумел поддержать их, и дело сорвалось. Удался переворот в ночь с 5 на 6 сентября, когда у англичан было уже достаточно сил, чтобы поддерживать его.

Что этот новый переворот был делом англичан, об этом говорят сами участники. Вот как характеризует его американский посол Фрэнсис.

«Утром 6 сентября, — рассказывает Фрэнсис, — я производил смотр батальону американских солдат. Я только закончил смотр, когда ген. Пуль, принимавший парад, повернулся ко мне и сказал:

— Здесь произошла революция ночью.

— Чорт возьми! Кто это устроил?

— Чаплин.

Я спросил, тут ли он, и кивнул ему, чтобы он присоединился к нам.

---

[1] Дело эсеров, показания Дедусенко.

Ген. Пуль заметил:

— Чаплин намерен выпустить прокламацию в 11 часов.

Тогда было уже 10 час. 15 мин.

— Чаплин, кто устроил это революцию ночью?

— Я...

Чаплин продолжал:

— Я выгнал большевиков отсюда, я учредил это правительство... Но министры мешали ген. Пулю, они отказались признать полковника Донопа губернатором... Я не вижу никакой пользы вообще от правительства»...[1]

Можно ли сомневаться после этой откровенности, что англичане были не только соучастниками, но и инициаторами в установлении нового, более правого правительства. Нужно к тому же добавить, что самый переворот был предпринят на другой день после высадки в Архангельске новой партии союзных войск в 4 700 человек. Это придало уверенность успеху операции.

Газеты довольно открыто подчеркивали участие англичан в реакционном перевороте:

«У дверей (Чайковского. — *И. М.*), — читаем мы в одной из них, — стоял (ночью с 5 на 6 сентября) караул. Ему был задан вопрос; по чьему приказанию совершается арест? На это последовал ответ:

— По приказанию командующего вооруженными силами приказано арестовать и препроводить в штаб.

— Но ведь командующий назначен Верховным управлением и то, что вы делаете, незаконно.

— Нет, командующий назначен властью ген. Пуля.[2]

Интересно, что последняя фраза была вычеркнута английским цензором, которому отсылался на просмотр номер газеты:[3] свое участие в перевороте англичане тщательно скрывали.

Фрэнсис находит утешение в том, что, по его мнению, ген. Пуль не хотел установить своего собственного правительства, но английские офицеры так долго были колонизаторами, что не могут относиться с уважением к чувствам социалистов.

«Я вовсе не хочу сказать, что это политика английского правительства, — спохватывается Фрэнсис, — но английские офицеры так много имели дела с нецивилизованными народами, а Великобритания так много занималась колонизацией, что ее офицеры не чувствуют того, что американский солдат»...[4]

Дело конечно не в том, кто и на чем воспитан, — мы увидим, что «галантные» французы не уступали заправским колонизаторам — офицерам Англии, но интервенты, во главе которых шли англичане, не могли ужиться с правительством такого состава. Как ни хороши эсеры в роли агентов оккупации, но эта роль к лицу им на короткий период перехода власти, когда эсеров используют как «социалистическую» приманку, на которую хорошо ловится мелкобуржуазный карась. Но дальнейшее их оставление становилось уже обузой даже в ловле этого самого карася, всерьез мечтающего о вечности «демократических» порядков. Англичанам нужна была власть, которая не только не мешала бы, но, наоборот, деятельно помогала бы вести деловую работу и при этом была бы лишена всяких патриотических предрассудков. Лучше всего это показал ген. Пуль, с солдатской простотой

---

[1] Francis, Russia from the American Embassy, p. 270—271.

[2] «Вестник ВУСО» № 27.

[3] Газета с подписью цензора находится в Центрархиве АОР.

[2] Francis, op. cit., p. 272.

попытавшийся разрешить эту задачу. «Союзные» же дипломаты, более искушенные в тонкостях политики, понимали, что и при этой смене должен быть соблюден декорум, должна быть пройдена еще одна ступень, прежде чем выйти на старую, привычную дорогу. Кроме того, среди самих «союзников» наметились глубокие внутренние противоречия, и каждый из союзников не прочь были поиграть и на этом инциденте. Но и для них оставление у власти «демократии» являлось крайне нежелательным. Когда Чайковский по возвращении из Соловков, поняв свое возвращение буквально, т. е. возвращение и всех порядков, установленных эсерами, вздумал вернуть, между прочим, и уехавших Лихача, Маслова и Дедусенко, — английский и французский послы (Линдлей и Нуланс) самым категорическим образом рекомендовали не возвращать их, а американский посол предложил Чайковскому

«заполнить вакансии представителями элементов, еще не представленных торговых и промышленных интересов». [1]

Верховное управление попыталось после этого сманеврировать так, чтобы новое правительство было чисто исполнительным органом, а старое, в составе которого были члены Учредительного собрания, играло бы роль законодательной власти. Маневр оказался настолько неожиданным, что Линдлей, английский поверенный в делах, поздно ночью 27 сентября написал срочную ноту.

«Должен сознаться, — писал Линдлей, — что это для меня так же, как и для итальянского посланника, который был со мной, когда я об этом узнал, было полнейшим сюрпризом. Я уверен, что французский и американский посланники будут одинаково удивлены, так как мы все думали, что новая исполнительная власть является новым правительством».

Дальше Линдлей зло посмеялся над идеей, что шесть членов старого правительства могут составить законодательный орган только потому, что они члены Учредительного собрания, — их слишком мало, а сам

«законодательный орган до смешного неуместен при существующей неуравновешенности и ограниченной власти в Северной области»...

«...Простите мне это длинное письмо, но я не могу лечь спать, — так изложил свою тревогу Линдлей, — не дав вам знать мои чувства по этому вопросу, который мне казался так хорошо решенным сегодня утром». [2]

Линдлей мог спать спокойно. Его коллега, американский посол, полностью поддерживал английскую точку зрения. Он вызвал к себе делегацию промышленных и общественных деятелей г. Архангельска, которой предложил делегировать своих представителей в правительство, пообещав поддержать их кандидатуры. Промышленники после совещания с послами приняли резолюцию, в которой подчеркнули:

«Согласно совета гг. посланников, соглашение о преобразовании нового правительства остается в силе, и следовательно кандидатами в новое правительство от союза назначаются три лица, фамилии которых были переданы вчера союзным послам».

---

[1] Francis, op. cit., p. 279.

[2] Архангельский губархив, Временное правительство Северной области, отдел иностранных дел, дело № 18. Переписка председателя ВУ от 27 сентября 1918 г., 10 час. вечера.

Сообщая об этой резолюции Чайковскому, Фрэнсис добавил:

«Я надеюсь, что вы найдете возможным передать двум из этих трех кандидатов портфели, так как я в своем заявлении означенной делегации был весьма категоричен». [1]

Короче, Фрэнсис приказал Чайковскому выполнить решение дипломатического корпуса.

Послы не только следили за общим ходом событий, но и назначали правительства по своему усмотрению.

«Я думаю, — писал после этого Фрэнсис в Вашингтон, — что Чайковский больше не будет назначать министров, которых мы не желаем».

Если новое правительство и не вполне отвечало намерениям ген. Пуля, все же оно было составлено по указаниям послов: Н. В. Чайковский — председатель, иностранные дела и земледелие, П. Ю. Зубов (кадет) — народное просвещение и секретарство, полковник Дуров — генерал-губернатор, внутренние и военные дела, пути сообщения, почта и телеграф; С. Н. Городецкий (кадет) — юстиция: кн. И. А. Куракин — финансы; Н. Б. Мефодиев — торговля и промышленность и вопросы труда.

«28 сентября, — пишет ген. Марушевский, — члены Верховного управления «добровольно» сложили свои полномочия, и Чайковский сформировал новое, «отвечающее требованиям момента» правительство. Из 6 его членов... социалистом был только один (Чайковский), да и того в начале января 1919 г. под благовидным предлогом — участия во всероссийском правительстве — выслали в Париж». [2]

Даже требовательный ген. Пуль решил, что будет легче столковаться с таким правительством, в котором большинство состоит из буржуазных представителей, — притом внутренние дела находятся в надежных руках генерал-губернатора, а вопросы труда — у ставленников торгово-промышленного комитета.

Деловая связь, не налаживавшаяся с эсеровским правительством, приняла более прочный характер. Прежде всего трогается с места финансовая реформа. Нельзя сказать, чтобы эсеры оказались менее сговорчивыми, чем буржуазное правительство в деле проведения финансовой реформы такой, которая нужна была англичанам: эсеры пытались столковаться с союзниками и не останавливались даже перед предоставлением союзным правительствам преимущественного права на эксплоатацию лесных богатств Северной области. Но проведение реформы тормозилось буржуазией, которая ждала с минуты на минуту возможности самой приняться за реформу.

К услугам правительства оказалось сразу несколько планов. Французы предложили открыть в Северной области французский банк с предоставлением ему эмиссионного права по выпуску банкнот. Представили свой план и англичане. Американцы свой план финансовой реформы не подготовили, но и к обоим представленным планам, особенно к английскому, отнеслись отрицательно. Временное правительство Северной области, так переименовавшееся из Верховного управления, откладывало свой выбор и, пользуясь разногласиями союзников, пыталось облегчить условия финансовой кабалы. 9 октября 1918 г. правительство постановило поручить министру финансов

---

[1] Архангельский губархив, Посольство САСШ, 6 октября 1918 г.
[2] «Белое дело», т. I (По русск. изд., стр. 28).

кн. И. А. Куракину переговорить с французским послом Нулансом о деталях финансового плана.

Среди союзников началась длительная борьба, в течение которой помощник французского министра финансов трижды ездил из Парижа в Лондон.

Лондон, очевидно сделав некоторые уступки в своем плане, добился первенства в этом вопросе, прислал в Северную область специального финансового советника и вынудил согласие Временного правительства на проведение реформы. Союзные послы заявили, что первый английский план был передан по телеграфу и уже на месте подвергся толкованию мало сведущих лиц, из-за чего собственно в плане и оказались неясности и недомолвки.

«Теперь, — заявил американский посол по приезде английского финансового советника, — план реформы представляется ему вполне приемлемым». [1]

Реорганизация денежной системы была произведена под руководством англичан. Была учреждена государственная эмиссионная касса, на обязанности которой лежало выпускать кредитные билеты, заготовленные в Лондоне. Билеты обеспечивались специальным фондом в фунтах стерлингов, вложенных в Английский банк. Этот неприкосновенный фонд образовывался следующим образом: всякий, желающий торговать с Северной областью, вносил в Английский банк определенную сумму денег в стерлингах, под обеспечение которой банк выпускал известное число северных рублей из расчета 40 руб. за 1 ф. ст. и сверх этого количества некоторое число рублей, шедшее в казну северного правительства под обеспечение казначейских свидетельств последнего. При этом было установлено, что предел выпуска новых денежных знаков в распоряжение Временного правительства определяется в количестве $^1/_3$ всей выпущенной в обращение суммы новых знаков, что, с другой стороны, выпуск новых знаков в обмен на прежние рубли будет ограниченным, чтобы избежать падения курса новых денежных знаков. Скоро было установлено соотношение между новым рублем и старым: 48 старых рублей за 40 новых.

Во главе кассы, начавшей функционировать 11 ноября, стоял особый финансовый советник, каковым на первые 6 месяцев был назначен владелец банкирского дома в Англии г-н Э. М. Харвей.

При такой системе естественно англичане держали в своих руках и само правительство, так как в любое время могли прекратить ему выдачу излишков выпускаемых рублей, и всю торговлю в Северной области. И это отнюдь не было возможным только принципиально: англичане довольно часто и решительно пользовались этим.

Средний месячный расход Временного правительства в первые месяцы 1919 г. выражался в 23 млн. руб., не считая расходов по всему Мурманскому краю.

По сообщению генерал-губернатора области, на покрытие расходов правительство имело доходов (в млн. руб.):

От налога	4
» эмиссионной кассы	5
» ежемесячной ссуды от англичан в новых северных рублях в переводе по курсу	12,5
Итого в среднем	21,5

[1] АОР, ф. XVII, оп. 3, д. № 17, л. 32, журнал № 10 заседания ВПСО 25 октября 1918 г.

Таким образом, не менее 1,5 млн. руб. нехватало для покрытия расходов, намеченных в начале года. Но намеченные расходы должны были резко вырасти в связи с мобилизацией новых годов и ростом белой армии.

Временное правительство, в целях покрытия все растущего дефицита, снова обратилось к старому средству пополнения своих средств — займам у населения. Англичанам однако такой выход показался противоречащим финансовой реформе.

Английский уполномоченный в делах английского правительства Линдлей прислал ноту Временному правительству с предложением прекратить выпуск «займа доверия» под угрозой немедленного прекращения финансовой помощи, а в качестве подкрепления угрозы сообщил, что английское правительство подняло курс северного рубля с 48 до 54 общегосударственных рублей за 40 северных рублей.

Нечего и говорить, к каким последствиям вело предложение Линдлея. Уже одно повышение курса северных рублей несло дезорганизацию денежному рынку, сильнейшую спекуляцию северными рублями, исчезновение их с рынка и т. д.

Временное правительство обратилось к Линдлею с просьбой отмены повышения курса, несущего слишком разорительные последствия, а по поводу дальнейшего выпуска «займа доверия» предполагало производить его только после «предварительного уведомления» англичан, т. е. с согласия Линдлея.

«Временное правительство рассчитывает, — обещает его нота, — что английское правительство не найдет оснований применить в течение договорных месяцев и иную ограничительную форму, в которую, согласно вашему письму, могло бы вылиться это условие, — а именно, прекращение выдачи договоренных уже месячных взаимообразных субсидий, вследствие выпуска Временным правительством новых денежных знаков, так как Временное правительство без крайней необходимости этого делать не предполагает, а таковая необходимость будет всегда английским правительством понята и одобрена»... [1]

Линдлей пообещал послать в Лондон полученную ноту, но все же подчеркнул, что угрозу свою проведет в жизнь, если «не получит указаний к противному». [2]

На 90% вся торговля области находилась в руках англичан, регулировавших ее по своему усмотрению. Всякая попытка выйти из-под английского контроля кончалась тем, что неприкосновенный фонд в Лондоне начинал падать; с ним падала субсидия, получаемая правительством, падала и торговля. Сверх того англичане запрещали входить в Белое море пароходам других государств, не только нейтральных, но даже и союзных. Например Архангельский союз кооперативов закупил в мае 1919 г. большое количество товаров и погрузил их на американский пароход. Англичане этот пароход в Белое море не пустили и заставили перегрузить товары на английский пароход, почему кооперативные товары прибыли в Архангельск только в конце августа — через 4 месяца. [3] Запрет чужим судам входа в Архангельский порт был вдвойне выгоден: заставлял покупать товары на английском рынке и возить их на английском судне, независимо от стоимости фрахта.

Англичане отдали распоряжение, чтобы весь груз, направляемый в Северную область, шел в английский адрес, в адрес British Supply Mission, что от-

[1] АОР, ф. XVII, д. № 21, лл. 262—264.
[2] Там же, л. 267.
[3] 10 лет работы Архангельского губсоюза, стр. 39, Архангельск 1923.

крывало широчайшую возможность контроля за ввозом и вывозом. [1] Управляющим Мурманским краем сообщалось, что англичане запретили вывоз товара из Норвегии, заказанного Северным областным обществом снабжения и следовавшего в адрес Мурманского отделения Белорусско-балтийского общества, [2] как раз в силу условия, поставившего весь ввоз и вывоз под контроль англичан. [3]

Англичане не останавливались и перед другими средствами, с целью выгоднее продать или купить северные товары. Эсеры, в бытность свою в правительстве, при денационализации лесной промышленности, — мы помним — руководились мотивом снижения заработной платы и понижения тем самым цены на лес. Мера очевидно оказалась недостаточной и нуждающейся в дополнении. Англичане отдали распоряжение, по которому иностранным купцам разрешалось покупать все товары, имевшиеся в Северной области, кроме леса. Самый крупный предмет вывоза таким образом остался без движения. В результате лес пал в цене, чего собственно и ждали англичане. Пользуясь своим командным положением, англичане диктовали свою волю и чужим странам. Так Норвегия, от которой Север должен был получить не менее 16,5 тысяч тонн рыбы, издала закон о продаже рыбы не за деньги, а за продукты, причем исключила лес из числа продуктов обмена. [4]

Англичане не останавливались и пред более решительными мерами: реквизицией пароходов, спуском русского флага и увольнением русских команд. На протест правительства и русского посольства в Лондоне англичане ответили, что реквизиция вызвана недостатком тоннажа, «невозможностью оставления русской команды при нынешних условиях», и пообещали по заключении мира освободить суда от реквизиции. [5]

Каким могучим орудием в руках англичан явился контроль над денежной системой области, покажет переписка [6] между английским представителем и Временным правительством по вопросу о поднятии курса рубля. Англичане довольно часто практиковали повышение курса рубля с целью нажима на Временное правительство. Сначала подняли курс до 54, потом до 64 старых общегосударственных рублей за 40 северных, равнявшихся 1 английскому фунту. Мера оказалась настолько действительной, что ею стали пользоваться довольно часто.

«Как я уже имел честь вам лично передать, — писал английский представитель, замещавший Линдлея, — правительство его величества решило поднять курс всех русских рублей и местных выпусков денежных знаков, за исключением северного рубля, до 80 за 1 ф. ст. Эта перемена начнется с сего числа. Перед своим отъездом в отпуск г. Линдлей доложил министерству иностранных дел о заявлении Временного правительства относительно неудобства частых перемен курса и советовал, чтобы ему разрешили сообщить вам, что курс в 80 будет удержан в течение двух месяцев *при условии, что Временное правительство примет все необходимые меры для поддержания этого курса путем принятия всех зависящих от него мер для продажи леса, лежащего теперь в портах Белого моря.*

---

[1] АОР, ф. XVII, д. № 21, лл. 22—23.
[2] *Там же*, л. 182.
[3] *Там же.*
[4] Там же, ф. IV, д. № 3, журнал заседания ВП 10 августа 1919 г.
[5] *Там же*, ф. XVII, д. № 22, л. 194.
[6] *Там же*, ф. XVII, оп. 1, дело № 22, л. 47, отдел иностранных дел.

Я теперь получил ответ, который требует дальнейших разъяснений, но общий смысл благоприятен вышеизложенному предложению. Я поэтому испросил дальнейших инструкций и сообщил, что уведомил вас, что в течение двух недель текущего месяца курс будет 80 за 1 ф. ст., а в течение этого времени можно будет подробнее разобраться в положении.

Примите и пр. (подпись) Хоор.

Архангельск, 1 июня 1919 г.»

Через неделю после этого письма Хоор снова пишет Временному правительству по этому же поводу, кончая свое письмо так:

«Вопрос этот спешный, так как если не будет уверенности, что экспортеров заставят продавать весь лес, лежащий в портах Белого моря за новые рубли, повидимому, окажется необходимым поднять курс 15 июня».

Англичане распоряжались в Северной области, как в своем хозяйстве, пользуясь тем, что в их руках находился нерв современной торговли — банк.

Одной из официальных причин прихода союзников в Архангельск было стремление спасти те богатые военные припасы, которые шли для русской армии из союзных стран. По свидетельству самих англичан, в обширных складах города не было найдено ничего ценного, что могло бы оправдать экспедицию, но никогда англичане в своих официальных сообщениях не упоминали о тех огромных запасах сырья, которые были заготовлены в Архангельске для вывоза за границу. Прежде всего лихорадочно вывозили лес. Вывозу леса придавали такое огромное значение, что за ним следили и дипломатические представители и военное командование. Последнее тщательно регистрировало общее количество готового к вывозу леса и брало на себя помощь в деле поставки рабочих рук.

Английский представитель военного командования, заметив, что погрузка шла слабо — вопрос рабочих рук в виду колоссального размаха погрузки, скверной оплаты и притом мобилизации на фронт принял характер кризиса, — предложил продвинуться на речном фронте вперед, чтобы оккупировать новые районы и бросить население вниз по реке для обеспечения погрузок, которые предстояло сделать до 600 тыс. тонн.

Планы военного продвижения подчинялись таким образом вопросу вывоза леса.

Так как и этой меры не было достаточно, — в частности, хвастливое заявление ген. Нидгэма не было реализовано: Красная армия выдержала атаку бригады свежих английских добровольцев, которыми командовал английский Хлестаков, — Временное правительство предложило сорганизовать один-два рабочих батальона из китайцев, строивших во время войны Мурманскую железную дорогу.

«...К этому имеются явные возражения, — ответил на предложение английский представитель, — и я считаю невероятным, чтобы мое правительство согласилось на это предложение. Я однако готов предложить его, если Временное правительство того пожелает и если оно не сможет найти более удовлетворительное решение вопроса о труде».[1]

Какой крайней мерой было решение использовать китайцев, можно представить себе, только вспомнив, что самое частое обвинение, предъявляемое большевикам, было — наличие китайцев в интернациональных отрядах советской армии. Решились пойти на «большевистскую» меру, чтобы выйти

[1] АОР, ф. XVII, д. № 11, л. 172.

из кризиса рабочих рук. Чего не сделаешь, когда вопрос идет о реальных прибылях!..

Примерно то же было и со льном.

Фрэнсис, американский посол, сообщает, что в Архангельске скопилось более 20 тыс. тонн льна. Англичане, столковавшись с французами и американцами о нежелательности конкуренции с их стороны, «понизили цену на лен до безрассудной цифры, закупив весь запас льна у кооперативов»... [1] Только 3 тыс. тонн, — жалуется Фрэнсис, — уступили им англичане, и притом потребовали уплаты за них в фунтах стерлингов, а не в долларах»...

«...Лейтенант Г. С. Мартин, наш представитель в Мурманске, — продолжает свою информацию в министерстве иностранных дел Фрэнсис, — сообщил мне, что у него имеются доказательства стремления англичан заключить ряд торговых договоров на условиях исключительной привилегии в Мурманске... Британцы имеют столетний опыт в международной торговле и поэтому имеют преимущества перед другими, менее опытными», —

оправдывается Фрэнсис в том, что не успел в свою очередь заключить такие же выгодные договоры с исключительными привилегиями. В наших руках имеются материалы, которые могут дать некоторое представление относительно хозяйничанья англичан, причем мы приведем разные источники: сообщение самого Временного правительства и данные, собранные по книгам в таможне г. Архангельска уже после прихода советских войск.

В навигацию 1918 г., — как сообщает член Временного правительства телеграммой в Париж русскому посольству, — с грузом в союзные страны ушло 57 пароходов и 4 парусника, а в Норвегию — 14 пароходов и 132 парусника.

Грузы эти распределяются следующим образом: грузы, заявленные уполномоченным британской миссии снабжения «собственностью британского военного ведомства, как результат платежа процентов в рублях по русскому государственному долгу», — иначе, бесплатно отправлено:

Наименование	Число	Стоимость
Лен	186 066	—
Кудель	26 097	—
Пенька	11 540	—
Итого	223 703	431 300 ф. ст.

Кроме того под компенсационные обязательства уполномоченного британской миссии снабжения.

Наименование	Число	Стоимость
Лен	1 158 238	—
Кудель	79 680	—
Пенька	61 933	—
Пакля	15 607	—
Смола	75 180	—
Пек	7 084	—
Марганцевая руда	76 000	—
Льняное семя	22 447	—
Клеверное семя	1 592	—
Цитварное »	1 346	—
Анисовое »	1 587	—
Сивушное масло	2 098	—

[1] Francis op. cit. p. 293.

Наименование	Число	Стоимость
Поташ	5 477	—
Конский волос	1 390	—
Щетина	3 036	—
Фанера	21 646	—
Разных товаров мелкими партиями	2 455	—
Всего	1 536 797	2 793 700 англ. ф.

В Америку под компенсационные обязательства американского консула:

Наименование	Число	Стоимость
Лен	304 575	—
Кудель	43 779	—
Пакля	5 055	—
Всего	353 409	679 700 англ. ф.

Во Францию под компенсационные обязательства французского консула:

Наименование	Число	Стоимость
Лен	301 205	—
Кудель	7 493	—
Пенька	16 677	—
Пакля	9 756	—
Свекловичное семя	49 639	—
Льняное семя	4 984	—
Спичечная соломка	54 386	—
Поташ	724	—
Фанера	27 077	—
Щетина	493	—
Смола	7 533	—
Марганцевая руда	22 000	—
Разные товары	269	—
Всего	502 677	821 300 англ. ф.

Всего, таким образом, по компенсационным обязательствам вывезено 2 392 882 пуда на 4 294 700 англ. ф., а вместе с товарами, вывезенными под обеспечение процентов, 2 686 585 пудов на сумму 4 726 000, т. е. до 50 млн. руб. [1]

[1] АОР, ф. XVI, оп. 1, д. № 24, л. 52, отдел иностранных дел. Дело с секретными телеграммами из посольства в Париже.

Все эти сведения еще раз были подтверждены таким авторитетным источником, как Отдел финансов, торговли и промышленности, в особой докладной записке Временному правительству. «В августе месяце, — пишет член правительства, — компенсационные обязательства выдавались очень осторожно. В сентябре месяце число обязательств уже возрастает: американских 5, французских 5, английских 9. Последнее можно объяснить тем, с одной стороны, что союзники уже ориентировались с рынком. В октябре американских обязательств 2, французских 4, английских 21. В ноябре американских нет, французских 4, английских 7. В декабре 1918 г. и в 1919 г. было выдано лишь несколько обязательств.

Таким образом в первые же месяцы своего прихода союзные представители, ознакомившись с количеством находящихся в области товаров, приняли все меры к тому, чтобы как можно скорее исчерпать запасы находящихся в области экспортных товаров, что им удалось при полном содействии Управления по делам внешней торговли. Последнее не только не приняло каких-либо мер в защиту интересов области, но даже не довело

Для сравнения дадим цифры таможни, причем для удобства оставим пуды.

Приход			Отход		
Флаг	Количество судов	Вместимость регистр. тонн	Флаг	Количество судов	Вместимость регистр. тонн
Российский	167	29 551	Российский	164	38 009
Британский	42	123 956	Британский	42	127 019
Норвежский . . .	2	216	Норвежский . . .	2	216
Португальский . .	1	3 886	Португальский . .	1	3 866
Американский . .	3	7 763	Американский . .	3	7 763
Итого . . .	215	165 372	Итого . . .	212	176 893

Копия

СВЕДЕНИЯ

о вывозе товаров из Архангельского порта за границу в навигацию 1918 г. (со 2 августа по 31 декабря 1918 г.).

Наименование товаров	Пуды	Рубли
Семя льняное	42 462	250 000
Прочие товары	10 627	1 806 710
Соль	59 863	297 800
Мак	1 784	52 400
Бревна	47 039	93 792
Доски	2 350 298	3 040 532
Прочие лесные материалы	1 162 007	10 273 909
Кора дубильная	2 400	19 000
Кудель	218 734	11 348 524
Лен	1 515 076	90 378 107
Выжимки льняные	6 557	173 950
Свекловичное семя	170 654	4 182 530
Смола, пек и деготь	718 808	13 049 146
Скипидар	15 694	789 049
Спирт	12 446	135 000
Шкуры и кожи невыделанные	30 165	2 716 069
Щетина	4 300	1 405 200
Конский волос	1 811	98 450
Поташ	103 916	1 951 182
Меха	354	60 000

до сведения правительства о том грабеже, который производился союзниками».

Дальше идут цифры, почти совпадающие с вышеприведенными (Архангельский губархив, дело 1920 г., т. II. По описи № 23 канцелярии ВПСО. Приложения к журналам заседаний Временного правительства Северной области).

Читателю, мы надеемся, нечего разъяснять, что компенсационные свидетельства — не наличные деньги. «Что же касается экспортных товаров, — так писал Отдел иностранных дел Временного правительства Северной области ген. Деникину в штаб, — то все, что имелось в Архангельске на складах, и все, что могло интересовать иностранцев, было ими вывезено в минувшем году почти безвалютно, примерно на сумму 4 млн. ф. ст.» (АОР, ф. XVII, оп. 1, д. № 16, л. 89).

Наименование товаров	Пуды	Рубли
Ковры шерстяные	2 026	20 400
Кишки скотские	91	3 012
Верблюжья шерсть мытая	619	61 000
Пакля	7 042	292 890
Дрова	68 312	406 720
Пенька	157 132	7 530 491
Марганцевая руда	231 205	2 186 000
Медная руда	153	1 300
Деревянные изделия	430	3 300
Фармацевтические продукты	24 950	398 600
Всего	6 968 035	153 025 063[1]

Как видим, данные таможни превышают сообщение Временного правительства почти в 3 раза. Это объясняется тем, что в цифрах Временного правительства не фигурирует частный вывоз. Всего по данным того же источника вывезено частными экспортерами около 720 тыс. пудов на сумму 909 700 англ. ф., т. е. около 9 млн. руб., а в Норвегию — 560 тыс. пудов на сумму около 7 млн. руб., а самое главное отсутствует лес. Если прибавить указанные данные к цифрам Временного правительства, то данные в общем сойдутся.

Для полноты сведений дадим данные за 1919 г.

Движение судов заграничного плавания через Архангельский порт в 1919 году.

Приход			Отход		
Флаг судна	Количество судов	Вместимость регистр. тонн	Флаг судна	Количество судов	Вместимость регистр. тонн
Российский	101	24 103	Российский	134	31 580
Британский	57	131 953	Британский	58	133 494
Норвежский	4	3 347	Норвежский	4	3 347
Французский	2	2 429	Французский	2	2 429
Португальский	2	7 598	Португальский	2	7 598
Китайский	1	3 318	Китайский	1	3 318
Американский	1	2 256	Американский	1	2 256
Итого	168	175 004	Итого	202	184 022

Копия

СВЕДЕНИЯ

о вывозе товаров из Архангельского порта за границу в навигацию 1919 г.

Наименование товаров	Пуды	Рубли
Семя льняное	822	81 300
Вика	1 519	60 000
Соль	900	80 900
Кофе	80	17 000

[1] Составлено по материалам Архангельской таможни.

Наименование товаров	Пуды	Рубли
Чай	61	15 000
Яичный порошок	11 833	1 183 300
Бревна	1 400	1 800
Доски и делены сосновые и еловые	3 611 493	24 669 242
Дрова	18 181	60 450
Фанера	35 084	1 303 510
Прочие лесные материалы	255 469	861 685
Лен	17 775	1 107 689
Пенька	19 786	1 154 630
Смола и пек	110 886	3 705 450
Скипидар	16 557	1 342 450
Шкуры и кожи невыделанные	28 440	1 646 894
Меха	18 877	4 128 903
Щетина	2 574	324 900
Ковры шерстяные	547	58 500
Конский волос	994	99 600
Ворвань	13 264	1 455 639
Замша	605	1 319 500
Поташ	84 961	2 612 242
Сода	180	165 000
Полотно	39	5 359
Экстракт дубильный	4 550	412 084
Гончарные изделия	667	50 550
Железные »	668	105 300
Изделия из кожи	45	45 050
Бочарные изделия	22 162	62 652
Домашние вещи	596	104 590
Итого	4 281 015	48 242 169

К сожалению, данные за 1919 г. не разбиты по национальностям и не указывают долю частных экспортеров. Можно однако взять ту же пропорцию между частными экспортерами и государственными заготовителями, что и в 1918 г. — примерно 1 : 9 в денежной стоимости, — и на долю союзников в общем придется вывоза на круглую сумму в 180 млн. руб. [1]

Как видим, отсутствие договоров вовсе не останавливало англичан в их «освободительной» работе.

Если в городе, где все же необходимо было себя сдерживать, англичане установили для русских войск не свой армейский паек, а паек туземных войск, то в деревнях, удаленных от всякого культурного центра, они обращались с жителями, как с покоренным населением, а на русских солдат смотрели как на зоологическую разновидность низшего порядка. «Таково уже свойство английской натуры», — пытается объяснить очевидец [2] поведение англичан. Но дело было несравненно проще. Союзные «демократы» спаивали местное население и за бесценок скупали мех в обмен на виски и на вино. Недаром это «свойство натуры» хладнокровных сынов Альбиона доводило в захолустных деревнях до восстаний и убийств иностранных солдат.

Для ускорения процесса обмена французы привезли в Архангельск особый пароход с вином и позже, при эвакуации, потребовали от правительства целый пароход для пустых бочек, «так как они очень дорого стоят и область

---

[1] Автор не ставил своей задачей выяснение всех цифр с точностью до рубля, — это задача особой комиссии по выяснению жертв интервенции.

[2] Б. Соколов, Архив русской революции, т. IX, стр. 11.

может этим отблагодарить французов за ту помощь, которую они ей оказали».[1]

При постоянных жалобах и нареканиях послам на поведение союзной армии послы неизменно отвечали, что им, дипломатам, военноеком андование не подчинено, что генералитет непосредственно подчиняется Версальскому штабу. Но это был конечно обычный прием отмахнуться от назойливых просьб, а общая линия поведения командования находила себе поддержку и в официальных представителях заокеанских «демократий». В делах северного правительства сохранился классический документ, целиком поясняющий линию поведения союзников. Он несколько длинноват, но длиннота его полностью оправдывается тем интересом, который документ представляет для характеристики роли союзников в России. Вот он полностью в переводе:

ПОСОЛЬСТВО
Французской республики
Архангельск, 9 апреля 1919 г.

Господин министр!

Согласно инструкциям, только что полученным от моего правительства, имею честь сообщить вашему превосходительству нижеследующее:

Предложения концессий, недавно сделанные правительством народных комиссаров некоторым иностранным капиталистам, побудили французское правительство рассмотреть возможные последствия концессий, которые могли бы в настоящее время быть испрошены в России как частными лицами, так и группами частных лиц у какого-либо из действующих в настоящее время фактических правительств.

Французское правительство поставлено в необходимость принять во внимание, что уплата процентов по русскому государственному долгу приостановилась. На нем поэтому лежит обязанность рассматривать неразрабатываемые богатства России, а также имеющие быть созданными источники дохода, как обеспечение кредиторов государства на тех же основаниях, как, и, государственные имущества, уже существующие, как например сооруженные сети железных дорог, порты, рудники и копи, леса и пр. Французское правительство полагает ввиду этого, что оно не имеет возможности допустить ни со стороны большевистского правительства, ни со стороны какого-либо из областных правительств, чтобы кто бы то ни было из них отчуждал часть государственного достояния, которым те или другие в настоящее время распоряжаются, или чтобы они связывали его обязательствами в будущем.

Согласно данным мне указаниям, я имею честь уведомить правительство Северной России о точке зрения французского правительства на этот предмет, которая одновременно сообщается правительствам в Омске и Екатеринодаре. Мне предложено, чтобы, делая вашему превосходительству настоящее сообщение, я привлек ваше внимание на отказ правительства республики признавать с настоящего момента действительность концессий, которые были или могут быть испрошены у правительства Северной области. Я не сомневаюсь, что вашему превосходительству угодно будет должным образом оценить те неудобства, которые могут проистечь для заинтересованных лиц в виду указанного решения правительства республики.

Примите, господин министр, уверение в моем высоком к вам уважении

(подпись) М. Гияр.[2]

---

[1] Б. Соколов, Архив русской революции, т. IX, стр. 65.

[2] АОР, ф. IV, д. № 8. По общей переписке председателя с иностранными представителями, л. № 28. М. Гияр остался замещать Нуланса.

Кстати, не этим ли объясняется, что к нам в первый период нашей концессионной политики ходили авантюристы с предложением концессий, а деловая буржуазия воздерживалась?

Документ исходит от французского посольства, но в наши руки просто не попал английский, хотя прежде приведенные документы из области «финансовой помощи», оказываемой англичанами, или вся их экономическая политика, едва ли представляют меньшую ценность по характеристике деятельности интервентов.

Превратить всю страну с ее «сущими и присными» доходными ресурсами в обеспечение получения процентов — вот задача союзной интервенции в изображении самих интервентов.

Пикантнее всего в этом документе выглядит то его место, где интервенты отказываются признавать действительность всех концессий, в том числе и тех, которые «были... испрошены у правительства Северной области». Так писать можно только о концессиях, полученных какими-либо другими государствами, но отнюдь не авторами документа.

Оказывается однако, что это предположение не соответствует действительности: как раз первым государством, заключившим договор на концессию, было французское правительство. Правда, договор был сугубо секретным и известным лишь верхушке. Нуланс обратился даже не в самое Временное правительство, а заключил его с помощником генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским краем В. В. Ермоловым.

20 декабря 1918 г. Нюланс, возвращаясь во Францию через Мурманск, получил от Ермолова «удостоверение», — странное название для такой сугубо секретной продажи, — в котором значилось, что

«Ермолов выражает согласие на предоставление правительству Французской республики в долгосрочное арендное пользование, на 99 лет, нижеследующих участков в проектируемом городе Мурманске».

Дальше идет перечисление пунктов, передаваемых в аренду, и указаны условия аренды и срок действия «удостоверения».

«1. В участке в торговом районе проектируемого города Мурманска, составляющем квартал А по прилагаемому плану, общей площадью 8 800 кв. саж.

2. Участки под №№ 21—26 включительно к прилагаемому плану между мысами Пинагорье и Зеленым севернее г. Мурманска, на восточном берегу Кольского залива, занимающее по побережью место в 360 саж. в глубь, пространство, потребное для общей площади в 15 десятин...

3. Условия аренды как участков по § 1, так и участков по § 2 устанавливаются особым соглашением Временного правительства Северной области России с правительством Французской республики.

4. Если в течение месяца со дня выдачи настоящего удостоверения не последует от г-на посла подтверждения желания правительства Французской республики занять участки, описанные в § 2, то § 2 теряет свою силу».

На документе имеется расписка. «Подлинный экземпляр удостоверения получил 21 декабря 1918 г. Нуланс».[1]

Через месяц французский консульский агент капитан де-Лигатинерн сообщил Ермолову, что 19 января 1919 г. Французское правительство

«рассмотрело вопрос об уступке в концессионное пользование части берега Кольского залива, согласно § 2 протокола. Французское правительство оставляет за собой право переуступки этой концессии одному или нескольким французским обществам по своему выбору».

---

[1] Губархив, дело ВПСО. Приложения к журналам заседаний Временного правительства Северной области. Заверено ст. инженером Л. Бутаревичем.

Дальше агент просит срочно сообщить окончательное согласие Временного правительства послу Нулансу.[1]

99 лет — обычная норма всякого колониального захвата, так говорит история колониальной политики.

Утверждение же захвата французским правительством было произведено накануне подписания приглашения Советов на Принцевы острова. Не случайным было упорство Клемансо, отказывавшегося примкнуть к Англии и Америке в вопросе приглашения: среди других причин известную роль вероятно сыграли концессионные договоры.

Мы выше указали, что в наши руки не попали документы подобно французским. Это верно только по отношению к английскому правительству, как таковому: как юридическое лицо правительство не фигурирует в подобных договорах, но зато под его прикрытием фигурируют другие лица, имена коих при этом сами говорят за себя...

В период интервенции Северную область посетил известный путешественник и исследователь арктических стран Э. Шекльтон. В Архангельске ему был оказан чрезвычайно радушный прием, особенно со стороны всяких научных обществ области. Сам Шекльтон тщательно поддерживал свою научную репутацию, выступая с научными докладами и сообщениями.

Наука однако для Шекльтона играла ту же роль, что религия и ряса для империалистических миссионеров.

Уже до самого факта интервенции Шекльтон принимал в ней участие: по его планам готовилась обувь для интервенционной армии, особые сани и упряжка. Изобретения Шекльтона показывались на особой выставке, которую посетил король с семьей и ряд знатных лиц.[2]

Участие «ученого исследователя» в интервенции этим не ограничилось.

30 января 1919 г. он обратился все к тому же Ермолову с предложением организовать особое общество для развития и эксплоатации всего Кольского полуострова, обещая немедленно приступить к присылке всяких продовольственных товаров в область для снабжения населения.

«На вышеозначенной сделке, — писал в своем обращении Шекльтон, — я предлагаю, чтобы общество получало только номинальную прибыль и что его будущие прибыли и коммерческий успех должны зависеть от постоянной и систематической эксплоатации естественных богатств этой области».

Дальше следуют опять-таки знакомые вещи: аренда ряда участков в самом Мурманске на 99 лет, затем на Кольском побережьи место примерно в 0,5 *кв. км*, затем право исследовать всю область в течение не менее 5 лет при условии, что общество берет на себя эксплоатацию всех найденных минералов. Если Временное правительство,— или, как его именует Шекльтон, «Северо-русское правительство», подчеркивая, что считает его частью общероссийского правительства, —вздумает продать Мурманско-Сорокинскую железную дорогу, общество Шекльтона получает преимущественное право на приобретение ее по минимальной, назначенной правительством цене.

[1] Губархив, дело Временного правительства Северной области. Французское консульское агентство в порту г. Мурманска, № 68.

[2] Газета «Вестник ВПСО» № 13 от 25 октября 1918 г.

[3] АОР, ф. XVII, д. № 43, л. 5—8, отдел иностранных дел, ВПСО. Дело с перепиской Шекльтона.

В остальных пунктах Шекльтон предъявляет претензию на рыбные ловли, лесопильные заводы, постройку электрических станций при порогах и водопадах и т. п.

Предполагаемый капитал общества будет вначале от 10 до 20 млн. рублей.

Ермолов ответил ему в тот же день предварительным согласием, и Шекльтон сейчас же дополнительно потребовал, чтобы никому другому не предоставлялось преимущество в вопросах тарифов и т. д.

Предложение Шекльтона было отправлено Временному правительству.

Последнее попробовало расчленить предложение «ученого» концессионера на две части — продовольственная помощь области и долгосрочный договор, который «распространит свое влияние на весь край в вопросе своего экономического развития и свяжет интересы на долгие годы», а 20 февраля Шекльтон представил окончательный проект договора пока лишь в части ввоза и продажи предметов продовольствия.

Временное правительство, при обсуждении проекта, вернулось ко всему предложению в целом и 25 февраля уведомило Шекльтона, прибывшего в Архангельск, что согласно в принципе на все его предложения, дав ему 6 месяцев на организацию общества и начала работ. Шекльтон уехал в Англию и 7 июня прислал телеграмму в английский штаб с просьбой сообщить ген. Миллеру и Ермолову, что

«образовал предполагаемую компанию на одобренных Миллером основаниях и представляющую крупные британские интересы... Я являюсь директором-распорядителем в России... Компания имеет неограниченные средства, и ее главная цель — облегчение существующих нужд, и в дальнейшем — развитие британских интересов на основаниях, изложенных в письмах, полученных мною от Миллера».

Предприятие Шекльтона дальше переговоров не пошло. Начались разговоры об эвакуации англичан, что ставило под сомнение целесообразность предприятия. 3 июля через ген. Мейнарда, командовавшего мурманским фронтом, Шекльтон просил продлить ему срок начала работ еще на 6 недель, а к этому времени уход англичан стал фактом. Но это уже вина не Шекльтона.

«Наука», как видим, была не только на службе интервентов, но и сама оказалась в роли колониального предпринимателя.

Нам остается еще прибавить несколько слов о роли церкви в предприятии «союзников».

Церковь не осталась в стороне от «союзнической» интервенции. Уже деятельность союза христианской молодежи являлась предприятием церкви, а союз не столько занимался пропагандой, сколько коммерческой деятельностью. Временное правительство неоднократно отмечало именно торговый характер деятельности союза.

Но английская церковь и непосредственно приняла участие в интервенции.

Епископ лондонский прислал соболезнующее письмо духовенству и мирянам Северной области и объявил на декабрь 1919 г. «торжественное молебствие за всех христиан, страдающих на Востоке».[1]

Крестовый поход папы наших дней имеет своего предшественника в деятельности английской церкви в эпоху гражданской войны.

---

[1] «Вестник ВП» № 16 от 24 января 1920 г.

Епископ лондонский выступал не изолированно. В Лондоне образовалось «Общество единения англиканской и Восточной православной церквей». 29 октября 1919 г. исполнительный комитет этого общества вынес резолюцию, в которой «выражает свой ужас и негодование противохристианским силам, господствующим ныне в России, и верит, что стремление всего христианского народа — сбросить это иго».

Большевистская опасность сплотила враждующие между собой церкви. Церковь, «наука», армия — все вместе организовались и поддерживали интервенцию.

Под прикрытием Временного правительства, которое, по сравнению с эсерами, не обращалось даже к таким средствам, как «бунт на коленях», англичане развернули чисто колониальную политику, не знающую сравнения во всей истории англо-русских отношений. Один из членов правительства [1] в своих воспоминаниях передает один из многих фактов, характеризующих поведение англичан. Какой-то английский лесопромышленник Смит, имевший связи с великобританским адмиралтейством, вывозя целый год лес в Англию, остался должен правительству Северной области 200 тыс. ф. ст. Несмотря на категорические требования вернуть деньги и приказ не выпускать его из области, Смит преспокойно отправился на английский крейсер и эвакуировался в Лондон вместе с английским командованием. С каким-нибудь царьком южно-африканских негров вряд ли англичане обращались лучше, а впрочем в сознании англичан Северная область очевидно ассоциировалась если не с Южной Африкой, то во всяком случае с весьма отдаленными колониями, — ведь мог же американский военный департамент (!) послать офицера присоединиться к своей команде в Архангельске via Владивосток.[2] В глазах американцев Северная Россия и Сибирь оказались синонимами.

В делах Временного правительства сохранились донесения особой комиссии, созданной для урегулирования отношений между «союзниками» и местными властями и населением. Тут и самочинный захват помещений и выбрасывание на улицу правительственных учреждений, тут и реквизиция судов, катеров и т. п., хотя на них находился правительственный груз, тут и безнаказанное убийство мирного населения, — это в столице, а не в глухой деревне, — и т. п.

Можно себе представить, сколько было таких случаев, если пришлось создавать специальную комиссию для урегулирования отношений.[3]

Дело однако не в местном командовании, внесшем в страну обычные методы завоевательной политики, как старались доказать дипломаты. К такому поведению на месте толкало само лондонское правительство. Набоков, бывший русский посол в Лондоне, сообщил, что спор о реквизиции англичанами пароходов «Дора» и «Аннета» решен судом в отрицательном для северного правительства смысле,

«благодаря отзыву английского министерства иностранных дел, которое отказалось признать суверенитет северного правительства, отметив его временный характер. В подобном же случае с пароходом «Гагара», реквизированным эстонским правительством,

---

[1] Б. Соколов, Архив русской революции, т. IX, стр. 19.
[2] Archangel, The American War with Russia, p. 2.
[3] АОР, ф. LXIII, оп. 8, д. № 37, лл. 9, 10, 11; ф. XXIX, оп. 5, д. № 23, л. 70.

министерство иностранных дел, признавая временный характер эстонского правительства, признало однако его суверенитет, благодаря чему суд решил их дело в пользу правительства».[1]

То, чего не позволяли себе с Эстонией, считалось вполне закономерным для области, находящейся где-то под северным полюсом.

Чтобы закончить с «колониальными» сравнениями, нужно отметить еще несколько таких чисто африканских методов третирования местного населения, как факт назначения английским генералом Пулем одного из участников противосоветского переворота — Берса — полковником русской службы и возведение его в графское достоинство. Английский генерал производит в русские графы — это сюжет, каких литература мало знает: далеко, видно, еще художественной фантазии до реальной действительности!

Колониальная картина получится совсем сочной, если добавить, что начальником каторжной тюрьмы на острове Мудьюге в Белом море был француз, прежде служивший в какой-то колониальной тюрьме.[2]

По «цивилизованным» приемам колонизации Архангельск оказался не случайной остановкой на пути в Индию,[3] а самой Индией, с той только разницей, что в Индии англичане позволяли себе так хозяйничать в XVIII в., а в Северной области — в XX в.

«Думаю, — писал ген. Марушевский, — что большинство русских людей искренне верили в то время, что англичане пришли помочь восстановить нашу родину, тогда как на самом деле это была просто оккупация края... ...В описаниях этих столкновений наших интересов с английскими я стараюсь быть по возможности нейтральным... Но все же я должен сказать, что англичане держали себя на севере так, как будто они находились в завоеванной, а вовсе не в дружественной стране.

...За немногими исключениями, которые я с удовольствием выделяю, — так много раз пишет генерал, несомненно сваливающий вину за неудачу интервенции на англичан и потому как раз открывающий правду, — английская политика в крае была политикой колониальной, т. е. той, которую они применяют в отношении цветных народов».[4]

2. Версаль и интервенция.

«Союзники пришли в Россию против своей (? — *И. М.*) воли и притом по военным соображениям. Но война кончилась.

Союзники старались помешать немецким армиям получить огромные запасы снабжения из России. Но эти армии более не существовали.

Союзники старались освободить чехов, но чехи спасли себя.

Поэтому все аргументы, которые вели к интервенции, исчезли», —

так писал Черчилль, бывший военный министр Англии после заключения мира с немцами в ноябре 1918 г.[5]

---

[1] АОР, ф. XVI, оп. 1, д. № 27, л. 14. Секретные телеграммы из посольства в Лондоне.

[2] Игнатьев, op. cit. стр. 45. К сожалению, документов, подтверждающих первый факт, мы не нашли и оставляем его на совести автора.

[3] Как известно, капитан Ченслер направился в 1553 г. в Индию с тремя кораблями через Северный Ледовитый океан, но был занесен бурями и льдами в устье Сев. Двины, откуда был отвезен к Иоанну Грозному.

[4] «Белое дело», тт. I, II и III. По русск. изд., стр. 63, 143 и 157.

[5] Churchill, The World Crisis. The Aftermath, p. 5, 164.

Не будем разбирать все аргументы активного организатора интервенции — в своем месте мы дали вполне достаточную оценку всем доводам, — достаточно того, что Черчилль сам признал их преходящий и весьма условный характер. Война окончилась, и организаторам интервенции приходилось либо прекратить ее, поскольку исчезли все причины, ее вызывавшие, либо найти другие доводы.

Союзники выбрали второе и тем сразу показали, в чем истинный смысл интервенции.

Сам Черчилль, обычно в своих воспоминаниях высказывавшийся вполне открыто, особенно когда такой откровенностью можно было поддеть Америку, в этом вопросе продолжает хранить молчание и отделываться двумя-тремя фразами: кончить интервенцию и вывезти войска было нельзя, ибо уже замерзли порты (это в начале ноября-то?), а во-вторых, недобросовестно было бы покинуть на произвол судьбы и большевистский террор те русские элементы, которые вместе с англичанами выступали против Советов.

Однако то, что скрывает дипломат, часто выбалтывает солдат, рассказывая о выполнении поручения: ген. Мейнард, командовавший войсками на Мурмане, открыто признал то, чего не хотел сказать бывший министр.

Повторив доводы Черчилля — все равно до зимы не успели бы эвакуировать войска (Мейнард, лучше знающий географию местности, поправил Черчиля: порты в Северной России еще не замерзли, но могли вскоре замерзнуть), к тому же честь обязывала помочь русским патриотам, — генерал добавляет, что интервенция была общим делом союзников и ликвидация ее могла быть предпринята только с ведома и решения всех союзников.

Но последние в это время как раз делили шкуру германского медведя.

«Советов (по поводу перспектив интервенции. — *И. М.*) конечно в течение этого ноября месяца было много. Но проблемы, с которыми встретились в результате поражения Германии, так подавляли своей грандиозностью, что вопрос о немедленных шагах в России превращался в сравнительно незначительный.

Было бы слишком требовать от мировых политических деятелей заняться непопулярным вопросом в момент, когда их мысли были сконцентрированы на том, чтобы перекроить карты Европы, Азии и Африки сообразно стремлениям своих народов».[1]

Великим людям мира некогда было, а потому миллионы людей в России попрежнему должны были выносить на себе все ужасы и лишения интервенции, — такова логика генерала. Дальше однако Мейнард, чувствуя слабость своих объяснений, переходит к сути: 1) большевики собственно сами открыли военные действия, ибо они сначала сами пригласили нас к себе для борьбы с немцами; 2) русские вожди не были избраны народом и управляли исключительно террором и насилием, а история знает много примеров, когда полуцивилизованные народы наказывались своими цивилизованными соседями за менее значительные эксцессы, чем практиковавшиеся большевиками; 3) — и это основное — «это правительство открыто признало, что его цель — возбуждение мировой революции».

Выжав наконец из себя то, что так тщательно скрывалось, ген. Мейнард захлебываясь спешит оправдаться перед теми, кто делал из этого тайну:

«Благодаря им (т. е. большевикам. — *И. М.*) внутреннее состояние почти каждой нации было отмечено постоянными волнениями и стачками, инициатива которых и помощь

[1] Maynard, The Murmansk Venture, p. 137.

безошибочно может быть приписана Москве. Ядовитые эксперименты коммунизма, простираясь через земли и воды, наложили свои когти на пять континентов. И всюду и везде восстания и бунты, забастовки и беспорядки, неповиновение и атеизм благословлялись и поддерживались признанными русскими апостолами гражданской войны и раскола.[1]

«...Разве нельзя пожалеть, что возможность уничтожить их раз и навсегда не была использована в момент, когда их ресурсы были малы, их владения беззащитны, а помощь со стороны крепких, лояльных к нам элементов обеспечена!..» —

так договаривает генерал Мейнард за Черчилля там, где язык последнего скрывает его мысли.

Разгромить большевизм — такова была основная задача в момент решающего переворота, в момент резкого перехода от длительного напряжения империалистической войны к неожиданному миру, когда долго накапливавшиеся противоречия внутри страны вот-вот готовы были прорваться наружу.

Именно под углом зрения выполнения этой задачи проходила вся дальнейшая политика союзников по отношению к России.

Черчилль мог скрыть мотивы, которые руководили английской политикой, но он не мог скрыть самую политику, факты, деятельность, а деятельность как раз шла по пути, о котором говорил ген. Мейнард.

13 ноября 1918 г., буквально на второй день после заключения мира, военный кабинет Англии снова подтвердил соглашение 23 декабря 1917 г., по которому французской зоной считалась Бессарабия, Крым, Украина, а английской — Кавказ, Закавказье и т. п. В развитие этого решения 20 тыс. англичан заняли линию Баку—Батум, а 2 французских и 2 греческих дивизии заняли Одессу и близлежащие районы.

В то же время предпринимается попытка общего сговора союзников.

Уже в ноябре месяце 1918 г., как сообщает Черчилль, на предварительной конференции собрались Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон, чтобы наметить общий план будущей деятельности. На конференции единодушно было решено добиваться организации Лиги наций.

Следующий вопрос, так же единодушно решенный триумвиратом, был вопрос о России: «русский народ должен получить возможность выбрать Учредительное собрание», — в немножко завуалированной форме наметили три руководителя ликвидацию советской власти.[2]

Но одно дело решить, а другое — выполнить решение. Именно по вопросу о выполнении и внутри самой тройки и внутри английского господствующего класса наметились две группы с разными точками зрения. Одна — представляемая на конференции Францией, а в Англии — консерваторами, также Черчиллем — мыслила «созвать Учредительное собрание» при помощи вооруженного вмешательства. Такую мысль высказал на совещании Фош, хвастливо заявив:

«Как легко это будет мне или Гейгу или Першингу в сопоставлении с удержанием позиций 21 марта или уничтожением линии Гинденбурга!»[3]

Но другая группа лучше разбиралась в конкретной ситуации. Понимая всю напряженность современного момента, когда, казалось, малая искра

[1] Maynard, The Murmansk Venture, p. 142.
[2] Churchill, op. cit., p. 23.
[3] Там же, стр. 24. Haig и Pershing — английский и американский главкомы.

могла взорвать всю пороховую бочку накопившихся противоречий, Ллойд-Джордж выступил против активного вмешательства при помощи вооруженной силы, предлагая искать других форм борьбы с большевизмом.

На конференции точка зрения Ллойд-Джорджа поколебала Вильсона, и конференция отказалась от плана Фоша и выдвинула новую идею: «Должна быть приглашена Германия помочь освобождению России и восстановлению Восточной Европы».

План выдвинуть Германию для борьбы с большевиками — слухи об этом плане давно попали в советскую печать, главным образом от немецких генералов, например, Гофмана — вдвойне интересен. Строго говоря, это был наиболее реальный план, ибо немцы оккупировали Украину и держали гарнизоны в непосредственной близости границы Москва — Ленинград, к тому же в Финляндии еще сидели войска фон-дер-Гольца.

Но использование Германии требовало предоставления ей известных льгот, а это явно било по интересам Франции. Клемансо и Фош резко запротестовали, требуя гарантий от немецкого реванша. Англия и Америка, которые меньше Франции были заинтересованы в полном разгроме Германии, а напротив, в недобитой Германии хотели видеть будущего союзника — либо для борьбы Англии против Франции, либо в конфликте между Америкой и Англией, заявили, что лучшей гарантии, чем 14 тезисов Вильсона, не придумаешь.

Предложение в общем было принято, но — увы! — и оно оказалось нереальным. Весь конец 1918 и начало 1919 г. наполнен потрясениями такого порядка, что ни о каких решительных действиях мечтать не приходилось.

«В течение одной только недели, — пишет Черчилль об этом периоде, — из различных мест было получено более чем 30 сообщений о беспорядках».

А среди них были беспорядки такой мощности, как восстание в Кале, где для подавления более 3 тыс. восставших понадобились две дивизии войск.

Такие же беспорядки и восстания имели место и в других армиях, а в Германии, которой предназначалась роль уничтожения большевизма, вспыхнула революция, передвинувшая границу большевизма гораздо ближе к союзническим столицам.

«Союзники» снова стали перед вопросом — как быть с Россией, и на сей раз даже высокие вопросы передела мировой карты не помешали обсудить столь «непопулярный» всего два месяца назад русский вопрос.

Обсуждение вопроса состоялось теперь на более расширенном заседании, на так называемом «Совете десяти», представлявшем Англию, САСШ, Францию, Италию и Японию. К сожалению в печать попали протоколы только двух совещаний — 16 января и 21 января 1919 г. [1]

На первом совещании Ллойд-Джордж наметил три возможных пути разрешения русского кризиса.

1. Военное вмешательство.

«Правда, — говорил он, — большевистское движение так же опасно для цивилизации, как и германский милитаризм, но найдется ли кто-нибудь, кто предложит уничтожить

[1] Опубликованы впервые Буллитом на заседании сенатской комиссии — «Hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate», 1919, Sen. Doc. 106, а затем в его же книге «Bullit's mission to Russia». Перепечатаны в «Russian-American Relations», p. 284—296. Русский перевод имеется в книге: «Гражданская война в Сибири и Северной области», составленной С. А. Алексеевым, стр. 409—411, 414—418.

его военной силой?.. Если бы он тотчас предложил послать для этой цели в Россию английские войска, в армии поднялся бы мятеж. То же относится к американским войскам в Сибири, к канадским, а также к французским войскам. Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие».

2. Блокада, но она означала бы смерть многих невинных людей, это была бы блокада смерти.

3. «Пригласить русских в Париж предстать пред присутствующими, подобно тому как Римская империя созывала вождей отдаленных областей, подчиненных Риму, с тем, чтобы те давали ей отчет о своих действиях».

Отметим прежде всего, что от блокады Англия отказалась отнюдь не по гуманным соображениям — в том же 1919 г. Англия применила блокаду как средство изоляции большевизма, — но Ллойд-Джордж в этот период уже наметил план, по которому дальше шла политика Англии — расчленение бывшей России на ряд мелких государств, в отдельности легко поддающихся влиянию Англии.

Но об этом позже, а сейчас вернемся к совещаниям. Франция выступила против английского плана и в лице Пишона предложила пригласить Нуланса, который только что вернулся из России и привез — мы помним — договор на концессии в Северной России.

Президент Вильсон поддержал англичан, при условии сохранения в целости Прибалтики и Польши, предложив большевикам очистить их.

На совещании к определенным результатам не пришли и перенесли его на 21 января.

Новое совещание началось с предложения Вильсона внести поправку к плану Ллойд-Джорджа — пригласить русских не в Париж, а например в Салоники.

Против предложения в целом выступила Италия, которая пошла по стопам Франции, советуя выслушать только одну сторону, Сазонова например, а потом снова высказалась против и Франция.

Клемансо за время перерыва, успев проконсультироваться у Нуланса и у политического центра в Париже — нечто вроде объединенного представительства всей русской контрреволюции (Сазонов, Чайковский, Маклаков), — учитывая вместе с тем уступку со стороны Англии, пошел в свою очередь на некоторую уступку. Из каких соображений — сейчас станет ясным.

«Он, — говорил Клемансо, — принципиально против переговоров с большевиками, и не потому, что они преступники, а потому, что мы сравняли бы их с нами, признав их достойными вступить с нами в переговоры. Большевистская опасность в настоящий момент очень велика... Поэтому против большевизма необходимо что-нибудь предпринять... Если бы можно было ждать, он посоветовал бы ждать, так как в конце концов придут к власти здоровые люди, представители здравого смысла...

...Если бы он действовал самостоятельно, он подождал бы и тем временем поставил бы преграды распространению большевизма. Но так как он не один, то он вынужден сделать некоторую уступку, ибо очень важно, чтобы среди союзников не было и тени разногласий».

Дальше Клемансо присоединился к предложению Вильсона. Итальянский представитель Соннино, который «лично полагает, что в его стране большевизм уже представляет серьезную опасность», снова предложил обратиться к военным средствам, но на прямой вопрос Ллойд-Джорджа о деньгах и людях Вильсон и Клемансо «сказали, что не могли бы дать ничего», сам же

Ллойд-Джордж повторил свой довод о возможности мятежа в войсках, если попробовать их использовать против большевиков.

Совещание в конце концов приняло предложение Вильсона и поручило ему составить обращение ко всем воюющим в России партиям с призывом прибыть на совещание для обсуждения вместе с союзными представителями способов восстановления мира в России.

22 января 1919 г. был разослан меморандум, приглашающий всех на Принцевы острова.

Смысл приглашения на Принцевы острова давно разгадан и вскрыт самими авторами предложения.

Красная армия в это время наступала на всех границах. Очищалась Украина; красные полки вступали в Прибалтийские страны; на Востоке началось удачное продвижение против Колчака.

Маневр авторов меморандума и состоял в том, чтобы на время задержать натиск большевиков, не допустить полного разгрома всей контрреволюции, дать ей отсидеться до нового контр-удара. А сделать это было не так уж трудно ибо в условиях меморандума было прекращение военных действий, но отнюдь не прекращение присылки всяких снаряжений и инструкторов со стороны «союзников».

Этот мотив — не допустить полного разгрома контрреволюции — был общим для всего интервенционного лагеря, он же объясняет и уступку Клемансо. Но общее было только в этом, дальше же начинались глубокие разногласия.

Для Англии Принцевы острова были не только временным выходом. Они закрепляли раздробленность бывшей России, что снимало с очереди вопрос о противоречиях Англии и «Великой России». От большевизма Англия отгораживала свои восточные колонии — для нее это было основным — целым кордоном мелких национальных образований, каждое из которых порознь можно было прибрать к рукам.

Что касается Америки, то ее меморандум устраивал в другом отношении.

Япония конечно надула Америку. Вместо 10—12 тыс. войск, которые она обещала дать по соглашению с Вашингтоном (17 июля — 3 августа) Япония высадила более 70 тыс. солдат и заняла все стратегические пункты в Сибири, как раз те, которые она намечала в своих прежних планах. Кроме того Япония договорилась с директорией еще до колчаковского переворота о продвижении к самому Уралу, — это одна из причин, почему англичане поддержали Колчака: колчаковским переворотом хотели опередить продвижение Японии и не ошиблись, ибо Колчак после переворота предложил японцам сидеть в Чите. Японцы в отместку выдвинули атамана Семенова, который, по наущению Японии, отказался признать Колчака. [1]

В самой Сибири японцы вели себя по отношению к американцам так, что последние чуть не брались за оружие. Отношения настолько обострились, что министр иностранных дел САСШ Лансинг вынужден был весьма серьезно побеседовать с японским послом, виконтом Иши.

Еще в конце 1918 г. Лансинг направил в Токио меморандум, в котором выступил с резким протестом против попыток захвата японцами в свои руки

---

[1] Shuman, American Policy towards Russia, p. 119.

контроля над экономическими ресурсами страны и все большей концентрации японских войск.

«Соединенные Штаты, — писал Лансинг, — с удивлением наблюдают очень большое количество войск в Северной Манчжурии и Восточной Сибири. По надежным сведениям число этих войск настолько велико, что составляет определенное отклонение от ясно выраженного соглашения о совместной работе Японии и Соединенных Штатов и не оправдывается какими бы то ни было военными надобностями. Правительство полагает, что все предпринимаемое в связи с положением в Сибири должно быть основано на откровенном и открытом сотрудничестве».[1]

Меморандум о Принцевых островах давал теперь основание Америке приостановить успехи японцев без единоличного выступления.

Франция на второй же день после меморандума принялась бороться против того, чтобы брать его всерьез.

27 января, по совету французов, Маклаков, бывший посол в Париже, от имени политического совещания попросил все контрреволюционные правительства подождать с бесповоротным решением.

«Сообщите ответ по нему нам, — телеграфировал Маклаков, — с предоставлением права использовать его в нужный момент. Решение конференции не единодушно; среди союзников есть противники, и в частности французы. Сообщим дополнительные сведения о мотивах, планах и значении этого постановления, — тогда будут виднее тон и содержание желательного ответа».[2]

Затем из Парижа был дан сигнал отказаться от приглашения, и все контрреволюционные правительства ответили в ноте от 16 февраля 1919 г. отказом совещаться с большевиками.

Надо сказать, что твердое поведение Франции находило и более успешные результаты, ибо позиция Англии особой твердостью не отличалась. В то же время политика Ллойд-Джорджа встречала резкую критику со стороны военного министра Англии Черчилля.

«Имея непосредственные военные обязательства перед Архангельском, Колчаком, Деникиным, — пишет Черчилль, — я настойчиво требовал от премьер-министра определенной политики.

...В конце концов он предложил мне съездить в Париж и посмотреть, что можно сделать при наших ограниченных возможностях».[3]

14 февраля Черчилль выступил в Париже на совещании, попробовав удержать Вильсона, собравшегося уже уходить. Вильсон от определенного ответа уклонился, но, в передаче Черчилля, все же склонился к тому, чтобы совершенно очистить Россию от иностранных войск и встретиться с большевиками на Принцевых островах. Впрочем, если из Принцевых островов ничего не выйдет, он примет любое участие в военном предприятии вместе со всеми союзниками, — так записал Черчилль ответ Вильсона.

Воспользовавшись двусмысленной позицией Вильсона, Черчилль снова атакует Ллойд-Джорджа.

---

[1] ЦАОР, ф. IV, оп. 1, д. № 21, л. 56. Меморандум от 23 ноября 1918 г.

[2] Там же, инв. № 23, арх. № 1—24, л. 1. Дело с секретными телеграммами из посольства в Париже. «Мы узнали, — рассказывает Буллит, — что французское министерство иностранных дел сообщило украинскому и другим противосоветским правительствам, что если они откажутся от предложения, то Франция будет поддерживать их и в дальнейшем и постарается не допустить заключения мира союзниками с русским советским правительством (по русск. пер., стр. 419).

[3] Churchill, op. cit., p. 171.

15 февраля он представил докладную записку, в которой предложил:

«Необходимо установить точный срок, в течение которого предложение по поводу Принцевых островов должно иметь употребление. Если в течение 10 дней с 15-го сего месяца большевики на всех фронтах не прекратят своих атак и не оттянут на расстояние не менее 5 миль от теперешних передовых позиций свои войска, предложение о Принцевых островах будет считаться упраздненным. Если однако в течение 5 дней от большевистского правительства будет получено по радио сообщение, что именно там-то прекратили атаки, прекратили стрельбу и туда-то оттянули свои войска, и если это будет подтверждено донесениями с различных фронтов, такое же требование будет направлено союзниками к враждебным им войскам. Только при таких условиях возможно начать переговоры на Принцевых островах».[1]

Ультиматум явно был рассчитан на категорический отказ большевиков, в предвидении которого Черчилль дальше предлагал организовать при мирной конференции особую комиссию из представителей разных стран для изучения русского вопроса и вынесения соответствующих решений.

Короче, Черчилль предлагал создать единый центр по руководству антибольшевистской борьбой.

16 февраля Ллойд-Джордж через своего секретаря Филиппа Керри ответил, что он не хочет новых жертв (NB премьер тоже понял предложение Черчилля как создание нового штаба), что Колчак и Деникин должны собрать более значительную армию, чем большевики, и опрокинуть последних. Если же они в этом не преуспеют, это будет означать, что народ не с ними,

«и было бы посягательством на британский принцип свободы, если бы мы с помощью иностранных армий навязали России правительство, которое не поддержано народом», —

так ханжески кончил свое письмо Ллойд-Джордж.

Черчилль однако и тут открыл подоплеку премьеровской гуманности и преклонения перед принципом свободы и свободного соревнования: «не удалось добиться соглашения между правительствами», — пояснил Черчилль[2] неудачу своего предложения.

Америка и Англия тем временем на маневр Франции ответили контрманевром.

Вильсон предложил послать одного из работников американской мирной делегации, Вильяма Буллита, в Советскую Россию выяснить, на каких условиях возможны мирные переговоры между «союзниками» и большевиками. Поездка Буллита нашла полную поддержку Ллойд-Джорджа, который через своего секретаря Ф. Керри сообщил условия, на которых возможно вести переговоры:[3]

«1. Прекращение военных действий на всех фронтах.

2. Все существующие de facto правительства остаются на занимаемых ими территориях.

3. Железные дороги и порты, необходимые для сообщения Советской России с морем, должны быть подчинены тем же постановлениям, которые действуют на международных железных дорогах и портах остальной Европы.

4. Подданным союзных держав должно быть предоставлено свободное право въезда в Советскую Россию и полная безопасность, чтобы они могли вести там свои дела при условии невмешательства в политику.

5. Амнистия всем политическим заключенным с обеих сторон и полная свобода всем русским, сражавшимся на стороне союзников.

---

[1] Churchill, op. cit., p. 173.

[2] Там же, стр. 175.

[3] «Bullit's mission to Russia»... (по русск. пер., стр. 421—422).

6. Торговые сношения между Советской Россией и внешним миром должны быть восстановлены, при условии, чтобы при полном уважении к суверенитету Советской России было гарантировано равномерное распределение помощи, присылаемой союзниками, среди всех классов русского народа.

7. Все другие вопросы, связанные с русскими долгами союзникам и т. п., должны быть рассмотрены самостоятельно после установления мира.

8. Все союзные войска должны быть уведены из России, коль скоро будет демобилизована русская армия свыше количества, имеющего быть установленным, а лишнее оружие будет выдано или уничтожено».

Не трудно заметить основную идею плана Ллойд-Джорджа: закрепить существующее расчленение России, разбить «великую Россию» на отдельные независимые страны, в отдельности недостаточно сильные, чтобы противостоять чуждому влиянию.

План вручили Буллиту, причем все предприятие подготовляли в большом секрете, особенно от французов, — это еще раз подчеркивает английский характер документа.

В конце февраля Буллит уехал в Советскую Россию, где пробыл неделю, посетил Ленина и Чичерина, от которых и получил 14 марта 1919 г. ответ на предложение Англии и Америки.

В ответе Ленин в основном согласился на предложение Англии, только расшифровав некоторые пункты с целью максимального ограждения интересов Советской республики. Так по вопросу о долгах Ленин требовал, чтобы долги равномерно были распределены между всеми странами бывшей России, а русское золото, захваченное чехами и полученное союзниками от Германии, должно быть зачтено в уплату долга от Советской республики; в пункте 5, говорящем об амнистии, Ленин добавил, что союзные правительства амнистируют и тех своих подданных, которые помогали Советской России».[1]

С английским предложением Ленин поступил так же, как с Брестским миром. Ситуация поразительно напоминала начало 1918 г. Как тогда Германия, так сейчас Антанта была сильнее Советской республики, и наша задача состояла в необходимости добиться новой передышки. История работала на Советскую Россию, и не было никакого сомнения, что через известный промежуток времени контрреволюционные правительства Колчака, Миллера, Деникина и др., оставленные «союзниками», быстро бы пали под ударами восставших масс. В манере Ленина лишний раз сказывалась его уверенность, что контрреволюция держалась лишь поддержкой интервентов.

«Вот почему та политика, — так говорил Ленин на митинге 13 марта за день до вручения ответа Буллиту, — которую нам пришлось вести в течение Брестского мира, самого зверского, насильнического, унизительного, оказалась политикой единственно правильной. Я думаю, что не бесполезно вспомнить об этой политике еще раз теперь, когда похожим становится положение по отношению к странам Согласия, когда они все так же полны бешеного желания свалить на Россию свои долги, нищету, разорение, ограбить, задавить Россию, чтобы отвлечь от себя растущее возмущение своих трудящихся масс».[2]

Разница состояла лишь в том, что Брестский мир в свое время вызвал кризис в партии, а «Ллойд-Джорджевский мир» был принят единодушно. Если

[1] Так как ответ Ленина даже в XXIII т. Сочинений Ленина дан по книге Dennis, The foreign policies of Soviet Russia, № 1, p. 83—84, где он приведен не полностью, то мы помещаем его в приложении.

[2] См. также Ленин, Соч., т. XVI, изд. 1, стр. 98, 99, 415.

верить Буллиту, то не согласен был с маневром Ленина лишь Троцкий, — так глубоко использовала партия опыт Бреста.

Усвоили этот опыт однако и по ту сторону границы. Предложение Буллита, вернувшегося из России, выслушали, поручили ему даже написать политическую декларацию от имени союзнических правительств о перемирии, но на заседании мирной конференции не поставили — слишком далеко зашли разногласия внутри союзнического лагеря.

Англия и Америка попробовали добиться тех же целей не прямым путем заключения перемирия с Советской Россией, а при помощи плана Нансена об оказании продовольственной помощи Советской России и воюющим с ней контрреволюционным правительствам. Предполагалось условием оказания помощи сделать прекращение военных действий.

Но и этот план остался не выполненным.

Мало того, выступая в парламенте, Ллойд-Джордж заявил, что никаких переговоров он с большевиками не вел и все слухи об этом неверны. Такой цинизм даже в практике дипломатических отношений был настолько необычным, что члены английской миссии сочли своей обязанностью извиниться перед Буллитом, а последний в скором времени бросил свою дипломатическую карьеру.

«Хотя м-р Ллойд-Джордж, — так объяснил его поведение сам Буллит, — вернувшись в Лондон, намеревался сделать заявление в весьма благожелательном смысле в отношении мира с Россией, но оказалось, что лорд Нортклиф, действовавший через м-ра Стида, издателя «Times'a» и, м-р Уинстон Черчилль, британский военный министр, настроили против него консервативное большинство палаты общин, и члены палаты были готовы убить его на месте, если бы он попытался высказать в тот момент свое мнение о русской политике».[1]

К противодействию извне — протест Франции — прибавились трудности изнутри: консерваторы, составлявшие большинство палаты, резко выступили против переговоров, и Ллойд-Джорджу, лавировавшему между настроением широких масс и руководящим большинством парламента, пришлось уступить.

Была еще одна причина, заставившая положить под сукно предложение мирных переговоров — и причина, между прочим объясняющая весь смысл маневра. В Сибири Колчаку удалось продвинуться вперед на несколько десятков километров.

Вся империалистическая пресса снова завыла о неминуемости гибели большевизма, а представители контрреволюционных правительств засыпали министерства громкими реляциями о победах.

Продвижение Колчака меняло весь план.

«Момент был неблагоприятный, — так объясняет провал плана Черчилль. — Армии Колчака только что одержали крупную победу в Сибири. Бела Кун поднял коммунистическое восстание в Венгрии. Французское и английское негодование против торговли с большевиками достигло высшего пункта, советские предложения Буллиту, которые сами по себе были мошенническими (Черчилль забыл, что инициаторами были сами англичане и комплимент его относится к Ллойд-Джорджу. — *И. М.*), третировались презрительно. И те, которые «носили» на руках Буллита, сами же от него отказались».[2]

Вот какой инцидент имеет в виду Буллит. На вопрос Клайнса в парламенте, какие предложения были сделаны большевикам, Ллойд-Джордж ответил:

---

[1] По русскому переводу книги Буллита, стр. 449.

[2] Churchill, op. cit., p. 182.

«Мне кажется, я знаю, что́ имеет в виду мой уважаемый друг. Ходили слухи, что из России возвратился один молодой американец с некоторыми сообщениями. Не мне судить о ценности этого сообщения, но если бы президент Соединенных Штатов придавал ему какое-либо значение, то он представил бы его конференции, а он этого не сделал» («Parliamentary Debates»).

Но вернуться к старой политике вооруженной интервенции, как этого ни хотелось Черчиллю, уже не было никакой возможности.

Те мотивы, которые выдвигал Ллойд-Джордж на заседании Совета десяти — мятежи в армии — продолжали оказывать свое действие с несравненно большей убедительностью, ибо к ним присоединились новые: к армейским беспорядкам прибавились стачки. Ллойд-Джорджу то и дело приходилось покидать Париж и выезжать в Лондон для ликвидации стачек, вспыхивавших все чаще и упорнее. А под влиянием военных неурядиц и грандиозных забастовок поднималось настроение и в так называемом «общественном мнении» Англии: нервничать в парламенте стали не только «рабочие» депутаты, но и либералы и даже некоторая часть консерваторов.

Пришлось опять уступать и официально объявить в марте о выводе оккупационных войск из Советской России. Принципиальное признание необходимости вывести войска тем не менее еще не означало прекращения интервенции. Во-первых, самый вывод еще не был намечен, а во-вторых, отказавшись от вооруженной помощи, одновременно заявили о продолжении всякой помощи боевыми припасами, продовольствием и т. п. Мало того! То, от чего воздерживались весь предыдущий период — признание контрреволюционного правительства — сейчас стало фактом: 26 мая Англия, Франция, Америка и Италия сообщили Колчаку особой нотой, что готовы его признать. Русская контрреволюция получила наконец единый центр, которому и было поручено ликвидировать советскую власть.

Когда читаешь ноту Колчаку, которому поручалось ликвидировать большевизм, на первый взгляд может показаться, что точка зрения Франции победила: вся контрреволюция объединилась вокруг единого центра, центр этот признан союзниками, последние обязались поддерживать контрреволюцию всеми возможными материальными средствами, — словом, «единая, великая, неделимая Россия» снова занимает свое место в прежнем концерте держав.

Но такое впечатление рассеется при ближайшем же анализе ноты.

Нота признает, что союзники и после перемирия с немцами 11 ноября 1918 г. —

«удержали вооруженные силы в различных частях русской территории, отправляли туда вооружение и снаряжение, отправка которых потребовала значительных расходов».[1]

До перемирия вся эта деятельность считалась настолько законной, что о ней даже не упоминают.

Дальше нота сообщает, что союзники пытались вести мирные переговоры с большевиками, но,

«как и все предшествующие предложения, сделанные для того, чтобы облегчить страдания русского народа, последнее совершенно не имело успеха вследствие отказа советского правительства принять его существенные условия, а именно: приостановление всех враждебных действий» (!).

---

[1] АОР, ф. IV, д. № 1—7, ВПСО, 1919 г. О конструкции власти в Северной области, лл. 3—6. Нота перепечатана, кроме газет, в «Russian-American Relations», затем в книге Army, «The Evacuation of North Russia 1919». London 1920.

Мы только что видели, соответствует ли эта попытка свалить вину на большевиков действительному ходу вещей.

В силу этого, — продолжает нота, — союзники решили прекратить всякие мирные переговоры и оказать помощь Колчаку и действующим с ним сообща правительствам, «дабы оно утвердилось как правительство всей России».

Такое признание союзники готовы сделать при условии:

1. Достигши Москвы, Колчак созовет Учредительное собрание, избранное тайным, демократическим и свободным голосованием, или созовет старое Учредительное собрание, разогнанное большевиками.

2. Произведет выборы на тех же основаниях во все местные представительные учреждения.

3. Не восстановит привилегий какого-либо одного класса, т. е. не вернется к старому крепостническому режиму.

4. Признает независимость Польши и Финляндии.

5. «В случае, если соглашения не дали бы возможности достичь быстрого разрешения вопросов того же порядка между Россией, с одной стороны, и Эстонией, Латвией, Литвой, кавказскими областями или закаспийскими, — с другой, то урегулирование их будет произведено при сотрудничестве с Лигой наций. Правительство России, в ожидании урегулирования этих вопросов, соглашается признать эти области автономными и сообразовать свои отношения с ними с теми отношениями, которые могут быть между союзными и объединенными правительствами и фактическими правительствами в этих областях».

6. Мирная конференция займется судьбой «румынских частей Бессарабии».

7. Россия вступит в Лигу наций.

8. Державы принимают к сведению декларацию Колчака от 27 ноября 1918 г.

Итак, первым условием признания является созыв Учредительного собрания, — условие, выставленное под давлением демократических кругов населения Англии, Франции и др. и в свою очередь дающее возможность дурачить эти же круги, продолжая под его прикрытием старую политику помощи контрреволюции.

Второе основное условие помощи Колчаку — признание независимости всех стран, образовавшихся на территории б. России, — короче, то самое расчленение и раздробление России, которого Англия хотела добиться и Принцевыми островами и миссией Буллита. Такое условие оказалось бы целиком на-руку Англии на оба случая: в случае победы большевиков независимость всех перечисленных стран играла бы роль *санитарного кордона* от большевизма, в случае же победы Колчака эти же страны играли бы роль буфера между английскими колониями и русским государством и вместе с тем во много раз ослабили бы мощь и влияние «Великой России».

Таким образом и признание Колчака носит на себе значительные следы английского творчества.

Что это так, показывает реакция на ноту всех контрреволюционных образований.

Немедленно после ноты Колчаку Миллер, Юденич, Деникин и т. д. быстро обмениваются мнениями.

Северная Россия уже 1 июня передает представителю Франции свою официальную благодарность, а в то же время шлет телеграмму в Париж политическому совещанию.

«*Ультимативный тон обращения*, — телеграфировал Миллер, — и *включение некоторых явно неприемлемых условий*, по мнению Временного правительства Северной области и согласно впечатлениям от моих раз-

говоров с представителями держав, следует приписать внутренним политическим затруднениям самих западно-европейских держав и необходимостью считаться с требованиями крайних партий, поддерживающих большевиков. Можно надеяться однако, что путем переговоров и разъяснений удастся без труда редактировать условия в приемлемой для обеих сторон форме».[1]

Так это понял и Колчак, который в беседе со своими сотрудниками зло высмеял демократические гарантии ноты.[2]

Дальше Миллер изложил пункты, явно неприемлемые, которые были сообщены Колчаку.

1. Нельзя созвать Учредительное собрание по достижении Москвы, ибо предстоит еще успокоить всю страну; достаточно поэтому в качестве гарантии пообещать созыв Учредительного собрания, — первое возражение против ноты.

2. Ни в коем случае нельзя созвать старое Учредительное собрание 1917 г., ибо на сторону большевиков перешла группа Чернова (?), многие антибольшевистские члены собрания перебиты, следовательно, «изгнав большевиков силой, мы тотчас же добровольно передадим им власть снова». Обещание созыва Учредительного собрания 1917 г. приведет к ослаблению сил, идущих за Колчаком, и приведет к новой гражданской войне.

Что касается независимости всех указанных стран, то о Польше говорить не приходится, ибо мы уже признали ее независимость, вопрос же об остальных есть дело Учредительного собрания.

«Купить поддержку союзников ценой риска расчленения России и возвращения ее после отторжения Эстляндии, Латвии, Литвы, Кавказа, Средней Азии и части Бессарабии почти к границам допетровского времени неприемлемо и не вызывается необходимостью».

Таковы мотивы Миллера против военных пунктов ноты. Как видим, Миллер правильно оценил суть предложений Колчаку. «Поправки» Миллера оказались настолько типичными для всей контрреволюции, что Колчак в своем ответе союзникам от 4 июня 1919 г. повторил их полностью, — правда, без миллеровской мотивизации, но мы потому и воспользовались нотой Миллера, что в ней откровенно объяснены аргументы против ноты.

Спорное место в ответе Колчака имеет такой вид:

«Мы согласны признать de facto существующее правительство в Финляндии, но окончательное решение финляндского вопроса должно принадлежать Учредительному собранию.

Мы склонны сейчас же подготовить решение вопроса о судьбе национальных групп в Эстонии, Литве, Латвии, на Кавказе и в закаспийских странах, и мы имеем все основания полагать, что правительство быстро выработает меры для обеспечения в настоящее время автономии различных национальностей. Вполне понятно, что границы и условия создания национальных образований будут вырабатываться в каждом отдельном случае.

В случае возникновения каких-либо трудностей при решении этих вопросов правительство готово прибегнуть к сотрудничеству Лиги наций в деле достижения удовлетворительного разрешения.

Вышеуказанные принципы, включая ратификацию соглашения Учредительным собранием, естественно относятся и к бессарабскому вопросу».[3]

---

[1] АОР, ф. IV, д. № 1—7, л. 10.
[2] «Белое дело», т. I, стр. 83.
[3] «Russian American Relations», p. 342.

12 июня 1919 г. ответ Колчака был признан удовлетворительным, и ему снова была обещана помощь «союзников».

Но Англию ответ Колчака несомненно немного расхолодил. Лишь в свете такого объяснения можно понять всю дальнейшую политику Англии. Пообещав помощь Колчаку, Ллойд-Джордж однако не спешил с реализацией обещания. И мы опять видим Черчилля и пришедшего к нему на помощь Керзона бомбардирующими премьера новыми меморандумами с требованием более решительной и внушительной поддержки русской контрреволюции.

Эта же догадка подтверждается и поведением оккупационных войск на севере России.

В марте их обещали убрать, но увезли их только в самом конце сентября, а если считать и Мурманск, то в октябре 1919 г., — таково расстояние между принципиальным признанием и фактическим выполнением. Пользуясь тем, что эвакуация войск была оставлена в руках штаба, Черчилль под предлогом обеспечения эвакуации, послал на Север России еще 2 бригады свежих войск по 4 тыс. каждая, из добровольцев, прежде служивших в армии. [1] Новым бригадам была дана задача — сильным ударом отбросить большевиков и добиться соединения северных войск с колчаковскими армиями.

Но Черчилля и тут поджидала неудача: Колчак быстро отступал под натиском Красной армии, и соединиться с ним можно было только где-нибудь за Уралом, притом отнюдь не со стороны Котласа.

Битой оказалась последняя карта, и 4 августа 1918 г. в Архангельск прибыл ген. Раулинсон, специалист по эвакуации.

Вместе с ним для обеспечения эвакуации прибыло 3 пехотных батальона, пулеметный батальон, батальон моряков, инженерная рота, 2 батареи и 5 танков, — так мало доверяли русским войскам.

Раулинсон предложил эвакуироваться и всем русским войскам, а также всем гражданам, опасающимся большевистской мести.

Начав эвакуацию, Раулинсон выделил известное количество запасов на наличный состав русской армии, а остальное стал грузить в Англию, либо просто топить. Из 5 танков Раулинсон оставил только 2, да и то после долгих настояний русских властей, жаловавшихся в Лондон. Русские власти просили оставить 15 тыс. шинелей, Раулинсон обещал 2 500, но оставил только 500.

Англичане отказались оставить на Севере сербский батальон, согласившийся сражаться против большевиков, и запретили офицерам и солдатам

---

[1] Churchill, op cit., p. 238. «Если бы мы не были глухи к этим безответственным рассуждениям, — говорит Черчилль о бурных сценах, устроенных оппозицией в парламенте, — и достаточно тверды, чтобы предпринять непопулярные шаги, новые войска не были бы посланы».

Ген. Головин в письме к Миллеру так описывает свой разговор с Черчиллем:

«В парламенте он (Черчилль. — *И. М.*) заявил, что для выполнения эвакуации Севера нужны свежие силы. Под этим предлогом он пошлет до 10 тыс. волонтеров, которые заменят уставшие части, в особенности же деморализованные американские и французские войска, что самое время начала эвакуации он отложит на неопределенное время (по не будет об этом говорить), что он согласен на то, чтобы помощь прибывших британских частей проявилась активно».

Письмо опубликовано в архангельском журнале «Рабочее Звено», январь 1923 г., и переведено на немецкий язык.

английской армии, подлежащим демобилизации, переходить на службу в русскую армию.

«Вообще с его стороны, — так телеграфирует Миллер в Лондон, — было проявлено полное безразличие к наилучшему обеспечению населения и войск, выразившееся в уничтожении и потоплении массы ценных грузов вместо передачи их нам». [1]

Одно объявление, расклеенное по всему городу, ярко характеризует настроение англичан.

«Эвакуация гражданского населения производится исключительно для того, чтобы дать ему возможность спастись от бед и последствий, могущих произойти после ухода британских войск».

Тут, с одной стороны, сами англичане признали, что без британских войск сопротивление русской контрреволюции безнадежно, а с другой стороны, любопытна настойчивость, с которой проводили в жизнь решение.

Колчак не дал гарантий тому, что английский план будет реализован, а в таком случае нет смысла продолжать предприятие: 27 сентября английские войска покинули Архангельск, а 12 октября скрылись за горизонтом последние британские суда, вышедшие из Мурманска.

3. Неудача интервенции.

По официальному докладу генерального штаба парламенту, англичанами израсходовано: [2]

	От 11 ноября 1918 г. до 31 октября 1919 г.	От 1 ноября 1918 г. по 31 марта 1920 г.	Всего
	В тысячах ф. ст.		
Британские морские и сухопутные операции:			
а) наличными и рыночными товарами . . .	20 050	3 154	31 204
б) нерыночная амуниция и товары для русских	244	—	244
Помощь русской армии:			
а) наличными и рыночными товарами . . .	18 628	2 758	21 386
б) нерыночная амуниция и товары для русских	2 709	430	3 139
Итого	4 631	6 342	55 973

Из этой суммы, примерно в 500 млн зол. руб., на одну экспедицию на Севере англичанами было затрачено: [2]

[1] АОР, ф. IV, д. № 50-в. Телеграммы Миллера №№ 1595, 1603, 1681, 1731.

[2] Army, Statement of Expenditure on Naval and Military operations in Russia. 1920. Presented to Parliament by command of his Majesty.

Британских морских и сухопутных операций, связанных с оккупацией в Северной России:

Расходы по армии	Морской транспорт	Деньги Временному правительству	Пища и снабжение русских войск	Припасы и товары русским		Всего
				Рыночных	Нерыночных	
9 447 000	3 160 000	1 350 000	2 500 000	1 762 000	294 000	18 463 000

Сюда нужно прибавить 133 тыс. ф. ст., затраченных после 31 октября 1919 г., а всего 18 596 тыс. ф. ст.

Что касается живой силы, то число солдат, принимавших участие в экспедиции, достигало следующих цифр:[1]

	Британ.	Союзн.
Офицеров	2 491	562
Солдат	26 485	12 902
	28 976	13 464
	Всего . .	42 440

Таковы *официальные* сведения, данные парламенту. Но 2 ноября 1919 г. сообщалось в «Army White Paper», что до 31 октября 1919 г. было затрачено 79 830 тыс. ф. ст., куда нужно прибавить 15 млн. ф. ст., о посылке которых Деникину говорил в Нижней палате Черчилль 29 октября 1919 г. Из этой суммы на северную экспедицию было затрачено 23 135 тыс. ф. ст., т. е. более 200 млн. руб. золотом. Если здесь нет прямого укрывательства, то следует полагать, что в докладе парламенту в 1920 г. очевидно не фигурируют нерыночные припасы и предметы снабжения, под которыми понимаются оставшиеся после войны и ненужные английскому правительству товары, не имеющие сбыта. Практика англичан отнюдь однако не заставляет нас верить цифрам 1920 года: не надо забывать, что общественное мнение Англии в 1920 г. открещивалось всякими правдами и неправдами от интервенции; в расчеты правительства входило поэтому преуменьшение расходов. Но и в таком сокращенном виде они достаточно говорят за себя.

«Огромные суммы денег и значительные силы были использованы союзниками против большевиков в течение года, — так писал Черчилль в меморандуме от 15 сентября 1919 г., снова требуя решительной помощи, на сей раз уже Деникину. — Британия понесла жертву около 100 млн. (фунтов), Франция — от 30 до 40, Америка поддерживает и все еще содержит 8 тыс. солдат в Сибири, японцы имеют армию от 30 до 40 тыс. в Восточной Сибири... Армии Колчака, экипированные главным образом британским снабжением, достигли в мае цифры в 300 тыс. человек. Армии Деникина (которому, добавим от себя, было послано с июня 1919 г. 250 тыс. ружей, 2 тыс. пушек, 30 танков и огромные массы амуниции и припасов.—*И. М.*) насчитывают $^1/_2$ млн. бойцов. Кроме того имеются финны, которые могут выставить в поле 100 тыс. человек. Имеются также эстонцы, литовцы, латыши, выдерживающие фронт от Балтийского моря до Польши. Наконец, имеется полная сил Польша, и помощь может быть получена из Румынии и в известной степени из Сербии и Чехо-Словакии».[2]

[1] Army, The Evacuation of North Russia 1919, London 1920.
[2] Churchill, op. cit., p. 256.

таков размах предприятия и тех сил, которые были или могли быть вовлечены в него.

Чем же объяснить мизерность, если можно их признать мизерными, результатов в сравнении с огромными затратами?

В ряду причин, объясняющих неудачу интервенции, надо раньше всего отметить героическую борьбу широких трудящихся масс, руководимых пролетариатом советских стран и его партией. Сопротивление масс, расценивавшееся союзниками в первый период интервенции весьма низко, росло по мере хода гражданской войны. Вначале полагали, что 20 — 30 тыс. антантовских солдат могли бы привести быстро в соответствующий вид страну Советов.

«Я все же думаю, — писал Черчилль, — что 20—30 тыс. смелых, толковых, хорошо вооруженных европейцев могли бы без особых серьезных затруднений или потерь очень скоро пройти вдоль одной из больших железнодорожных линий, идущих к Москве, и заставили бы принять решительное сражение любую силу, стоящую на пути».[1]

«...Но, — так объясняет Черчилль неудачу задуманного плана, — 20—30 тыс. смелых людей не существовало или они не могли быть собранными вместе».

В начале 1919 г. уже 150 тыс. казалось мало, по крайней мере Фрэнсис, предложивший новый план интервенции — каждая страна посылает по 50 тыс. солдат для охраны своего посольства в России, отнюдь не для вмешательства во внутренние дела Советской страны, — настаивал на 180 — 200 тыс. Ллойд-Джордж называл цифру в 300—400 тыс., а к середине 1919 г. в дипломатических кругах фигурировала уже цифра в 500 тыс. солдат.

Героические страницы, вписанные Красной армией в историю интервенции и гражданской войны, сами говорят о том, насколько сопротивление Советов оказалось недооцененным «союзниками», а быстрый рост только что названных цифр указывает на ту поправку, которую «союзники» вынуждены были ввести в свои расчеты.

Второй, не менее важной, причиной крайне слабого продвижения вперед было настроение солдат оккупационной армии.

Военный атташе американского посольства, скорее скрашивающий, чем преувеличивающий свои наблюдения, вернувшись 15 октября с фронта, доложил Фрэнсису, что американские солдаты чрезвычайно разочарованы экспедицией, а французы еще резче выражали свое отношение к экспедиции.

«Французы, услышав о перемирии, открыто заявили, что они не будут больше сражаться в России, раз во Франции прекратилась война, потому что они не считают необходимым сражаться за британские интересы в России».[2]

Все же категорические уверения атташе в том, что война еще не кончилась, не подняли настроения, но удержали солдат от более резких выражений неудовольствия, чем ропот.

Автор дневника боевых действий, к свидетельству которого мы уже прибегали, рассказывает, к каким мерам приходилось прибегать англичанам, чтобы двинуть свои войска в бой.

«Выясняется, — записывает он 7 апреля 1919 г., — что полковник Морисон, боясь ухода с позиций своих солдат, приказал прапорщику Баженову занять со своими пулеметами дорогу и в случае надобности стрелять. Прапорщик Баженов приказание исполнил».[3]

[1] Churchill, op. cit., p. 234.
[2] Francis, op. cit., p. 294.
[3] АОР, ф. XLI, оп. 6, д. 316, лл. 2 — 23.

Вести в бой войска под угрозой пулеметов — значит заранее обречь на неудачу атаку.

Разложение оккупационных отрядов вынужден признать и командовавший ими ген. Мейнард.

В феврале 1919 г., — передает генерал, — произошло первое восстание в оккупационных войсках — французы отказались сражаться, и их так и пришлось сменить и отправить на родину. Но это было только первое восстание, а за ним последовал целый ряд непорядков, отказов сражаться и даже заговоры. 22 января недовольные солдаты подожгли барак с припасами на станции Кандалакша. В феврале сожгли самый большой барак в Мурманске, причем погибли четыре офицера. В январе в Мурманске были убиты два английских офицера, а на двух в разное время было произведено покушение и т. д.[1]

Ген. Мейнард приписывает все эти факты деятельности местных большевиков, но если местные большевики под двойным террором — иностранных военно-контрольных пунктов и белых контрразведок — находили доступ и ответ в союзных войсках, то, видно, дисциплина в них резко пала, а настроение несомненно поддавалось революционному влиянию.

Подтверждает этот факт и ген. Марушевский, от которого такие факты тщательно скрывали, но к нему же прибегали за пулеметами, из чего собственно генерал и делал вывод о неповиновении и беспорядках в иностранных войсках.

Добавим наконец, что об этих беспорядках в оккупационной армии говорил и Ллойд-Джордж на заседании Совета десяти. В гражданской войне, где от настроения армии зависит $^9/_{10}$ победы, с такими разочарованными отрядами далеко не уйдешь. Оккупационная армия в самом деле только топталась на месте, окопавшись под прикрытием тяжелых орудий. Ни на одном другом участке гражданского фронта война не носила такого позиционного характера, как здесь. Всерьез англичане не предпринимали ни одной большой операции. Только смена французских и частью американских солдат и замена их добровольческими отрядами, укомплектованными выбитыми из колеи солдатами Англии, не находившими себе применения в мирной жизни, как будто развязала руки английскому командованию, и оно попыталось выполнить свои хвастливые заявления о движении на Вологду и соединении с Колчаком. Но из этой попытки ничего не вышло уже по другим причинам.

Огромное значение в деле неудачи интервенции играли революционные настроения рабочих в «союзнических» странах, о чем уже упоминалось.

Революционное настроение росло и крепло с каждым днем настолько, что всякие конкретные шаги по продолжению интервенции должны были обставляться самой глубокой тайной.

Ген. Головин в своем письме Миллеру рассказывает, что Черчилль избегал какой бы то ни было встречи с представителями русской контрреволюции, и Головину приходилось вести с ним беседу через третье лицо. Когда же беседа, наконец, состоялась, то Черчилль несколько раз просил сохранить все в тайне.

Ряд стачек, прокатившихся по стране, могучее политическое движение, шедшее под лозунгом «руки прочь от России», являлись реальным подтвер-

[1] Maynard, op. cit., p. 190.

*

ждением той мысли, которую неустанно повторял Ленин, что международный пролетариат придет на помощь русской революции.

«6 января, — так оценивает положение кн. Львов, — мы телеграфировали местным правительствам об усилении демократических идей после войны, закончившейся победой демократии. Ныне политическое совещание считает своим долгом осведомить вас о дальнейшем росте их авторитета в международной конъюнктуре. Их общественное мнение приобретает все большую силу и влияние и становится требовательнее. Под их влиянием идут работы конференции»...[1]

Князь забыл только добавить, что основой этого демократического движения являлся бурный рост рабочего движения.

Другой наблюдатель рисует положение Франции в таких красках, что оно напоминает нам предоктябрьскую Россию.

«Предвыборная кампания, — так писал Деникину ген. Щербачев, — явно разделила всех избирателей на два определенных лагеря: открытых большевиков, считающих переживаемый момент не «выборным», а «революционным» периодом, и антибольшевиков, составивших один блок всех буржуазных и части умеренно-социалистических партий».[2]

Генералу, пережившему русский 1917 г., снится уже создание французской Красной армии:

«Большевистская партия уже открыто и всенародно вербует адептов в Красную гвардию, пока не вооруженную, но организующуюся по русскому рецепту, и кадрам которой уже присвоено название «народных легионов».

Если русский генерал, который хочет показать, что несмотря на указанные выше факты, «в палате будет большое преобладание партий порядка», что Клемансо охотно будет помогать русской контрреволюции, — рисует такую картину неустойчивого положения и подъема революционной волны, то трудно себе представить, что чувствовали те, кто стоял на этой зыбкой почве.

Подъем революционной волны и рост революционного настроения пролетариата были одной из решающих причин, помешавших довести до конца решение империалистов.

Была однако еще одна причина, значения которой нельзя недооценивать. Противоречия внутри союзного лагеря давно стали общим местом: на наших глазах созрел сейчас англо-американский конфликт, а англо-французский не сходит до сих пор со страниц газет. Но и в оккупации окраин России они играли очень видную роль. Мы помним, что, посылая, скрепя сердце, Японию занимать Владивосток, Америка и Англия постарались послать и свои, хотя и небольшие, отряды. На Севере тоже были не одни англичане: бок о бок с ними дрались отряды из английских доминионов — канадцы, австралийцы, затем американцы, французы, сербы, даже итальянцы, с их плащами, совсем не подходящими к суровой зиме Северной области, и наконец отряд добровольцев-датчан. Тут, таким образом, осуществлена была полностью именно союзная интервенция, где были представлены все союзные государства. Ответственность за поведение войск лежит в одинаковой степени на всех представленных государствах,—Англия только возглавляла экспедицию. Тем интереснее проследить их взаимоотношения.

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, д. № 4. Секретная телеграмма посланника в Париже на имя Зубова, заместителя председателя ВП, Париж, 15 марта 1919 г., № 454.

[2] Там же, инв. № 23, арх. № 1 — 16, лл. 91—97. Военный представитель верховного правителя при союзных правительствах и командовании, Париж, № 11 565.

Уже на первом заседании союзных послов с председателем Верховного управления Северной области прорвалось наружу противоречие. Чайковский добиваясь признания правительства, напомнил, что уже в прошлом году была достигнута общая точка зрения в переговорах Астрова и Авксентьева с представителями французского правительства. [1] Французский посол от прямого ответа увильнул, пробормотав, что его представители присутствовали лишь в качестве простых зрителей.

«Создалось довольно неудобное положение, — докладывал Чайковский, — американский посол, выслушав внимательно сделанное заявление, выразил свое удивление по поводу отсутствия у него сведений о переговорах, происходивших с Союзом возрождения; английский как будто тоже присоединился к взгляду своего коллеги, так как им обоим не были известны те авансы, которые давали французы при предварительных переговорах».

Оказывается, что, направляясь в поход против Советской республики, союзники вели подготовку, каждый в отдельности, тщательно следя друг за другом, ибо у каждого были свои намерения. Становится понятной несколько странная позиция, например американского посла, который как будто брал на себя роль умиротворяющей стороны между населением и англичанами: после реакционного переворота 5 сентября к нему посылались делегации и резолюции вернуть правительство эсеров; он же настоял перед ген. Пулем на возвращении Чайковского и вообще следил, как мы указали выше, за деятельностью англичан. Дело кончилось тем, что ген. Пуль уехал, в Англию, заявив, что кто-либо из них двоих — Фрэнсис или Пуль — должен уйти, [2] так часто Фрэнсис вмешивался в его деятельность. Еще пикантнее факт присылки французами товаров в Северную область: не имея возможности прислать что-либо ценное, но не желая и отставать от англичан, захватывающих в свои руки торговлю, французы прислали... шампанское для продажи зырянам!

Этими противоречиями пользовалось северное правительство, отстаивая свое самостоятельное существование. Само собой разумеется, что эти противоречия совсем не помогали добиться определенных решительных результатов, мешали единству действий.

В основе этих чисто местных столкновений несомненно лежат противоречия империалистических противников Америки и Англии.

Однако не они задавали тон. Гораздо глубже на этом периоде оказались разногласия между Францией и Англией.

Для Франции, вышедшей из войны с потерями, во много раз бо̀льшими, чем у любого другого союзника, если не считать России, притом имевшей рядом с собой разбитого, но сохранившего всю свою экономическую мощь противника, вопрос новой империалистской драки с Германией был весьма актуальным вопросом. Ее собственный исторический опыт — франко-прусская война — говорил, как мало гарантии таят в себе всякие договоры и контрибуции. Пятимиллиардную контрибуцию сама Франция выплатила в несколько лет, а ведь Германия отнюдь не разрушила своих производствен-

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, д. № 3, журнал № 13, л. 40. Доклад Чайковского Верховному управлению. В этом факте ценны и переговоры эсеров с французами и участие в этих переговорах кадета наряду с эсером.

[2] Francis, op. cit. p. 290—298.

ных возможностей. Даже воевала Германия на чужой территории, в то время как весь север Франции представлял собой кладбище.

Единственной гарантией оставался бронированный кулак. Таким кулаком могла бы явиться крепкая, великая Россия, притом на поводу у Франции, которая (Россия) могла ударить на Германию с тыла, если бы та вздумала брать реванш. Это определяло политику Франции во весь период гражданской войны и после, когда, потеряв надежду на восстановление России, Франция заменила ее Польшей.

«Единая, великая, неделимая, но зависимая от Франции» Россия — таков лозунг, который находил поддержку Франции. И вся ее практическая деятельность наполнена попытками создать такое положение: поставить в зависимость от себя, но восстановить крепкий кулак по восточную сторону от Германии, — эту попытку можно проследить в любом документе, исходящем от Франции.

Для Англии создание великой России означало восстановление противоречий, над разрешением которых английская дипломатия билась почти целое столетие — противоречий на Востоке.

За время революции и особенно гражданской войны англичане прибрали к рукам все те страны, в которых до сих пор приходилось делить влияние с Россией. Афганистан англичане превратили фактически в свой форпост, нависший над Туркестаном. В Персии ликвидировали полностью англо-русский договор 1907 г., отдававший северную часть Персии под контроль России. По новому соглашению с Персией, заключенному в 1919 г., Англия полностью закрепила свое преобладание. Напомним только наиболее важные пункты соглашения: Англия посылает в Персию специалистов по всем отраслям для несения службы в правительственных учреждениях; Англия снабжает Персию необходимым военным вооружением и командирует в Персию своих военных инструкторов; Англия заключает для Персии заем. Армия, финансы, транспорт и внутренняя политика попали полностью в руки Англии. Недаром французская печать в сентябре 1919 г. так бесновалась вокруг договора.

На Дальнем Востоке, в Китае, в связи с уходом России, позиции Англии значительно окрепли, а на Ближнем Востоке о Константинополе давно перестали говорить всерьез, как о призе России.

Все эти достижения дались Англии без тех жертв, каких они потребовали в другое время; гражданская война в России — основная причина успехов Англии.

Возврат «единой великой России» делал эти достижения спорными, снова поднимая все прежние противоречия.

Что возрожденная старая Россия предъявит к уплате векселя, на которых давно написано: Константинополь, раздел Персии и т. п., — в этом англичане не сомневались, так как имели курьезное, но все же любопытное доказательство. Политическое совещание в Париже, состоявшее из политических трупов (Сазонов, Маклаков, Чайковский, кн. Львов и др.), не представлявшее никакой России, пыталось явиться на Версальскую конференцию с требованием... не Константинополя — этот приз давно улыбнулся русской дипломатии, — а контроля над проливами.

Для Англии поэтому положение, созданное гражданской войной, должно было остаться надолго. Раздробленная на части, независимые друг от друга,

а потому легко натравливаемые друг на друга, отдельные, а потому слабые и легко поддающиеся зависимости от экономически крепкой Англии, —такую фигуру мыслила Англия на месте прежней царской, великодержавной России.

И эту политику можно легко проследить опять-таки на любом шаге Англии. Мы уже не раз иллюстрировали английскую политику на ряде конкретных моментов: и на политике Принцевых островов и на отношении к Колчаку. Возьмем еще ее поведение на севере России, в особенности ее отношение к национальному вопросу.

Летом 1919 г. население пяти карельских волостей, выделив карельское временное правительство, с местонахождением в Ухте, отказалось подчиняться архангельскому правительству и подняло вопрос о самостоятельном существовании Карельского национального государства. В этом сепаратистском движении, понятно, играли большую роль финны, зарившиеся на мурманскую дорогу с выходом к незамерзающему порту: одним из условий своего выступления против большевиков финны всегда ставили, наряду с признанием национальной независимости, получение выхода в океан, обычно Печеньгу.

Но помимо них выступает на сцену и другой подстрекатель.

Еще осенью 1918 г. английский полковник Вудст, под руководством ген. Мейнарда, командовавшего союзными силами в Мурманске, организовал карельский батальон из местных жителей.

С возникновением архангельского правительства был поднят вопрос о ликвидации отряда, так как предполагалась всеобщая мобилизация всего населения, но полковник Вудст «всячески отстаивал обособленность своего отряда, подчеркивая его карельский национальный характер». [1]

Эмансипировавшиеся под руководством англичан карелы разошлись по домам, отказались служить в архангельских частях, ссылаясь при этом на свои национальные права, и организовали свое национальное государство.

16 — 18 февраля группа карел устроила совершенно секретное заседание, на котором постановила провозгласить Карелию самостоятельной страной, оставив вопрос о присоединении Карелии к России или Финляндии на разрешение карельского учредительного собрания.

То же собрание избрало Карельский народный комитет, которому поручило послать двух делегатов на мирную конференцию в Версале добиваться признания от держав мира самостоятельности Карелии и начать одновременно переговоры с правительством Северной области, с Финляндией и советским правительством.

Собрание наконец наметило сроки и условия выборов карельского учредительного собрания. [2]

Поведение англичан во всей этой истории не оставляет сомнений в том, что предприятие было организовано если не самими англичанами, то уж несомненно с их ведома.

Само собрание, объявившее независимость Карелии, послало свой протокол на утверждение или для сведения высшему союзному командованию, т. е. англичанам.

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, д. № 24. Телеграмма Миллера Сазонову в Париж, л. 288, 26 ноября 1919 г.

[2] «Вестник ВПСО» № 107 от 17 мая 1919 г.

У нас имеются сведения и более конкретного характера: англичане не пускали в карельские волости представителей Онежского земства, посланных производить выборы в земство. [1]

Что англичане имели прямое отношение к карельскому вопросу, не скрывало и Временное правительство Северной области, сообщая об этом в Париж подробными и частыми телеграммами.

На процессе эсеров Паскаль, работавший во французской миссии, сообщал, что для ослабления России считалось необходимым создавать национальные образования и национальные армии на окраинах, развязать национальные противоречия и тем ослабить страну. [2]

Англичане именно этот план и выполняли с поразительным упорством: фактически владея Северной областью, англичане выкраивали самостоятельное государство, натравливали его на Временное правительство, объективно отвлекая его тем самым от общей борьбы против большевиков как раз в момент наиболее благоприятный для победоносного движения к красным столицам.

Вернее было бы сказать, что этот самый благоприятный момент консолидации противобольшевистских сил, рост белогвардейской мощи и сплоченности заставляли англичан усиливать деятельность по расчленению России.

В самом деле, мы можем привести весьма характерное подтверждение этому противоречивому положению.

Ген. Нокс, к этому времени представлявший английские военные интересы при Колчаке, передал ему приказание от британского военного министерства, посланное 3 июня.

В телеграмме англичане предлагают положить конец неопределенному положению в прибалтийских странах, где порядок все еще поддерживается германскими войсками.

Ссылаясь на статью 12 перемирия, по которой немецкие части должны быть заменены местными организованными силами, англичане предлагают немедленно приступить к созданию таких частей, обещая для этой цели выслать на помощь британскую военную миссию, урегулировать вопрос о финансах, выслать оружие и продовольствие как русским войскам, так и населению.

Это приказание само по себе представляет огромный интерес, подтверждая роль англичан в создании, организации и поддержке русской контрреволюции, но особый интерес представляет 5-й пункт телеграммы.

«Союзники, — гласит этот пункт, — считают крайне нежелательным всякое движение финских частей к Петрограду и вообще в глубь русской территории». [3]

Англичане запретили финнам принимать участие в ударе на Петроград и тем поставили самый успех удара под большой вопрос. Это парадоксально, но все же отказ усилить удар против Питера остается фактом, и понять его можно только на фоне вышеизложенных противоречий.

Взятие Петербурга финнами усилило бы Колчака. Вместо отдельных раздробленных, а потому и слабых, окраинных правительств англичане имели

---

[1] АОР, ф. XXIX, оп. 5, д. № 6, л. 91.
[2] Дело эсеров, т. III, показания Паскаля.
[3] АОР, ф. XVII, оп. 1, д. № 19, л. 25.

бы прежнюю единую Россию, а с нею и все прежние англо-русские противоречия. Англичане поэтому отказываются от реальной поддержки окрыленной недавними победами финской армии, стоявшей в нескольких переходах от Петербурга и готовой нанести удар советским войскам, лишь бы не чрезмерно усилить противобольшевистский фронт, получающий со взятием одной из столиц огромной важности плацдарм для развертывания.

Тот, кто желал быть в Петербурге, не ограничился бы требованием контроля над проливами, как об этом писало политическое совещание, а вероятно вспомнил бы рано или поздно еще о ряде восточных проблем, одно воспоминание о которых приводило англичан в трепет.

Это предположение своей парадоксальностью, — а читателю, надеемся, нечего разъяснять, что буржуазная наука парадоксальностью называет то, что мы с читателем считаем диалектикой, — вызвало известное сомнение в нашей прессе. [1] Но это предположение подтверждается еще целым рядом фактов того же порядка.

Ген. Марушевский был отправлен из Архангельска в Гельсингфорс для переговоров с ген. Маннергеймом о совместном ударе против Петербурга.

В Финляндии он посетил английского генерала Гофа, которому рассказал о своем поручении.

«Ген. Гоф, — так описывает Марушевский влияние своего сообщения, — начал быстро развивать идею о полной неспособности Финляндии в данный момент выставить сколько-нибудь значительную армию, снабженную всем необходимым. В особенности он указал на невозможность мобилизации достаточного числа артиллерийских единиц». [2]

Ген. Гоф сознательно лгал, ибо несколько часов тому назад сам Маннергейм предлагал выставить армию до 100 тыс. солдат под известными конечно условиями, среди которых фигурировало в первую очередь признание независимости Финляндии.

Любопытно, что Колчак, который так резко выступал против признания независимости Финляндии, выступил однако против приказания Нокса не двигать финнов к Петербургу. В ответ на приведенную нами выше телеграмму Колчак писал: [3]

«Что же касается движения финских войск на Петербург, то правительство не усматривает причин, по которым следовало бы этому препятствовать, считая такую операцию крайне желательной, при непременном конечно условии участия русских войск и установления в занятых местностях русской администрации, подчиненной ген. Юденичу».

В следующих пунктах Колчак снова оговаривает, что такое участие финнов не должно давать им повода на какие-либо политические притязания, так как взаимоотношения Финляндии в Российского государства будут разрешаться в целом, а не в зависимости от временных обстоятельств.

Как видим, предложение англичан противоречило прямым и непосредственным интересам опекаемой ими русской контрреволюции.

Англичане настолько упрямо выступали против привлечения финнов, что мешали ген. Марушевскому сообщать в Архангельск сведения о ходе переговоров с Маннергеймом.

---

[1] См. напр., статью Гермониуса в жур. «Историк-марксист».
[2] «Белое дело» (по русск. пер.), стр. 226.
[3] АОР, ф. XVII, оп. 1, д. № 19, лист тот же.

Чтобы покончить с этим инцидентом — еще один факт.

Для участия в операции под Петербургом русские власти предлагали использовать русские миноносцы, но

«на мое представление о желательности участия русских миноносцев в балтийской операции, — так сообщает бывший русский посол Набоков из Лондона, — английское министерство иностранных дел ответило отзывом министра, что означенные суда тихоходные и нуждаются в ремонте и что присутствие их в Балтийском море могло бы послужить предметом тревоги для английского морского командования». [1]

Английское командование по простоте душевной понимало свою задачу весьма просто: ликвидировать большевиков, — и крайне удивлялось поведению дипломатов и странному изгибу их политики.

Ген. Радклиф, один из чинов генерального штаба, в беседе с ген. Головиным, [2] представителем белогвардейского правительства, на просьбу последнего произвести давление на Эстонию, мешающую формировать русские войсковые части, сказал, что он лично целиком и полностью согласен с ген. Головиным, высказавшимся против эстонской независимости, но «это зависит не от нас (военных. — *И. М*), а от дипломатии».

Дипломатия же принуждена была лавировать между укреплением большевизма и угрозой возрождения единой реакционной России. И то и другое одинаково не отвечало ее стремлениям, поскольку на сцене появлялось крупное государственное соединение, в обоих случаях имевшее тенденцию вмешиваться в восточные дела Англии. Отсюда та поразительная смена настроений, выражавшаяся то в помощи Колчаку и Деникину, то в приглашении большевиков на Принцевы острова.

Приглашение большевиков и антибольшевистских сил на конференцию едва ли меньше, чем запрет финнам участвовать во взятии Петербурга, объясняет политику англичан. Это приглашение, чрезвычайно странное с точки зрения противобольшевистской борьбы, в основе своей имело стремление сохранить то фактическое состояние раздробленности России, когда часть страны находилась в руках большевиков, а часть — во власти многочисленных белогвардейских групп.

Не случайно ведь то обстоятельство, что эвакуировались англичане в конце сентября, как раз в период расцвета сил Деникина, быстро продвигавшегося к Москве, хотя стратегическая обстановка на фронте требовала сохранения угрозы над Москвой со стороны Вологды: продолжение кампании на Севере слишком укрепило бы Деникина, так как — кто знает? — возможно, помогло бы взять Москву.

Основной своей задачей английская дипломатия считала расчленение бывшей царской России на ряд мелких самостоятельных национальных государств. Такая политика снимала с очереди дня вопрос о противоречиях на Востоке, уничтожая крупнейшего конкурента, и к тому же открывала широчайшую возможность экономической эксплоатации слабых, мелких государств.

Такая политика требовала закрепления условий, созданных гражданской войной, диктовала сохранение и углубление самой гражданской войны.

С этой целью англичане поддерживали русскую контрреволюцию и прямым

---

[1] АОР, ф. XVI, оп. 1, д. № 27, л. 76.

[2] Письмо ген. Головина ген. Миллеру от 7 мая 1919 г.

вооруженным вмешательством и помощью всякими боевыми и продовольственными материалами. Притом они поддерживали и укрепляли наиболее реакционные группы, ибо последние, во-первых, имели вполне реальную силу — многочисленное офицерство, а во-вторых, в гораздо меньшей степени были заражены всякими патриотическими иллюзиями и готовы были ради создания старой России, с помещичьим преобладанием в политике и экономике страны, итти на крупные жертвы.

Но, оказывая помощь реакции, по мере роста своих сил повышавшей свои требования, англичане своими же руками создавали ту Россию, которая в продолжение всего XIX и начала XX вв. угрожала колониальному влиянию Англии на Востоке. Чем ближе подходили реакционные генералы к центру России, тем реальнее становилась тень царской России, маячившей за спинами царских генералов, со всеми ее восточными проблемами, но тем менее действительной становилась английская помощь, тем быстрее отворачивалась она от своего недавнего протеже.

Отворачиваясь от покровительствуемого ими правительства, англичане вовсе не прекращали своей борьбы против советской власти, представлявшей, но конечно в совершенно ином виде, огромную угрозу самому существованию — в том числе и восточной политике — Англии, — речь шла о революционизирующем влиянии Советской страны, об успехах разрешения национального вопроса, о победном строительстве социализма, одним своим фактом революционизировавшем пролетариат Запада и поднимавшем на восстание против империализма миллионы колониальных и полуколониальных рабов Востока.

Не сломив Советы в прямой борьбе, Англия на данном этапе видела свое спасение в ослаблении Советской страны поддержкой гражданской войны и в окружении ее рядом независимых государств, недостаточно сильных для конкуренции с англичанами на Востоке, но достаточно слабых, чтобы играть роль зависимых вассалов в руках Англии.

Тайну интервенции выдал ее вдохновитель Ллойд-Джордж в своей парламентской речи по поводу керзоновского ультиматума:

«Мы говорим относительно революционного и царского правительств, но нет действительно существенной разницы между ними — я не говорю о доктринах, но о методе их иностранной политики.

Я всегда утверждал, что большевизм исчезнет. Никакая страна не может выдержать такой температуры, не погибнув. Мало-по-малу большевики развернутся и разовьются опять в р у с с к и й и м п е р и а л и з м. У меня нет никакого сомнения, что мы можем проследить это уже теперь.

Русские проделывают это именем мира, дружбы, братства. Но это не братство, это та же самая старая Россия, как снежная лавина катящаяся вниз. Мы опять имеем дело со старой Россией, чего я всегда боялся»...[1]

Белая или Красная Россия, — все равно, самый факт существования могучего государства на месте царской России вызывал у английского министра негодование.

С этой точки зрения, с точки зрения английского империалиста, а не русского белогвардейца, ожидавшего свержения большевиков и коронации в Москве Николая Николаевича, интервенция себя в значительной мере оправдала, а миллионы фунтов стерлингов и тысячи погибших в интервенции сол-

[1] «Manchester Gardian», 16 mai, 1923.

дат не пропали даром: большевиков свергнуть не удалось, но три года гражданской войны, организованной и руководимой империалистами, на больщой период времени задержали развитие Советской России, подорвав ее производительные силы, и без того расшатанные непосильной империалистической войной. Политика английского империализма, расчленявшего страну, затягивавшего гражданскую войну, поддерживавшего хаос в стране, на несколько лет выбила Россию из числа серьезных противников, ослабила революционизирующее значение советской власти, а за это стоило уплатить каких-нибудь 500 млн. руб. золотом: на некоторое время руки изнутри и на Востоке были развязаны.

«От интервенции остались и практические результаты, — так сознается Черчилль в своих воспоминаниях, посвященных гражданской войне. — Большевики были вовлечены в продолжение 1919 г. в войну с Колчаком и Деникиным. Их энергия была обращена на внутренние дела. Вся цепь только что освобожденных стран вдоль западной границы России получила неизмеримой ценности передышку.

Колчак и Деникин со своими сторонниками мертвы или развеяны повсюду. Россия замерзла в бесконечной зиме, нечеловеческой доктрине и сверхчеловеческой тирании.

Но Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и прежде всего Польша имели возможность в 1919 г. восстановить организм цивилизованных государств и организовать сильную патриотическую армию. К концу 1920 г. образовался «санитарный кордон» против большевистской интервенции, — кордон, созданный из национальных организмов, здоровых внутри, не поддающихся болезни и иммунизированных, благодаря опыту, от ее разрушений.

В этот же период среди социалистов Франции, Великобритании и Италии впервые началось то разочарование (Советской страной. — *И. М.*), которое в наше время превратилось в резкое отвержение». [1]

Организатор интервенции забыл только подчеркнуть: на время и притом на очень короткое, — «санитарный кордон» против большевизма давно сам стал источником большевизма, а победное строительство социализма в неизмеримо большей степени, чем в 1919 — 1920 гг., рассылает большевистскую инфекцию по всему раздираемому противоречиями и глубоким социально-экономическим кризисом миру и указывает единственно возможный путь для революционного выхода мировому пролетариату и миллионам трудящихся колониального Востока.

---

[1] Churchill, op. cit., p. 276.

ГЛАВА V.

БУРЖУАЗНАЯ РЕАКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ.

1. Организация тыла.

Когда «демократическая» контрреволюция уступила свои права буржуазной реакции, эсеры занялись подведением итога сентябрьскому перевороту:

«Верховному управлению удалось достичь многого, — писал «орган социалистической мысли» «Возрождение Севера» — остается лишь довершить начатое и восполнить невольные при данной обстановке пробелы и недочеты».

Вряд ли автор, выводивший эти строки, понимал, насколько он близок к истине в одной части своего вывода, в отношении восполнения недочетов: «невольные пробелы» исправлялись резко и тщательно. Так городская больничная касса, которой фактически не давали работать эсеры, была ликвидирована в юридически, по предложению кадета Н. В. Мефодиева.[1] Затем по эсеровскому законодательству, восстановившему смертную казнь, требовалось при вынесении смертного приговора единогласное решение судей. Временное же правительство отменило обязательность единогласного постановления, предложив принимать решение по большинству голосов.[2]

Но кроме дополнений и исправлений оставалась еще огромная область по продолжению начатого в сентябре. Восстание 6 сентября было только «первой попыткой борьбы с социализмом», как выразил общее мнение буржуазии сентябрьский номер «Архангельских епархиальных ведомостей», а с такими «социалистами» приходилось встречаться еще и помимо правительства: в городской думе после выборов, состоявшихся в самом начале октября, оказалось 54% «социалистов», прошедших по второму списку от блока меньшевиков и эсеров.

В октябре 1918 г. было образовано новое правительство, в котором из старого остался только Н. В. Чайковский. Из пяти остальных членов правительства трое заявили себя кадетами, а двое других — генерал-губернатор полковник Б. А. Дуров и временно заведывающий Отделом финансов кн. И. А. Куракин, — если и считали себя беспартийными, то все же шли за кадетами. А среди последних один был даже с вполне почтенным стажем: Н. В. Мефодиев был членом кадетской фракции столыпинской III Думы.[3]

---

[1] Архангельский губархив ВПСО, отдел иностранных дел, дело № 13 с копиями постановлений ВПСО, журнал № 27.

[2] Там же, канцелярия ВПСО, д. № 23. Приложения к журналам заседания, т. IV, журнал № 39.

[3] Ген. Марушевский, командовавший войсками на Севере, по поводу состава правительства писал: «Городецкий, Мефодиев и я — монархисты». «Белое дело», т. I, 1926, стр. 40.

Такой состав больше отвечал задачам «водворения здорового правопорядка на место большевистского хаоса», что и подчеркнуто было самим наименованием правительства: оно стало именоваться не «управлением», а «временным правительством».

Любопытно отметить, что, выйдя из переворота, так сказать революционным путем, правительство немедленно занялось легализацией своего появления: участники сентябрьского переворота, объявленные Верховным управлением бунтовщиками, были восстановлены в своих правах Временным правительством, [1] а главный руководитель капитан Чаплин получил вскоре и ответственное назначение командующего всеми партизанскими отрядами Холмогорского уезда. [2]

Задачей своей Временное правительство наметило: во-первых, превращение Севера в исходный пункт для освобождения всей России «от засилия внутренних и внешних хищников», во-вторых, восстановление хозяйственной жизни области — товарооборота, системы денежного обращения и т. д. [3]

Опыт десятилетий, особенно недавней революции, показал, что грубая расправа полицейского сапога, система чрезвычайных мер, военно-полевой режим и тому подобные проявления «административного восторга» вызывают все бóльшие протесты опекаемых, а Западная Европа между тем и без этих мер с несравненно большим успехом продолжала эксплоатацию пролетариата. Но европейский тон эксплоатации требовал и европейских — поточнее, буржуазных — форм укрепления своего классового господства. Поэтому основную свою задачу — возрождение России — буржуазное правительство мыслило произвести «на началах правового строя и демократического режима, положенных в основание государственного бытия всех европейских стран», как пояснил задачу один из активных участников борьбы в Северной области, военно-полевой прокурор С. Добровольский. [4]

Эта одна из немногих попыток организации «демократического режима по европейскому образцу», предпринятая на очень небольшом клочке белой России, не теряет однако своего значения. Попытка шла от правительства, считавшего себя всероссийским, притом долго и упорно отстаивавшего свой всероссийский характер: Архангельское правительство признало Колчака верховным правителем только в мае 1919 г., почти накануне его поражения.

«Европеизация» началась с привлечения буржуазии к участию в формировании правительства.

В период кризиса власти Чайковский явился на собрание торгово-промышленного союза, объединявшего крупную буржуазию Архангельска, с предложением избрать трех представителей для организации непосредственного управления областью на правах местной муниципальной власти, с тем чтобы Верховное управление оставило за собой правительственную власть и общий надзор за их работой. Но собрание отнеслось к этому предложению отрицательно и после ряда резких выступлений приняло резолюции с требованием ввести в правительство кандидатов торгово-промышленного союза, как равных членов Верховного управления, и при том непременном условии,

---

[1] АОР, Книгохранилище. Сборник узаконений, постановлений от 1 октября 1918 г.

[2] Архангельский губистпарт. Временное правительство, 1919 г., т. I, журнал заседаний № 16-57.

[3] «Вестник ВПСО» № 45 от 9 октября 1918 г. Сообщения председателя ВП.

[4] Б. Соколов. Архив русской революции, т. III, стр. 5.

если из нынешнего состава Верховного управления останется только один Чайковский.[1]

Для проведения в жизнь резолюции была избрана комиссия из 6 человек. Комиссия выполнила поручение весьма решительно: из состава старого правительства в новое был введен только Чайковский, как имя для отвода глаз «демократии», остальные места были заполнены главным образом кандидатами торгово-промышленного союза.

В дальнейшем ни одно перемещение внутри правительства или составление нового не обходилось без прямой инициативы или широкого участия союза.

Для облегчения этой задачи союз приступил к концентрации всех буржуазных группировок. В результате восстановления эсерами свободы союзов, мало использованной рабочим классом, но пришедшейся кстати для буржуазии, область покрылась целой сетью буржуазных союзов: торгово-промышленный союз, союз лесопромышленников, союз мелких торговцев и промышленников, комитет судовладельцев Северного района, союз судовладельцев-поморов и т. п. Все эти организации, представлявшие различные фракции и группы торгово-промышленной буржуазии, нередко с враждебными интересами, после долгих переговоров объединились наконец в один так называемый «Центральный комитет торгово-промышленных организаций», в состав которого вошло: 7 членов от торгово-промышленного союза, 5 от лесопромышленников, 5 от биржевого комитета, 5 от союза мелких торговцев и промышленников, 3 от комитета судовладельцев, 2 от судовладельцев-поморов. От других организаций число представителей должно было быть определено Центральным комитетом.

Когда речь идет о существовании всего класса в целом, откладываются в сторону противоречия внутри самого класса, и все отдельные организации, представлявшие различные групповые интересы, сливаются в одну: именно, в эпоху гражданской войны находит себе подтверждение то основное положение, высказанное марксистами, что собственно классовые, непреходящие, длительные интересы класса представляет одна партия. Вновь организованный Центральный комитет — не партия, но функции, взятые им на себя, делали его политической организацией.

«Ближайшей задачей центрального Комитета — извещает новое объединение управляющего Отделом внутренних дел,[2] — является борьба всеми возможными средствами с вредными для государственной жизни России направлениями... путем печатного и устного слова, а также путем денежной и материальной помощи»...

Центральный комитет не ограничился борьбой с вредными направлениями путем «агитации устной и печатной»: выше уже отмечалось, что его задачей являлось участие во всяких правительственных комбинациях.

Характерно, что в программе в качестве объекта борьбы не упоминаются большевики, а указываются всякие «вредные направления». Заранее стараются не связать себе рук узкой программой. Такое расширительное толкование позволило в дальнейшей борьбе выступать самым решительным образом против всего не только большевистского, но и очень далекого от какого бы то ни было большевизма: нападению подвергалась, например, та часть правительства, которая входила в состав «Союза возрождения России».

---

[1] «Вестник ВПСО» № 43 от 6 октября 1918 г.
[2] Там же, № 57 от 16 марта 1919 г.

Но это объединение, в котором, кстати, следует подчеркнуть наличие наряду с крупной буржуазией средних и даже мелких собственников, брало на себя представительство политических интересов. Нужно было создать кроме того классовую боевую силу, на которую можно опереться в минуту опасности.

Добровольческая армия провалилась, и еще эсеровское Верховное управление решило перейти к мобилизации. Это, между прочим, одна из причин, ускоривших свержение Управления: позволить собрать армию — значило укрепить позицию эсеров. Но и теперь не решались сразу мобилизовать широкие массы, а приступили к созданию своих классовых отрядов. В Архангельске организуется так называемое «национальное ополчение». Как и всякое новое начинание, оно не сразу вылилось в стройные организационные формы. В делах Временного правительства встречались положения и бельгийской национальной гвардии, организованной после революции 1848 г., и устав финских охранных дружин, шуцкора (Schutz Car), организованных в недавнюю гражданскую войну, и любезно представляемые послами схемы всяких других буржуазных отрядов.

В окончательном своем виде национальное ополчение вылилось в нечто очень близкое финскому шуцкору.

В состав «гвардии» буржуазии допускались только лица, представившие удостоверение о политической благонадежности от своих учреждений или квартальных комитетов и прошедшие контроль военно-регистрационных пунктов, т. е. охранки. Списки граждан каждого квартала поступали на обсуждение мобилизационной комиссии, созданной в каждом районе, на которые специально разбит город. Комиссия, состоявшая из председателя районного комитета, председателей всех квартальных комитетов данного района и всех офицеров-инструкторов данного района (с совещательным голосом), решает путем «секретного обсуждения» вопрос о принятии данного лица в состав дружинников. Только после такого тщательного фильтра вывешивались списки граждан, зачисленных в ополчение. В «гвардию», таким образом, допускались лишь вполне доверенные лица, — рабочие и низы мелкой буржуазии тщательно отводились, не говоря уже о лицах, заподозренных в каком-нибудь «образе мышления». Служба в ополчении являлась добровольной, но все лица 17 и 18 лет, затем от 18 до 40, не принятые на военную службу, и все свыше 40 лет, способные носить оружие, уклонившиеся от добровольной службы, привлекались принудительным путем, но только после того, — добавлял приказ, — как «ядро организации добровольцев сорганизуется». Так осторожно создавала буржуазия свои классовые отряды.

Подчинялось ополчение через своего командира командующему войсками Северной области, соблюдая в моменты несения службы «все правила чинопочитания согласно уставу внутренней службы, как в регулярной армии».

Для рассмотрения особо тяжких преступлений учреждался дисциплинарный суд из двух представителей районных комитетов по назначению председателя и четырех офицеров по назначению командира ополчения.

Военное же командование снабжало ополчение оружием с таким расчетом, чтобы кроме винтовок на каждую роту было не менее двух пулеметов.

Целью национального ополчения, согласно пункту 1 положения о нем являлось: 1) самооборона местного населения от большевиков, 2) несение

караульной, сторожевой и патрульной службы города для замены войск, подлежащих отправлению на фронт.[1]

Это не была, следовательно, обычная буржуазная самооборона, какую можно было встретить в любом городе в первый период утверждения власти Советов или в переходный период отсутствия власти. Те были рассчитаны на защиту от налетов бандитов, пользовавшихся хаосом переходного момента. Национальное же ополчение было классовой политической организацией, направленной против рабочих и их политических представителей. Да и численность ополчения говорила о его характере: меньше 2 тыс. — добрый полк — цифра ополченцев не спускалась. К этому нужно еще прибавить особый батальон офицеров в 400 человек, селившихся в специально отведенном районе и обязанных по первому призыву тревоги быть на месте, чтобы судить, как бдительно создавала себе буржуазия боевую, и притом верную, опору.

Подбором в национальное ополчение занимались особые квартальные комитеты. Созданы они были по типу домкомбедов в Советской России, но направлены были, понятно, не на защиту интересов бедноты. Поле деятельности комитетов было чрезвычайно широким. Вот, например, повестка одного из собраний председателей квартальных комитетов:[2]

«О мерах борьбы со спекуляцией на предметы первой необходимости, об оказании помощи фронту, об охране порядка в городе, о продовольствии, о содействии податной инспекции и т. п.».

Широкие обязанности, возложенные на квартальные комитеты, охватывали фактически всю повседневную жизнь горожанина, особенно сложные вопросы снабжения, больше всего интересовавшие мелкого городского буржуа.

Предоставив мелкой буржуазии борьбу со спекуляцией и распределение продовольствия, получаемого от союзников, крупная буржуазия использовала ее как боевую силу, как свою классовую охрану.

Насколько ценна была эта работа квартальных комитетов, показывает приказ генерал-губернатора Северной области генер. лейт. Миллера, № 18:

> «Квартальные комитеты в г. Архангельске выполнили уже большую работу по поддержанию порядка, особенно в самые тревожные дни, и продолжают выполнять эту работу под руководством образованного Центрального исполнительного комитета квартальных союзов».

Вместе с национальным ополчением квартальные комитеты водворяли порядок в городе и давали уверенность буржуазии в сохранении ее господствующего положения.

Той же цели — концентрации всех буржуазных сил — служил и специально созданный союз интеллигенции.

Имя одного из организаторов союза, кадета и монархиста, — Городецкий — не оставляло сомнений в том, что деятельность союза будет направлена на укрепление буржуазного порядка. Устав его и состав не меньше, чем имена организаторов, говорили о том же.

В союз принимались только лица с образованием не ниже среднего, и при

---

[1] АОР, Приказы, объявления, листовки, приложение к приказу № 93. Утверждено командующим войсками.

[2] «Вестник ВПСО» № 32 за 1919 г.

том обязательно с дипломом. Без диплома принимались лишь те, которые «по воспитанию, развитию и деятельности принадлежали к интеллигентной среде». И в том и в другом случае желающие попасть в союз должны были представлять по три рекомендации действительных членов союза. Таким образом определять принадлежность «к интеллигентной среде» могли только люди с «дипломом».

Задачей своей союз считал «возрождение России, установление государственности и развитие и укрепление в сознании общества и народа идей государства, отечества, нации права и культуры».[1]

Практически под этой пышной пятичленной формулой скрывалось одно: борьба с большевизмом, — дальше этого мысль организаторов не шла.

Союз принимал деятельное участие в намечении кандидатур на общественные и государственные посты, ревниво следя за тем, чтобы кандидаты нисколько не запятнали себя даже общением с большевизмом, не только принадлежностью к нему; преподносил своим членам дешевые истины политической мудрости, подчеркнутые из многословных речей Вильсона, специально переведенных на русский язык; затем развертывал широкую агитационную работу в помощь буржуазии там, где к ней относились с некоторым недоверием. Когда стало известно об эвакуации англичан с Севера, союз интеллигенции неоднократно обращался с мольбой к западно-европейскому общественному мнению оставить оккупационные отряды для защиты существующего порядка от большевиков. Последних союз продолжал не только третировать самым резким образом, но и попрежнему характеризовал как «немецких шпионов», хотя к тому времени — конец 1919 г. — даже бульварная пресса перестала смаковать эту выдумку. В защите «существующего порядка» буржуазная интеллигенция оказывалась бо́льшим роялистом, чем сам король.

«Правовой строй и демократический режим» принял на первых же порах чрезвычайно своеобразный вид. Весь город превратился в вооруженный лагерь. Собственно даже не лагерь, ибо в лагере вооружены все, а здесь — только небольшая буржуазная часть населения, остальные же тщательно и часто разоружались. Классовая принадлежность различалась по обладанию оружием: получивший ружье тем самым считался полноправным гражданином, так просто нашел свое подтверждение тот факт, что всякая «демократия» в своем неприкрытом виде есть диктатура буржуазии.

2. Белая армия.

Закрепив за собой все тылы, Временное правительство обратилось к работе по управлению области. Так как непосредственную опасность представлял большевистский фронт, то основное внимание было сосредоточено на формировании армии. Несмотря на объявленную эсерами мобилизацию, Временное правительство решило временно оттянуть ее и предварительно занялось созданием командных кадров.

Всем офицерам и чиновникам военного ведомства было приказано явиться на сборные пункты. Регистрация явившихся для одного г. Архангельска дала цифру в 2 тыс. человек.

---

[1] АОР, приказы, объявления, листовки. Устав союза интеллигенции г. Архангельска.

Явившиеся были разбиты на две категории: кадровые офицеры, т. е. произведенные в первый офицерский чин до 1 сентября 1914 г., вместе с кавалерами ордена Георгиевского креста, и остальная масса офицерства. Первая категория немедленно допускалась ко всем командным должностям, а вторая направлялась для предварительного прохождения повторительного курса в английскую офицерскую школу. Только пройдя искус в школе, где весь командный состав состоял исключительно из англичан, русский офицер получал доступ в русскую часть.

Первым же актом правительство показало, по какому пути пойдет создание новой армии: новой она только будет по форме, а по содержанию все должно оставаться по-старому.

Собрав командные кадры из старого николаевского офицерства и прошедших английский контроль офицеров военного времени, рискнули обратиться к массам. 10 октября 1918 г. была объявлена первая мобилизация, да и то только в Архангельском и Мезенском уездах.

Мобилизованные направлялись в 1-й Архангелогородский полк, откуда после длительного обучения отдельными ротами предполагалось их посылать на фронт.

Затишье на фронте — главные силы большевиков были оттянуты на Колчака — позволяло в сравнительно спокойной обстановке отдаваться подготовке боеспособной армии, тем более, что снабжение армии находилось в руках англичан. После удачи первой мобилизации перешли к другим, постепенно сокращая периоды между отдельными призывами. Рост армии шел следующим образом:

В 1919 г. было русских войск:	Архангельский фронт	Мурманский фронт
К 1 января	2 715	4 441
» 1 февраля	5 300	4 441
» 15 апреля	18 500	6 000
» 1 декабрю	54 519	

Громадные пространства, притом покрытые непроходимой тайгой, либо болотами, не давали возможности организовать сплошной фронт. Фронт установился по долинам рек, по железным дорогам и по редким трактам, пересекавшим тайгу и болота. Эти естественно образовавшиеся отдельные проходы защищались далеко вынесенными вперед блокгаузами — крепко сколоченные деревянные укрепления с пулеметными гнездами, — за которыми располагалась артиллерия и остальная часть полка. Образовалось таким образом несколько участков фронта, составивших так называемые районы, со своими районными штабами, объединенных штабом главнокомандующего в Архангельске. Всех районов и полков оказалось:

Полки	Людей
Железнодорожный—6-й стрелковый Северный полк Селецкий—3-й Северный стелковый полк Архангелогородский полк 7-й стрелковый Северчый полк	13 404
Двинский—4-й стрелковый Северный полк Шенкурский добровольческий батальон	4 930
Пинежский—8-й стрелковый Северный полк	4 907
Мезенский—1-й стрелковый Северный полк	3 763
Печерский—10-й стрелковый Северный полк	3 329

*

Мурманский—2, 9, 11, 12, 13-й	12 307
г. Холмогоры—гарнизон	1 591
г. Архангельск—гарнизон и запасной полк	10 866
Всего	55 097 [1]

Уже факт деления офицеров на кадровых и молодых говорил о внутреннем устройстве армии. Преобладание старых офицеров было закреплено и введением в полках так называемых «судов чести», которым предоставлялось право изгонять из полка офицеров, чем-либо вызвавших подозрение командного состава. В суды чести попадало главным образом кадровое офицерство, так как по положению избирались только штаб-офицеры и обер-офицеры. [2] Чем занимались суды, можно судить по тому, что под подозрение, со всеми отсюда вытекавшими последствиями, брались даже те офицеры, которые прибыли из-за границы, воспользовавшись визой советских представителей в Англии.

По настоянию этого офицерства уже в начале ноября 1918 г., была введена старая форма... с погонами для офицеров. Характерно, что Временное правительство несколько замялось перед постановлением о введении погон, понимая, как будет истолкован этот акт широкой массой. Но командующий войсками ген. Марушевский ультимативно потребовал введения приказа полностью, подчеркивая, что этого приказа ждет офицерство. Довод оказался решающим.

Введение уставной формы было преддверием восстановления всех уставов, почти без изъятия, а затем и полкового суда для преступлений, не подсудных военно-окружному суду. Кстати, для упрощения судопроизводства в военно-полевых судах при вынесении смертного приговора не требовалось по новому приказу единогласного решения: простого большинства было достаточно.

Что возврат старых норм создания армии вернет и старые армейские противоречия, — это было понятно руководителям армии, тем более, что соседство большевистской армии напоминало об этом. Поэтому наряду с введением в северной армии старых порядков шла попытка внести и нечто новое. Из таких новых начинаний самым интересным было стремление использовать опыт Красной армии по агитационно-пропагандистской работе среди солдат. При штабе главнокомандующего было создано специальное отделение «агитации и пропаганды», позже переименованное в культурно-просветительное отделение. Задача его состояла в борьбе с агитацией большевиков, засыпавших фронт листовками и плакатами, а также в просветительной деятельности внутри армии. Листовки и плакаты, издаваемые отделением, в противовес большевистским, оказались, по признанию самих авторов, скучными и малочисленными, а внутриармейская работа свелась к снабжению солдат почти исключительно монархической прессой; даже «Возрождение Севера» — газета «социалистического» направления — допускалась в таком небольшом количестве и с таким трудом, что понадобилось особое вмешательство управляющего Отделом внутренних дел. О характере той «духовной

[1] По состоянию на 31 января 1920 г. Архангельский губархив, Управление интендантства северного фронта, дело № 15. См. также A r m y, The Evacuation of North Russia 1919.

[2] АОР, Книгохранилище, сборник узаконений и распоряжений ВПСО № 7.

пищи», которой снабжали солдат, можно судить по нескольким примерам. В одной из информаций, распространяемых по фронту Архангельским бюро печати (Арбюр), сообщалось, что в Советской России, «Тамбовский совдеп решил воздвигнуть памятник Иуде Искариоту» (!).

В другом объявлении, за подписью генерал-лейт. Миллера, населению и солдатам напоминалось, что

«в случае успеха совдепцев от Архангельска (и области) не останется камня на камне и огромное большинство тех, кого большевики смогут причислить к «контрреволюционерам», «белым» и «буржуям», т. е. 99% всего населения Северной области, будут расстреляны, вырезаны, а их жены и дети — изнасилованы, поруганы». [1] (!)

Распространение изо дня в день этой «пищи» привело к тому, что попробовав — кушать перестали: фронт зачитывался большевистской литературой. Неудачу своей агитации в наивной форме признал и Арбюр: на витринах и окнах г. Архангельска стали появляться большевистские приказы и листовки с надписью: «Как они агитируют», или «Большевики о самих себе». Появление этих выставок свидетельствовало, правда, не только о слабости агитации, но и о большой степени разложения, позволявшей появляться советским плакатам. Но об этом ниже.

Вторым свидетельством влияния красноармейского опыта является организация курсов агитации и пропаганды при штабе командующего северным фронтом. На совещании, обсуждавшем вопрос о создании курсов, присутствовали представители всех общественных групп, причем наряду с кадетами сидели и «социалисты»-меньшевики и эсеры. Была намечена программа примерно следующего содержания:[2] всеобщая и русская история, государственное право и социальные науки, организация современных армий, значение и сущность воинской дисциплины и т. п. Рассчитаны были курсы на 3 недели на 50 — 60 человек и имели за все время своего существования всего 6 выпусков.

Кстати, не лишним будет отметить, что начальник курсов «принимал все меры к тому, чтобы отыскать в Архангельске какого-нибудь государственника-социалиста, типа Носке или Шейдемана, чтобы привлечь его к чтению лекций на курсах». [3] Местные «социалисты» не годились уже даже к роли Носке, так они были приручены.

Комплектовались курсы, согласно приказу, из наиболее надежных и развитых солдат, чрезвычайно тщательно отбираемых командирами частей.

Несмотря однако на длительную подготовку и привлечение широкой общественной поддержки, курсы, как впрочем и все другие культурные начинания, остались формальной организацией, не достигшей никаких целей. Дело в том, что задачей курсов была намечена «планомерная и разумная агитационная работа в войсковых частях», но в то же время в приказе подчеркивалось «недопустимость митингов, как приема агитации, и вообще сборищ для обсуждения политических или иных вопросов». [4] Задача курсов

[1] АОР, книгохранилище, листовки, плакаты, объявления.
[2] К сожалению, архивы не сохранили программ курсов. Пользоваться приходится только статьей Добровольского в Архиве русской революции, т. III, да приказами Миллера из Архангельского губархива: начальник штаба главкома. Дело № 14, секретная переписка 1919 г.
[3] Архив русской революции, т. III, стр. 79.
[4] Начальник штаба главкома. Дело № 14. Секретная переписка 1919 г.

вступила в противоречие с условиями ее выполнения и уступила: и тут старое — замкнутость казармы и боязнь какого бы то ни было освежения — оказались сильнее нового — попыток примениться к изменившимся условиям.

Дальнейшее стремление противопоставить старому новый опыт выразилось в попытке организации клубов. За образец однако взяли не красноармейские клубы, где преобладали моменты политического воспитания, а союзнические солдатские собрания, организованные американским союзом христианской молодежи. Сначала русским солдатам было разрешено посещать американские собрания, а затем, вычистив подвалы архангелогородских казарм, организовали клубы и у себя. Клуб свелся к небольшой солдатской лавочке и захирел. Попробовали организовать новый клуб для георгиевских кавалеров. Открытый с большой помпой в присутствии иностранных гостей, с музыкой и дамами, представительницами женского патриотического союза, прислуживавшими за столом, клуб после нескольких вечеров превратился в обыкновенное офицерское собрание, куда солдат, если и имел формальный доступ, то дальше передней, где была солдатская лавочка, не шел: пышные балы, привлекавшие верхи архангельского общества, пришлись солдатам не по вкусу.

Летописцы северной эпопеи пытались подчеркивать солдатский характер клуба. Напрасный труд! Организатор клуба ген. Марушевский в целях клуба не сомневался с самого начала: в основе создания клуба, — писал генерал, [1] — лежала «идея сближения между собой лучших офицерских сил, отмеченных высшим военным отличием». Стоит ли добавлять, что вечера, организованные для солдат, превращались в давно знакомые солдатские спектакли, так ярко отмеченные в «Графине Эльвире» Евреинова.

Тот же союз христианской молодежи послужил образцом для штаба северной армии еще в одном отношении: союз организовал по фронту ряд кантин— небольших лавочек, где за незначительную плату солдат мог найти немного табаку, папирос, хлеба и сладостей. Самая идея кантин и для старой русской армии не нова, но тут интересно отметить, что, организуя кантины, пытались окружить армию вниманием буржуазного общества, и с другой стороны, хоть немного скрасить мрачные условия существования солдата. Связать «общество» и армию попробовали давно: 10 декабря 1918 г. по инициативе губернского правительственного комиссара В. И. Игнатьева было созвано совещание представителей общественных, политических, профессиональных организаций, военного командования и редакций газет по вопросу об оказании помощи созданию русской армии. Было решено организовать сбор подарков, устроить день «помощи солдатам», избрать ряд комиссий и временное организационное бюро. На этом собственно и кончилась работа. Вскоре повторили опыт, воспользовавшись новым предлогом — оказание помощи партизанам. Был создан Объединенный комитет общественных организаций, куда опять-таки вошли вместе с биржевым комитетом и торговопромышленным союзом, представители с.-д. меньшевиков, эсеров, энесов, кадетов, Союза возрождения и т. п.

Суммы, собранные Объединенным комитетом, оказались до смешного ма-

---

[1] «Белое дело», Летопись белой борьбы. «Год на Севере», ст. Марушевского, стр. 48.

лыми. Еще меньше удалось собрать на кантины, хотя для сбора нужного миллиона рублей не остановились перед принудительной разверсткой между крупными торговцами. Чтобы собрать деньги на солдатские лавочки, пришлось обратиться к выпуску специального внутреннего займа.

На связь с армией «общество» шло туго, особенно когда дело дошло до «кармана», тем более, что командование само старалось не расширять сферы общественной поддержки и связи с армией дальше материальной помощи, но и условия солдата улучшились незначительно от введения нескольких солдатских лавочек. В основном все осталось по-старому, не идя дальше тех комитетов по посылке подарков в армию, которых знала царская армия времен империалистской войны.

Картину старой армии дополняет возврат духовенства. Приказом от 25 октября 1918 г., т. е. через две недели после объявления мобилизации, духовным лицам как православного, так и иноверческих исповеданий была установлена временная плата в размере 10 руб. за каждую исполненную требу, а позже в штабе главкома была введена специальная должность главного священника северного фронта.[1]

Новых мероприятий, и притом доведенных до конца, было только два. Оба они взяты из того периода, когда господствующие классы, чувствуя развертывавшуюся под ногами пропасть, пытались одним ударом вернуть все старое. Оба нововведения заимствованы из корниловской эпохи, с той, правда, разницей, что у Корнилова они были только намечены, а северное правительство ввело их в действие.

Первое касается ударных частей. Главкомом было приказано создать из наиболее твердых и решительных офицеров и солдат специальные войсковые организации, имеющие целью:

«а) активно бороться с большевистской пропагандой в своих частях,

б) прекращать силой оружия всякую попытку к восстанию, к уклонению от боя или дезертирству,

в) поддерживать такие же организации соседних частей словом и оружием в достижении ими тех же целей,

г) служить командному составу опорой,

д) создать в войсковой части такое ядро, которое дало бы почувствовать колеблющимся элементам, что каждая попытка к предательству или уклонению от своего долга поведет к немедленной и беспощадной расправе».[2]

Такие отряды должны быть организованы как на фронте, так и в тылу с таким расчетом, чтобы надежные части располагались за сомнительными, причем отобранные в отряды люди имели и свой особый сборный пункт, куда все сбегались по тревоге.

Приказ был разработан до такой тонкости, что каждому из начальствующих лиц и каждому офицеру или солдату, старшему в войсковой организации, было предложено иметь не менее трех надежных заместителей, а все офицеры «кроме малонадежных и безвольных» должны были быть обучены обращению с пулеметами и снабжены ручными гранатами.

То, что у Корнилова было временной и частичной попыткой — подпереть

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 2, д. № 16-в. Приказы ген.-губернатора и командующего войсками Северной области. См. также приказ № 36.

[2] Архангельскому губархив, Канцелярия начальника штаба, дело № 14. Секретная переписка 1919 г. Приказ № 02 по оперативному отделу.

разваливающийся фронт отборными частями, — то было здесь превращено в стройную систему: войсковые части оплетались густой сетью этих отборных отрядов, связанных от ядра в роте до высших соединений и своей особой дисциплиной.

К чему приведет в конце концов строительство армии, — знали, и потому подпирали не отдельные части, а пытались заковать всю армию в обручи отборных отрядов. Только это и учли из всего богатого опыта после корниловского развития событий: повторяли тот же прием, что и при превращении города Архангельска в вооруженный лагерь.

Второе нововведение, до сих пор не оцененное по достоинству, относится к попыткам материально заинтересовать солдат в борьбе с большевиками, причем характерно, что и эта попытка была взята из того же корниловского арсенала.

Среди многих проектов, заготовленных Корниловым перед выступлением, был один, своим демагогическим характером отталкивавший даже не разбиравшихся в средствах генералов. Это аграрный проект какого-то проф. Яковлева, предлагавшего наделить землей по окончании войны только тех солдат, которые безупречно дрались с немцами. Проект Яковлева не увидел света и ген. Деникин в своих мемуарах рассказывает о нем, как о курьезе. Изменившиеся времена однако заставили подобрать и «курьез»: яковлевский аграрный проект стал у северного правительства законом. Утверждая 4 апреля 1919 г. решение о передаче земствам всех монастырских земель, Временное правительство постановило:[1]

«поручить управляющему Отделом земледелия внести на срочное обсуждение земельного совещания вопрос об установлении преимущественных прав получения земельных участков из бывших монастырских, архиерейских и церковно-причтовых земель для участников войны с Германией и большевиками».

Корниловский проект подправили только в одном отношении: указали источник — откуда брать землю для борющихся с большевиками.

Что корниловские меры, считавшиеся нелепыми даже в кругах сочувствующих, были использованы северным правительством, правда, не говорит о разборчивости в средствах, но все же может быть оправдано: логика гражданской войны заставила использовать все средства в борьбе.

Но нас интересует классовая сторона этого заимствования. Корниловская авантюра по своему социальному содержанию была попыткой буржуазно-помещичьего блока, гегемония в котором оставалась за помещиком, задержать исторический ход событий, стремительно катившихся к Октябрю. Классовой программой, выдвинутой гегемоном, но молчаливо поддержанной всем блоком, было: все по своим старым местам.

Буржуазное правительство на Севере ставило своей задачей возрождение России «на началах правового строя и демократического режима». На таких же началах собирались строить и армию, но дело строительства передали в руки единственной организованной силы, способной довести до конца намеченный план, в руки старого кадрового офицерства, сплошь корниловского и по своему классовому происхождению и по своим убеждениям. Передача

[1] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, дело № 21 за 1919 г., журнал заседаний № 44/85.

корниловцам руководства в армии вела к восстановлению корниловской классовой программы.

Не только руководители, но и широкая масса офицерства понимала, что их руками была построена старая армия, а старая армия поставила их лицом к лицу со старыми классовыми противоречиями.

Тот психологический надрыв и, как его результат, непробудное пьянство, которое по признанию даже пристрастного автора, военно-полевого прокурора Добровольского, [1] было бичом северной армии, объяснялись конечно не долговременностью пребывания на фронте, как думает Добровольский, а именно сознанием безвыходности положения. Постоянное и длительное соприкосновение с солдатами и наблюдение все возрастающего противоречия между классовым составом и классовыми целями показало, на какой зыбкой почве была построена армия.

Материалы архивов сохранили к тому же и объективные свидетельства восстановления старой армии. Вот, например, один из приказов, рисующих бытовую повседневную обстановку полковой жизни:

«5-го Северного стрелкового полка фельдшер Чуркин арестовывается на 3 суток полковым адъютантом за то, что он в 1 ч. 40 мин. ночи сидел у дома Королева в компании 4 человек, а не по служебным делам». [2]

Там, где дело шло не о бытовой стороне, вступали в свои права полковые и военно-полевые суды. Относительно матросов это признал и штаб, приказав снять команду с броненосца «Чесма» и направить ее на гарнизонную службу на берег, причем из предосторожности снабдили японскими винтовками, к которым совершенно не было патронов.

Лучшим доказательством возврата старого могут служить приказы контр-адмирала Викорста, командовавшего флотилией Северного Ледовитого океана. Он привлек к ответственности одного матроса за то, что тот в июле 1917 г. (!) самовольно отлучился с тральщика, а второго — за отлучку с вахты 28 июля 1917 (!). [3]

Практичные англичане, бившиеся год над задачей создания армии, убедились наконец в неразрешимости этой задачи и сделали соответствующий вывод:

«Непрочность русских войск, — писал в генеральный штаб капитан Aetham, R. N., — недостаток дисциплины, организационных способностей и военного руководства русских офицеров и высшего командования после годовой упорной и умелой английской поддержки скоро сделали очевидным, что продолжение поддержки будет бесполезным». [4]

А придя к такому выводу, вполне логично поступили, когда, решив эвакуироваться, предложили покинуть область и населению и офицерству: англичанам стало ясно, что армия, предоставленная самой себе, будет взорвана своими же внутренними противоречиями.

---

[1] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, дело № 21 за 1919 г., журнал заседаний № 44 85, стр. 73.
[2] АОР, ф. IV, инв. № 780, № 2 — 213, л. 10.
[3] Там же, Приказы командующего флотом № 183 и 184.
[4] Army, The Evacuation of North Russia, 1919, p. 7.

3. Внутренняя политика. Белый террор.

В области внутренней политики буржуазия продолжала вести ту же линию. Поход против рабочих, начатый эсерами, принимает резко выраженный характер.

Принялись прежде всего за профсоюзы, которые не переизбирались со времени ухода советских войск. Под тем предлогом, что уставы союзов не соответствуют законодательству, объявили новую регистрацию профсоюзов. Чего добивались перерегистрацией, можно судить по откровенному признанию руководителей одного из предприятий. 9 января 1919 г. в частности благодаря стараниям самих профсоюзов день памяти Кровавого воскресенья прошел на заводах и фабриках в работе. Забастовали и не вышли на работу только рабочие судоремонтного завода. На следующий день управление мореплавания и портов Северной области, в ведении коего находился завод, прислало в союз металлистов следующее заявление:

«Отказ рабочих судоремонтного завода от работ и снятие ими других 9 января с.г... показывает, что ваш союз не имеет должного влияния на своих членов... Отмечая указанное нарушение договора, управление оставляет за собой право по сему поводу свободы действий». [1]

Регистрацией надеялись отсеять союзы политически неблагонадежные, а союзы, прошедшие этот экзамен, превратить в «государственные», в дополнительные органы, имеющие задачей обратить рабочих в немых исполнителей буржуазной воли. Там, где «огосударствление» не достигало цели и рабочие оказывались мало прирученными, вступало в силу и «право свободы действий», заключавшееся в свободном действии права выбрасывать рабочих на улицу. «Теперь наше право», — ответил один предприниматель на протест профсоюза против прекращения производства. [2]

Прекращение деятельности заводов с целью понижения заработной платы или перевод рабочих на сдельную оплату труда получили широкое распространение, главным образом на ряде лесопильных заводов. Оставшиеся предприятия спешили найти выход в сдельщине или удлинении рабочего дня.

Предпринимательскому натиску снизу шло навстречу государственное давление сверху. Приказом генерал-губернатора все служащие и рабочие учреждений и предприятий, «обслуживающих в каком-либо отношении военные нужды Северной области» (какие же предприятия так или иначе не обслуживают военные нужды в обстановке гражданской войны? — *И. М.*), «могут быть привлекаемы своей администрацией к сверхурочной работе», причем «уклоняться от сверхурочной работы под каким бы то ни было предлогом» воспрещалось. [3]

А положение рабочих и без того было чрезвычайно затруднительным.

Прожиточный минимум был установлен на 1 сентября 1918 г. в 434 руб. по таксированным ценам; с 25 ноября вследствие непрестанного роста цен на продукты прожиточный минимум был увеличен на 106 руб. Таким обра-

---

[1] «Рабочий Севера» № 5 (II).

[2] Там же. № 1 (17).

[3] Приказ ген.-губернатора ген.-лейтенанта Миллера от 31 января 1919 г., Архангельск. АОР, приказы, объявления, листовки.

зом, если придерживаться при дальнейшем повышении прожиточного минимума той же пропорции, что с сентября по 25 ноября, т. е. за 3 месяца на 25%, то к марту прожиточный минимум должен быть определен приблизительно в 800 руб. Между тем заработок рабочего к 12 марта, например в порту, [1] составлял в день от 15 до 20 руб., а у квалифицированного рабочего 25—28 руб., что составляет в месяц для среднего рабочего 400 — 500 руб., а для квалифицированного 625 — 700 руб., — на много ниже прожиточного минимума. При этом расчет был составлен по таксированным ценам, по которым конечно достать можно было отнюдь не все продукты.

О продовольственном состоянии области можно судить по следующим данным. По карточкам в октябре распределяли хлеб по 300 *г* в день, сахар — по 400 *г* в месяц да изредка рис и крупа-геркулес по 800 *г* в месяц. Остальное приходилось добывать на рынке, причем соленой рыбы было достаточно, и стоила она около 1 р. 50 к. за 400 *г*; мяса нехватало, и продавалось оно по 6 р. 50 к. 400 *г*; масло доходило до 30—40 руб. за 400 *г*, молоко на рынке до 3 р. за бутылку, а картофеля и овощей совсем не стало. Из других продуктов махорка доходила до 25 руб. за 50 *г*, а иностранный трубочный табак — до 150 руб. за 400 *г* чистого веса! [2]

Покупать приходилось, имея прожиточный минимум в 434 руб., что уже для семьи в 3—4 человека являлось недостаточным, но у большинства и этого минимума не было: бо́льшая часть рабочих сидела без работы.

Губернское земство в конце 1918 г. предприняло официальное обследование состояния безработных на местах. Материалы, опубликованные после обследования в правительственной печати, составлены по принципу победных реляций: безработицы в области нет. Но самое беглое знакомство с материалами, а особенно с методом составления данных, легко вскрывает фальшь сводок. Например из Пинежского уезда сообщают:

«Безработицы нет. Зимой все население было занято выполнением воинских нарядов по дежурству в отрядах, перевозке войск, доставке провианта, снаряжения и пр». [3]

Выдать одну из самых тяжелых повинностей — подводную, разорявшую и без того дышавшее на ладан крестьянское хозяйство, за средство борьбы с безработицей можно, только уподобляясь тем статистикам из народнического лагеря, которые в 90-х годах прошлого столетия «рассудку вопреки» складывали доходы кулака и пролетариата, а затем выводили среднюю доходность крестьянского двора.

Не говоря уже о том, что местная промышленность была свернута, но и все, занимавшиеся отхожим промыслом в Петербурге и Петербургской губ., сидели по деревням. Сверх того в период гражданской войны прибавился новый разряд безработных, так называемые беженцы из районов военных действий. Число их, выселяемых зачастую в спешном порядке, иногда без всякого имущества, достигало больших размеров: в Холмогорском уезде 2 615 человек, в Шенкурском — 2 тыс., в Пинежском — до 1 тыс. и т. д. [4]

---

[1] «Вестник ВПСО» № 54 от 12 марта 1919 г.
[2] «Известия Архангельского общества изучения русского Севера» № 1 — 2 за январь — февраль 1919 г.
[3] «Вестник ВПСО» № 152 от 12 июля 1919 г.
[4] Там же.

Тот же статистик, сообщая об отсутствии безработных, вместе с тем уныло замечает:

«В населении уезда замечается обеднение и истощение платежных средств, так что если оно не будет обеспечено заработками, то окажется не в состоянии приобретать продовольственный паек».

О состоянии безработицы в городе дают представление бюллетени ищущих труда, печатаемые изо дня в день в газете.

Сохранение минимума заработной платы, а тем более сокращение ее, продолжавшееся буржуазией, перекладывавшей свои издержки производства на плечи рабочих, грозило поставить рабочих, даже квалифицированных, в такие условия жизни, перед которыми тяжелые голодные дни после начала интервенции в Советской России казались бы светлыми.

Но классовый поход буржуазии не ограничился борьбой против профессиональных союзов.

На 20 марта 1919 г. в мировом съезде было назначено к слушанию дело группы печатников, которым вменено в вину участие в насильственном снятии с работы рабочих в дни 5 и 6 сентября, т. е. в дни реакционного переворота против эсеров. В то время как виновники переворота, Чаплин и др., были амнистированы постановлением Верховного управления еще 1 октября и давно подвизались на государственной службе, рабочие, выступившие против переворота, были привлечены к ответственности, привлечены притом вопреки прямому смыслу постановления, гласившего: «все дела, связанные с переворотом и с последовавшими событиями, прекратить навсегда». Такой вольной интерпретацией своего же постановления буржуазия только лишний раз подтвердила, на чьей стороне были ее симпатии в дни сентябрьского переворота.

Дело печатников однако не только является свидетельством классовой юстиции, — оно совпало с политическим переворотом в настроениях определенной части рабочих и мелкобуржуазных групп.

Часть рабочих, как мы помним, если не прямо поддержала эсеровский переворот, то заняла несколько выжидательную позицию, отказавшись от активного участия в перевороте, но и не взявшись за оружие в пользу Советов. Мелкая буржуазия почти целиком ушла в лагерь контрреволюции. К весне 1919 г. среди этих групп наметился резкий политический переворот от безусловной враждебности к большевикам сначала к нейтральности, а затем и к готовности поддержать советскую власть.

Три главных обстоятельства определили этот переворот.

Во-первых, деятельность антисоветского правительства, сначала эсеровского, а затем и буржуазного.

Направленная целиком на восстановление нарушенного Октябрьской революцией деятельность правительства скоро убедила мелкую буржуазию в том, что возврат старого не ограничится дооктябрьским периодом, что движение пойдет и дальше вспять.

Во-вторых, революция в Центральной Европе самым убедительным образом показала, насколько правы были большевики в своих надеждах на близкий взрыв революции на Западе. Самые крайние противники из мелкобуржуазного лагеря поняли, что германская революция в значительной степени облегчит положение большевиков.

В-третьих, наконец, поведение интервентов, наглое разграбление оккупированной страны, превращение области в полуколонию убедили мелкую буржуазию в том, что антантовский империализм, рисовавшийся другом угнетенных и олицетворением демократии, оказался таким же грабительским, как и австро-немецкий.

Таким образом основные объективные причины, в свое время оттолкнувшие мелкобуржуазные группы от большевиков, миновали. События так решительно разоблачили империалистов, так наглядно показали, что большевиков можно свергнуть только иностранными штыками, так явственно выдвинули дилемму — либо советская власть, либо полный разгром революции, притом сапогами антантовского империализма, что мелкобуржуазная демократия колебнулась в сторону большевиков.

«Этот поворот не случайный, — писал Ленин, — не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства или соответствующее среднему крестьянству. Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону».[1]

В Советской России этот поворот произошел в конце 1918 и начале 1919 г., вызвав решение части эсеров отказаться от борьбы с советской властью, и постановление партийного совещания меньшевиков (27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г.), угрожавшим распустить те группы, которые так или иначе связаны с контрреволюцией.

В Северную область сведения об этих решениях стали проникать уже в феврале месяце 1919 г. и вместе с объективными процессами, происходившими в мелкобуржуазных группах населения, определили и поворот мелкобуржуазных идеологов. Удобнее всего проследить этот процесс на поведении Совета профессиональных союзов и на так называемом деле Бечина, Наволочного и др.

Совет профессиональных союзов, возглавляемый меньшевиками и эсерами, по крайней мере в первый период контрреволюции, довольно дружно работал с правительством, но чаплинский переворот заставил его насторожиться, а поворот в массах вывел из положения неустойчивого равновесия, толкнув руководящее ядро совета влево. 23 февраля 1919 г. председатель совета Бечин М. И. выступил в союзе металлистов с сообщением об отказе в России эсеров от борьбы с большевиками.

На следующий день Бечин, как член городской думы, огласил составленную секретарем думы О. И. Антушевичем декларацию по поводу тифозной эпидемии. В декларации подчеркивалось, что эпидемия началась в тюрьме, причем эпидемии тифа предшествовала эпидемия арестов, что единственным виновником бедствия является Временное правительство, что обвиненные в большевизме претерпевают невероятные мучения в тюрьмах, что борьба с тифом требует радикального лечения, — болезнь надо вырвать с корнем. Резкий тон декларации обратил на себя внимание судебных властей, занявшихся следствием.

Полевение мелкобуржуазных идеологов не кончилось. 1 марта Совет профессиональных союзов решил ознаменовать предстоящую годовщину Фе-

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, изд. 1-е, стр. 574.

вральской революции митингами. В самый день годовщины такой митинг состоялся на судоремонтном заводе, а позже в городской думе.

На митинге, где выступали члены совета Бечин, Наволочный, Цейтлин и др., Бечин произнес речь, сводившуюся в основном, по данным следствия, к следующему:

«Советская власть — единственная и естественная заступница интересов рабочего класса; союзники не имеют права принимать участие в борьбе с большевиками, против этого протестуют и мобилизованные солдаты, заявляющие, что «солдаты всегда пойдут с рабочими в защите их интересов» [1].

Вечером того же дня в городской думе Бечин в речи заявил, что правительство Северной области держится лишь при помощи штыков заморских гостей, что в результате деятельности союзников и правительства рабочие возвращаются мыслью к доавгустовским дням, т. е. к дням советской власти.

Остальные выступавшие в общем повторяли те же мысли.

После выступления Бечин М. И., Наволочный Ф. И., Цейтлин С. М., Клюев К. Н., Антушевич Ол. И., Котов П. Ф. и Корионов И. А. [2] были привлечены по 2 ч. 102-й ст. Уголовного уложения к ответственности за призыв к свержению правительства и преданы военно-окружному суду.

Одновременно властями был произведен обыск в помещении совета, на чердаке которого нашли 8 разнообразных винтовок и 1 револьвер. На суде так и не удалось выяснить, кому принадлежит оружие. Надо полагать, оно было спрятано там большевиками, так как один из руководителей большевиков в подпольи, т. Тепанов, был членом совета и даже собирал в комнате президиума совещание большевиков за 2—3 недели до годовщины революции. [3]

Хотя на суде не было доказано наличие не только прямого призыва к свержению власти, но даже попытки активного свержения, суд вынес исключительно суровый приговор: Бечин, Цейтлин, Наволочный и Клюев были лишены всех прав состояния и сосланы на каторжные работы сроком на 15 лет (!). [4]

Суровость приговора — 15 лет каторги за речь — и нарочито подчеркнутая торжественность — открытый суд, привлечение в качестве свидетелей членов правительства, специальный перевод протоколов заседания для союзных послов, внимательно следивших за процессом, — все говорило за то, что наказать хотели кого-то другого.

Поворот в настроениях масс, отраженный идеологией мелкобуржуазных политиков, не остался незамеченным на суде: «Приговор был грозным предостережением», — сознается прокурор, выступавший на суде. [5] Старое испытанное средство — репрессии — было направлено к тому, чтобы удержать массы от поворота.

---

[1] АОР, ф. IV, оп. № 8, д. № 18, Бечина.

[2] От суда скрылись секретарь союза пищевиков Симаков, член городской управы Успенский и Бечин, арестованный позже на квартире Котова и Корионова. Оба последние и обвинялись в укрывательстве.

[3] АОР, ф. IV, оп. 68, д. № 18 Бечина. Показания Матисон — «секретаря большевистской организации», как называли ее на суде.

[4] Антушевич, составлявший декларацию об эпидемии, был оправдан, чтобы подчеркнуть, что судили не за критику правительства, а за призыв к свержению его.

[5] Архив русской революции, т. III, стр. 37.

Процесс Бечина, послуживший началом поворота в низах, стал началом поворота и в верхах. Если до сих пор острие массовых репрессий направлялось против пролетариата и его политических представителей — большевиков, то сейчас террор направляется и против широких мелкобуржуазных масс. Миновала необходимость заигрывать с «социалистами», так как вместо руководства массами они сами поплелись в хвосте повернувших от поддержки буржуазной контрреволюции масс. Материалы канцелярии прокурора архангельского окружного суда и контрразведки дают представление о характере этого массового террора.

Крестьяне Сычев и Нечаев привлечены к ответственности за «агитацию, вызывающую классовую борьбу».

Крестьянин Корнилов — за то, что был избран в комитет бедноты.

Крестьяне Калина, Ансенов и пр., всего 10 человек, — за состояние в солдатской организации,

«образовавшейся незадолго до захвата власти большевиками в Шенкурском уезде, когда демобилизованные советской властью солдаты возвратились с фронта домой, большевистски настроенные». [1]

Кабалкин — за речь в бане.

Мельцов — за то, что выполнил распоряжение советской власти по обороне Мудьюга от союзников.

Рухлов, Хабаров и другие технические работники — по обвинению судовладельцев за участие в национализации судов.

Карельский — за агитацию за захват церковных земель и т. д. и т. д. [2]

Такова качественная сторона репрессий, а вот и количественная. Особыми временными следственными комиссиями, организованными еще эсеровским правительством и специально направленными против ответственных работников, было привлечено к ответственности: [3]

с 2 августа 1918 г. по 1 февраля 1919 г.	481 обвиняемых
за февраль 1919 г.	266 »
за март 1919 г.	164 »

Дальше цифра привлеченных следственными комиссиями резко падает, но зато головокружительно растет число арестованных во внесудебном порядке контрразведкой, милицией и пр. Рыба пошла мельче, но стаями: террор переносится на широкие массы. По одной архангельской губернской тюрьме, через которую проходили только арестованные местными властями за исключением прифронтового командования, так чрезвычайно резко менялись цифры:

На 1 сентября 1919 г. в тюрьме состояло 376 человек.

	Прибыло	Убыло
За сентябрь	503	797
» октябрь	274	78
» ноябрь	264	173
» декабрь	177	269 [4]

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, д. № 88.

[2] Там же, оп. 8, д. № 48. Из ходатайства земско-городского совещания о помиловании.

[3] Архангельский губистпарт. Верховное управление, отдел юстиции, дело № 70 с отчетностями временной следственной комиссии.

[4] Архангельский губистпарт, дело архангельской губернской тюрьмы. Убывали в каторжные тюрьмы на Мудьюг, Иокагангу и др.

Подчеркиваем — это цифры по одной архангельской тюрьме, а их было в самом Архангельске несколько, да кроме того — в каждом уездном городе, волостных пунктах, при армейских частях русских и союзных депо. Тюрьмы были настолько переуплотнены, что арестованных сажали просто на броненосец «Чесму», [1] с которого сняли экипаж.

Так поступали с теми, которые «разговаривали в бане», а заподозренных в близости к большевистской партии просто расстреливали. Например, за один только апрель 1919 г., после истории с Бечиным, притом по суду в одной архангельской тюрьме расстреляли:

6 апреля	3
9 »	2
10 »	14
30 »	7

Среди них — группу большевиков, составлявших Архангельский комитет партии.

4. Партия в подпольи.

Интервенция не застала врасплох Архангельскую организацию: о надвигающейся угрозе знали еще за несколько недель до высадки союзников. Но сама организация оказалась мало подготовленной к тем задачам, которые встали перед ней и не столько в силу субъективных причин, — мы скоро увидим, какую героическую работу вынесла на себе подпольная организация, — сколько в силу причин объективного порядка: неравенство сил и слабость организации.

К Февральской революции 1917 г. в Архангельске вообще не было большевистской самостоятельной организации, а после переворота образовалась объединенная организация из большевиков и меньшевиков, причем большевики состояли главным образом из приезжих латышей. Только под влиянием развития революционных событий в среде объединенной организации произошел раскол, причем латыши ушли 6 июня, а все остальные большевики окончательно порвали с меньшевиками 15 июня 1917 г.

Незначительная пролетарская прослойка в Области объясняла слабый рост большевистской организации, которая пользовалась влиянием, главным образом, среди военных частей армии и флота. В уездах области организация росла еще медленнее, а в деревне безраздельно господствовали эсеры.

Октябрьская революция незначительно ускорила процесс роста большевистской организации. Вся Северная область принадлежала к числу тех районов, в которой Октябрьская революция свершалась «по телеграфу», а то и «с оказией»: переход власти к Советам происходил без гражданской войны. Но и переход власти в руки Советов не разрешил проблемы власти: фактическая власть оставалась в руках у земств и городских дум, в которых заседали не только правые эсеры и меньшевики, но и объявленные вне за-

---

[1] Журн. Архангельского губистпарта «Рабочее Звено» № 3 от 15 мая 1924 г.
[2] АОР, ф. IV, оп. 4, д. № 2.

кона кадеты. Даже на 2-м губернском Съезде Советов присутствовало 6 правых эсеров, 3 меньшевика и 1 кадет (!).

Демобилизация армии внесла новую живую струю в большевистские ряды: по мере приближения демобилизационной волны в деревне углублялась и революция. Распропагандированные большевиками солдаты переносили социалистическую революцию в деревню.

Материалы белой контр-разведки и прокурора полны сообщений о революционной деятельности демобилизованных солдат, которых задним числом привлекали к ответственности.

«Вернувшись с фронта, — сообщает прокурор архангельского окружного суда, — Сычев стал вести в своей волости агитацию как против существующих законов, так и против исполнительных органов верховной власти. Кроме того он вел агитацию, вызывающую классовую борьбу на сходах и земских собраниях. Он настаивал на поборах, называя эти поборы налогами с зажиточных людей». [1]

Мы уже приводили сообщение о привлечении к судебной ответственности ряда лиц за то, что они состояли в солдатской организации. А вот еще одно «представление».

«Произведенным Мезенской следственной комиссией расследованием, — пишет все тот же прокурор, — установлено, что Корнилов после прихода большевиков в деревню... был избран в комитет бедноты... Он заготовлял лошадей для красноармейцев, выгонял людей на окопные работы, собирал реквизированный хлеб и при отступлении большевиков вывез для них кладь».

Такими донесениями полны дела окружного суда.

В то же время изменилось соотношение сил в пользу большевиков и в городах, где решительная борьба за мир отрывала завод за заводом от меньшевиков. Большевистская организация настолько окрепла, что приступила к изданию своей газеты «Большевистская Правда», вышедшей 5 июля 1918 г.

Но и окрепшая организация все же была еще слаба, чтобы ликвидировать запоздалое двоевластие: рядом с Советом существовала городская дума, заседавшая регулярно и игравшая огромную политическую роль в деле мобилизации антисоветских элементов.

Только приезд комиссии т. Кедрова из Москвы нарушил это своеобразное сочетание Советов и городской думы: дума была разогнана, а наиболее видные антисоветские деятели были арестованы.

Тов. Кедров разогнал гнездо, куда стекались все контрреволюционные элементы, вывел из города сербские и итальянские отряды, привезенные в Архангельск предусмотрительными «союзниками» на случай восстания, и решительно принялся за чистку аппаратов от всяких контрреволюционных элементов.

Комиссия однако работала недолго, хотя и чрезвычайно продуктивно. 1 августа город атаковали интервенты, и 2 августа большевистская организация ушла в подполье, обратившись к рабочим и крестьянам с последним легальным воззванием:

«Мировая гидра контрреволюции — в лице английского империализма, — так писал Комитет партии, — наносит Архангельской организации тяжелый удар. Комитет партии вынужден итти в подполье, дабы не быть распятым мировыми разбойниками.

---

[1] АОР. ф. IV, оп. 1, д. № 88, л. 39.

Комитет партии призывает всех членов быть стойкими на своих постах и продолжать революционное дело.

Товарищи! Революция в опасности! Наш долг всеми силами и средствами спасать ее». [1]

Но хотя интервенция не застала архангельских большевиков врасплох, самый момент переворота оказался неожиданным, и в подполье большевики ушли не в виде организации. Большинство коммунистов уехало вместе с отступившими советскими учреждениями, покидавшими город довольно панически, остались лишь одиночки, да и то большей частью чисто случайно. Подпольная техника оказалась совершенно не налаженной. Ни явок, ни соответствующих документов, ни связей не заготовили. Все это сказалось на работе подпольной организации. Многие из оставшихся сразу попали в руки контр-разведки, куда сообщались сведения о большевиках зачастую случайными прохожими, узнававшими большевиков. Долгое время коммунисты действовали одиночками, понемногу соединяясь в небольшие группы.

«Более многочисленная группа, — рассказывает один из авторов о деятельности подпольной организации, [2] — объединилась около т. Теснанова — председателя союза транпортников. В нее входили тт. Матисон, Аптин, Розенберг, Турко и др. В союзе архангельских строительных рабочих около т. Прокушева постепенно собрались: Юрченков (легальная фамилия Васильев), Чуев, Рязанов и Грудин; в Маймаксе на лесопильных заводах оказались отдельные коммунисты: Ф. Лесуков, Оверин, Заплатин; на заводе «Экономия» собралась небольшая группа под руководством т. Юдина. В городе в связь с Теснановым вошли Петров А. К. и Петрова, на Исакогорке — Федорович, в Соломбале была группа моряков — т. Иванов и др. Осенью из уездов приехали тт. Закемовский, Боев (настоящая фамилия Баев) и Сапрыгин». [3]

О какой-либо организованной работе коммунистов в первое время не было и речи. Хотя власть формально оказалась в руках «народоправцев» — эсеров, но борьба с большевиками попала сразу в надежные руки: эту область работы контрреволюция изъяла из рук Верховного управления. По области быстро создалась сеть контр-разведки, в которой работало старое офицерство, а в качестве инструкторов «союзные» офицеры. На ряду с этим действовали «союзнические» военно-контрольные пункты. Причем англичане имели свою сеть, а французы свою. В качестве организаторов сети были привезены специалисты из Франции и Англии, привезшие с собой весь опыт и навыки французской полиции и английской охранки.

Насколько важной считали работу, показывает то, что начальниками тюрем назначали своих же специально выписанных тюремщиков: начальником каторжной тюрьмы на острове Мудьюге состоял какой-то француз, прежде занимавший ту же должность в одной из французских колоний.

---

[1] «Борьба за Советы на Севере (1918 — 1919)» Истпарт, Арх. Губкома ЦКП (б) 1926 г., стр. 102.

[2] Другой автор сообщает, что тов. Закемовский остался по поручению партии в самом городе Архангельске, см. Г. С. Юрченков. Под властью белых (1918 — 1919), в сборнике «Борьба за Советы на Севере», стр. 102.

[3] Октябрьская революция и интервенция на Севере. Истпарт Арх. Губкома ВКП (б) 1927, стр. 306. Вообще литература по архангельскому подполью относительно других Истпартов сравнительно богата. Кроме указанной книги и ряда статей в архангельских журналах и газетах, назовем: «Борьба за Советы на Севере», Сборник архангельского Испарта № 1, 1925 г., П. Рассказов. Записки заключенного, и т. п. Вся литература перечислена в очень ценном указателе Попова, А. Библиография интервенции и гражданской войны на Севере. 1928 г. Я ограничиваюсь, поэтому, только очень беглым наброском и то с целью сообщить новые данные из жизни партии.

Область была оплетена густой сетью всяких контр-разведок, военно-контрольных пунктов, следственных комиссий и т. п. В каждом учреждении, на каждом заводе, при любой боевой части сидели официальные представители охранки, а в самих учреждениях, заводах, частях, в любом пункте скопления народа шныряли платные и добровольные агенты, сообщавшие в охранку о всяком подозрительном движении. К старой царской системе, набив ей себе руку в борьбе с подпольной организацией, присоединилась передовая техника английского Скотланд-Ярда и французской полиции. Силы были явно не равны. Это и сказалось первоначально на характере деятельности большевистской организации: она едва не стала на путь исключительно террористической борьбы с белогвардейцами.

И тем не менее организации скоро стала на ноги.

По мере того, как вскрывалась сущность нового режима и менялось настроение широких масс, оживала деятельность коммунистов, постепенно под влиянием нарастающего недовольства объединявших свои действия. Уже в Октябре предпринимаются первые попытки создать организацию, а в ноябре уже удалось создать и комитет организации в составе тт. Теснанова, Закемовского, Боева, Матисон и Рязанова. Комитет объединял уже примерно около 40 активных большевиков, имевших связи среди рабочих и даже среди моряков и солдат.

Комитет решил связаться с Советской Россией, куда был направлен т. Боев, привезший оттуда связи и материальные средства.

Настроение низов все крепло. То тут, то там стали проявляться и открытые проявления недовольства, в условиях дикой реакции быстро принимавшие характер прямого выступления против контрреволюции. Партия спешит оформить это недовольство и организовать выступления. В январе 1919 г. партия выпускает первую прокламацию с характеристикой переживаемого момента. Прокламация была отпечатана на шапирографе в помещении союза транспортников в количестве 400 — 500 штук.

Выход прокламации поднял на ноги всю контр-разведочную сеть. Русские офицеры, французские жандармы, английские полицейские — все бросились на поиски авторов прокламации. Арестовывались десятки лиц, у которых находили листовки или на которых указывали, как на читавших большевистские прокламации. Была установлена особая слежка за профессиональными союзами, вокруг которых группировалась часть большевиков. К слежке привлекли и добровольческий аппарат — квартальные комитеты.

Но организация успела настолько окрепнуть, что эта волна репрессий не захлестнула ее.

В середине февраля 1919 г. вернулся из поездки в Советскую Россию т. Боев и сделал сообщение о своей поездке. На собрании, по заслушании отчета, решили усилить работу и придать ей более плановый характер.

На собрании переизбрали и самый комитет. В новый комитет вошли тт. Теснанов, Боев, Закемовский, Рязанов, Иванов (военмор) и Матисон.

Работа сразу оживилась. Удалось наладить небольшую типографию и выпустить одну за другой три печатных прокламации — две в феврале и одну в марте. [1]

[1] К сожалению, разыскать удалось только последнюю, в которой партия обратилась к мобилизованным с призывом итти в армию, брать винтовки и направить их против белых. Прокламация перепечатана в книге «Октябрьская революция и интервенция на Севере», стр. 309.

*

Прокламации распространялись очень широко. На заводах и фабриках, во флоте и в армии всюду можно было найти ту или иную листовку. Попали они даже на фронт, по крайней мере, союзный военно-контрольный пункт отмечает ее появление среди боевых частей двинского и железнодорожного фронта.

«В казармах, — рассказывает автор воспоминаний, — прокламации распространяли тт. Федорович и Груничев. Последний, работая в столярной мастерской при штабе, очень удачно ухитрялся распространять прокламации среди солдат штаба. В казармах листки клались иногда под матрацы и подушки солдат. В авто-дивизионе прокламации распространялись служившим там тов. Чуевым.

...Прокламации, брошенные даже в снегу, дочиста подбирались солдатами белой армии».

Выход трех прокламаций в короткий промежуток времени показал контрразведке, что она имеет дело не с закордонной работой, а с местной организацией. Стало ясным, что центр находится в Архангельске или во всяком случае, где-то в непосредственном тылу. Поднялась новая волна репрессий. На сей раз к террору присоединяют еще одну форму борьбы: поставили несколько публичных процессов против коммунистов. Самая постановка процессов свидетельствовала о том, как выросла организация, но белогвардейцы полагали, что свирепыми решениями они запугают как большевистскую организацию, так и в особенности широкие массы сочувствующих.

В прессе широко публикуются отчеты заседаний, подробно излагающие кого и за что судят. До сих пор просто расстреливали, не сообщая даже в печати. Так по постановлению военного суда, заседавшего 25 октября, расстреляли 6 товарищей: бывшего офицера Степана Ларионова, комиссара Шарыгина, Георгиевского, Комарова, Якомчика и Джаличкова, причем самый расстрел был произведен англичанами, — так мало доверяли собственным силам контрреволюции.[1]

Первым таким процессом был процесс «хорошо известного архангелогородцам большевистского комиссара милиции Валявкина», — как афишировала пресса процесс.

Военно-окружной суд признал виновным Валявкина в принадлежности к большевистской партии и постановил предать его смертной казни. За принадлежность к партии — расстрел, — так старались запугать левеющие массы и прекратить большевизацию передовых элементов пролетариата.

Следующим шагом белогвардейщины был переход и борьба с самой организацией.

Во второй половине марта 1919 г. военными властями была открыта военная организация, стоявшая на стороне Советской власти и подготовлявшая восстание в армии.

Все воспоминания молчат об этой организации. Вполне возможно, что это была не коммунистическая организация; возможно впрочем, что комитет не успел связаться с этой новой организацией. Но важно подчеркнуть, что выросла она в результате работы партии. Обвинительный акт прямо говорит

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, д. № 21, л. 31. Так как фамилии взяты из отношения главнокомандующего экспедиционными силами Северной России бригадного генерала Айронсайда, то они возможно перевраны.

о влиянии коммунистической пропаганды. В эту организацию входили солдаты военно-контрольной команды военно-регистрационного отделения Пудхов и Шереметьев, солдат 1-го северного стрелкового полка Глазков, солдат 1-го автомобильного дивизиона Сывороткин, П. Каминский, бомбардир 2-ой батареи 2-го отдельного артиллерийского дивизиона Поздеев, Аншуков, Печинин и Богданов. [1]

Одновременно с ними суду были преданы старший унтер-офицер Склепин, состоявший печатником типографии штаба командующего русскими войсками, бывшие красноармейцы Гулев и Сиригин, гр. Вас. Юргин, солдаты 2-й батареи, 1-го отдельного артиллерийского дивизиона Дегтев и Трубин, младший унтер-офицер 1-го северного полка Власов и стрелок того же полка Квитко.

Все указанные товарищи были расстреляны 24 и 25 марта, 5 и 6 апреля.

Этот процесс показал, что влияние партии проникло в самое сердце контрреволюции — в ее армию. Но этого мало. Распропагандированными оказались не только стрелки, «нижние чины», как презрительно называл их обвинительный акт, но и командный состав.

Охранка и русская и союзная напрягают все свои силы, чтобы найти центр, руководящий работой.

Предпринимается чистка населения, состоящая в том, что квартальные комитеты совместно с охранкой наметили массу народа, заподозренных в каком-либо «образе мыслей», и препроводили их в штаб для немедленной высылки. По городу начался поголовный обыск по заранее намеченному плану с привлечением иностранных солдат. На сей раз охранке удалось нащупать нити, ведущие к комитету партии, а к середине апреля окружить и самый комитет. Особому военному суду были преданы: Закемовский Сергей, Анисимов Даниил, Матисон Анна, Близина Клавдия, Теснанов Карл, Антон Франц, Розенберг Ян, Прокушев Дмитрий, Гендриксон Андрей, Яковлева Анна, Шпаковский Иван и Лашев Михаил.

Суд приговорил к расстрелу: Закемовского, Анисимова, Матисон, Близину, Теснанова, Антина, Розенберг и Прокушева, а Яковлеву и Гендриксон к 15 летней каторге. [2]

Партия оказалась обезглавленной, комитет ее был расстрелян. Все связи и явки были нарушены, поодиночке была переловлена большая часть остальных активистов и среди них душа организации т. Боев. [3] Как организация, партии перестала существовать, но работа, которая велась с таким напряжением, с такой самоотверженностью, пропасть не могла. Основные причины, вызывавшие революционизирование масс, продолжали действовать, и попрежнему на заводах и фабриках, в армии и флоте появлялись все новые и новые большевистские ячейки. Без руководства, без связей, под постоян

---

[1] АОР, ф. IV, оп. 1, д. № 117, л. 19. Сообщаю подробности, чтобы выяснить у активных участников подполья в какой связи находилась военная организация с комитетом партии.

[2] Сообщение суда было опубликовано в «Вестнике Временного Правительства Северной области» № 135, 24 июня 1919 г., причем Матисон смертная казнь была заменена вечной каторгой. В делах губернской тюрьмы указано, что Гендриксон и Яковлев получили по 20 лет, а Шпаковский и Ланев по 15 лет. АОР, ф. IV, оп. 4, д. № 2, л. 45.

[3] 9 сентября 1919 г. были расстреляны: Никифор Левачев, Павел Замятин и Гавриил Корчагин. То же дело, л. 68.

ной угрозой смерти, днем и ночью под внимательной слежкой двойной системы охранки — русской и союзной, шла самоотверженная героическая борьба отдельных одиночек коммунистов с неравным противником. Всюду и везде, в тылу и на фронте, в городе и в деревне, на работе, на площади, на свободе и даже в тюрьме вели коммунисты смелую пропагандистскую или агитационную работу, организуя недовольных, будя спящих и всем указывая один и тот же выход — свержение контрреволюции и восстановление советской власти.

Белая реакция совсем потеряла голову. Она разила направо и налево, уже не считаясь с принадлежностью к партии. Расстреливались уже не большевики, а всякий протестовавший против контрреволюции.

Расстреливались не только скрывающиеся коммунисты, но и те, у кого скрывались. Удары реакции уже фактически не достигали цели, они били не по тем, за кем охотились, и тем самым только усиливали недовольство, только ускоряли революционизирование. В делах губернской тюрьмы сохранились расписки и предписания военно-судного отделения штаба главнокомандующего о выдаче тех или иных товарищей для приведения над ними приговора в исполнение. Расстреливали в день по 5 — 6 человек в одной губернской тюрьме, — вряд ли все эти жертвы были коммунистами.

Но и этого оказалось мало. Реакция организовала особые каторжные тюрьмы на острове Мудьюге и Иоканге. Что представляли собой эти тюрьмы, пусть лучше расскажут сами инициаторы этого предприятия.

«Место заключения, — писал заведующий тюремным отделом Гумберт, посетивший Иокангу, — стоит $6^1/_2$-верстах от Иокангской бухты, на высоком скалистом берегу. Почва каменистая, растительности нет, лес в 100 верстах, вода пресная в $^1/_2$ версте... На Иоканге почти все время дуют сильные ветры, которые бывают до того сильны, что взрослый не может устоять. Зимой бывают сильные метели... Ближайшее жилище лопарей — погост Иоканги стоит от места заключения по суше в 16 верстах... Дороги к лопарскому погосту нет»...[1]

Если в глазах тюремного начальства место каторги описано в таких мрачных тонах, то можно себе представить, чем была каторга на самом деле. Прибавьте сюда то обстоятельство, что на Иоканге было 500 мест, а нагнали народу более 1000, и станет ясно, почему все предпочитали расстрел: Мудьюг и Иоканга означали медленное, мучительное умирание.

И в таких условиях воля партийцев не была сломлена: группа товарищей организовала побег с острова Мудьюга, побег, составляющий один из самых драматических эпизодов не только в истории архангельского подполья, но и всей возможно каторги. [2]

Архангельская подпольная организация оказалась на своем посту, стойко выполнив долг и обязанность коммунистической организации.

5. Экономическая политика.

8 октября 1918 г. состоялось наконец первое заседание Временного правительства, организация которого прошла столько стадий от борьбы между различными буржуазными группировками и кончая последней инстанцией —

---

[1] АОР фонд IV, Архив № 4 — 3., лл. 509 — 510.
[2] См. приложение к книге П. Рассказова. Записки заключенного.

вмешательством союзных послов. Приказ последних положил конец колебаниям Чайковского, находившегося под сильным давлением своих прежних коллег по правительству, и он поплыл по фарватеру твердой власти нового правительства.

«Моя обязанность, как главы министерства иностранных дел, — так писал сам Чайковский о своей роли в правительстве, — смягчать и сглаживать все противоречия, и на это идет много моих нервов». [1]

А противоречий было много, даже не считая интервентов, создававших своей политикой дополнительные трудности правительству.

Ко времени окончательного ухода от власти эсеровского правительства в области сложились следующие легальные политические группировки.

Наиболее влиятельной была группа правых, объединявшая в себе всех — от кадетов до монархистов: буржуазно-крепостническая группа. Тон в группе задавал так называемый «Национальный союз», за которым шла наиболее организованная часть общества — офицерский состав.

«Национальный союз» пользовался полной поддержкой англичан и французов как в лице их послов, так и в особенности со стороны военщины. Поддержка «союзников» доходила до мелочей. Так англичане попытались снабдить бумагой правый орган, намеченный к выходу под названием «Голос Отечества», причем бумагу для этой цели хотели конфисковать в земской управе. [2]

В. И. Игнатьев, один из активных участников северной контрреволюции, рассказывает, что лидеры «Национального союза» служили в «союзнической» контрразведке, а газетные сотрудники получали паек и субсидию из того же источника.

Эсеры окопались главным образом в земских организациях и кооперативах, издавая газету «Возрождение Севера».

Вместе с эсерами в газете участвовали меньшевики, газета которых «Северный Луч» закрылась после сравнительно непродолжительного функционирования.

Эсеры и меньшевики, к которым часто присоединялся и совет профессиональных союзов, выступали вместе под названием социалистического блока.

Кроме того в Северной области был организован «Союз возрождения», в задачу которого входило оторвать от правых левое колеблющееся крыло, состоявшее частью из кадетов, частью из беспартийных, которых пугала крепостническая гегемония «Национального союза».

Как и во всей организации «Союза возрождения» и в Северном областном союзе участвовали, кроме указанной группы, эсеры, энесы, меньшевики, группа «Единство». Это была попытка объединить мелкую буржуазию с либеральной буржуазией.

Первое открытое столкновение этих групп произошло вокруг выборов в городскую думу, где борьба шла между двумя группами — социалистическим блоком (список № 2) и внепартийным союзом национального освобождения (список № 3).

---

[1] С. П. Мельгунов, Н. В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности 1917 — 1925 гг.), Париж 1929, стр. 84.

[2] Архангельский губархив, Журналы заседаний Архангельской губернской земской управы, 1918 г., № 38, Журнал заседания № 6 от 15 августа 1918 г. Сообщение зампредседателя М. М. Федорова.

Во главе первого шли Иванов А. А. (эсер), Старокадомский А. Е. (меньшевик), Наволочный Ф. И. (председатель Совпрофа), Федоров М. М. (эсер), Вячеславов А. Н. (меньшевик), Бечин М. И. (Совпроф.) и др.; во главе списка № 3 шли: Городецкий С. Н., Мефодиев Н. Б., Перешнев М. В. (председатель торгово-промышленного союза), Лелюхин И. З. (протоиерей), Филоненко М. М. и др.

Самые выборы в думу состоялись в начале октября, причем всего избирателей явилось 8 733 из общего числа в 21 613, т. е. чуть больше 40%, в то время как в предыдущих выборах участвовало более 50% — 12 725 избирателей. Победа оказалась на стороне социалистического блока, получившего 53,4% всего состава гласных — 32 из 60.

Список № 3 провел 26 гласных, оказавшись в незначительном меньшинстве.

В самом правительстве центр руководства скорее склонялся вправо, особенно после отъезда Чайковского и углубления классовой борьбы в области. Первым делом правительства было разрешение вопроса о Мурманске, так долго сохранявшем свой «советский» облик: постановлением правительства в Мурманске была введена та же система управления, что и в Архангельске, и в Мурманск был выслан начальник края на правах помощника генерал-губернатора Северной области.

Вторым крупным решением было постановление от 10 октября о всеобщей мобилизации, — постановление, которое буржуазия не давала провести в жизнь эсерам, боясь упустить армию из своих рук.

Вообще решающим вопросом, не сходившим с повестки дня правительства, был вопрос о борьбе с советской властью.

Уже 14 октября, т. е. через несколько дней после сформирования правительства, Чайковский доложил о слухах по поводу мира на западном фронте. Такой мир, заключенный до свержения большевиков в Москве, ставил белое правительство в неопределенное положение.

«Если союзные войска покинут пределы области, — говорил Чайковский, — то у нас не окажется достаточного количества сил для борьбы с большевиками. Если они останутся в России, то будущее правительство может оказаться не вполне свободным в своих решениях и действиях. Отсюда вывод о необходимости обставить пребывание на территории России после окончания войны известными условиями». [1]

Правительство поручило Чайковскому добиваться от послов продолжения помощи и после заключения мира и, в частности, добиться назначения одного командующего всеми войсками, назначенного всероссийским правительством. «Союзные» послы, — мы об этом уже писали, — и не думали уходить из России. Напротив, только мир с немцами и открывал настоящую возможность борьбы с большевиками.

«Представители союзных держав, — так докладывал Чайковский правительству, — выражают желание получить от Временного правительства предложение увеличить десант в Архангельске».

С этим вопросом обстояло вполне благополучно и можно было целиком отдаться военным вопросам. 13 ноября было опубликовано воззвание Временного правительства, признавшего, что основная опасность — немецкая —

[1] Архангельский губархив, ВПСО, отдел иностранных дел, дело № 13, журнал заседания ВПСО, № 5 от 14 октября 1918 г.

миновала, но не миновали побочные осложнения, без преодоления которых нельзя и мечтать о переходе к мирному строительству. Такой побочной опасностью является большевизм.

«Большевизм есть, к сожалению, не только русская, но и международная опасность, — так гласило воззвание.

...Вот почему ликвидация большевизма должна предшествовать полному окончанию войны; вот почему всякий, кому дорог мир, не должен слагать оружие до тех пор, пока не ликвидирована советская власть».[1]

Близкое окончание войны и неуверенность в достаточно решительной помощи со стороны «союзников» заставили все силы сосредоточить на создании армии. Правительство особым постановлением решает послать специальную миссию для подбора офицеров в местах их рассеяния, а внутри области принимается за создание наилучших условий для «воссоздания русской национальной армии».

Рядом постановлений командованию дается право реквизиции всех предметов для нужд военного ведомства, право установления обязательной гужевой повинности для всего крестьянства под угрозой штрафа в 3 тыс. руб. или 3 месяцев ареста в случае отказа и т. д.

На помощь формированию, кроме общественных институтов, призывается духовенство, которому в срочном порядке выплачивается вся задолженность по уплате содержания, а затем в виде «экстренных мер» ассигнуются специальные суммы в распоряжение архангельского епархиального совета.[2]

Духовенство не осталось в долгу, развернув широкую деятельность среди мирян по поддержке Временного правительства. За границу направляются просьбы, ходатайства, протесты против большевистских гонений на церковь и т. д. К одному из таких протестов присоединилось и Временное правительство.

Все эти меры не находили оппозиции ни в самом правительстве, ни в буржуазных и мелкобуржуазных кругах. Борьба с большевиками примиряла все эти политические группировки, как бы далеко ни заходила их оппозиция правительству.

Совсем иная встреча была оказана другим мероприятиям правительства и в особенности его финансовой и экономической деятельности. Противоречия единого противобольшевистского фронта вышли наружу. Мы не станем останавливаться на всех подробностях экономической деятельности Временного правительства, тем более, что уже из предыдущего ясны принципы и перспективы развертывания экономической деятельности. Остановимся лишь на нескольких иллюстрациях.

Продовольственное положение области было чрезвычайно тяжелым. В Архангельском уезде свой урожай в среднем превышал 5 тыс. *т*, в 1918 же году там было получено всего около 300 *т*, т. е. почти 5% нормального. В других уездах урожай был немного лучше, но все же ниже нормы, притом частью был взят по реквизиции, частью пропал под влиянием военных действий.

---

[1] «Вестник ВПСО» № 28 от 13 ноября 1918 г.

[2] Архангельский губархив, Верховное управление Северной области, отдел иностранных дел, дело № 13, канцелярия ВПСО. Дело № 23, т. IV, постановление от 15 декабря 1918 г.; «Вестник ВПСО» № 64 от 29 декабря 1918 г. и т. п.

Вся губерния в годы урожая имела до 50 тыс. *т* хлеба и столько же ввозила из других районов, в среднем имея на едока до 16 *кг* в месяц.

В силу военных действий всякий подвоз из других областей отпал, и вся надежда на получение свелась к «союзническому» источнику.

«Союзники» пообещали голодную норму: по 2 *кг* в месяц для детей моложе 5 лет, по 4 *кг* для половины всего остального населения и 8 *кг* в месяц для второй половины населения.

В Архангельске паек был немного выше: дети — по 4 *кг*, а взрослые — по 6 *кг* в месяц, рабочие районы — по 9 *кг*.

Самый паек выдавался не на неделю или месяц, а обычно, особенно в дальних районах, на весь год. Так как к тому же он выдавался в белой муке, а не в ржаном хлебе, к которому привыкло население, то очень скоро в ряде районов уже в ноябре проедали январский паек. Губернская земская управа 5 ноября 1918 г. обратилась в «Союзный комитет снабжения» с просьбой увеличить паек, но в ответ получила сообщение, что запасы хлеба привезены в ограниченном количестве и «благоразумие заставляет экономить, так как у союзников неисчерпаемых запасов нет». [1]

Временное правительство, получив донесение земской управы о тяжелом продовольственном положении области и ответе «союзников», нашло возможным... отменить все ограничения по вывозу продуктов из одного района в другой. Это привело к быстрой выкачке продовольствия спекулянтами, в роли которых выступили и сами «союзники», скупавшие продовольствие по повышенным ценам. Уровень жизни крестьян и без того весьма низкий, резко пал под влиянием буржуазного закона о свободе вывоза.

К аграрной антикрестьянской политике прибавилась кулацкая продовольственная политика.

В торгово-промышленной области положение Временного правительства оказалось сложнее.

Напряженное финансовое положение потребовало от Временного правительства ряда мероприятий. В числе одного из этих мероприятий было предложение ввести монополию на табак, спички и другие предметы. Такая монополия сократила бы рамки спекуляции и передала бы в руки правительства новые валютные источники.

Как только о проекте (не решении, — постановления принять еще не успели) стало известно в буржуазных кругах, торгово-промышленный союз собрал чрезвычайное собрание и выступил с резким протестом против монополии:

«Северная область составляет лишь часть всей России, — писал союз в своем протесте, — с неопределенными, постоянно расширяющимися границами, а поэтому и мероприятия общегосударственного масштаба, вводимые в одной Северной области, не только недопустимы, но и превышают компетенцию Временного правительства, еще вчера признавшего омское правительство за всероссийское, от которого и могут только исходить подобного рода общегосударственные меры». [2]

Дальше в своем резком протесте торгово-промышленный союз заявляет, что в Сибири о такой монополии не слышно, что монополия вызовет расход на аппарат и т. д., и кончает обвинением Временного правительства... в гер-

---

[1] «Вестник ВПСО» № 54 от 15 декабря 1918 г.

[2] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, д. № 23, 1919 г., т. VI. Приложения к журналам заседаний ВПСО.

манофильстве, ибо «введение монополии на табак в Северной области может привести к сбыту товаров германского происхождения».

Протест союза обсуждался на заседании Временного правительства уже через день после его получения. «Левая» часть правительства, признав протест резким и нелойяльным по форме, предложила отвергнуть его.

С. Н. Городецкий потребовал его обсуждения, заявив, что на нетактичность протеста можно указать союзу, но с существом протеста познакомиться следует.

В результате прений постановили:

«сообщить торгово-промышленному союзу, что заявление, как неприемлемое по форме, не принято к рассмотрению, но не лишено возможности вновь представить свои соображения по данному вопросу».[1]

Победа, таким образом, осталась за союзом: как ни необычно было обращение с правительством, а торговцы заставили выслушать свои мотивы, тем самым показав, кто собственно является хозяином положения. Оппозиция же во Временном правительстве, пофрондировав, пошла за ставленниками торгово-промышленного союза.

Еще резче такая капитуляция сказалась в вопросе о внешней торговле области.

В Северной области была установлена система, согласно которой весь импорт шел в адрес главного комитета снабжения, а самый состав импортированных товаров зависел от специальных разрешений правительственных органов.

Система эта была введена англичанами, но все в тех же валютных целях поддерживалась и правительством.

Буржуазные круги очень часто выступали против этой меры, настаивая на отмене по крайней мере ограничений по части ввоза.

После долгой борьбы Временное правительство согласилось с доводами буржуазии и приняло постановление, по которому: 1) отменялись все формальности по выдаче разрешений на ввоз импортных товаров, 2) ввезенные или имеющие быть ввезенными без ассигнования валюты от Госбанка товары передавались в полное распоряжение владельца, 3) отменялось правило присылать товары в адрес Главного комитета снабжения, 4) Управлению по делам внешней торговли предлагалось составить список запрещенных к ввозу предметов роскоши.[2]

Буржуазия получила полную возможность распоряжаться ввозом по своему усмотрению.

Однако Временное правительство вошло в противоречие со своим же собственным старым постановлением.

По финансовым законам правительства его устойчивая денежная единица — северные рубли — обеспечивалась особым фондом в Английском банке. Открытый и беспрепятственный ввоз товаров привел к тому, что из области стали уходить северные рубли, ибо экспортеры требовали в уплату за товары либо валюту, либо северные рубли. Утечка же северных рублей вела к уменьшению фонда в Английском банке, а значит и субсидии, полу-

---

[1] Архангельской губархив, канцелярия ВПСО, дело № 21. Журналы заседания ВПСО, т. III, № 65/106.

[2] Там же.

чаемой Временным правительством, так как определенный процент северных рублей поступал в распоряжение правительства.

Отменяя ограничения ввоза, Временное правительство рубило тот самый сук, на котором держалось. После месячной практики пришлось вернуться к старому постановлению с тем, чтобы отменить его, но такое предложение поставило на ноги буржуазию. Правительство очутилось между буржуазией, требовавшей сохранения закона, и своими интересами, требовавшими отмены закона, и уступило: оно приняло предложение Зубова о необходимости ввоза товаров лишь первой необходимости и всяческого поощрения экспорта, в целях уменьшения валютного кризиса. Вопрос же об отмене постановления предложило отложить до выяснения результатов переговоров с союзниками.

«Генерал-лейтенант Е. К. Миллер, — так гласит протокол заседания правительства, — находит отмену постановления от 26 мая возможной только в том случае, если союзники окажут нам реальную поддержку. Если мы идем на жертвы, необходимо, чтобы они не были напрасными. Необходимо переговорить с союзниками, прежде чем постановление принципиально будет признано подлежащим отмене».[1]

Временное правительство превратилось в исполнительный орган буржуазии не только в том смысле, что защищало интересы класса буржуазии в целом, но и в более узком смысле слова: целиком проводя интересы верхушки крупной буржуазии даже и в том случае, когда они шли вразрез с интересами класса в целом.

Мы приведем еще один акт Временного правительства, которым и закончим экономическую политику Временного правительства.

Во время войны еще царским правительством были реквизированы некоторые лесопильные заводы. Денационализация промышленности, проведенная эсерами, не коснулась этих, ставших казенными, заводов. Но владельцы заводов не теряли надежды возвратить реквизированное имущество, добившись наконец создания особой комиссии по возвращению заводов.

За время реквизиции стоимость заводов значительно возросла, и комиссия решила вернуть заводы по их рыночной стоимости, но владельцы потребовали уступить им заводы по себестоимости, т. е. по тем ценам, по которым казна приобрела их в 1919 г. Правительство уступило и тут.

«Было время, когда государству понадобилась частная собственность, казна ее взяла, — так мотивировал уступку представитель Отдела финансов, — теперь настало время, когда эта собственность государству не нужна и как ненужное имущество оно решило ее ликвидировать — и ликвидировать с пользой. Правда, казна в праве распорядиться своим имуществом, как ей угодно, и продать его по рыночной стоимости... Но перед государством стоит еще и другая задача, — задача — во что бы то ни стало поддержать отечественную заводскую промышленность, которая за время войны и смутного времени разорена вконец. Задача эта настолько серьезна, настолько важна, что казне не грех поступиться некоторыми выгодами».[2]

Так сами приказчики расписались в своей преданности хозяевам. Но раз не трогали хозяев, то кто-нибудь должен был нести жертвы гражданской войны. Уже все те меры, о которых сказано было раньше, отражались на

[1] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, дело № 23, 1919 г. Приложения к журналам заседаний ВПСО, т. VII, журнал заседания 21 июня 1919 г.

[2] Там же, т. XI. Журнал совещания при Отделе финансов, торговли и промышленности по вопросу о ликвидации лесопильных заводов, 21 августа 1919 г.

интересах широких масс, в том числе и на интересах мелкой буржуазии. Но и этого было недостаточно, и с целью выкачки нужных средств правительство приступило к резкому повышению косвенных налогов, к налогам на предметы широкого потребления.

«Чтобы хоть как-нибудь усилить поступления, — докладывал на заседаний Временного правительства управляющий отделом финансов кн. И. А. Куракин, — пришлось увеличить ставки косвенного обложения, прибегнув в этом отношении к экстренным мерам». [1]

Издержки по гражданской войне целиком перекладывались на плечи широких масс.

6. Земельные законы.

Если не считать Врангеля, к тому же издавшего свой земельный закон в 1920 г., т. е. уже после опыта почти всей контрреволюции, то аграрное законодательство северной контрреволюции было наиболее значительной попыткой отказаться от обычного для контрреволюции пути разрешения аграрного вопроса — вернуть дореволюционные земельные отношения. Временное правительство Северной области попробовало свои отношения с крестьянством построить на иных основаниях: завоевать его, сохранить над ним свою гегемонию путем прежде всего радикальной земельной реформы.

На эту меру правительство пошло не сразу, а лишь после сильного давления извне.

4 ноября 1918 г. в первом Архангелгородском полку, куда только что пришли мобилизованные крестьяне, произошли беспорядки, потребовавшие вмешательства самого правительства. [2] Это было первое серьезное предупреждение правительству — предупреждение уже действием. Убедившись, что без решительных уступок крестьянство окажется по ту сторону баррикады, а против союза таких противников, как пролетариат и крестьянство, буржуазия и в областном масштабе не устоит, в каком бы тесном союзе с помещиками она ни находилась и какую бы поддержку ни оказывали интервенты, буржуазия приступила к земельной реформе. 22 ноября 1918 г. при Отделе земледелия было организовано совещание по вопросам землепользования и землевладения в составе: управляющего Отделом земледелия и его заместителя, представителя губернской земской управы, представителя губернской агрономической организации, губернского комиссара, представителя управления государственных имуществ, представителя юрисконсультской части при генерал-губернаторе и лиц сведущих по назначению управляющего отделом земледелия.

Уже самый состав комиссии говорил, по какому пути пойдет разработка новых земельных законов, а в самом правительстве всякая мера, хотя бы в малой степени посягающая на частную земельную собственность, встречала долгое и упорное сопротивление. Так 23 декабря 1918 г. в правительство было внесено предложение запретить городским думам продажу маломерных земельных участков без санкции высших административных властей, так

[1] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, дело № 23, 1919 г., т. IV, журнал заседания ВПСО, № 30 от 7 декабря 1918 г.

[2] Архангельский губархив, ВПСО, отдел иностранных дел, дело № 13, журнал заседания ВПСО, № 16.

как такая продажа «влечет за собою совершенно не желательное в данный момент обострение политической борьбы по вопросу о праве частной собственности на землю».

Сам инициатор предложения постарался придать ему весьма невинный характер, отгородившись от обвинения в посягательстве на незыблемый закон собственности.

«Последний вопрос, — аргументировал докладчик, — несомненно может быть разрешен только общегосударственной законной властью — новым учредительным собранием,— и предпринимать какие-либо изменения в данное время в отношении землевладения и землепользования для одной Северной области совершенно не представляется возможным». [1]

Тем не менее и эта мера встретила решительный отпор и только после большой борьбы была принята, и то лишь в принципе.

Первый земельный закон, пройдя стадию длительной борьбы, был опубликован 13 января 1919 г.

По этому закону все расчистки Архангельской губ. на казенных землях были переданы из ведения Управления государственных имуществ в ведение земства, что собственно предполагалось еще постановлением Верховного управления от 21 сентября 1918 г. Все расчистки оставлялись в пользовании прежних владельцев, при условии, если они не превышают норму в 12 *га* на домохозяина или домохозяйку, и имеют сельскохозяйственное значение, являясь единственным источником средств существования, либо вообще служа нуждам чисто земледельческого или промыслово-земледельческого хозяйства. Волостному земству предоставлялось право облагать особым сбором, но в размере не свыше средних арендных цен, те расчистки, которым истек срок пользования. Часть расчисток, превышающая предельную норму, поступает в земельный фонд волостного земства,

«за исключением тех случаев, в которых волостное земство, в интересах данного хозяйства, найдет необходимым оставить его в пользовании прежнего владельца по средним арендным ценам».

Чтобы по-настоящему оценить классовый смысл этого закона, надо хотя бы бегло ознакомиться с тем, что такое расчистки, каково их количество и какую роль они играли в сельском хозяйстве области.

Еще в 1826 г. царское правительство разрешило всем крестьянам расчищать казенные леса под пашни. По закону участок, намеченный крестьянином, должен был быть расчищенным и удобренным не долее чем в 6 лет, после чего он поступал в пользование крестьянина на 40 лет.

Позднейшие законодательства, в целях увеличения земельной площади, облегчили условия расчистки, выделив большие пространства лесов, болот и т. п., разрешив расчистку как отдельным крестьянам, так и целым деревням и обществам в количестве до 15,6 *га* на каждую ревизскую душу и разъяснив, что по истечении 40 лет расчистки остаются во владении крестьян. Условия эти менялись у различных разрядов крестьянства. Так у удельных крестьян расчистки после 40 лет пользования отходили в пользу удельного ведомства, откуда крестьяне имели право их арендовать или приобретать в частное владение.

К этому нужно прибавить известное количество расчисток на надельных землях, но эти последние большой роли в сельском хозяйстве не играли.

---

[1] Канцелярия ВПСО, дело № 23, 1918 г., т. IV, журнал заседаний № 38.

Нам важно отметить, что частное землевладение у крестьян в губернии составилось исключительно (у казенных крестьян) из расчисток, а у удельных крестьян и из купленных удельных земель.

Всего таких расчисток у крестьян оказалось в сравнении с надельной землей:

Название уездов	Площадь земли во владении	В том числе площадь расчисток	Процентное отношение
Александровский	3 916,1	1 287,3	33
Архангельский	29 175,3	10 105,2	35
Кемский	34 523,2	6 706,2	19
Мезенский	39 133,7	18 341,1	47
Онежский	46 068,7	11 623,3	25
Печерский	45 227,0	7 181,0	16
Пинежский	35 165,4	11 660,3	33
Холмогорский	40 244,5	13 798,1	34
Шенкурский	131 474,1	26 998,2	21
Итого	404 928,0	107 704,0	27

Дадим еще одну небольшую таблицу, чтобы показать, какой процент крестьян прибегал к расчисткам:

Название уездов	Общее количество хозяйств	Количество владельцев расчисток	Процентное отношение
Александровский	1 161	62	5
Архангельский	9 323	2 030	22
Кемский	6 030	1 455	24
Мезенский	5 046	2 370	47
Онежский	8 210	3 488	42
Печерский	6 915	1 857	27
Пинежский	6 948	2 500	36
Холмогорский	8 532	3 300	39
По губернии	52 165	17 062	33

Как видим, к расчисткам обращалось разное число крестьян по районам, от 5% до 47%, но в общем меньше третьей части всего числа хозяйств.

Не трудно выяснить при этом, какие именно группы крестьян пользовались расчистками. Прежде всего бросается в глаза количество гектаров расчисток на хозяйство. В то время как средний размер душевого надела в Архангельском уезде составляет 0,9 *га*, средняя площадь расчисток на одну

душу — 3,4, в Мезенском уезде — 1,1 и 3,8, в Онежском — 1,7 и 3,4, а по всей губернии средний размер душевого надела был 1,3 *га*, а средняя площадь расчисток — 3,5 *га*, т. е. почти в три раза больше. Если же перейти от средних норм, — а мы, к сожалению, вынуждены были пользоваться данными народничествующих статистиков, — то и эти цифры станут более показательными.

Так, например, в Архангельском уезде из крестьян, имеющих:

до 1 *га*	от 1—3	от 3—6	от 6—10	от 10—14	от 14—20	20 и выше
владеют расчистками в процентах:						
9,2	19,5	4,5	61,1	81,3	100,0	100,0

Таким образом по мере обеспеченности землей растет и количество расчисток, а в группе от 14 *га* все домохозяева имеют расчистки.

Приведем наконец последнюю цифру — стоимость расчисток. В 1912 г. средняя стоимость *га* расчистки в Пинежском уезде была 298 рублей, а средняя цена *га* земли в Центральном земледельческом районе в 1909 г. была 151 руб. Пусть стоимость расчистки в Пинежском уезде не характерна, но для Архангельского и Шенкурского уездов в 1910 г. она все же составляла в среднем 182 руб. с 1 *га* стоимость весьма значительная.[1]

Таким образом расчистки в основном находились в руках деревенской верхушки, в руках кулаков, обладавших соответствующими материальными средствами либо для разработки пашни из-под леса, либо для покупки расчисток у правительства, а чаще у его фактического владельца.

После революции 1917 г. вопрос о судьбе расчисток вызвал обостреннейшую борьбу, причем любопытно, что I съезд крестьянских депутатов, состоявшийся в июле 1917 г., потребовал от буржуазного Временного правительства отчуждения всех казенных, монастырских и т. п. земель, в том числе и расчисток, без выкупа в общенародное достояние. Одна эта резолюция снимала всякие сомнения с вопроса, являлись ли расчистки кулацким достоянием.

Дальнейший процесс расслоения в деревне в ходе революции, захват эсерами руководства крестьянскими организациями отразились и на судьбе расчисток.

4-я сессия губернского земельного комитета стала на путь сохранения расчисток, не превышающих трудовую норму, в руках прежних владельцев. На тот же путь стал и I съезд советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Архангельской губ., имевший место в феврале 1918 г.

Резолюция I съезда также требовала сохранения расчисток, не превышающих трудовой нормы, в руках прежних владельцев. Только II съезд советов в июне 1918 г., потребовал передачи расчисток в общенародное достояние.

Закон Временного правительства Северной области о расчистках, установивший предельную норму владения в 12 *га*, стал таким образом на точку зрения трудовой нормы и тем самым затронул интересы кулацкой верхушки деревни.

---

[1] См. «Вестник ВПСО» № 54 от 15 декабря 1918, журнал Отдела земледелия ВПСО №№ 1, 2, 3, статьи А. Дьячкова, М. Мартынова и др. при переводе русских мер в метрические цифры кое где округлены.

На этом Временное правительство не остановилось. 19 февраля 1919 г. оно вынесло постановление, по которому в виде временной меры в земство передавались все казенные и бывшие удельные земельные оброчные статьи на тех же условиях, что и расчистки, т. е. для распределения между крестьянами не свыше 12 *га* на хозяйство.

Наконец 4 апреля 1919 г. Временное правительство Северной области постановило передать земству все монастырские, архиепископские и церковно-причтовые земли, в общей сложности около 84 тыс. *га*. За прежними владельцами — монастырями и т. п. — сохранялось лишь количество земли, потребное для них, как самостоятельных трудовых земельных общин.

Все земельные законы весьма радикальны, особенно на первый взгляд. Ни одно белое правительство не решилось на такую меру, как ликвидация крупного землевладения и даже ограничение кулацкой собственности известной и не очень высокой нормой.

Понятно, что так разделаться с крупными собственниками, какими являлись в известной мере монастыри и церкви, позволило отсутствие помещика в Северной области. Помещики же, земли которых находились в других частях России, в конце концов после продолжительной борьбы проглотили эту пилюлю, справедливо полагая, что закон Временного правительства временный, притом местный, а не всероссийский, и их непосредственных интересов не затрагивает, тем более, что у них налицо было и реальное утешение. Отобрав землю у частных собственников, монастырей и церквей, правительство не отменило частной собственности на землю, оставляя себе лазейку на будущее, когда придется иметь дело с земельным вопросом дальше, после продвижения в глубь России. С другой стороны, отобрав землю в принципе без выкупа, Временное правительство постаралось компенсировать духовенство другими подачками: заседания Временного правительства очень часто посвящались вопросу повышения окладов священнослужителям, расширению штатов всяких духовных и церковных учреждений и т. п.

Законы однако оказались радикальными лишь по форме. На деле они ушли недалеко от колчаковского творчества.

В самом деле! Прежде всего они вырабатывались с поразительной медленностью, что говорило о той глубокой борьбе, которую приходилось преодолевать «законодателям». Результатом этой борьбы и явились половинчатость и недоговоренность законов, о которых уже была речь: установив ограничительную норму землевладения, Временное правительство не отменило частной собственности на землю, что открывало возможность в будущем итти на уничтожение самого закона. Один из составителей земельного закона как раз эту сторону закона и подчеркивал.

«... Я имел случай побеседовать о местных земельных законах с управляющим Отделом внутренних дел В. И. Игнатьевым, который приложил к ним в период их создания свою руку и руководил проведением их в жизнь», — так писал автор труда о Северной области.

«...На мои сетования, что они страдают неопределенностью и что главный их недостаток состоит в том, что правительство в стадии их фактического осуществления отстранилось от руководства, предоставив, собственно говоря, все земству, он, нимало не смущаясь, заявил мне, что в неопределенности содержания этих законов и заключается главное достоинство, так как она придает им ту гибкость и эластичность, которая в зависимости от

последующего разрешения аграрного вопроса во всероссийском масштабе даст возможность сделать из них вывод или в сторону укрепления собственности, или в развитие идеи социализации земли».[1]

Опубликовывая законы для всеобщего сведения, Временное правительство однако всячески задерживало проведение их в жизнь. Например, инструкции о проведении закона издавались часто на 2—3 месяца позже закона: 4 апреля был опубликован закон о церковной и монастырской земле, а 11 июля только появилась инструкция о порядке отобрания земли.

В самих законах, — во всех трех и притом в одной и той же формулировке, — была оставлена лазейка для всех прежних владельцев: волостному земству в каждом отдельном случае разрешалось оставлять и расчистки, и другие оброчные статьи, и церковные земли в руках прежних владельцев.

Кроме этой лазейки правительство особым постановлением разрешило управляющему Отделом земледелия

«не применять в отдельных случаях постановления Временного правительства Северной области от 13 января 1919 г. о расчистках с тем, чтобы интересы действительных владельцев были обеспечены».[2]

Временное правительство совершенно открыто заявило, что интересы кулака должны быть ограждены. Что остается после этого разъяснения правительства от закона, — этого не мог сказать и сам управляющий Отделом земледелия, усердно применявший не самый закон, а разъяснение к нему.

Дальше. Расчистки были оставлены за старыми владельцами по норме не свыше 12 *га*, но за теми же владельцами была сохранена и надельная земля, что при тамошней малой обеспеченности землей вместе с расчистками составляло не малое количество земли.

По земельным законам излишки земли, право их распределения, отобрание или оставление у прежних владельцев — все это передавалось в волостное земство, туда же на разрешение передавались все спорные вопросы о земле. А каков состав этих волостных земств, — можно судить по характеру выборов. В Холмогорском уезде в одной из крупных волостей, Кушевской, из 2 356 избирателей явилось на выборы 396, т. е. 13%, в Кривецкой волости явилось 5,5%.

Эти цифры еще ярче, когда берешь отдельные избирательные участки. В Панфиловском обществе Кушевской волости из 303 на выборы явилось только 25 избирателей. Так как выборы были персональные, то для выборов гласных достаточно было нескольких голосов.

В Кемском уезде, в Суманском посаде, выборах участвовало 15% избирателей и т. п. В Часовенской волости Архангельского уезда в волостное земство было избрано 26 человек.[3] По закону о выборах в земство работа в земстве была бесплатной, а само избрание производилось на 3 года. Для крестьянина, если даже согласиться, что крестьяне примут участие в выборах,— таково ли было его намерение, мы только что видели, — такая длительная служба являлась тягостью, крестьяне старались поневоле выдвинуть в кандидаты людей побогаче. В результате на 26 гласных более половины членов оказалось зажиточных крестьян, а остальные — из крестьян, прежде несших

---

[1] Архив русской революции, т. III, ст. Добровольского, стр. 93.

[2] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, дело № 23, 1919 г., т. IX, журнал № 90/131.

[3] «Вестник ВПСО» №№ 12, 18 от 18 и 25 января 1919.

мало повинностей. Состав получился определенно кулацкий. Такие же последствия имели выборы и в других волостях, так как закон о трехлетней бесплатной службе оставался в силе для всей области. Спорные земельные вопросы таким земством решались довольно пристрастно.

Наконец решающей инстанцией при всех земельных недоразумениях являлся суд, восстановленный эсерами в его царской форме. Первое же дело, дошедшее до этого суда, рассказывает член правительства Игнатьев, [1] было решено на основании сохраненного закона Российской империи, т. е. за прежним владельцем была сохранена вся его земля. Что стоил самый радикальный закон при таких условиях? Какие бы земельные законы ни издавались, какое большинство ни было бы в волостном земстве, но раз оставались неотмененными старые законы, старое Уложение, то все спорные дела неизменно решались бы в пользу «законных» владельцев, для защиты которых и составлялись законы.

Дело не в том, что, как полагает Игнатьев, во главе суда стоял черносотенец Городецкий, дело в сохранении самой системы. Буржуазное правительство не могло создать новой системы, и потому все ее реформы, не укладывавшиеся в рамки старой системы, оставались на бумаге.

Когда стал известен закон о земле Колчака, очень расплывчатый, туманный, но все же достаточно внятно говоривший о правах старых владельцев, в Северной области прокатился обратный захват земли прежними владельцами. Суд только поощрял эту меру, вполне нормальную с точки зрения его законов.

Результат земельного законодательства оказался, несмотря на всю его решительность, не тем, которого ожидало буржуазное правительство. С кулаком благодаря всяким лазейкам и отступлениям в законе удалось наладить если не связь, то добрососедские отношения. Полной связи достигнуть так и не сумели: этому мешали твердые цены на хлеб, вообще на продукты сельского питания, вызываемые потребностями военного времени, с одной стороны, и стремлением успокоить мелкую буржуазию города — с другой. Но беднота и середняцкие силы деревни реагировали на эту политику весьма резко. Беднота, первое время увлеченная кулаками в партизанские отряды, прельщаемая большой финансовой и продовольственной поддержкой, в массе довольно быстро показала, на чьей стороне ее симпатии. Уже 11 декабря 1918 г. произошло восстание мобилизованных в Архангелогородском полку. Это был, кстати сказать, единственный русский полк северного правительства, стоявший притом в столице правительства. Наличие англичан в городе не помешало вспыхнуть «небольшому недоразумению», как охарактеризовал генерал-губернатор бунт в своем приказе. Очевидно положение масс стало плачевным, если и штыки интервентов не помешали прорваться наружу недовольству.

В то же самое время усилилось добровольческое движение в Красную армию в местностях, которым угрожало англо-русское нашествие. Так одна только Посадская волость Онежского уезда дала в Красную армию свыше 200 добровольцев, а в Савинской области образовался отдельный отряд партизан в 80 человек и т. п. [2]

Декабрьский бунт в Архангельске не оставался явлением одиночным.

---

[1] Игнатьев, цит. работа, стр. 41.

[2] И. П. Соловьев, Из истории революции и гражданской войны в Онежском уезде.

Суровая расправа с солдатами только на каких-нибудь два-три месяца удержала крестьянство от проявления недовольства. Уже в апреле вспыхнуло восстание в 8-м Северном полку; почти в то же время произошло восстание в 3-м полку на двинском участке фронта; в Онежском районе перешел к большевикам, перебив своих офицеров, в ночь с 20 на 21 июля 5-й Северный полк; почти в то же время поднялся Дайеровский батальон, сформированный англичанами в честь погибшего англичанина Дайера; попытка к восстанию произошла в 6-м Северном полку на железнодорожном фронте, самом важном пункте всего фронта; был наконец открыт заговор в 7-м Северном полку в Селецком районе. Из всей армии не было почти ни одного полка, который бы так или иначе не проявил своего отрицательного отношения к власти, не останавливаясь перед восстанием и репрессиями.

Сдали и лучшие части контрреволюции — партизаны.

Среди добровольцев, сражавшихся против большевиков, крестьянские партизанские отряды составляли основное ядро; это были шенкурские и тарасовские отряды. Шенкурский отряд был организован своими же офицерами, выходцами из богатых крестьянских семей, составлявших опору эсеровской организации. Тарасовский отряд был организован в волостях Холмогорского уезда. Организация отрядов обычно проходила одним и тем же способом. Под руководством местных офицеров, в Шенкурском уезде, или присланных, как в Тарасовском районе, объявлялась мобилизация для всего взрослого населения, иногда от 18 до 45 лет.

В других районах ограничивались добровольным принципом формирования, вовлекая в отряд крестьянство, изголодавшееся после неурожая и длительной гражданской войны.

Эти кулацкие, по руководству, отряды составляли наравне с «союзниками» и офицерами основную боевую силу на фронте. Они находились всецело под влиянием своих офицеров, вышедших из тех же деревень и сохранивших в отряде товарищеские отношения с солдатами. Их принадлежность к эсерам отнюдь не внушала недоверия буржуазии, ибо их партийные вожди не за страх, а за совесть восстанавливали буржуазные порядки. Но после разгона эсеровского правительства буржуазии нужно было сохранить за собой эти отряды, не давая им выродиться во враждебные или по крайней мере оппозиционные группы. Достигалось это отчасти сохранением демократических отношений в самом отряде, без введения туда царских приемов командования, а главным образом установлением особой продовольственной помощи семьям солдат. Семья всякого солдата получала пособие в 100 руб., а солдат-доброволец — партизаны все считались добровольцами — получал 300 руб. немедленно по вступлении в армию и затем по 300 руб. каждые 3 месяца службы, — так дорого ценила буржуазия их услуги. Это добавление оставалось за добровольцами независимо от объявления всеобщей воинской повинности. Семьи офицеров были поставлены конечно в еще лучшие условия: они могли получать содержание английскими деньгами за границей. Такими мерами пыталась буржуазия закрепить за собой партизанские отряды.

Меры эти оказались недостаточными. По мере выяснения сущности земельного законодательства, по мере углубления продовольственного кризиса и выяснения характера правительства стали разлагаться и переходить на сторону большевиков даже и партизаны, приводя иногда с собой и своих офицеров.

Добровольский, военно-полевой прокурор области, пытавшийся в своем труде оправдать деятельность правительства и доказать возможность «государственного строительства на началах, положенных в основание бытия западно-европейских демократий», [1] принужден подчеркнуть основные, с его точки зрения, причины восстания, среди которых были и следующие: чисто местные, полковые, — обмен командным составом солдатского рома на мех, продажа и утайка пайка — весьма характерные явления старого режима в полках, — а затем уже общие, областные, касающиеся всего населения — обязательная регистрация в банке всех денежных знаков, так называемая перфорация, с целью избежать наплыва денег из Советской России, недостаток семян, наконец недовольство отвлечением от сенокосных и других полевых работ.

Термином «отвлечение» защитник нового правопорядка пытается скрыть факт разорения сельского хозяйства, как результат поголовной мобилизации. Уже по переписи 1917 г. из 11 129 мужчин в рабочем возрасте по Холмогорскому уезду отсутствовало 6 128, в том числе 5 191 человек находилось в армии, а по Шенкурскому уезду из 24 869 мужчин в рабочем возрасте отсутствовало 15 053, из них 12 338 в армии, т. е. почти 60% всего мужского населения было оторвано от хозяйства. Демобилизация не всех вернула в старые места, так как многие застряли в плену и еще в 1920 г. продолжали возвращаться домой. По новому же закону под ружье было призвано опять все мужское население до 40 лет. Хозяйство, и без того крайне примитивное, державшееся почти исключительно на мускулах земледельца, потеряло свою единственную возможность существования. Забор всего рабочего населения конечно больше всего ударил по наименее обеспеченным слоям — бедняцким и середняцким, общее настроение которых проявилось в целом ряде восстаний.

Но у нас имеется еще один свидетель, показания которого имеют больший вес, чем размышления Добровольского, ибо исходят они от союзного военно-контрольного офицера, лейтенанта британской службы. Приведем его свидетельство тем более, что оно лишний раз подчеркивает, чем занимались союзники.

«Причиной отказа отправиться на фронт, — доносит об одном из бунтов британский офицер, — было главным образом нежелание рисковать своей жизнью за чужие волости и в высшей степени несознательное отношение к большевизму почти всех чинов, которые состояли не из добровольцев или же проявивших какое-либо сочувствие к существующему режиму людей, а, наоборот, из самого неблагонадежного и несознательного элемента. Этим воспользовались находившиеся в ротах известные сочувственники беззакония и большевизма, которые состояли в связи с большевиками и вели разлагающую агитацию: кроме того неуплаты за подводы, сено и другие предметы, реквизированные для военных надобностей. В высшей степени неудобное для населения постановление областного банка о штемпелевании денег создало среди населения известное неудовольствие, которое отразилось и на солдатах Пинежских рот». [2]

А дальше, подводя итог своему донесению, британский лейтенант снова подчеркивает основные причины бунта:

«Что же касается виновности, то главную вину конечно следует приписать агентам большевизма, состоявшим в связи с красноармейцами и руководившим восстанием».

---

[1] Б. Соколов, Архив русской революции, т. III, С. Добровольский Борьба за возрождение России в Северной области.

[2] АОР, ф. IV, оп. 6, д. № 52, л. 176.

Вся беда в том, что в полках накопилась почва для «сочувственников» большевизма, — так подытожил причины восстаний британец.

До общего восстания дело не дошло только потому, что на местах некому было восставать, ибо все почти население, способное носить оружие, было взято в армию, но армия восставала полк за полком, и не будь англичан, дело не ограничилось бы местными восстаниями.

Из-под правительства стала уходить почва: к враждебно настроенному пролетариату присоединились широкие массы крестьянства, образуя союз, перед которым уже не раз пасовала буржуазия. Оставалось только не раз испытанное средство, не всегда, правда, с одинаковым успехом: твердая, решительная власть, военная диктатура без всяких «демократических» привесок.

7. Конституционная игра.

За буржуазной реакцией уже давно группировалась реакция монархическая, реакция крепостническая. Уже после отставки эсеров, при деятельном, как мы помним, участии англичан она пыталась предъявить свои права на руководство. Сейчас не столь быстро, как ей этого хотелось, но она все же постепенно вступала в свои права. Для нее был найден и подходящий генерал, специально выписанный через англичан из Италии, генерал-лейтенант Миллер, прибывший в Архангельск 13 января 1919 года и назначенный генерал-губернатором области приказом правительства, главой которого все еще оставался «народный социалист» Чайковский. Этот «кадет второго созыва», как назвал эсеров в 1905 г. Милюков, только одной мерой попытался умалить назначение генерал-губернатора: своим единоличным приказом, — как председатель правительства, без участия всех остальных членов правительства, так подчеркивалось дважды в официальных извещениях, — Чайковский назначил энеса Игнатьева, бывшего правительственным комиссаром в губернии, управляющим Отделом внутренних дел с оставлением в прежней должности. Получилось очень интересное положение: по должности губернского комиссара Игнатьев подчинялся Миллеру, как генерал-губернатору, а Миллер подчинялся Игнатьеву, как управляющему Отделом внутренних дел.

Равновесие оказалось неустойчивым, так как генеральский мундир оказался тяжелее энесовского сюртука: в конце января Чайковского «уехали» за границу для представительства в политическом совещании, а генерал-губернатор Миллер сделал первый шаг к нарушению равновесия и приказом № 2 объявил, что ему непосредственно подчинены: командующий войсками Северной области, командующий флотилией Ледовитого океана, управляющий Отделом внутренних дел — генерал все же съел устанавливающего равновесие управляющего, — управляющий Мурманским краем, заведующий путями сообщения, на которого возлагалось общее руководство почтой и телеграфом и т. д.

Что же собственно оставалось? Оставалось разве сменить республиканское платье на военный мундир, написать на вывеске правительства вместо «правое и демократическое» — диктатура. Но генералы, как известно, меньше всего спорят из-за терминов, — важнее суть, а суть нового правительства была военная диктатура.

Куда идет развитие событий, понимали и в правительстве. Отъезд Чайковского и назначение Миллера не могли не вызвать в населении толков о характере и перспективах работы правительства. Временное правительство обратилось к населению области с воззванием, в котором попыталось разъяснить происшедшее.

Все новые области освобождаются от большевиков, — объявляло правительство свою новую программу. В Париж съезжаются представители этих областей для разрешения вопроса о всероссийском политическом центре. До разрешения этого вопроса Временное правительство оставляет за собой власть, опираясь на все классы населения, стоя выше классовых и партийных интересов и строя государственную жизнь на демократических началах.

«Продолжая во имя национальных интересов, — читаем мы в одном из пунктов воззвания, — со всею справедливостью, решительностью и беспощадностью борьбу с большевиками, с большевизмом и со всеми сторонниками советской организации власти, Временное правительство в то же время будет твердо устранять всякие попытки направить жизнь Северной области в сторону реакции». [1]

Короче, борьба на два фронта — и против большевизма и против реакции, такова официальная программа правительства, объявленная за подписью всех его членов, в том числе и ген. Миллера.

Далеко, видно, зашел процесс перехода к военной диктатуре — под реакцией воззвание имеет в виду конечно генеральскую диктатуру — раз пришлось публично отгораживаться от «реакции».

Напрасный, впрочем, труд: заявлениями не задержать исторического развития классовой борьбы, неудержимо шедшей к повторению колчаковщины, к военной диктатуре.

Но чистых явлений в природе не бывает. Тем меньше можно их встретить в истории. Превращение буржуазной реакции в военную диктатуру не шло по одной прямой несгибающейся линии — факты исторические вообще не укладываются в узкую схему, — в их движении можно только наметить общую тенденцию с теми или иными отступлениями от нее. Такие же отступления имелись и в исследуемой нами области превращения буржуазной реакции в военную диктатуру. Правительство, в особенности его историки, в тиши эмиграции предающиеся детальной защите былой работы, выпячивало вперед представительную сторону земского городского собрания, широкую выборность при его созыве и главным образом свою демократичность, сказавшуюся в отказе от диктаторских, единоличных методов управления областью в угоду демократической системе.

Так обстояло дело с точки зрения официальной, доступной общественному обзору, но закулисная сторона этих преобразований, ставшая известной из архивов северного правительства, говорит совсем о другом.

15 марта из Парижа за подписью бывшего русского посла Маклакова, по поручению политического совещания, получилась на имя Временного правительства телеграмма с изложением политических настроений за границей. [2] За границей, — сообщает Маклаков, — после войны, наблюдается

---

[1] «Вестник ВПСО» № 25 от 2 февраля 1919.

[2] АОР, д. № 4, л. 64. Политическая корреспонденция и переписка с ген. Пулем. Телеграмма № 454, копия Омск, Екатеринодар.

усиление демократических идей, все более получающих авторитет в международной политике. Политическое совещание подвергается перекрестному наблюдению общественных кругов, выясняющих степень его демократичности. Со столбцов газет не сходят вопросы о судьбах завтрашней России и искренности демократических пожеланий новых правительств.

«Вся тень старой России внушает недоверие,—продолжает Маклаков.— Естественным ответом на такое отношение была бы правительственная поддержка всего демократического фундамента путем выборов представителей области в центральное представительное собрание. Однако допустимость и возможность этого предоставляется местными условиями момента»...

Чайковский к этой телеграмме прибавил:

«Мое личное мнение такое: выборы произвести желательно в спешном порядке, что укрепит центральную власть, не нарушая военной верховласти союзного главнокомандующего». [1]

Это проливает свет на «демократические» отступления военной диктатуры. Демократические привески появляются не в результате сознания их необходимости, а под давлением общественности в «союзнических» странах. В слишком мрачные краски обновленной России нужно подбавить цвета, более отвечающие современным требованиям момента. Но проделывается эта операция так, что общий фон сохраняется.

Телеграмма Чайковского вызвала переполох в правительстве, катившемся к военной диктатуре.

«Повидимому, — ответил Чайковскому его заместитель Зубов, — речь идет о центральном органе для всей России, но тогда нужно и центральное общерусское правительство и общие положения, по которым необходимо производить выборы. Если демократичность нашего правительства берется под сомнение, то вы сами знаете, как и почему оно сконструировалось именно в этом составе». [2]

Что касается создания местного органа, то Зубов не видит для него на месте людей, земство же он считает настолько неподготовленным к роли представительного учреждения, что опасается как бы местный представительный орган не вылился в митинг.

Еще любопытнее было возражение другого корреспондента Чайковского— К. Г. Маймистова, управляющего делами правительства. Маймистов был социал-демократом - меньшевиком и в качестве меньшевика фигурировал в списке социалистического блока на выборах в городскую думу.

«Вы знаете, — пишет этот меньшевик, — что я не ретроград, но когда я вспомнил, как много пришлось России и нам пережить из-за отсутствия государственности в демократии, а также то, что весь нынешний аппарат мы строим не на демократических, а на чиновничьих элементах, при абсолютно катастрофическом состоянии области (при котором всякую власть можно спихнуть демагогией), — то испугался вашей телеграммы о демократическом центре и каком-либо законодательном органе в области». [3]

Но тут именно, по пословице «скачи, враже, як пан каже» — и меньшевику, искателю государственности в демократии, и кадету, новому Диогену, рыскавшему за людьми для представительного органа, пришлось подчиниться и придумать какой-нибудь суррогат конституции.

---

[1] АОР, д. № 4, л. 64. Политическая корреспонденция и переписка с ген. Пулем.
[2] С. П. Мельгунов, Н. В. Чайковский в годы гражданской войны, стр. 209.
[3] Там же, стр. 210.

26 марта 1919 г. Временное правительство опубликовало постановление о созыве представителей земств и городов для обсуждения вопросов особой государственной важности, а именно: 1) о налоговой системе, 2) о расширении бюджетных прав земского и городского самоуправления, 3) о безработице и мерах к ее ослаблению, 4) о медико-санитарном деле в области, 5) об организации продовольственного дела и 6) о свободной торговле. Кроме этого предполагалось сделать сообщения о денежном обращении, об организации местного суда и текущих работах отделов правительства.

В члены совещания избирались лишь гласные земских и городских самоуправлений. Само совещание собиралось на две недели и имело право избирать комиссии.

Представительство, согласно постановлению Временного правительства, было намечено в составе:

1. От уездов.

Уезды	Число представителей	
Александровский	1	
Кемский	4	
Онежский	4	
Архангельский	5	
Холмогорский	5	
Шенкурский	10	(ввиду занятия большевиками — 5)
Пинежский	4	
Мезенский	3	
Печерский	4	
Всего	35	

2. От городов.

Города	Число представителей
Архангельск	8
Александровск	1
Кемь	1
Онега	2
Холмогоры	1
Пинега	1
Мезень	1
Всего	15

Всего участников совещания — 50.

Как видим, ничего «представительного» в этом совещании не было. Оно оставило за собой даже Булыгинскую думу, — та собиралась все же от населения, а не от учреждений.

Это было обычное чиновничье совещание, не выходившее из рамок известных в истории совещаний, собираемых самодержавием.

Но и этот «представительный орган» собран не был: за два дня до совещания, под предлогом присоединения к Северной области новых местностей, — как будто нельзя было произвести дополнительных выборов, — заседание совещания было отсрочено, причем, как и в старых царских манифестах, срок созыва совещания не был указан — «в зависимости от указанных выше обстоятельств, точно не определяя дня его нового созыва, но не

позднее, чем через два месяца»:[1] такой маневр оставлял возможным либо совсем отказаться от созыва совещания при наличии соответствующих благоприятных обстоятельств, либо созвать его в наиболее подходящий для правительства момент. А в то же время продолжалась дальнейшая подготовка военной диктатуры и единоначалия.

30 апреля 1919 г. Временное правительство постановило признать Колчака.

«В интересах восстановления единой власти и ее национального государственного возрождения, — так гласила телеграмма, посланная Колчаку, — и в согласии с предложением русского политического совещания в Париже Временное правительство Северной области в заседании своем 30 апреля 1919 г. постановило официально признать объединяющей и главенствующей властью ныне действующее правительство в Омске, как временное всероссийское национальное правительство, сохраняя за собой требуемую обстоятельствами самостоятельность в области практических действий впредь до непосредственного нашего соединения.

Исходя из этого основного постановления, ВПСО впредь до получения полных и исчерпывающих директив от всероссийского правительства и согласования уже изданных сибирским правительством и правительством Северной области основных законоположений, будет продолжать свою деятельность на прежних основаниях».[2]

Признанию Колчака предшествовала переписка между временным правительством и политическим совещанием, член которого Чайковский настойчиво рекомендовал ускорить признание и тем добиться признания Колчака союзниками (состоявшегося 26 мая), но Временное правительство и не протестовало против такого признания. Только меньшевик Маймистов признал, что хотя соединение с Сибирью дает много козырей, но

«столь легкое ее уничтожение и отдание интересов области местным блюстителям с военным человеком во главе несвоевременно и вредно для дела строительства русского государства».[3]

Нас интересует здесь не фронда меньшевика — Маймистов дружно голосовал со всеми за Колчака, — но признание меньшевика, что этот акт означал передачу всей власти военному диктатору.

Догадка меньшевика не обманула его.

13 июня от Колчака последовал ответ, приветствующий «мудрое патриотическое решение Севера» и признавший на Севером «вызываемую чрезвычайными обстоятельствами самостоятельность в конкретных практических мероприятиях», а несколько позже прибыл и указ Колчака от 10 июня о назначении генерал-лейтенанта Е. К. Миллера главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами на северном фронте с предоставлением ему соответствующих прав.

12 июля Временное правительство, опираясь на приказ Колчака, подчеркнув характер власти на юге России у Деникина и отказ Колчака Юденичу в создании особого правительства для Петрограда, в целях — «однообразия форм управления во всех областях, освобожденных от большевиков, и более тесного объединения в управлении с центром», — постановило сложить свои полномочия и всю полноту власти передать главнокомандующему

[1] АОР, Книгохранилище. Сборник узаконений и распоряжений ВПСО № 14, постановление от 28 мая 1919 г.

[2] Архангельский губархив ВПСО, отдел иностранных дел, дело № 48. Сношения с сибирским правительством.

[3] С. П. Мельгунов, Чайковский в годы гражданской войны, стр. 213.

генерал-губернатору, возложив на него дальнейшую организацию военного и гражданского управления областью.[1] Военная диктатура, уже давно ставшая фактом, была оформлена и юридически.

Обстановка однако оказалась неподходящей: в правительстве стало известно об уходе англичан.

Первые же слухи об уходе англичан разразились, как гром среди ясного неба, так дико казалось остаться без английских штыков, так привыкли к их покровительству. Под впечатлением этих слухов 10 августа было созвано экстренное совещание членов архангельского торговопромышленного союза, на котором современные Минины, до сих пор очень туго развязывавшие свою мошну, приняли ряд экстренных мер, сообщенных генерал-губернатору Миллеру:

1. Северная область не может быть эвакуирована и должна быть защищаема, в случае ухода союзных войск, собственными силами.

2. В течение 2 недель должно быть собрано 5 млн наличными деньгами; эти деньги передать в распоряжение главкома на защиту Северной области от большевиков.

3. Мобилизовать в национальное ополчение все надежное население, способное носить оружие.

4. Не выдавать заграничных паспортов способному носить оружие мужскому населению и аннулировать уже выданные.

Решительность мер, с которой выступила буржуазия, подчеркивала полную неуверенность буржуазии в том, что можно было без иностранной помощи защищать область при наличии рабочих и крестьянских масс, уже давно вызывавших ее недоверие. Отсюда одно из первых предложений — не усиление армии, а укрепление своей классовой армии — национального ополчения — путем мобилизации н а д е ж н о г о населения. Первая мысль, таким образом — самооборона от своих же масс.

Если такое настроение овладело широкими буржуазными кругами, знавшими о положении в области часто по наслышке, то в верхах общества, непосредственно соприкасающихся с руководством области, воцарилась полная растерянность, в продолжение нескольких дней принявшая характер форменной паники. Упрашивали англичан на месте всякими средствами. Один из авторов белой эпопеи рассказывает, что ген. Марушевский, придя в отчаяние, предлагал заставить англичан силой остаться в области.

Пробовали задобрить наградами. Не было почти ни одного заседания правительства, в котором бы не награждался кто-либо из «союзников». Сейчас эти награды, и без того щедро раздаваемые правительством, посыпались градом: 11 июля — 11 наград, 10 августа — 9, 9 сентября — 16, 11 сентября — 47, из коих 35 англичанам, 18 сентября — 34 и т. д., награждали целыми партиями, до полусотни в день. А мы взяли даты наугад.[2]

Не помогли упрашивания и задабривания на месте, обратились за границу.

«По малочисленности и нравственному состоянию войск, — телеграфировал Миллер Колчаку, Юденичу, Сазонову и Чайковскому в Париже, — п о с л е у х о д а а н г л и-

---

[1] АОР, ф. IV, инв. № 23, арх. № 1 — 24, дело с секретными телеграммами из посольства в Париже, л. 174.

[2] АОР, ф. XVI, оп. 1, д. № 21.

чан держать нынешний фронт не представится возможным: с потерей веры у солдат в то, что мы сильнее большевиков и что своими силами можем хотя бы отстоять ныне занимаемую территорию, сразу возникнет большое дезертирство... Перед правительством дилемма: или отстаивать с офицерством и оставшимися верными долгу солдатами до крайнего истощения в конце концов в самом Архангельске, без надежды продлить эту оборону далее конца октября, примерно месяц после ухода англичан... или заблаговременно отказаться от борьбы с большевиками в Северной области»... [1]

Один только месяц борьбы — так измеряет Миллер боеспособность контрреволюции, оставленной без помощи англичан, подтверждая, что без интервенции русская контрреволюция не приняла бы размера, угрожающего существованию советской власти.

Из двух намеченных исходов сам Миллер считает первый — отстаивать до последней возможности область — не реальным, ибо из-за льдов не удастся эвакуироваться, и предлагает перебросить всю армию к Деникину, к Юденичу или даже к Колчаку. Только при твердой уверенности, что натиск Юденича и Деникина опрокинет большевиков, он мог бы попробовать отсиживаться на севере, в противном случае необходимо ликвидировать северный фронт, а боевые припасы и силы перебросить на другой фронт.

Надежды на Юденича и Деникина были очевидно к этому времени чрезвычайно крепки. Миллеру ответили приказом Колчака оборонять область и уверили в успехах Юденича и Деникина.

Но и это не рассеяло паники генерала.

«Не считая возможным без сопротивления отдать Северную область большевикам, — разослал Миллер телеграмму всем послам, — делаю попытку удержаться, независимо от ухода англичан. Дабы принятые меры усиления войск возымели свое действие, необходима отсрочка начала отвода английских войск с фронта, назначенного на 1 сентября, до половины сентября по крайней мере... Убедительно прошу настоять срочно на соответствующих распоряжениях»... [2]

В ответ английское военное министерство определенно заявило «о невозможности задержать эвакуацию в виду враждебности общественных кругов». [3]

Генерал-губернатор Миллер снова телеграфирует:

«Убедительно прошу настоять, чтобы увод военных судов происходил постепенно, растянув его хотя бы до половины октября... одновременное очищение рейда и города от посторонней вооруженной силы может иметь самое неблагоприятное влияние на настроение жителей... Рабочие и разные большевиствующие элементы могут легко увидеть в этом удобный случай для вооруженного выступления в городе»... [4]

Тут опять мы имеем авторитетное признание того факта, что реакция сидит на английских штыках, увод которых оставляет ее лицом к лицу с рабочими.

Через день новая телеграмма, еще более паническая:

«Английские войска покидают Архангельск между 27 и 29 сентября. Такая поспешность ставит меня в невозможность закончить все мероприятия... для обеспечения порядка в городе. Прошу выхлопотать распоряжение... отсрочить вывод войск из Архангельска хотя бы на одну неделю».[5]

---

[1] АОР, фонд. IV, инв. № 23, арх. № 1—24. Дело с секретными телеграммами из посольства в Париже, л. 183, телеграмма № 1300 от 4 августа.
[2] Там же, дело № 27, телеграмма № 1452, л. 103.
[3] Там же, IV, инв. № 23, арх. № 1—24, телеграмма № 556 от 7 августа 1919 г.
[4] Там же, телеграмма № 1582 от 17 сентября.
[5] Там же, телеграмма № 1590 от 18 сентября 1919 г.

Реакция заметалась, почувствовав колебание почвы. Задержать англичан хоть на неделю, лишь бы не оставаться одним лицом к лицу с пролетариатом и присоединяющимся к нему крестьянством.

Сами англичане поддерживали слухи об опасности оставаться одним. По улицам города было расклеено яркое объявление, сообщавшее об уходе англичан, об опасности для Северной области попасть в руки большевиков и т. д. Кончалось объявление приглашением ко всем желающим покинуть область воспользоваться помощью англичан, обещающих не только вывезти из области, но и найти работу по приезде в другую страну. Самый уход был назначен для всех судов на один и тот же час, когда по сигналу все должно было сняться.

На возвышенных местах города были расположены пушки и пулеметы. Чувствовалось, что англичане ждут восстания в самый момент своего ухода. Уверенность в том, что рабочий восстанет, проникла даже в головы интервентов, так была она действительна.

Убедившись в окончательном уходе англичан и «нравственном» состоянии войск, Миллер попытался прежде всего заменить англичан другими иностранцами. В Лондон посыпались телеграммы с просьбой разрешить оставить хотя бы добровольно желающих служить в русской армии, но Лондон остался неумолим.

Кинулись создавать добровольческие отряды. Миллер обратился к сербскому королевичу-регенту, в Швецию, в Данию, Финляндию, в Америку через русского посла Бахметьева — в Эстляндию, в Чехо-Словакию посылается специальный вербовщик, в Англию и т. п. Из Америки ответили, что закон запрещает вербовать добровольцев для иностранных организаций, притом попытка организовать батальон американцев для Сибири показала, что и при обходе закона рассчитывать на добровольцев не приходится.

Из Сербии Штрандман, российский посланник, ответил, что королевич регент разрешил набрать батальон сербов при условии перевозки и содержания их англичанами, но посол сомневается в возможности набрать добровольцев для действий вне страны и при существующей политической обстановке.

Посол в Швеции Гулькевич телеграфировал о возможности набрать отряд шведов в 4 тыс. человек, но предупредил, «что контингент, из которого набираются такие добровольцы, едва ли лучше самих большевиков».

Из Эстляндии ответили, что некий капитан Полудан может набрать батальон датчан и шведов в 300 человек при условии предоставления обмундирования, пайка, жалованья офицерам до 500 крон, унтер-офицерам — до 350, а рядовым — 200 и обеспечения семьи на случай гибели.

Миллер ответил просьбой набрать 1 000 человек, цену понизить и произвести набор немедленно, без выезда капитана Полудана на север, что вызовет излишнее замедление.

Через некоторое время прибыло сообщение, что Полудан набрал 500 человек и сам с группой в 30 человек выезжает в Архангельск для заключения окончательно контракта, а главное — для получения денег.

Все предприятие оказалось авантюрой. Из 30 человек, набранных им, в Тромсэ прибыло 17, причем из этих последних 1 бросился в море, 3 бежали, остальные разбежались в Вардэ. Вокруг авантюры в Дании началась

шумиха, которая кончилась тем, что российский представитель телеграфировал: «Прошу не посылать мне открытых телеграмм касательно участия моего в отправке датских добровольцев». [1]

Не помогли и способы набора, взятые из эпохи Тридцатилетней войны — насильственная продажа солдат, заключение дутых контрактов и т. п.

Заменить англичан оказалось некем.

Миллер попробовал еще одну попытку — использовать финнов. Он телеграфирует Колчаку просьбу признать независимость финнов и уступить им часть территории. Насколько несерьезным было предложение, можно судить по мотивам, которые выдвигал Миллер.

«Принципиальной стороной признания независимости, — писал Миллер, — и незначительными территориальными уступками, не имеющими жизненного значения для России, нужно пожертвовать для спасения целого». [2]

Понимая, что Колчак попрежнему будет настаивать на своей старой национальной программе, Миллер пытается убедить Колчака предложением надуть финнов: вызвать их участие в борьбе лишь незначительными уступками и принципиальным обещанием независимости.

Неизбежность ухода англичан и очевидный авантюризм вербовки добровольцев заставили реакцию рискнуть на помощь других слоев населения. Прежде всего постановлением от 2 августа Временное правительство отказывается от официального введения военной диктатуры, признанной 12 июля, и высказывается за сохранение Временного правительства.

Мало этого! Правительство решается итти на уступки оппозиции. В том же заседании правительство постановило ввести должность инспектора труда — левые фрондеры требовали введения *отдела* труда — и реорганизовать самое правительство путем введения в него представителей земского и городского самоуправлений.

8 августа 1919 г. Временное правительство реорганизовало себя следующим образом.

1. Председатель и управляющий отделами земледелия и иностранных дел — Н. В. Чайковский.

2. Заместитель председателя и ведающий Комитетом призрения — П. Ю. Зубов.

3. Главнокомандующий и заведывающий Отделом иностранных дел — ген.-лейтенант Е. К. Миллер.

4. Ген.-губернаторство и Отдел внутренних дел ввиду наличия в области главнокомандующего — упразднить.

5. Начальнику губернии предоставить право управляющего Отделом внутренних дел, ввести его в состав кабинета с подчинением главнокомандующему.

На должность назначить И. В. Багриновского.

6. Отдел торговли и промышленности соединить с Отделом финансов, Отдел продовольствия передать в ведение начальника губернии. На должность управляющего Отделом финансов, торговли и промышленности назначить инженера Н. И. Каменецкого.

7. Отдел земледелия и народного образования сохранить и назначить на должность управляющего Отделом народного образования М. М. Федорова, ему же поручить и заведывание Отделом земледелия впредь до возвращения Н. В. Чайковского.

8. Отдел юстиции сохранить. В виду поданного заявления С. Н. Городецкого об освобождении его от обязанностей управляющего, освободить, поручив ему временное заведывание впредь до назначения другого лица.

---

[1] АОР, ф. IV, инв. № 23, арх. № 1—28, л. 110; арх. № 1—15, телеграмма. № 100; арх. № 1—17, л. 2; оп. 1, д. № 14, лл. 47, 57, 60, 116, 124.

[2] Там же, арх. № 1—19, телеграммы в Омск № 1218, лл. 2—3.

9. Учредить должность инспектора труда в Северной области, подчинив его общему руководству Отдела финансов, торговли и промышленности, но с присутствием его в заседании правительства с решающим голосом по вопросам труда. Временно впредь до указания правительству кандидата на эту должность рабочих и торгово-промышленных организаций исполнение обязанностей инспектора возложить на К. Г. Маймистова.

10. В состав кабинета в качестве членов правительства Северной области без портфеля пригласить, впредь до выбора земским и городским самоуправлениями по одному представителю, архангельского городского голову и председателя архангельской губернской земской управы или их заместителей.

11. Освободить согласно прошению управляющего Отделом внутренних дел В. И. Игнатьева и управляющего Отделом торговли и промышленности Н. В. Мефодиева.

12. Кн. И. А. Куракина считать в составе кабинета представителем при всероссийском правительстве в Омске.[1]

В то же время отдается распоряжение о созыве земско-городского совещания, того самого «демократического» органа, установления которого требовало еще в марте политическое совещание в Париже. Маневр правительства не трудно разгадать уже из этого постановления.

Отказавшись от формального признания военной диктатуры — без англичан, при наличии брожения во всех основных группах населения, военная диктатура означала бы неминуемый взрыв, — попробовали подкрасить правительство в более демократические цвета и, сделав небольшие уступки, поставить земско-городское совещание перед свершившимся фактом.

Любопытно, что на заседании 8 августа некоторые члены правительства предложили выждать созыва земско-городского совещания и потом решить вопрос о реконструкции власти, но большинство правительства решило произвести ее немедленно, чтобы небольшой уступкой опередить более высокие требования совещания. А уступка по существу была очень незначительной. Организовали инспектуру труда, но подчинили ее Отделу торговли и промышленности и самый отдел оставили в твердых руках. Ввели представителей «общественности», но не дали им в заведывание никаких отделов.

Кроме этого из правительства вывели оппозицию в лице Игнатьева, а самый Отдел внутренних дел упразднили, передав его в фактическое заведывание Миллера, подчинив ему же начальника губернии.

От этих мероприятий правительство делалось еще компактнее, объединившись вокруг Миллера, в руках которого сосредоточивалась вся армия, полиция, внутренние дела и вся область внешних сношений. А в то же время введение представителей земско-городских самоуправлений делало его более конституционным. Обшитый полупарламентскими формами абсолютизм, — так можно было характеризовать правительство, чуть перефразируя термин Маркса по отношению к пореволюционной прусской монархии.

Земско-городское совещание было созвано на 10 августа, но в назначенный срок кворума не оказалось, и Миллер на частном совещании лишь изложил общие принципы управления областью и боевое состояние армии.

После доклада Миллера наличные члены совещания приступили к обмену мнениями.

---

[1] Архангельский губархив ВУСО, отдел иностранных дел. Дело № 11 с бумагами руководственного порядка, журнал заседаний ВПСО № 98/139 от 8 августа 1919 г. М. М. Федоров в прежнем составе ведал отделом народного образования. Когда точно был введен в состав правительства — выяснить не удалось. В протоколе заседания Временного правительства от 11 апреля 1919 г. его фамилия в числе членов кабинета еще отсутствует, появляется в протоколе от 16 апреля.

Собравшееся совещание на первый взгляд обещало мало. Состав совещания был эсеровский, в председатели оно избрало П. П. Скоморохова, резкой речью против правительства открывшего собрание. По поведению эсеров чувствовалось, что массы далеко ушли за год реакции. Подталкиваемые этим далеко ушедшим настроением эсеры попробовали взять боевой тон по отношению к правительству. Совещание выбрало ряд комиссий для работы и ревизии в различных правительственных областях.

Комиссия по обороне (докладчик А. А. Иванов) предложила послать делегацию за границу с целью:

1. доказать западно-европейскому общественному мнению «всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, что большевики — враги демократизма и свободы»;

2. доказать, что борьба с большевиками ведется во имя Учредительного собрания, а не во имя классовых или групповых интересов;

3. добиться от рабочих союзов, собраний и т. п. резолюций о справедливости борьбы с большевиками;

4. требовать помощи «союзников» не только оставлением войск, но и присылкой новых;

5. убедить западную демократию, что борьба с большевкиами ведется только до момента созыва Всероссийского учредительного собрания, до какового же момента остаются и иностранные войска в России;

6. добиться присылки особой комиссии, чтобы рассеять слухи о реакционной политике на севере.

Кроме того комиссия предложила пересмотреть списки незаменимых для призыва их в армию, командировать в комиссию о незаменимых двух своих членов и установить сроки, в которые незаменимые могли бы поступить в распоряжение присутствий по воинской повинности.

Все эти положения были приняты совещанием 13 августа единогласно.

Комиссия по делам внутреннего распорядка (докладчик Мамонтов) центром своей работы сделала вопрос об амнистии. По ее предложению,

1) амнистии подлежали все осужденные за преступления и проступки по делам печати;

2) все осужденные по ст. 102, 124 и т. д., если они не являются членами компартии и не помогали советской власти после 2 августа 1918 г.;

3) распускались все особые следственные комиссии, дела которых передавались нормальным органам судебных властей;

4) требовалось, чтобы всем арестуемым в течение 24 часов предъявлялись обвинительные материалы.

Уже эти требования означали вторжение в деятельность правительства, ибо ограничивали его следственно-карательную практику. Но совещание пошло дальше.

На заседании 16 августа были оглашены тезисы, принятые на частном заседании членов совещания 15 августа по вопросу о взаимоотношении между совещанием и правительством.

Тезисы признавали, что:

1) борьба с большевиками требует концентрации воли всего населения;

2) что правительство не пользуется доверием населения;

3) что земско-городское совещание представляет волю населения;

4) что обстоятельства требуют решительных действий, а потому совещание должно постановить:

«Считать необходимой реконструкцию власти согласно с волей земско-городского совещания. И в целях наибольшего взаимодействия между населением и властью земско-городское совещание считает необходимым создание представительного органа Северной области, положение о коем предлагает разработать правительству в кратчайший срок, образовав для сего комиссию с участием представителей земско-городского совещания.

Впредь до создания представительного органа земско-городское совещание рассматривает вопросы управления краем и свое мнение доводит до сведения правительства». [1]

Само по себе предложение, принятое 18 голосами против 1, при 12 воздержавшихся, и отражавшее большую борьбу групп в совещании, не отличалось обещанной «решительностью».

Что правительство не пользуется доверием населения, это оно признало само и актом созыва совещания и фактом реорганизации правительства.

С другой стороны, совещание возлагало на правительство создание представительного органа, а за собой оставляло лишь право доводить свое мнение до сведения правительства.

Но и это выходило далеко за пределы намерений правительства.

Помощь земско-городского совещания для реакции покупалась слишком дорогой ценой: надо было поступиться политическими привилегиями. Начались торги и уговоры. Правительство, пользуясь групповой борьбой в совещании, пыталось опереться на его правое крыло и уломать совещание, но последнее стояло на своем, — слишком сильно было давление левеющих масс.

После нескольких дней топтания на одном месте правительство объявило, что оно согласно амнистировать несколько человек по персональному признаку, но общую политическую амнистию дать отказалось. Решение правительства было сообщено земско-городскому совещанию, постановившему в ответ «не расходиться, пока не будет дана общая амнистия».

Но героические времена Великой французской революции давно прошли: реакция, хорошо зная природу мелкой буржуазии, издала акт о роспуске совещания. У архангельских Мирабо хватило смелости ровно настолько, чтобы... чинно и тихо разъехаться по домам, оставив в Архангельске две комиссии.

Перед отъездом северные политики на публичном заседании земско-городского совещания 21 августа доставили удовольствие реакции, выступив в роли гоголевской унтер-офицерской вдовы: совещание приняло резолюцию, полностью отменявшую ее «решительное» предложение.

«Заслушав заявление Временного правительства Северной области, — говорилось в короткой резолюции, — и принимая во внимание важность и серьезность переживаемого момента, требующего напряжения всех сил, быстроты и решительности в деле организации обороны области и ее внутреннего устроения, земско-городское совещание почитает своим долгом оказать всяческое содействие и поддержку вновь образованной власти в ее работе, в соответствии с началами, указанными земско-городским совещанием.

В этих целях земско-городское совещание выделяет из своей среды комиссии по обороне и по внутреннему управлению краем и признает необходимым сессию земско-городского совещания прервать, с тем чтобы члены его, возвратившись на места, продолжали работу по организации обороны области». [2]

---

[1] «Вестник ВПСО» № 186 от 24 августа 1919.
[2] Там же. № 185 от 23 августа 1919 г.

В чем выражались эти «начала, указанные совещанием», не мог бы сказать ни один составитель резолюции, ибо в постановлении правительства 21 августа 1919 г. о реконструкции власти все осталось в том виде, как было намечено до созыва совещания.

1. Председатель Временного правительства — Н. В. Чайковский.
2. Заместитель председателя — П. Ю. Зубов.
3. Главнокомандующий, он же заведывающий Отделом иностранных дел генерал-лейтенант Е. К. Миллер.
4. Начальник губернии с правами управляющего Отделом внутренних дел — И. В. Багриновский.
5. Управляющий Отделом народного образования — М. М. Федоров.
6. Управляющий Отделом труда — В. Н. Цапенко.
7. Управляющий Отделом торговли, промышленности и финансов, а также земледелия и юстиции — временно П. Ю. Зубов.
8. Без портфелей — П. П. Скоморохов и Е. В. Едовин.
9. Одно место от городского самоуправления.

Единственное изменение состояло разве в том, что вместо инспектуры труда ввели отдел труда, но имя возглавлявшего его Цапенко уже знакомо нам по его «рабочей» деятельности. В остальном «демократия» приняла мероприятия, навязанные ей реакцией.

И опять только рабочие остались на революционном посту. 1 сентября в знак протеста против роспуска совещания они забастовали под лозунгами: «Долой смертную казнь!» «Долой военно-полевые суды!»

8. Разложение миллеровщины.

Уход англичан совпал с усилением белогвардейского движения на всех фронтах: на востоке Колчак задержал красные войска перед казачьими станицами, на юге Деникин двигался к Орлу, а под Питером зашевелился снова Юденич. Северная армия, оставшаяся без поддержки союзников, не рассчитывала устоять на фронте перед натиском красных, но ситуация оказалась настолько благоприятной, по признанию Миллера, что решили рискнуть. Вызвали всех командующих отдельными участками и самостоятельными частями на военное совещание. Все в один голос заявили о полной неподготовленности войск и даже неуверенности в армии. Английский командующий Раулинсон, к которому обращались за советом, высказался также за эвакуацию северной армии, но жаль было упустить хорошо сложившуюся боевую обстановку, тем более, что от Колчака получился приказ воевать до конца. Решению остаться помогло также поведение земско-городского совещания, которое, с одной стороны, под натиском общего настроения, фрондировало против правительства, а с другой стороны, обратилось к войскам с воззванием бороться с большевиками и послало двух эсеров, Скоморохова и Едовина, с правом управляющих отделами без портфелей в правительство, тем самым взяв на себя ответственность за его деятельность. Подбодренное этой поддержкой и общим военным положением, северное правительство перешло в наступление на обоих фронтах: в ночь с 31 августа на 1 сентября началась атака против отвлеченных на другие участки большевистских войск, несколькими днями позже повелась атака против рабочих и «большевиствующих элементов» в самом городе. Особой комиссией по спискам охранки при участии судебных органов был составлен

список лиц, подлежащих отправлению на пустынный, одинокий полуостров Иокангу. Всего было отобрано 1200 человек, среди которых более 400 административно высланных, чем-нибудь вызвавших подозрение у охранки, зачастую случайно захваченных лиц, и срочно отправлены на каторгу, фактически на медленное умирание.

Успокоенная успехами на внешнем фронте и очисткой города от «большевиствующих» элементов реакция после некоторого времени растерянности из-за ухода союзных штыков вернулась на прежнюю проторенную дорогу. Уже в октябре — через какой-нибудь месяц — эсеровские «заложники» в правительстве, обязанные представлять там «демократию», Скоморохов и Едовин, сложили свои полномочия, мотивируя свой уход тем, что «теперь правительство стало еще более контрреволюционным, чем оно было до сих пор». Оснований для этой характеристики даже для нетребовательных эсеров было более чем достаточно. Правительство Северной области не только продолжало свою старую политику по существу, но опять собралось и формально провозгласить единоличную диктатуру по образцу верховного правления Колчака. 10 сентября из Сибири пришла телеграмма об упразднении Временного правительства и назначении Миллера главным начальником края. Единственное изменение, которое внесло северное правительство в этот приказ, состояло в том, что весь персональный состав правительства решено было сохранить как гражданское управление края, с П. Зубовым во главе, в качестве помощника главного начальника края. Изменение было внесено, по признанию Добровольского, оставившего записки по этому периоду, [1] во избежание «возможных нареканий, что проектируемые изменения преследуют контрреволюционные цели»; самый же проект по существу никаких возражений на заседании правительства не вызвал.

«Выработанное комиссией положение об управлении Северным краем, — так сообщает Добровольский по поводу плана превращения Временного правительства в гражданское управление края при Миллере, — не вызвав почти никаких возражений по существу, сделалось предметом горячих дебатов в виду возникших основательных сомнений в своевременности его проведения в жизнь. Сибирский фронт продолжал катиться на восток... К этому же присоединились соображения внутренне-политического характера; было известно, что местные демократические круги настроены крайне отрицательно к проекту, усматривая в нем очередное «coup d'état». [2]

Увенчать здание «верховным правителем» и номинально — повторяем, фактически диктатура была осуществлена давно — не удалось и на сей раз вследствие обстоятельств, не зависящих от Временного правительства: развала сибирского фронта и событий на самом Севере, продолжавших свое развитие.

При обсуждении положения о начальнике края снова выплыл «северный парламент» — земско-городское совещание. Прекратив свою работу, совещание оставило для текущей работы две комиссии — комиссию по обороне и комиссию по делам внутреннего управления.

3 сентября состоялось заседание комиссии по делам внутреннего управления, занявшегося разрешением вопроса о сфере деятельности и предметах компетенции комиссии.

---

[1] Б. Соколов, Архив русской революции, т. III, ст. Добровольского.
[2] Там же, стр. 107.

Комиссия снова вернулась на тот же путь, которым начало совещание в целом. Она признала земско-городское совещание органом областного представительства, — «законосовещательное государственное областное установление», как назвала его конституция. Что касается комиссий, то в перерывах между сессиями земско-городского совещания на них переходят все права и обязанности совещания. В силу этого комиссия выработала конституцию, по которой комиссия по делам внутреннего управления распространяет свою компетенцию на всю область внутренних дел, обе комиссии объединяют свои заседания (соединенные комиссии земско-городского совещания), обсуждают предварительно все проекты правительства, которое не должно их опубликовывать без ведома комиссий, приглашают на свои заседания представителей для объяснения, при обсуждении во Временном правительстве вопросов общей политики посылают своих членов на заседания правительства, берут на себя контроль над аппаратом Временного правительства, организуют постоянные сношения с управлениями и т. п., — короче, целиком становятся законосовещательным органом.

Как только комиссии получили сообщение о приказе Колчака, они на объединенном заседании потребовали созыва земско-городского совещания.

Как ни курьезны были запросы комиссий, Временное правительство попробовало ликвидировать запросы «конституционным» порядком. Оно направило проект в консультацию при управляющем Отделом юстиции. Консультация, разобрав по частям претензии комиссий, пришла к заключению, что они ни на чем не основаны, ибо правительство созывало земско-городское совещание отнюдь не как законосовещательный орган. Такой орган может быть созван только всероссийским правительством. [1]

18 сентября Временное правительство отказалось созвать земско-городское совещание, а 29 сентября, обсудив решение консультации, постановило, что ни о какой конституции речи быть не может, «кроме оснований, изложенных в постановлении 26 марта 1919 г. о созыве земско-городского совещания», т. е. подчеркнуло, что совещание было созвано для обсуждения определенного круга вопросов, отнюдь однако не как законосовещательный орган. [2]

Разогнать комиссии не сочли нужным, да и сами комиссии не проявили даже и того минимума сопротивления, которое оказало земско-городское совещание: такой «конституционный» орган можно было сохранить и при введении положения о начальнике края, тем более, что наличие этого суррогата всегда можно было выдать за доказательство «демократичности» правительства, оставшегося управлять областью после ухода интервентов.

Основной задачей правительства попрежнему оставалась борьба с советской властью.

Борьба требовала большого напряжения, несмотря на слабую активность советских войск, главное свое внимание направивших на другие участки фронта, а между тем состояние Северной области не отвечало этому напряжению. Удобнее всего это можно проследить по ресурсам правительства.

---

[1] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, дело 1919 г. Приложение к журналам заседаний ВПСО. Земско-городское совещание, заседание 3 и 16 сентября.

[2] Там же, т. XIII, журнал заседания ВПСО 29 сентября 1919 г., № 119/160.

В январе 1919 г., по данным финансового отдела, на 21 февраля по области поступило всего доходов 2 984 776 р. 41 к., причем в их число попали 750 тыс. руб., предполагаемых к поступлению от союзников за эксплоатацию подвижного состава на железных дорогах.[1]

Между тем для содержания одной только армии, еще очень небольшой и только развертывающейся, на март было отпущено Временным правительством 4 млн. руб.

К маю бюджет области принял уже такой вид:[2]

	Расход в тыс. руб.	В % ко всей сумме	Доход в тыс. руб.
Центральные прав. учреждения	1 250	16	—
Учреждения общегосударственного характера	53 000	61	19 000
Губернские учреждения	5 000	5,8	8 000
Учреждения общегосударств. самоуправления	7 000	8,7	—
Военное и морское ведомство	20 000	22,3	—
Итого	86 250	100	27 000 (31%)

Таким образом дефицит составлял уже 69% и мог быть покрыт или работой печатного станка, имевшей следствием быстрое падение рубля, или получением помощи из других источников, вне области. Какие это источники, мы увидим из доклада управляющего Отделом финансов, на имя омского совета министров[3] о бюджете области на июнь 1919 г.

Всего за 5 месяцев 1918 г. было израсходовано	87 679 555 руб.
» » 5 » 1919 г. » »	112 937 755 »
Англичанами на содержание Мурманского края в 1918 г.	13 800 000 »
» » » » » » 1919 г.	22 882 096 »
Итого	237 299 406 руб.

Кроме того вследствие падения курса денег и повышения цен на муку, отпускаемую населению, правительство приняло на себя разницу в 7 млн. северных рублей.

За то же время доходы и другие поступления составляли:

«Займ доверия»	70 000 000 общегосуд. руб.
Англичане выдали:	
На Мурманск	35 882 896 » »
Занято в эмиссионной кассе, т. е. у тех же англичан 29 млн северных рублей, равных	58 000 000 » »
От англичан субсидия	38 600 000 » »
Государственные доходы	39 969 196 » »
Итого	242 452 092 общегосуд. руб.

Кроме того от англичан получена субсидия в 7 млн северных рублей = = 14 млн общегосударственных рублей.

Таким образом, не считая последней субсидии, англичане предоставили северному правительству более 50% его бюджета (132 млн из 242). Сюда конечно не вошли те суммы, которые были израсходованы англичанами на

[1] «Вестник ВПСО» № 45 от 28 февраля 1919.
[2] Там же, № 95 за 1919 г.
[3] АОР, ф. IV, д. № 5. Переписка с кн. Куракиным, представлявшим северное правительство при Колчаке, лист 24.

содержание части белогвардейской армии, находившейся в их непосредственном подчинении: славяно-британский легион, охранка и пр.

Расход временного правительства рос по месяцам с такой быстротой.

Наименование учреждений и ведомств	Требуется ассигновать в рублях		
	Январь — март	Апрель — июнь	Июль — сентябрь
Центральные правительственные учреждения			
Учреждения общегосударственного порядка			
Губернские учреждения	39 111 187	36 235 585	42 249 200
Народное образование			
Духовное ведомство			
Управление Мурманским краем, Управление торгового мореплавания и портов	12 570 000	34 044 290	18 232 000
Военное ведомство	10 800 000		
Госбанк	37 200	33 000 000	51 000 000
Губернское земство	1 807 858		
	12 645 058	—	—
Итого	64 326 245	103 279 805	111 481 000[1]

Обращает на себя внимание огромный рост военных расходов — более чем втрое за второй квартал и более чем на 50% за третий квартал, а по сравнению с первым кварталом в пять раз.

Бюджет в целом вырос на 60% с лишним во втором квартале, на 7% в третьем, что даже при учете падения денежного курса составляет чрезвычайно резкие скачки.

С уходом англичан вся эта огромная масса расходов падала на плечи правительства, так как англичане, если и продолжали оказывать помощь после эвакуации тайно от своего общественного мнения, зорко следившего за ними, то в мизерном размере.

«Из частных источников, — сообщил Миллеру русский поверенный в делах из Лондона, — мне известно, что английское правительство под большим секретом предполагает отправить вам около 30 *т* обмундирования, снарядов, предметов телеграфного и телефонного снабжения... По вопросу отправки вам 10 аэропланов... Черчилль спросил меня, не можете ли вы уплатить 7 тыс. ф. за все 10 аэропланов, в каковом случае по этой дешевой цене он мог бы уделить их вам немедленно. Благоволите придать изложенному совсем конфиденциальный характер. № 2017. Генерал Ермолов, Саблин. 15. XII. 19 г.».[2]

---

[1] Архангельский губархив, ВОСО, отдел иностранных дел, дело № 9. Об открытии кредитов: канцелярия ВПСО. По описи № 21, дело 1919 г., т. II, журналы заседаний ВПСО.

[2] АОР, ф. IV, № 27, д. 50, л. 344.

При таких трудностях, и притом за деньги, ожидать серьезного поступления из заграничных источников не приходилось: оставалось жить за счет внутренних ресурсов области. Убедившись в этом после многократных умоляющих требований к англичанам, Миллер перешел к самоснабжению.

Основная тяжесть в снабжении белогвардейской власти пала в первую очередь, как и всегда, на крестьянство. Весь многотысячный фронт имел для подвоза одну только фактически железнодорожную линию, да и то расположенную перпендикулярно линии фронта. Оставалась одна возможность сообщения — гужом. Даже англичане, имевшие огромные технические средства, не обходились без помощи крестьян, а с их уходом гужевая повинность отнимала у крестьянина при колоссальных расстояниях в Северной области всю его рабочую силу и время. Ни одно заседание волостного земства или сельского схода не проходило без жалоб на чрезвычайно тяжелую повинность, особенно летом, оставлявшую крестьянина без засева.

Помимо гужевой повинности, в целях предоставления возможности более близкого снабжения фронта, на крестьянина посыпался ряд запретов: запрещение вывоза сена из районов, близких фронту (приказ № 51), запрет вывоза мяса и ряда других продуктов. Установлены твердые цены на хлеб.

В ноябре (17 ноября 1919 г.) был издан приказ сообщить сведения о полушубках, имеющихся на руках, на предмет реквизиции их по твердым ценам для нужд армии и т. п.

Посыпались реквизиции, конфискации, регламентирования, твердые цены и т. п., всей своей тяжестью падавшие на плечи широких масс, а особенно крестьянства.

Но и нажима на крестьянство оказывалось недостаточно, нужны были новые средства. В изысканиях их правительство не останавливалось перед растратой народного достояния.

В секретной телеграмме в Лондон и Париж Миллер писал:[1] «Северная флотилия считает три яхты: «Ярославна», «Горислава», «Соколица»... Благоволите выяснить, отнюдь не делая огласки, можно ли хорошо продать одну из них в расчете на существующие высокие цены».

Приходилось продавать флот, лишь бы удержаться у власти.

О характере падения правительства, которое не в состоянии без посторонней помощи выполнить стоящую перед ним задачу можно судить по чисто авантюрным сделкам, с которыми к нему обращались.

Некий штаб-ротмистр Соломон просил через русского посла в Лондоне передать, что «он все может достать» для области: продукты продовольствия, фураж, обмундирование, снаряжение, аэропланы и железнодорожный инструмент. Для этого требуется только одно, — писал новый Соломон, — «теперь же скупить или реквизировать весь мех в области — песцы, лису, соболя и медведя. Цены для нас очень выгодны».[2]

Удалось ли ловкому тезке мудрого Соломона получить весь мех — нет сведений, но самый авантюризм характерен и очевидно не составлял единичного случая, ибо от Набокова[3] из Лондона на имя Миллера тоже посту-

[1] АОР, ф. IV, инв. № 23, дело № 24. Дело с секретными телеграммами из посольства в Париже № 292 28 ноября 1919 г. № 2 241.

[2] Там же, телеграмма № 878, д. № 24, л. 299.

[3] АОР, ф. IV, ОИД, политический архив № 15, телеграмма № 199.

пил как-то запрос о том, верны ли слухи о переговорах архангельского правительства по продаже Англии лесных концессий за 300 млн. ф. ст...

Оставался еще только один способ удержаться — взять средства у буржуазии, но это означало рубить сук, на котором сидишь, ибо отнимало последнюю поддержку влиятельной группы населения, — буржуазии, единственно остающейся еще с правительством. Но безвыходность положения заставила пойти и на эту последнюю меру. В газетах был опубликован приказ № 340, [1] основной смысл которого заключается в двух последних параграфах:

«В целях успеха ведения войны считаю необходимым в порядке исключительных прав' предоставленных мне, как главнокомандующему, принять нижеследующие меры:

1. Лица, обязавшиеся подпиской о сдаче иностранной валюты Северному областному банку по вывозным разрешениям и не сдавшие таковой... подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы сроком от 4 до 6 лет и сверх того отобранию всего принадлежащего им имущества в казну.

2. ...Дела об упомянутых выше преступлениях изъемлю из общей гражданской подсудности с передачей их на рассмотрение военного суда.

Генерального штаба генерал-лейтенант Миллер».

Пять миллионов, собранных буржуазией перед уходом англичан, потонули в огромном недостатке средств. Нужны были колоссальные средства, а это уже в известной мере напоминало буржуазии о недавней национализации.

Военно-полевые меры посыпались против тех, которые до сих пор являлись их инициаторами. Оказаться теперь в роли объектов этой скорострельной расправы для буржуазии казалось уже слишком неожиданным.

Первое же применение этого приказа вызвало дружный протест не только со стороны местной буржуазии, но и всех заграничных представителей. Посыпался ряд телеграмм с требованием отказаться от «большевистских» методов в обращении с буржуазией. Но логика борьбы брала свое: без тяжелых жертв обойтись нельзя было, будущее сулило такие же меры.

Мелкая буржуазия уже давно стала колебаться в своей поддержке правительства, теперь стали ворчать против ими же созданного правительства и некоторые круги буржуазии.

К враждебному пролетариату и давно ставшему враждебным крестьянству, для которого продолжение войны означало полное разорение хозяйства, присоединилось недовольство известных кругов, главным образом, мелкой буржуазии. Реакция осталась висеть над пропастью, ожидая только легкого толчка, чтобы рассыпаться.

Толчок пришел так же неожиданно, как и падение Романовых.

Огненное кольцо вокруг Советской республики прорвалось: Деникин был разгромлен и безостановочно катился к Черному морю. Остатки войск Юденича тысячами сдавались красным, а колчаковские отряды ликвидировались повстанцами. Вновь освобожденные силы могли обрушиться теперь на северный фронт.

Но в этом уже не было нужды, ибо фронт держался только по имени и уже давно сгнил внутри.

По области прокатился ряд уездных совещаний земских собраний, в один голос твердивших, что «экономическое благосостояние находится в агонии беспрерывного разложения», что совершенно прекратилась промышленная

[1] «Вестник ВПСО» от 2 ноября 1919 г.

жизнь, что замирают промысла, что «земельные дела остаются до сих пор не разрешенными», [1] а земли бывшие церковные — монастырские, а также расчистки, до сих пор «служат предметом беспрерывных недоразумений и столкновений» и т. п.

Вот характеристика состояния области, данная резолюцией архангельского уездного земского собрания.

«Промысла (кустарные, соляные и рыболовные) пали или прекращаются, промышленная жизнь замерла».

Земельный вопрос не разрешен, продовольственный вопрос находится в ужасном состоянии.

«Недостаток установленного пайка сказывается до болезненности остро повсеместно», — так определяет продовольственное положение резолюция уездного земства. Семена проедены, и область ставит под угрозу и новый посев.

Военные повинности (гужевая и т. п.) чрезвычайно резко отражаются на сельском хозяйстве, а обязательная поставка мяса и сена «является ударом, выбивающим последнюю основу благосостояния сельского населения, уничтожая скот посредством убоя и отсутствия кормов».

Дороги пришли в негодное состояние. Народного образования нет, ибо школы либо заняты военным ведомством, либо от отсутствия ремонта разрушены.

Общественное призрение отсутствует. Волостной суд, — это особенно любопытно в эсеровском документе, так как эсеры принимали самое деятельное участие в разработке положения о суде, —

«волостной суд, образованный на основании постановления правительства Северной области, изданного в 1919 г., являясь по существу старым волостным судом, не может заменить собою выборного мирового суда, который до сих пор не введен в действие».

Волостной суд по признанию эсеров превратился в суд царского времени.

Но такое положение было не только в одном Архангельском уезде. Гласный от Печоры заявил на заседании губернского земского собрания, «что у них создались такие условия, которые могут иметь место лишь в завоеванной стране». [2]

Мелкобуржуазные лидеры почувствовали колебание почвы. Широкие народные массы пришли снова в движение. Как глубоко зашло это движение, можно судить по тому, что восставали не только солдаты — в ночь с 7 на 8 февраля поднял восстание 3-й Северный полк, поставивший под удар самый серьезный участок фронта: железнодорожный, — но и часть офицерства стала принимать участие в «политике». Офицеры Шенкурского батальона прислали привет губернскому земскому собранию, выразив ему полное доверие и пообещав поддержку во всех его действиях.

Выступление шенкурских офицеров, выходцев, как уже отмечалось, из местных богатых крестьянских семей, показало, что и в последней группе в крестьянстве — в кулачестве — начались известные колебания в сторону от крепостнической реакции.

Эсеры, попрежнему шедшие во главе земств и мало чему научившиеся

[1] См. резолюцию архангельского уездного земского собрания, помещенную в «Возрождении Севера» № 21 от 29 января 1920 г.

[2] «Возрождение Севера» № 33 от 13 февраля 1920 г.

за весь период, опять попытались перехватить нарастание революционного движения масс. Они искали выход в передаче земельных дел в ведение земельных комитетов, в полном невмешательстве администрации в земельные вопросы, в устранении произвола со стороны правительства, «посредством контроля над действиями правительства выборного органа, посредством введения в Северной области демократического строя» — короче, в попытке вдохнуть свежую струю в разлагающийся строй.

Но движение опережало все эти попытки. Надо было итти дальше.

5 февраля губернское земское собрание решилось на «государственный переворот», приняв следующую резолюцию:[1]

«1. Отныне Временное правительство Северной области в своих действиях является подотчетным перед народом в лице представительного областного органа, а до его созыва — перед губернским земским собранием.

2. Настоящий состав правительства, в силу указанных выше причин, немедленно передает власть вновь образуемому губернским земским собранием правительству».

«Демократическая» контрреволюция, мечущаяся между разлагающейся реакцией и наступающим большевизмом, пытается подхватить оружие, падающее из рук подгнившей на корню миллеровщины, чтобы направить его против большевиков.

Приняв резолюцию о взятии власти, губернское земское собрание одновременно обратилось с воззванием к армии.

«Оно знает, — говорилось в обращении собрания к офицерам и солдатам, — что большевики несут голод и разорение... Лишь защита края фронтом ограждает население от неминуемого голода... Губернское земское собрание стоит на страже прав и интересов народа. Как земство стоит на страже прав и интересов народа, так и армия должна непоколебимо стоять на страже края и оберегать его от разорения, неминуемого с приходом большевиков».[2]

Однако умирающая военная диктатура без боя решила не сдаваться.

«Государственный переворот» опять дальше бумаги не пошел: Миллер приказав приготовить «на всякий случай» комендантскую роту,[3] сам отправился на заседание губернского земского собрания. Генеральская речь оказалась весьма «убедительной»: резолюция о власти очутилась под столом, а на фронт было послано губернским земским собранием воззвание, приглашавшее спокойно продолжать борьбу, пока оно составит правительство.

В то же время против земского собрания началась кампания со стороны правых элементов — торгово-промышленного союза и блока национального объединения. 6 февраля городская дума приняла резолюцию, в которой подчеркнула твердую решимость бороться с большевизмом до конца, необходимость единодушия в этой борьбе и доверия между классами и партиями. Всякие разногласия или какие бы то ни было «неосторожные» обсуждения политических вопросов лишь укрепляют силы противника и разлагают население.

«Городская дума полагает, — так кончалась резолюция, — что путь к победе один: совместная работа органов самоуправления, общественных организаций, под общим руководством главнокомандующего, при строгом соблюдении законности, а ни в каком случае не революционный путь, ведущий только к гибели края и торжеству врагов».

---

[1] «Возрождение Севера» № 33, от 13 февраля 1920 г.
[2] Приказ главкома № 59, опубликован в «Вестнике ВПСО» № 31 от 11 февраля 1920 г.
[3] Архив русской революции, т. III, ст. Добровольского, стр. 124.

Спор двух ссорящихся за власть решила третья сила: с фронта пришло известие, что восстание 3 Северного полка — лишь начало общего разложения, быстро переходившего от одного участка к другому и угрожавшего самому Архангельску. Упорствовать в сохранении власти — значило упустить момент и очутиться между двумя противниками: идущей вперед Красной армией и фрондирующей «левой».

Миллер сдал. 10 февраля все члены правительства сложили свои полномочия в пользу главкома, и Миллер приступил к переговорам с отдельными группами.

Блок национального объединения выдвинул доктора А. Е. Попова, доктора Гренкова, помощника начальника почтово-телеграфного округа Менделеева, если останется отдел народного образования, то управляющим его директора Ломоносовской гимназии Суровцева, поддерживая, но не выставляя в то же время кандидатуры барона Э. П. Тизенгаузена на пост начальника Мурманского края и В. Н. Цапенко на пост управляющего Отделом труда.

Торгово-промышленный союз выдвигал в правительство своих членов А. А. Плюснина и М. А. Ульсена.

От губернского земского собрания выдвигали на должность управляющего Отделом торговли и промышленности А. А. Репмана, кроме того Э. П. Тизенгаузена, П. П. Скоморохова, Е. В. Едовина и М. Мартынова, намеченных в ряде частных совещаний.

Главком организовал совещание всех групп, на котором кандидаты губернского земского собрания подверглись резкой критике представителей остальных групп.

Того же 10 февраля в 9 часов вечера президиум земского собрания посетил главкома и поставил ему ультиматум: немедленно образовать правительство, ибо всякое промедление создает нервное настроение в тылу, передающееся и фронту. В случае отказа сформировать правительство земское собрание либо само образует власть, либо немедленно прекратит свои занятия,

«чтобы показать, что земское собрание, выявив свою точку зрения и не стремясь к насильственному перевороту, намерено оградить свой престиж в глазах избирателей и сохранить себя для более трудного времени, которое неизбежно может наступить». [1]

Главком попросил отсрочки на день для разрешения вопроса о кандидате на должность управляющего отделом торговли, промышленности и финансов, — вопроса, вызывавшего больше всего противодействия со стороны правых.

Земцы настаивали также на подотчетности правительства перед земским собранием, «почитающим себя политическим фактором, имеющим большую мощь». Но главком, пойдя на уступки в создании правительства, в вопросе подотчетности был непреклонен.

Делегация, направленная к Миллеру с требованием введения подотчетности правительства, вернувшись доложила:

«Главком в п о л н е с о г л а с е н с постановлением земского собрания и признает подотчетность в том виде, в каком она понимается земским собранием, т. е. земское собрание в п р а в е д е л а т ь з а п р о с ы п р а в и т е л ь с т в у». [2]

[1] «Возрождение Севера» № 35 от 15 февраля 1920 г.

[2] Из доклада Едовина на земском собрании от 14 февраля 1920 г.

От подотчетности до права делать запросы — такой переход весьма характерен для пришедшего в бешенство мелкого буржуа, который от бурного подъема быстро переходит к мрачному отчаянию.

14 февраля было сформировано новое правительство, куда без coup d'état, но с согласия главкома снова вошли эсеры:

Председатель правительства — Н. В. Чайковский (энес).

Заместитель и главнокомандующий генерал-лейтенант Е. К. Миллер.

Управляющий отделом внутренних дел — барон Э. П. Тизенгаузен (эсер).

Управляющий отделом торговли, промышленности и финансов — А. А. Репман (беспартийный, но ставленник земства).

Помощник управляющего представитель торгово-промышленного союза.

Для заведывания агитацией и пропагандой в правительство был введен Б. Ф. Соколов (эсер).

Без портфелей — А. Иванов (эсер), А. Попов (ставленник торгово-промышленного союза).

Новое правительство в большинстве своем оказалось опять эсеровским.

«Мы стоим теперь на правильном пути, — писалось после сформирования правительства в передовице «Возрождения Севера».[1] — В первый раз за время самостоятельного существования Северной области осуществляется наш лозунг: ни вправо, ни влево — ни власть буржуазии, ни большевики».

Правильный путь оказался очень коротким: передовица увидела свет 18 февраля, а 19 утром правительство покинуло Архангельск, так как к тому времени уже перестал существовать фронт.

Исчез он как-то сразу. 16 февраля ген. Миллер докладывал на совещании всех представителей общественных групп, что «военное положение ничего угрожающего не представляет»... а через три дня самого военного положения не стало, ибо войска частью перешли к большевикам, частью просто разошлись по домам. Оставшаяся без всякой социальной поддержки реакция растаяла, как тает снег на солнце, быстро и бесследно.

«...Яд большевистского разложения проник в умы нашей армии, и она, не подкрепленная тылом, потеряла свою стойкость, оставляя позицию без сколько-нибудь серьезного натиска со стороны большевиков. Начались мятежи, и части стали переходить к противнику. На призыв главкома... о немедленной поддержке армии свежими силами населения, для поднятия настроения, откликнулись лишь единицы».

Так расписалась в своем социальном одиночестве реакция в последнем увидевшем свет воззвании.

Прогнав эсеров, Временное правительство попыталось вести

«государственное строительство на началах, положенных в основании бытия западноевропейских демократий, несмотря даже на тяжелое наследие прошлого, опровергая установившийся в некоторых политических кругах взгляд, что у нас успех может иметь только режим организованного насилия, источником которого должна быть власть, стоящая вне организованной народной воли».[2]

Но такая попытка требовала иной расстановки классов: надо было отказаться от гегемонии помещика и наладить взаимоотношения с другими классами. Но класс-антагонист, пролетариат, еще в Октябре показал, что он против «государственного строительства» на обоих началах: и против режима организованного насилия, под которым Добровольский имел в виду царизм, и против начала западно-европейских демократий. Его политиче-

[1] № 37 от 18 февраля 1920 г.

[2] Б. Соколов. Архив русской революции, т. III, ст. Добровольского стр. 146.

ское поведение и сознательность служили верным доводом против всякого заигрывания. Сохранить командующее положение без возврата к крепостническому самодержавию буржуазия могла только наладив более или менее добрососедские отношения с каким-нибудь новым классом, в первую очередь с крестьянством.

Вся история классовой борьбы показала, что крестьянство, в условиях капиталистического развития, может быть организовано только пролетариатом или буржуазией.

Но пролетариат временно был разгромлен, и буржуазия попыталась повести крестьянство за собой.

Если не считать земельного закона Врангеля, то на Севере мы имеем единственную попытку буржуазии отбиться от союза с помещиком и нащупать связь с деревней, попытка очень незначительная по своему территориальному размеру, но интересная по результатам. Вся деятельность буржуазного Временного правительства была подчинена этой попытке: его земельные законы, главным образом его сохранение председателем правительства Чайковского, даже после того как фактическим диктатором был Миллер, приглашение правительством левых элементов к участию в управлении проведения «демократических» реформ и т. д.

Попытка оказалась предпринятой с негодными средствами и кончилась тем же, чем все другие контрреволюционные восстания: на одном гребне волны гражданской войны вынеслась помещичья реакция, вторая — крестьянская — волна отлила к пролетарскому руководству.

И на Севере мертвый хватал живого. Местной, областной северная контрреволюция не могла остаться: ее ждала гибель на другой же день, — так неравны были силы пролетарского государства и областного правительства. Контрреволюция имела смысл и силу только как всероссийская контрреволюция, что хорошо понимали все правительства на Севере, начиная с эсеров, пославших в Верховное управление людей, облеченных всеобщей выборностью, как члены Учредительного собрания,[1] кончая Миллером, аргументировавшим против «переворота» губернского земского собрания именно тем, что его власть — власть всероссийская. Но как всероссийская контрреволюция она неизбежно подчинялась общей судьбе контрреволюции.

Имея против себя пролетариат, не сумев повести за собой крестьянство, группа за группой, по мере выяснения роли и сущности Временного правительства, отдававшего руководство собой в руки пролетариата, буржуазия все чаще и теснее связывается с помещиком, прибегает к старому союзу с помещиком, отдавая ему гегемонию тем быстрее, чем крепче становился союз пролетариата и широких масс крестьянства, чем больше колебалась в сторону от буржуазии мелкая буржуазия и чем решительнее становился натиск пролетариата, руководившего широкими массами крестьянства.

Но гегемония помещика означала и возврат старых, дореволюционных отношений, старой политической системы, возвращение «власти, стоящей вне организованной народной воли».

До чего доходил возврат всего старого, — о суде, управлении краем, строительстве армии, национальном вопросе и т. п., мы уже говорили, —

---

[1] Эсеровской народной армии было присвоено название российской. Постановление Верховного управления от 6 августа 1918, АОР, журнал заседаний № 9.

можно судить по деталям, — правда, тем деталям, о которых принято говорить, что они составляют самую картину.

4 декабря 1919 г. правительство Северной области по докладу управляющего отделом финансов, торговли и промышленности постановило:

«возобновить выдачу из архангельского казначейства назначенной Аксенову высочайшим повелением от 22 марта 1890 г., ежегодно пенсии в размере 540 руб. и ежегодного пособия в размере 240 руб. со 2 августа 1918 г., причем выдачу пенсии с 1 ноября 1919 г. производить... с установленными процентными добавками».[1]

А Аксенов — это бывший «лакей высочайшего двора». Не удалось возвратить самый «двор», — впрочем, по причинам от правительства не зависящим — вся семья Николая Романова уже была расстреляна,— так отдали соответствующую честь хоть его лакею. Странно только, что пенсию лакею не выплатили за время советской власти.

Восстановление в правах лакеев отнюдь не было случайным фактом. 29 января 1920 г. мы имеем, опять по предложению того же отдела, постановление Временного правительства выплатить пенсию П. Г. Ермолину «бывшему лакею 1 разряда высочайшего двора».[2]

Возврат к старому, реставрация была полной.

Но возвращение к крепостнической гегемонии и к старым политико-экономическим отношениям означал возврат всех старых социально-экономических противоречий, противоречий не только между буржуазией и пролетариатом, но и между крепостническим помещиком и крестьянством.

Сохранение старой системы со всеми ее противоречиями сводило на-нет все демократические потуги правительства, отталкивая тем самым поддержку большей части населения. Единственный выход к победе — связь буржуазии и крестьянства, — логикой борьбы оказался закрытым.

Осталась только помощь международной буржуазии. Без иностранного вмешательства северная контрреволюция, несмотря на свой всероссийский характер, оставалась бы чисто местным явлением, вовсе не требовавшим для своей ликвидации напряжения всех сил пролетарского государства, а изживаемым развитием классовых противоречий в самой области. Но международная буржуазия, раздираемая противоречиями капиталистических интересов отдельных государств и ослабляемая ростом революционных настроений внутри капиталистических стран после войны, реальной помощи оказать не могла, оставив контрреволюцию умирать под ударами героического пролетариата, шедшего во главе широких трудящихся масс.

---

[1] Архангельский губархив, канцелярия ВПСО, дело № 23, 1919 г. Приложения к журналам заседаний ВПСО, т. XV, журнал заседания ВПСО 4 декабря 1919 г.

[2] Там же, дело № 91, 1920 г., т. II. Выписка из журнала заседаний ВПСО 29 января 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. Проект договора, переданного Буллиту.

ПРОЕКТ МИРНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЮЗНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ.

Союзные правительства предлагают прекратить военные действия на всех фронтах на территории б. Российской империи и Финляндии с... [1] с тем, чтобы после этого числа враждебные действия не возобновлялись в продолжение конференции, которая должна состояться в... [2] ... [3] числа.

Срок перемирия устанавливается двухнедельный и может быть продлен по взаимному соглашению. Все участники перемирия обязуются за все время перемирия не перевозить войск и военных материалов на территорию б. Российской империи.

Конференция обсуждает заключение мира на следующих основаниях, которые не должны подвергаться пересмотру на конференции:

1. Все фактически существующие правительства, образовавшиеся на территории б. Российской империи и Финляндии, остаются в полном обладании территориями, занимаемыми ими к моменту начала перемирия, исключая тот случай, [4] когда конференция могла бы притти к соглашению относительно изменений территорий, или если население территорий, управляемых этими фактическими правительствами, само постановит переменить свое правительство. Русское советское правительство, прочие советские и все другие правительства, образовавшиеся на территории б. Российской империи, союзные и иные правительства, борющиеся против советских правительств, включая Финляндию, Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербайджан и Афганистан, обязуются не делать попыток свергнуть силой фактически существующие правительства, образовавшиеся на территории б. Российской империи, и другие правительства, подписавшие это соглашение.

2. Экономическая блокада снимается, и торговые сношения между Советской Россией и союзными странами восстанавливаются на условиях, обеспечивающих равномерное распределение между всеми классами русского населения продовольствия, присылаемого союзниками.

3. Союзные правительства России имеют право беспрепятственного транзита по всем железным дорогам и пользования всеми портами, принадлежащими б. Российской империи и Финляндии и необходимыми для выгрузки и перевозки пассажиров и грузов между их территориями и морем; подробное соглашение по проведению этого условия вырабатывается на конференции.

4. Граждане Советских республик России имеют право свободного въезда в союзные страны, равно как и во все страны, образовавшиеся на территории б. Российской импе-

---

[1] Дата перемирия должна быть установлена по крайней мере через неделю после того, как будет сделано это предложение.

[2] Советское правительство предпочитает, чтобы конференция происходила в нейтральной стране, и желает, чтобы в его распоряжение были предоставлены радио или прямой провод с Москвой.

[3] Конференция должна начаться не позже, чем через неделю после начала перемирия; советское же правительство предпочитает, чтобы промежуток времени между началом перемирия и первым заседанием конференции по возможности не превышал трех дней.

[4] Союзные правительства обязуются принять меры к тому, чтобы фактически существующие правительства Германии не делали попыток свергнуть силой фактически существующие правительства России, которые в свою очередь обязуются не делать подобных попыток относительно фактических правительств Германии.

рии и Финляндии; а также право жительства, передвижения и полной безопасности, при условии невмешательства во внутреннюю политику этих стран. [1]

Подданные союзных и других вышеупомянутых стран получают право свободного въезда в Советские республики России, а также право жительства, передвижения и полной безопасности, при условии невмешательства во внутреннюю политику Советских республик.

Союзные правительства и другие правительства, образовавшиеся на территории б. Российской империи и Финляндии, получают право посылки официальных представителей, пользующихся полной свободой и неприкосновенностью в пределах всех русских Советских республик.

Советские правительства России получают право посылки официальных представителей, пользующихся полной свободой и неприкосновенностью во всех союзных и других несоветских странах, образовавшихся на территории б. Российской империи и Финляндии.

5. Советские и другие правительства, образовавшиеся на территории б. Российской империи и Финляндии, дают общую амнистию всем политическим противникам, преступникам и заключенным. Союзные правительства дают общую амнистию всем русским политическим противникам, преступникам и заключенным, а также тем своим подданным, которые подверглись или могут подвергнуться преследованию за помощь Советской России. В эту амнистию включаются все русские, сражавшиеся или иначе помогавшие армиям, сражавшимся с советскими правительствами, а также сражавшиеся с другими правительствами, образовавшимися на территории б. Российской империи и Финляндии.

Все военнопленные нерусских держав, а также все подданные этих держав, ныне находящиеся в России, получают полную возможность репатриации. Русские военнопленные во всех иностранных государствах, а также все русские подданные, включая солдат и офицеров, находящихся за границей, а также служащих во всех иностранных армиях, получают полную возможность репатриации.

6. Немедленно после подписания этого согласия все войска союзных и других нерусских правительств выводятся из России, и прекращается военная помощь, оказываемая противосоветским правительствам, образовавшимся на территории б. Российской империи.

Все советские и противосоветские правительства, образовавшиеся на территории б. Российской империи и Финляндии, немедленно по подписании этого соглашения, начинают одновременно и в одной и той же мере сокращение своих армий до мирного положения.

Конференция устанавливает наиболее действительный и правильный способ наблюдения и контроля над этой одновременной демобилизацией, а также над выводом войск и прекращением военной помощи противосоветским правительствам.

7. Союзные правительства, поставленные в известность о постановлении советского правительства России его нотой от 4 февраля относительно его иностранных долгов, предлагают включить в настоящее, что советские и другие правительства, образовавшиеся на территории б. Российской империи и Финляндии, признают свою ответственность за финансовые обязательства б. Российской империи иностранным государствам, участвующим в этом соглашении, и их подданным. Детальные соглашения об уплате этих долгов устанавливаются на конференции, причем принимается во внимание современное финансовое положение России. Русское золото, захваченное в Казани чехо-словаками и полученное союзниками от Германии, засчитывается в уплату долга, следуемого от Советских республик России.

Советское правительство России обязуется принять такое предложение при условии, что оно будет сделано не позже 10 апреля 1919 г. [2].

[14 марта 1919 г.]

---

[1] Советское правительство считает весьма важным, чтобы союзные правительства позаботились о предоставлении таких же прав гражданам Советских республик Польшей и нейтральными странами.

[2] The Bullit mission to Russia. Впервые на русском языке опубликовано в книге «Гражданская война в Сибири и Северной области», Гиз, 1927, стр. 423 — 425.

№ 2. Нота о признании Колчака.

Дело № 1—7.
Временного правительства
Северной области 1919 г.
О конструкции власти в
Северной области.
Стр. 3—6.

Архангельск,
29 мая 1919 г.

Посольство
Французской республики.

Господин министр,

Правительство республики приглашает меня сообщить вашему превосходительству, вследствие чего я имею честь препроводить вам при сем, для вашего личного осведомления, текст нижеследующего послания, которое отправляется сегодня его превосходительству адмиралу Колчаку г-м Клемансо, президентом совета министров и военным министром, действующим от имени совета великих союзных объединенных держав:

«Союзные и объединенные державы полагают, что наступил момент для определения вновь той политики, которой они желали бы следовать в том, что касается России.

Союзные и объединенные державы всегда принимали за основную аксиому своей политики, что они должны избегать всякого вмешательства во внутренние дела России. Их первоначальное выступление не имело иной цели, кроме как оказать помощь русским элементам, которые стремились продолжать борьбу против германской автократии. Они также стремились притти на помощь чехо-словакам, которым большевистские силы грозили уничтожением.

Лишь для оказания помощи тем, которые работали вместе с ними, они со времени подписания перемирия (11 ноября 1918 г.) удержали вооруженные силы в различных частях русской территории, отправляли туда вооружение и снаряжение, отправка которых потребовала значительных расходов. С другой стороны, они вместе с тем, как только собралась мирная конференция, сделали попытку восстановить мир и порядок в России, пригласив собраться представителей всех видов правительств, в настоящее время существующих в России, в надежде, что они смогут притти к постепенному разрешению русского вопроса.

Как и все предшествующие предложения, сделанные для того, чтобы облегчить страдания русского народа, последнее совершенно не имело успеха вследствие отказа советского правительства принять его существенные условия, а именно: приостановление всех враждебных действий на все время, пока, с одной стороны, будет продолжаться работа по снабжению продовольствием, а с другой — будут вестись переговоры. В настоящее время к некоторым из союзных и объединенных правительств обращаются настоятельные просьбы заняться рассмотрением вопроса об уводе их войск и о непроизводстве новых расходов в России по той причине, что их вмешательство, несмотря на истекшее со времени прибытия этих войск время, еще не дало возможности предстать пред удовлетворительным разрешением положения в России.

Тем не менее эти правительства готовы продолжать оказывать помощь, лишь бы только они имели доказательства, что они действительно помогут русскому народу достичь свободы, самоуправления и мира на нижеизложенных началах.

Союзные и объединенные правительства формально объявляют, что их политика в России имеет целью единственно восстановление мира внутри и предоставление русскому народу возможности через посредство свободно выбранного Учредительного собрания вновь взять в свои руки управление своими делами и водворить мир на своих границах, положив при посредстве мирного арбитража Лиги народов конец конфликтам, касающимся пределов русского государства и его отношений со своими соседями.

Опыт 12 последних месяцев убедил союзные и объединенные правительства в том, что невозможно притти к этому результату путем ведения переговоров с советским правительством в Москве. Они поэтому склонны оказывать помощь отправлением вооружения, материалов и продовольствия правительству адмирала Колчака и тем, которые с ним действуют сообща, дабы оно утвердилось как правительство всей России.

Однако союзные и объединенные правительства ставят условием получение от адмирала Колчака гарантий в том, что его политика направлена к одной с ними цели. Союзные и объединенные правительства просят поэтому адмирала Колчака и присоединившихся к нему дать им знать, соглашаются ли они на нижеследующее, как на условия, на которых они принимают дальнейшее оказание помощи со стороны держав.

1. Адмирал Колчак тотчас, как достигнет Москвы, созовет Учредительное собрание, избранное тайным, демократическим и свободным голосованием. Это собрание будет иметь характер верховного законодательного органа для России. Правительство будет ответственно перед ним. Если к этому времени порядок не будет в достаточной мере восстановлен для того, чтобы состоялись новые выборы в России, правительство созовет Учредительное собрание, избранное в 1917 г., для того чтобы оно заседало до того момента, когда новые выборы станут возможны.

2. Правительство допустит свободные, на самых нормальных условиях, выборы для всех местных представительных органов, законно установленных, как-то: городские самоуправления, земства и пр. во всех областях, на которые с настоящего момента распространяется его власть.

3. Оно не будет делать никаких попыток для введения вновь в силу в России особых привилегий какого бы то ни было класса или сословия иного порядка.

Союзные и объединенные державы с удовлетворением приняли к сведению декларацию, сделанную адмиралом Колчаком, и констатируют, что он не имеет никаких намерений восстановить старый режим. Они полагают, что принятие в этом отношении свободного решения принадлежит русскому Учредительному собранию, равно как и по другим вопросам внутреннего распорядка, они не имеют никакого намерения в это вмешиваться, но они желают получить уверенность, что те, к которым они склонны присоединиться, собираются установить гражданскую и религиозную свободу для всех русских без каких бы то ни было попыток к восстановлению режима, разрушенного революцией.

4. Независимость Польши и Финляндии должна быть признана. На случай, если бы вопрос о границах между этими странами и Россией не был разрешен путем соглашения, равно как и другие вопросы, которые бы возникли по поводу отношения России с этими странами, все эти вопросы будут переданы на арбитраж Лиги народов.

5. В случае, если соглашения не дали бы возможности достичь быстрого разрешения вопросов того же порядка между Россией, с одной стороны, и Эстонией, Латвией, Литвой, Кавказскими областями или Закаспийскими с другой, — то урегулирование их будет произведено при сотрудничестве с Лигой народов. Правительство России, в ожидании урегулирования этих вопросов, соглашается признать эти области автономными и сообразовать свои отношения с ними с теми отношениями, которые могут быть между союзными и объединенными правительствами и фактическими правительствами в этих областях.

6. Будет признано право мирной конференции определить участь румынских частей Бессарабии.

7. Россия, как только в ней установится правительство на демократической основе, будет сотрудничать в Лиге народов с другими ее членами в видах ограничения вооружений и военной организации во всем свете.

8. Державы принимают к сведению декларацию адмирала Колчака от 27 ноября 1918 г. относительно долгов России.

Союзные и объединенные державы будут счастливы узнать возможно скорее, что эти условия получили согласие адмирала Колчака и присоединившихся к нему и, в случае их принятия, что они готовятся, как только это позволит военная обстановка, сформировать единое правительство и одну армию под единым командованием. Примите и пр.

(Подпись: Гияр.)

№ 3. Ответ Миллера на признание Колчака.

(Из того же дела, л. 7 Перевод.)

Временное правительство Северной России.

Архангельск, 1 июня 1919 г.
№ 853.

Г-ну М. Гияру, поверенному в делах Французской республики.

Господин поверенный в делах,

Временное правительство Северной области, приняв к сведению ноту от 29 мая, которую вы соблаговолили мне передать, поручило мне сообщить вам свои общие соображения по поводу предложений союзных и дружественных держав, касающихся условий, при которых эти державы были бы расположены следовать в отношении России политике, указанной в уведомлении, адресованном адмиралу Колчаку.

С истинным удовлетворением Временное правительство принимает к сведению декларацию, сделанную союзными и дружественными державами, относительно заявления, констатирующего, что эти последние убедились в невозможности установить мир внутри России путем сношений с советскими властями в Москве.

Временное правительство Северной области имело честь заявить 3 мая союзным и дружественным державам, что оно признало Омское правительство как правительство всей России, и следовательно, адмирала Колчака — временно как верховного главу государства. С глубокой верой в будущее Временное правительство приветствует в настоящее время предложения союзных и дружественных держав оказывать свою помощь правительству адмирала Колчака и тем, кто присоединяется к нему в борьбе против большевиков — помощь, имеющую целью дать ему возможность осуществить возможно скорее и с возможно меньшими жертвами установление его управления над всей территорией России.

Признание правительства адмирала Колчака союзными и дружественными державами в качестве правительства всей России, сделанное на основании заявлений адмирала Колчака, согласуется с желаниями всего населения России, могущего свободно выражать свою волю, и непосредственным последствием его явится укрепление его положения и приближение дня восстановления внутреннего мира во всей России, что является целью политики союзных и дружественных держав в России.

Не входя в рассмотрение подробностей условий, перечисленных в ноте от 29 мая, что потребовало бы более глубокого изучения и из коих некоторые требуют кое-каких разъяснений и дополнительного обсуждения, — Временное правительство тем не менее выражает свою радость, что в своих основных положениях условия эти совпадут с заявлениями адмирала Колчака, которые Временное правительство всецело разделяет, а именно:

временный характер правительства Колчака;

отсутствие всякого намерения восстановления старого режима в частности и установления какого бы то ни было окончательного строя, иначе как по воле народа, свободно выраженной Учредительным собранием;

созыв Национального учредительного собрания, избранного демократическими и свободными выборами, как только условия умиротворения страны позволят это, из уважения к демократическим принципам, которое одно будет правомочно рассматривать вопросы разных народностей, населяющих Россию, совместно с представителями этих последних.

Веря в помощь союзных и дружественных держав, Временное правительство Северной области не колеблется ни минуты объявить уже и сейчас, что единое правительство уже образовано и что к осуществлению единства в выполнении его функций, равно как к осуществлению единства командования имеются ныне только некоторые затруднения второстепенного характера — медленность и неуверенность сношений с Омском — затруднения, которые должны будут вскоре исчезнуть благодаря поддержке наших союзников с первых годов мировой войны.

Временное правительство Северной области никогда не сомневалось, что жертвы России, что миллионы человеческих жизней, которые она так обильно не щадила, в продолжение трех первых и самых грозных лет войны, что та значительная доля участия, которую она приняла в уничтожении вражеских сил, — не могли остаться тщетными и не признанными в минуту окончательной победы и что правительство, которое Россия себе временно сама дала — правительство — единое, правительство всероссийское — будет признано таковым союзными и дружественными державами. Примите и пр.

Управляющий отделом иностранных дел
генерального штаба генерал-лейтенант (подпись) Е. Миллер.

№ 4. Телеграмма в Париж с проектом ответа «союзникам» на ноту Колчаку.

(Из того же дела, л. 10).

29 мая французский поверенный в делах передал мне сообщение с текстом сообщения г. Клемансо от имени совета союзных держав к адмиралу Колчаку об условиях, на которых будет ими оказана помощь в борьбе с большевиками всероссийскому и присоединившимся к нему областным правительствам.

Ультимативный тон обращения и включения некоторых явно неприемлемых условий, по мнению Временного правительства Северной области и согласно впечатлениям от моих разговоров с представителями держав, следует приписать внутренним политическим затруднениям самих западно-европейских держав и необходимостью считаться с требованиями крайних левых партий, поддерживающих большевиков. Можно надеяться однако, что путем переговоров и разъяснений удастся без труда редактировать условия в приемлемой для обеих сторон форме. Самое же существо послания и факт обращения к адмиралу Колчаку свидетельствуют о решительном повороте в политике мирной конференции, отказе ее от попыток соглашения с большевиками и желании признать всероссийское правительство.

Воздерживаясь до сношения с вами изложить свой ответ по всем пунктам условий, Временное правительство сочло долгом в интересах России ответить тотчас же приветствием на новый курс политики мирной конференции.

Текст ответной ноты посылаю.

По существу положений, ответ на которые ожидается от всероссийского правительства, Временное правительство считает долгом высказать вам свои соображения:

1. Пункт первый — приурочивать созыв Учредительного собрания к моменту достижения Москвы нельзя, ибо возможность правильных свободных выборов во всей России зависит не от изгнания большевиков из Москвы только, а от освобождения от большевистской власти всей территории России — от Белого до Черного моря.

Если желательно дать державам согласия гарантию в искренности намерения созвать Учредительное собрание, как только условия умиротворения позволят, то этого можно достигнуть скорейшим опубликованием закона о выборах в Учредительное собрание, но отнюдь не обещанием созвать Учредительное собрание состава 1917 г., что невозможно по следующим причинам: п е р в о е, состав его с переходом группы Чернова на сторону большевиков и избиением многих антибольшевиков изменился в сторону советской власти, следовательно, изгнав большевиков силой, мы тотчас же добровольно передадим им власть снова сами; в т о р о е, это приведет державы к соглашению с большевиками, что противоречит основному положению новой политики держав; т р е т ь е, это неминуемо приведет к ослаблению сил, следующих ныне за адмиралом Колчаком, ибо бесцельность всех усилий и жертв всякому будет ясна и вызовет искусственно новые репрессии большевиков против остатков Учредительного собрания. Ч е т в е р т о е, приведет к новой гражданской войне.

Кроме того созыв неосуществим, ибо во многих губерниях уничтожено все выборное производство. Это условие — очевидно недоразумение, основанное на незнании состава собрания 1917 г.

По пункту 4 и 5 за исключением уже признанной независимости Польши все остальные вопросы границ и независимости отдельных народностей являются вопросами внутренней политики, а потому решение их принадлежит Учредительному собранию или власти, им поставленной, а не Лиге народов, созданной для решения международных вопросов (з а ч е р к н у т о в о р и г и н а л е: Кроме того малое знание истории Русского государства и взаимоотношений населяющих его племен в связи с малообоснованным ходатайством часто самозванных политических депутаций создало бы весьма трудные условия для работы Лиги народов, и вручение ей при таких обстоятельствах решений жизненных вопросов России было бы скачком втемную).

Купить поддержку союзников ценой риска расчленения России и возвращения ее после отторжения Эстляндии, Латвии, Литвы, Кавказа, Средней Азии и части Бессарабии почти к границам допетровского времени неприемлемо и не вызывается необходимостью. Заявления русского совещания в Париже по этим вопросам дают максимум уступок, которые, по условиям обстановки, можно и вероятно нужно будет сделать.

По пункту 6 принципиально неприемлемо покушение мирной конференции на части территории Русского государства, ибо Россия была союзником, а не врагом.

Выражение «румынские части Бессарабии» непонятно.

По пункту 8 долги могут лечь на Россию постольку, поскольку Русское государство сократит свою территорию и население по сравнению с положением до войны.

Пункты 2, 3 и 7 возражений не встречают. По сведениям из авторитетных источников продолжение содействия со стороны англичан нам обеспечено во всяком случае.

№ 5. Ответ Колчака на ноту о признании.[1]

Правительство, во главе которого я стою, счастливо узнать, что политика союзных и объединенных держав по отношению к России находится в полном согласии с задачами, выполнение которых русское правительство взяло на себя. Это правительство озабочено в первую очередь восстановлением мира в стране и обеспечением русскому народу права свободно решить свою собственную судьбу при помощи Учредительного собрания.

Я высоко ценю интерес, проявленный державами по отношению к национальному движению, и считаю вполне законным желание выяснить политические убеждения, которыми мы руководимся. Я готов снова подтвердить мое прежнее заявление, которое я всегда считал неизменным.

1. 18 ноября 1918 г. я взял власть, которую я сохраню ни на один день дольше, чем этого требуют интересы страны. Моей первой задачей после полного разгрома большевиков будет — определить срок выборов в Учредительное собрание. Сейчас уже работает комиссия по подготовке выборов на основе всеобщего избирательного права. Считая себя ответственным перед этим Учредительным собранием, я передам ему власть, дабы оно могло выбрать форму управления. В согласии с этим я принял присягу перед Верховным русским сенатом (Supreme Russian Tribunal), стражем закона. Все мои усилия направлены к тому, чтобы скорее окончить гражданскую войну, разгромить большевизм, дабы предоставить русскому народу свободно высказать свое желание. Каждая затяжка этой борьбы лишь откладывает выполнение этого.

Однако правительство не считает себя достаточно правомочным подменить неотчужденное право свободных и законных выборов восстановлением Учредительного собрания 1917 г., которое было избрано при режиме большевистского насилия и большинство членов которого сейчас в советских рядах.

Может быть только законно избранным Учредительное собрание, для скорейшего созыва которого мое правительство приняло все зависящие от него меры. Этому Учредительному собранию будет принадлежать высшее право решить все вопросы Русского государства как внутреннего, так и внешнего порядка.

2. Мы с радостью готовы обсудить с державами все международные вопросы, заботясь о свободном и мирном развитии народов, сокращении вооружений и всех других мероприятиях, направленных против новых войн, мероприятиях, высшим воплощением которых является Лига наций.

Однако русское правительство считает необходимым подчеркнуть, что окончательное утверждение всех решений, предпринятых от имени России, будет принадлежать Учредительному собранию. Россия сейчас и в будущем может быть только демократической страной, в которой все вопросы, включая территориальные изменения границ и международные отношения, могут быть ратифицированы представительным учреждением, которое является естественным выражением верховной воли народа.

3. Считая образование единого польского государства одним из главных и естественных последствий мировой войны, правительство считает себя в праве подтвердить независимость Польши, объявленную Временным правительством в 1917 г., все законы и обещания которого мы принимаем на себя. Но окончательное утверждение границ между Польшей и Россией в согласии с вышеуказанными принципами должно быть отложено до созыва Учредительного собрания. Мы готовы немедленно признать de facto правительство Финляндии, но окончательное решение финского вопроса должно принадлежать также Учредительному собранию.

4. Мы склонны сейчас же подготовить решение вопроса о судьбе национальных групп в Эстонии, Латвии, Литве и в кавказских и закаспийских странах и мы имеем все основания полагать, что правительство быстро выработает меры для обеспечения в настоящее время права автономии всем различным национальностям. Вполне понятно, что границы и условия создания национальных образований будут разрешены конкретно в каждом отдельном случае.

[1] «Russian-American Relations», p. 342.

В случае возникновения каких-либо трудностей при решении этих вопросов правительство готово прибегнуть к сотрудничеству Лиги наций в деле достижения удовлетворительного разрешения.

5. Вышеуказанные принципы, включая ратификацию соглашения Учредительным собранием, естественно, относятся и к бессарабскому вопросу.

6. Русское правительство снова подтверждает свое заявление от 27 ноября 1918 г., которым оно приняло на себя все государственные долги России.

7. Что касается внутренней политики, которая может интересовать державы постольку, поскольку она отражает политические тенденции русского правительства, я снова утверждаю, что не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г. Предварительные решения, принятые моим правительством по аграрному вопросу, имеют своей целью удовлетворить интересы громадной массы населения и основываются на убеждении, что Россия может процветать и расти только при условии, что миллионы русских крестьян будут обеспечены земельной собственностью.

В освобождаемых местностях правительство, не препятствуя свободному выбору местных самоуправлений и земств, считает, что развитие этих органов, как и развитие самого принципа самоуправления, является необходимым условием для реорганизации страны, и поэтому правительство оказывает им всяческое содействие.

8. Ставя перед собой задачу восстановить порядок и правосудие и обеспечить личную неприкосновенность угнетенному населению, уставшему от насилий и беззакония, правительство подтверждает равенство перед законом всех классов и всех граждан без каких-либо привилегий. Все, без различия происхождения или религии, будут пользоваться равной защитой государства и закона.

Правительство, во главе которого я стою, направляет все свои силы и ресурсы к достижению задач, которые оно поставило перед собой в этот решительный момент. Я говорю от имени всей России. Я уверен, что после разгрома большевизма все вопросы, которые одинаково затрагивают все народности, чье существование зависит от существования России, найдут удовлетворительное разрешение.

Колчак.

№ 6. Ответ Колчаку.[1]

Союзные и объединенные державы подтверждают получение ответа Колчака на их ноту от 26 мая. Они приветствуют тон этого ответа, который, по их мнению, находится в достаточном согласии с предложениями, ими сделанными, и содержит удовлетворительные гарантии свободы, самоуправления и мира для русского народа и его соседей. Они поэтому согласны дать адмиралу Колчаку и поддерживающим его помощь, обещанную в их предыдущем письме.

12 Июня 1919 г.

Ллойд-Джордж
Вудро Вильсон
Г. Клемансо
Н. Маркино

№ 7. О состоянии Северной области — докладная записка Совпрофа.

(АОР, ф. IV, д. № 37. Выписки из дела «Земско-городского совещания Северной области». Журналы заседаний и протоколы, листы 13—18.)

Архангельский совет профессиональных союзов.
№ 425.

г. Архангельск.
[Между 10 — 15 августа] 1919 г.

Земско-городскому совещанию.

Милостивые государи.

Совет профессиональных союзов создавшейся политической конъюнктурой лишен возможности участвовать через своих представителей, как равноправных членов этого совещания, в ваших работах; тем не менее он считает необходимым изложить свой взгляд на существующее в области положение и представить свои соображения на возможный выход из этого положения.

[1] Army, The Evacuation of North Russia 1919, London 1920, p. 41.

Область переживает исторический момент, может быть наиболее ответственный, чем когда-либо: шквал анархии, как реальная угроза мирной культурной жизни, новые большие жертвы ожесточенной гражданской войны, — вот перспектива, отчетливо представляющаяся нашему пониманию. Поэтому естественно, что главной и основной задачей всей демократии Севера должно быть применение всего умения и такта к предотвращению грядущей анархии и взаимоистребления.

Двухлетняя история нашей революции и последний год в жизни Северной области дают обильный материал, чтобы на основании его делать те или другие выводы о том, как должна направляться государственная внутренняя и внешняя политика.

Два года тому назад, казалось, для области началась новая жизнь: революционный народ, после свержения царизма, переживал медовый месяц свободы; но, окунувшись в бесшабашном разгуле большевизма, народ сознательной его силой не нашел золотой середины для своего поведения, и потому с оружием в руках он изгнал того, кого почитал не отвечающим исконным требованиям свободного строя, кто в разгуле неудержимых страстей попирал права человека, гражданина, уничтожал свободу слова, печати, неприкосновенность личности, жилища и т. д. К сожалению, некоторые круги русского общества, для которых глухи самые суровые уроки истории, с первых же дней попытались подорвать авторитет власти; они, тая злобу к народу, вынашивая в себе сокровенные чаяния черной реакции, добивались изменения власти, и наконец она была преобразована.

Власть, которая взяла на себя управление областью, оказалась неспособной понять политическую обстановку — она подходила к созданию области старыми, испытанными во времена царизма, методами. Установилась невероятная политическая нетерпимость. Люди, активно боровшиеся с большевизмом, и те, которые путем горького опыта пришли к пониманию государственности, были без всякого разбора взяты под подозрение: по простым доносам черносотенцев бросались в тюрьмы, и над ними творилась расправа путем заточения на Мудьюге. Трудно удержаться, не указав несколькими словами на эти образцы худшего применения средневековой инквизиции на Мудьюге. Люди, названные военнопленными, доводились до крайних пределов голода; как голодные псы, бросались, хватая обглоданные администрацией тюрьмы кости, вперед зная, что они будут стоить побоев прикладами, карцера и т. д. Организм заточенных был доведен от голода до состояния, когда незначительное дуновение ветра валило их с ног, что почиталось симуляцией, и потому на несчастных снова сыпались побои. Естественно, что в такой обстановке создавалась почва для всяких заболеваний, сначала частичных, впоследствии перешедших в эпидемии. Больница была, но эта больница представляла из себя мертвый дом. Температура в этом доме стояла ниже 0 на 12°. Каждый больной, которого туда клали, обрекался на верную и неминуемую смерть; тяжело больные, которых выносили в бессознательном состоянии из общего барака, отмораживали конечности и замерзали. Наконец на Мудьюге началась эпидемия сыпного тифа, как это ни странно, принесшая для некоторых заточенных освобождение. Сыпнотифозные заболевали и умирали в общих бараках, создавая кошмарную обстановку: целые ночи в общих переполненных бараках, где на все здание горела маленькая керосиновая лампочка, раздавались стоны умирающих, перемешиваясь со смехом, плачем, расхаживанием и жестикуляцией находившихся в бреду больных. Тиф из Мудьюги был перенесен в город, и только здесь раскрыли первоисточник и обратили внимание на ужасное состояние больных. Из заточенных на Мудьюге более 50% расстались с жизнью, многие сошли с ума. Теперь известно, что некоторые из оставшихся в живых освобождены и о них прекращено дело, другие выпущены под поручительство или под залог. Сказанное не характеризует систему управления — это только преступные действия власти, но это с поразительной правдивостью показывает, как смотрели на человека-гражданина, как относились и во что ставили личность его.

Систему управления можно проследить рядом других фактов, которые в конечном смысле создают одно целое представление, а именно:

1. Свободы печати в области не существовало: цензура не только военная, но небывалая политическая, душила всякое свободное слово. В частности для рабочего органа, журнала «Рабочий Севера», была создана исключительная цензура: цензор был не только цензором, но в буквальном смысле редактором; выбрасывая одни места, изменяя другие, он пытался вставлять в отдельные статьи совершенно другие понимания. Дошло до того, что в рабочем органе запретили помещать и перепечатывать заметки и статьи, пропущенные тем же цензором во всех других газетах.

2. Отношение к рабочим организациям создалось такое же, как к рабочей печати. Собрания разрешались с трудом, при непременном участии чина милиции. Заводские комитеты часто разгонялись распоряжением агентов власти, в некоторых из них реквизи-

рованы пишущие машины, в других набегами милиции отняты печати, бланки и т. п. Характерно отметить, что даже управляющий отделом внутренних дел и губернский комиссар не знали, что эти заводские комитеты существуют на основании постановления Всероссийского временного правительства от 23 апреля 1917 г., и полагали, что это большевистские учреждения. Отдельным заводским комитетам не даются и по настоящее время разрешения на созыв собраний, для этого требуются печати профессионального союза, что не только противоречит указанному постановлению правительства, но и стоит в противоречии с положением о профессиональных союзах.

Отдельные ответственные работники профессиональных союзов подвергались гонениям: в частности, секретарь совета был приглашен начальником милиции, который по предложению губернского комиссара объявил, что работа секретаря в совете считается вредной, и предложил сделать надлежащие выводы, указав, что в противном случае пребывание его в пределах Северной области будет признано недопустимым.

В области урегулирования взаимоотношений между работодателями и рабочими ничего не сделано, если не считать одного распоряжения о запрещении стачек, фактически направленного только против рабочих. Отсутствием государственного вмешательства и разгулом предпринимателей обострено взаимоотношение и недовольство доведено до крайних пределов. На казенных заводах отсутствует принцип законности и права и существует излюбленное — «чего моя нога захочет». Управление торгового мореплавания и портов без всякого основания отказалось продолжать коллективный договор и сверх того, несмотря на вздорожание жизни, произвольно уменьшило на 50 руб. в месяц содержание тех рабочих, у которых был заключен коллективный договор; на требование заинтересованных профессиональных союзов и предложение совета о созыве согласительной комиссии управление ответило отказом, а правительство, к которому совет отнесся с запросом от 30 июля с. г. за № 312, указать, к какому органу власти или отдельному агенту надлежит обратиться для немедленного созыва примирительной камеры, до сего дня не дало ответа, и таким образом рабочие организации был лишены возможности, законно действуя, удовлетворить свои требования. Трудящиеся в лучшем случае могли во имя государственности терпеть ограничения, но последние однако были доведены до последнего предела.

3. Идея местного самоуправления, единственных ячеек, освещенных всеобщим избранием, властью не оценена и не понята: гласные городской думы взяты огулом под подозрение, и это подозрение выливалось даже в мелочах — им было отказано в выдаче ночных пропусков; больше того, арестовывались неоднократно отдельные гласные уездных и волостных земств и члены этих управ, а гласный думы Петров за речь, произнесенную на заседании думы, административным порядком заключен в тюрьму только за указание на то, что ходят слухи, якобы солдаты, недовольные сложившейся политикой, переходят на сторону большевиков. Таким образом власть террором пыталась заставить замолчать общественных работников, чутко прислушивающихся к окружающему и обязанных своим избранием перед избирателями говорить правду. Для того, чтобы дискредитировать и подорвать самоуправление, правительство параллельно с ним заводит новые дела, по компетенции принадлежащие первому, учреждает отделы и должности врачебного и ветеринарного инспектора, дорожных инженеров, специалистов по животноводству, луговодству и даже надзирателей над огородами, приглашая лиц, общественно не могущих с пользою приложить свой труд на ниве народной. Правительство бесцеремонно устанавливает контроль над самоуправлением, не только за законность их действий, как это предусматривает наметившаяся конституция и отражено в законе, но также за целесообразностью; наконец доходит до высшей смелости, пытаясь интригами устранить из них неугодных работников.

4. Нормального правосудия, которому можно было бы доверить судьбу, с надеждой, что не будет расправы, в области не существует. Выборность судей отменена. На должности судей назначаются чиновники, которым последним постановлением о всесословном волостном суде предоставляется право широкого произвола, и таким образом значение выборности даже этих судов сводится к нулю. На высшие судебные должности поставлены лица, вышедшие из школы царизма, не получившие вотума доверия от выборных представителей народа, и до сего времени судебное ведомство не охватило духа времени. Достаточно указать, что даже окружный суд при регистрации уставов профессиональных союзов больше руководствуется реакционными соображениями, чем пониманием нового законодательства и часто игнорирует закон. При регистрации уставов как профессиональных союзов, так и кооперативов суд рассматривает их с точки зрения целесообразности, что не входит в его компетенцию и на что он лишен законом права. Нужно отметить, что при

регистрации уставов профессиональных союзов вычеркивается все, что указывает на классовую точку зрения рабочих, видимо исходя из предположения возможности этим путем уничтожить классовую борьбу, вычеркиваются стачечные фонды и т. п.

Внесудебные аресты имеют грандиозные размеры. Арестовываются крестьяне, рабочие и просто обыватели по поводу и без повода. Люди в большинстве случаев страдают безвинно. Нельзя не отметить последние аресты крестьян Рикасовской волости, которые, просидев в тюрьме от 1 до 6 недель, исполняя принудительные работы, наконец были освобождены и о них дело следствием было прекращено. Военные суды по своему составу не внушают доверия и выносят кучами смертные приговоры.

Ограничиваясь изложенным, совет профессиональных союзов устанавливает, что у правительства Северной области была ясно выраженная реакционная система управления, а не то, как это полагают некоторые оппортунисты, утверждающие, что все это лишь действия отдельных агентов власти, не связанные в систему. Совет считает, что власть, установившая систему, приведшую край к разложению, повинна за те жертвы, которые до сего времени напрасно положены на алтарь гражданской войны. В результате этой же системы ослабла северная армия, потерявшая веру в конечный исход схватки, и исчезла бодрость народа. Власть воспользовалась войсками, присланными сюда для укрепления позиций поднявшей голову реакции. Большевики воспользовались реакцией в области и способствовали побуждению западной демократии принять шаги к ограждению прав области; если бы не это, сегодня вы вероятно еще не заседали бы здесь и мы вам не могли бы излагать своего взгляда. В силу таких логически вытекающих из действительности выводов мы устанавливаем систему «последней ставки реакции», она бита, с властью у нас повторилось то, что наблюдается во все времена истории, когда власть не опирается на народ — она только тогда апеллирует к народу и общественности, когда ей приходится слишком туго, и как только минует необходимость, вновь затягивается петля вокруг шеи общественности, душится печать, свободное слово, попираются права личности гражданина и т. д.

Однако область в опасности. Она стоит перед новым, может быть небывалым, шквалом анархии, и демократия, на своих плечах обязанная вынести это бремя, должна напрячь волю и развить энергию, чтобы шквал предотвратить.

Мы полагаем, что одной из первейших задач должно быть по возможности скорое прекращение гражданской войны. Однако этим мы не хотим сказать, что целесообразно было бы сейчас немедленно воткнуть штык в землю; нет, это было бы безумие, точно такое же, как говорить о походе на Москву и одновременно разрабатывать план эвакуации на Мурман. По нашему убеждению гражданская война будет прекращена тогда, когда все без исключения, от большевика и генерала до крестьянина и рабочего, будут ясно понимать, что спасение заключается в народовластии, и когда Северная область твердо, бесповоротно станет на этот путь, без робких оглядываний по сторонам твердо будет следовать этим путем.

В Северной области отныне не должно быть правительства, не опирающегося на доверие народа, правительства безответственного, случайного. Власть же, сильную доверием и жизнеспособную, нельзя создать персональными переменами, не изменив самой системы построения ее, что пытаются делать в настоящее время.

В силу вышеизложенного мы считаем, что основной задачей земского и городского совещания должно быть:

1. Немедленный созыв областного учредительного собрания, для чего необходимо образовать особую комиссию из среды совещания, состав которой пополнить представителями других общественных организаций, и поручить этой комиссии в точно установленный срок разработку положения о выборах и проведении избирательной работы. Для членов комиссии должны быть даны гарантии свободного доступа во все уголки области, еще не занятые большевиками, и гарантирована абсолютная неприкосновенность личности.

2. До созыва Учредительного собрания земско-городское совещание немедленно должно принять на себя функции законодательной власти и сконструирования нового временного, по вполне демократического правительства.

Для того чтобы можно было немедленно и успешно вести активную борьбу с надвигающейся анархией, земско-городскому совещанию необходимо:

1. Снять с общества, и в частности с рабочих ярмо подозрения в большевизме, немедленно дать свободу собраний, союзов, коалиций, стачек, слова и печати, гарантировать неприкосновенность личности и жилищ, отменить всякую политическую цензуру. Только это может гарантировать успешную и целесообразную борьбу с реакцией слева и справа.

2. Гарантировать свободу выезда и въезда для представителей рабочих организаций из пределов области и за границу, дабы можно было координировать действия с рабочими других окраин и установить взаимоотношения других стран. Мы убеждены, что гражданская война может быть прекращена не иначе и только при дружной поддержке и общих напряженных усилиях демократии, как Запада, так и России.

3. Политические заключенные должны быть амнистированы: это будет первое удовлетворение демократии и прогрессивному обществу, не доверяющему существующему правосудию, все лица, арестованные за подозрение и к которым в течение 2 недель не предъявлены обвинительные акты, должны быть немедленно освобождены. В частности мы считаем необходимым, чтобы агенты власти, морившие заключенных на Мудьюге, арестовавшие членов онежской уездной земской управы и крестьян Рикасовской волости, были немедленно привлечены к законной ответственности. Внесудебные аресты должны быть немедленно прекращены.

4. Немедленно должны быть восстановлены права местных самоуправлений, коим и должна быть подчинена милиция и устранен какой бы то ни было надзор за целесообразность действий их. Лица, освященные всеобщим избранием — гласные, члены управ и др., не должны подвергаться каким бы то ни было административным взысканиям, арестам и т. д.: они могут быть только ответственны перед судом присяжных, судом общественной совести.

5. Необходимо немедленно восстановить выборность судей и остановить приведение в действие выработанного министерством юстиции Положения о всесословных волостных судах, как безусловно антидемократическое и безусловно вредное, с точки зрения нормального отправления правосудия, явление.

6. В вопросах рабочей политики мы считаем необходимым немедленное введение в действие всех постановлений Всероссийского временного правительства, невмешательство администрации в дела рабочих организаций и гарантировать их от произвола предпринимателей. Необходимо немедленно признать, что инспекция труда, действующая на основании законов, должна быть выборной, к осуществлению чего и необходимо немедленно приступить.

7. Надлежит немедленно остановить приведение в исполнение смертных приговоров, выносимых военными судами. За последнее время умерщвление граждан, насколько можно было установить даже по случайным правительственным сообщениям и свидетельству лиц, вышедших из тюрьмы, приняло громадные размеры.

Мы убеждены, что вы, граждане, члены совещания, верные долгу всеобщего избрания, с достаточным вниманием отнесетесь к нашему заявлению. Вы учтете, что ныне переживаемый момент требует решительных и прямолинейных действий, а не слов. Помните, что предотвращение шквала анархии и сохранение остатков экономических богатств зависит исключительно от действий, согласованных с волею народного большинства. Мы думаем, что земско-городское совещание не станет на точку зрения оппортунистов и не станет неудачно подражать немецкому национальному собранию 1848 г., ставившему главнейшей задачей соглашение с властью — такой путь толкнет область в объятия большевизма, которая окажется широкою ареной для разгула анархии.

Подлинное подписали:

Председатель совета, члены Исполнительного комитета совета и члены правления профессиональных союзов и и. д. секретаря совета.

С подлинным верно:

Секретарь земско-городского совещания Северной области (подпись).

Лист 18.

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

Мы, нижеподписавшиеся, просим поставить в спешном порядке на повестку дня запрос управляющего отделом внутренних дел о расставленных якобы в некоторых частях города пулеметах и о нарушении властью обещания, данного собранию председателей профессиональных союзов о непосылке в означенное закрытое собрание представителей милиции.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Секретарь.

КРАТКИЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В

Г

Д

Е

З

Ж

И

К

ОГЛАВЛЕНИЕ.

